Чистовичъ И.
Психологія
СПБ 1889

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/kursopytnoipsikh01chis

Дар на конк
В. И. Чистович

КУРСЪ

ОПЫТНОЙ ПСИХОЛОГІИ.

И. Чистовича.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Департамента Удѣловъ, Моховая, № 36.
1889.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, Сентября 21 дня 1889 года.

Цензоръ Архимандритъ Тихонъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе въ психологію.

Стр.
Понятіе о психологіи 1
Предметъ психологіи . . . . . —
Задача психологіи 2
Источники психологическихъ свѣдѣній 3
Раздѣленіе психологіи 9

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

I. Сознаніе и самосознаніе.

Понятіе о сознаніи 10
Содержаніе и объемъ сознанія 11
Степени ясности и силы сознанія 12
Самосознаніе и внутреннее чувство 13

II. Ощущенія.

Понятіе объ ощущеніяхъ 19
Происхожденіе ощущеній 23
Составные элементы и процессъ ощущенія . . . . . —
Содержаніе, сила и тонъ ощущеній 25
Мѣра ощущеній 26

III. Свобода и характеръ.

Стр.
Понятіе о свободѣ. Естественная и нравственная свобода. 136
Характеръ. Естественный и нравственный характеръ 141
Область естественнаго характера. Страсти 143
Область нравственнаго характера 151

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТДѢЛЪ.

Сердце и чувствованія.

I. О чувствованіяхъ вообще и объ отношеніи ихъ къ прочимъ явленіямъ сознанія.

Понятіе о чувствованіяхъ 154
Образованіе чувствованій 155
Множество и разнообразіе чувствованій 156
Взаимное отношеніе между чувствованіями и умственнымъ и нравственнымъ образованіемъ человѣка 159
Зависимость чувствованій отъ органической жизни тѣла 162
Различіе между чувствованіями и ощущеніями 163
Раздѣленіе чувствованій 164

II. Формальныя чувствованія.

Чувствованія спокойнаго или возмущаемаго теченія представленій . . . —
Чувство ожиданія и его различные виды. 165
Чувствованія перемѣны, новости, удивленія, странности 166
Чувство скуки 168

III. Предметныя чувствованія.

Умственныя чувствованія 169
Эстетическія чувствованія 170
Нравственныя чувствованія 175
Религіозныя чувствованія 177
Самочувствіе 178
Сочувствіе (симпатическія чувствованія) 180

IV. Душевныя настроенія и аффекты.

Душевныя настроенія. 183
Душевныя волненія или аффекты. 184
Аффекты и страсти 185

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

Природа человѣческой души и связь ея съ тѣломъ.

I. Душа.

Душа, какъ основа явленій душевной жизни 187
Понятіе о духѣ 190

II. Душа и тѣло.

Противоположность души и тѣла 192
Взаимнодѣйствіе между душею и тѣломъ 197
Человѣкъ и животныя 203

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

Состоянія и видоизмѣненія душевной жизни, зависящія отъ связи души съ тѣломъ.

Сонъ и бодрствованіе 209
Природное расположеніе 219
Темпераментъ 224
Полъ 231
Возрасты 235
Дѣтство: 1) Младенчество . . . . . —
2) Второе дѣтство и отрочество 240
Юность 247
Зрѣлый возрастъ 248
Старость 249

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ПСИХОЛОГІЮ.

Понятіе о психологіи. Опытная психологія есть наука о душѣ человѣческой, какъ реальномъ основаніи духовной жизни человѣка.

Названіе *Психологія* принадлежитъ новому времени. Греки надписывали свои психологическія сочиненія: περὶ τῆς ψυχῆς, Латиняне или Римляне: de anima. Другія названія психологіи суть: *психическая антропологія*, *естественное ученіе о человѣческой душѣ*, *феноменологія духа*, *исторія души*, *психологія, какъ естественная наука.*

Предметъ психологіи. Жизнь души человѣческой проявляется въ дѣятельности и потому непосредственный предметъ опытной психологіи составляютъ *явленія* душевной жизни, открывающіяся въ самосознаніи и наблюдаемыя внутреннимъ чувствомъ. Въ этомъ смыслѣ явленія душевной жизни называются фактами самосознанія.

Душевныя явленія обнимаютъ одинъ классъ явленій человѣческой жизни; другой классъ составляютъ явленія тѣлесной жизни или *физіологическія.* Тѣ и другія различаются между собою какъ по существу, такъ и по способамъ наблюденія и познанія ихъ. По существу своему физіологическія явленія повсюду суть явленія количественныя и количественно измѣряемыя, пространственныя, экстенсивныя; душевныя же явленія суть повсюду явленія качественныя, качественно измѣряемыя, интенсивныя и развивающіяся только во времени. Ощущенія свѣта и звука внѣшнимъ образомъ зависятъ отъ волнообразныхъ движеній свѣтоваго эѳира и сотрясеній воздуха; но тѣ же ощущенія, какъ внутреннія состоянія, не заключаютъ въ себѣ ничего похожаго на колебанія эѳира и сотрясенія воздуха. Ощущенія вкуса и запаха физіологически зависятъ отъ химическаго растворенія питательныхъ и пахучихъ веществъ въ слизи рта и носа; но тѣ же ощущенія, какъ внутреннія состоянія, совершенно просты и не представляютъ

никакого слѣда атомовъ и дробленія. Органы, въ которыхъ совершаются физіологическіе процессы, имѣютъ опредѣленную величину, занимаютъ опредѣленное пространство, равно какъ и самые процессы совершаются въ опредѣленномъ пространствѣ; но внутреннія явленія — мысль, чувство, желаніе, сознаніе, совѣсть, вѣра—не имѣютъ пространственнаго положенія и не могутъ быть пространственно измѣряемы. Внутренніе процессы представляютъ рядъ состояній и перемѣнъ, которыя развиваются и смѣняютъ другъ друга только во времени. Хотя онѣ кажутся заключенными въ пространствѣ, потому что душа въ своихъ дѣйствіяхъ и состояніяхъ, вообще въ своей жизни, является соединенною съ опредѣленнымъ тѣломъ, которое есть пространственная величина: но, какъ факты внутренняго опыта, они никакъ не могутъ быть представляемы какъ пространственныя величины.—По способу наблюденія и познанія физіологическія явленія составляютъ предметъ внѣшняго наблюденія и внѣшняго опыта; душевныя—предметъ внутренняго опыта. Непосредственно, внутреннимъ образомъ, мы не можемъ наблюдать въ себѣ ни дѣйствія пищевыхъ органовъ, ни процессовъ дыханія, пищеваренія, кровообращенія, выдѣленій и отдѣленій и проч., и то, что намъ извѣстно объ этихъ процессахъ и назначенныхъ для того органахъ, мы знаемъ по наблюденію внѣшними чувствами; напротивъ, всѣ явленія нашей душевной жизни—теченіе мыслей, движенія чувства, желанія и проч.—доступны нашему непосредственному наблюденію въ самосознаніи и потому суть факты внутренняго опыта или самосознанія.

Такимъ образомъ, при распредѣленіи матеріала познанія, образуемаго всею совокупностію явленій человѣческой жизни, между психологіею и физіологіею, та часть его, которая подлежитъ наблюденію только внѣшняго чувства и не освѣщается непосредственнымъ сознаніемъ, должна быть отнесена къ физіологіи (и къ сроднымъ съ нею по предмету наукамъ о человѣкѣ); но та, которая составляетъ область внутренняго чувства или освѣщается непосредственнымъ сознаніемъ, принадлежитъ психологіи. Впрочемъ, сознаніе, служа характеристическою чертою, существенно отличающею явленія душевной жизни отъ всѣхъ явленій матеріальной природы и въ человѣческой жизни ближайшимъ образомъ отъ тѣлесныхъ явленій, составляетъ *формальное* обособленіе духа отъ тѣла или обособленіе душевныхъ явленій отъ физіологическихъ *только* для нашего познанія. Гдѣ въ дѣйствительности, *реально*, оканчиваются независимыя отъ духа органическія отправленія и начинается собственно область духа—мы не знаемъ; только, основываясь на тѣсной связи между ними, полагаемъ, что какъ духъ простираетъ свое вліяніе и туда, куда не простирается сознаніе, такъ и на оборотъ, тѣло незамѣтно для сознанія обнаруживаетъ вліяніе на душу и на ходъ сознательныхъ процессовъ. Равнымъ образомъ многія психическія состоянія и процессы зарождаются въ безсознательной дѣятельности души и только достигнувъ извѣстной степени силы становятся доступными для наблюденія внутренняго чувства.

Задача психологіи. Задача психологіи состоитъ въ томъ, чтобы: 1) съ возможною полнотою собрать, распредѣлить по родамъ и ви-

дамъ (классифицировать) и описать явленія душевной жизни (внутреннія состоянія и перемѣны, факты самосознанія); 2) найти и точно опредѣлить психическіе законы, управляющіе этими явленіями или ходомъ душевной жизни, и 3) на основаніи явленій и законовъ душевной жизни составить понятіе объ ихъ реальномъ основаніи—душѣ человѣческой.

Природа или сущность духа непосредственно недоступна для нашего наблюденія. Если бы мы могли непосредственно наблюдать самую природу духа, то не могло бы быть никакихъ разнорѣчій и споровъ о сущности духа, по крайней мѣрѣ эти разнорѣчія были бы устранены и спорные вопросы разрѣшены немедленно или не чрезъ долгое время послѣ того, какъ мысль и наука обратились къ изслѣдованію человѣческаго духа. Между тѣмъ природа духа, по самому устройству нашего существа, есть и навсегда останется для насъ тайною. Намъ доступны только явленія душевной жизни, по которымъ мы можемъ доходить до познанія законовъ, управляющихъ этою жизнію, и на основаніи этихъ изслѣдованій дѣлать заключенія о природѣ духа.

Источники психологическихъ свѣдѣній. Такъ какъ предметъ психологіи составляютъ явленія душевной жизни, открывающіяся намъ въ непосредственномъ сознаніи, то, слѣдовательно, непосредственное сознаніе и есть первый и существенно важный источникъ психологическаго познанія. Но какъ ни одна самая богатая единичная (индивидуальная) жизнь не исчерпываетъ всѣхъ явленій душевной жизни во всей ихъ полнотѣ и многосторонности, и какъ при наблюденіи одной жизни трудно было бы угадать, что составляетъ ея правильное, нормальное, проявленіе и что ненормальное, болѣзненное (патологическое), то очевидно, что невозможно изучить жизнь души, наблюдая ее у одного лица. Поэтому, къ самонаблюденію, какъ источнику нашего знанія о душѣ, должно присоединяться наблюденіе надъ другими людьми.

I. *Самонаблюденіе.* Наблюденіе душевной жизни должно начинаться въ насъ самихъ, потому что душевная жизнь другихъ людей открывается намъ только при помощи тѣлесныхъ знаковъ или тѣлодвиженій, преимущественно же посредствомъ словъ и дѣйствій; но всѣ эти внѣшнія явленія были-бы для насъ непонятными знаками чего-то неизвѣстнаго, чего мы не могли бы представить ни при какомъ описаніи или объясненіи, если бы не наблюдали ихъ въ самихъ себѣ. Какъ во внѣшней природѣ свойства вещей—цвѣтъ, запахъ и проч.—

становятся понятны для насъ только потому, что мы воспринимаемъ ихъ въ нашемъ собственномъ воззрѣніи, и человѣкъ, который не имѣлъ случая наблюдать ихъ, или отъ природы лишенъ чувства необходимаго для принятія отъ нихъ впечатлѣній, не можетъ представить себѣ ни цвѣтовъ, ни звуковъ и пр.: такъ точно состоянія и дѣйствія нашего духа познаются только собственнымъ внутреннимъ опытомъ и не могутъ быть понятны безъ наблюденія этихъ состояній въ насъ самихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какія бы представленія могли родиться въ насъ при словахъ: сознаніе, чувство, надежда, сомнѣніе, любовь, благоговѣніе, воодушевленіе и подоб., если бы мы напередъ не пріобрѣли знанія о нихъ изъ нашей собственной внутренней жизни, или не находились въ состояніи совершенно имъ подобномъ?

Предѣлы самонаблюденія. Но не все, происходящее въ душѣ, доступно нашему наблюденію. Область его совпадаетъ съ областію сознанія: мы можемъ наблюдать только то, что вошло въ сознаніе, что образовалось какъ фактъ душевной жизни; но все то, что остается за предѣлами этихъ образованій, выходитъ за предѣлы самонаблюденія. Такимъ образомъ для него недоступны: 1) первоначальное зарожденіе въ душѣ представленій, желаній, чувствованій, страстныхъ порывовъ и проч. Они являются въ сознаніи уже готовыми, какъ данные факты, а не какъ зарождающіяся въ нашемъ виду состоянія. 2) Равнымъ образомъ мы не видимъ въ сознаніи взаимнаго дѣйствія душевныхъ состояній, какимъ образомъ представленіе, напримѣръ, возбуждаетъ чувство, какъ чувство возбуждаетъ новыя мысли и новыя желанія, какъ вообще онѣ усиливаютъ и ослабляютъ другъ друга. Всѣ явленія душевной жизни проходятъ въ сознаніи отдѣльными фактами, которые рѣзко отличаются другъ отъ друга и имѣютъ только то общаго между собою, что суть факты *нашего* сознанія, явленія *нашей* душевной жизни. 3) Самонаблюденію недоступны силы, дѣйствующія въ душѣ, и степень собственнаго, независимаго участія ихъ въ каждомъ отдѣльномъ дѣйствіи. Одна-ли сила производитъ ощущенія, представленія, выражается въ желаніяхъ и волнуется въ чувствованіяхъ, или для каждой душевной дѣятельности есть своя особая сила? Столько-ли силъ въ душѣ, сколько явленій, или ихъ очень мало, или наконецъ одна сила производитъ всѣ явленія ду-

шевной жизни? Мы не можемъ уединить ни одной силы, чтобы опредѣлить собственную мѣру ея участія въ данномъ дѣйствіи, независимо отъ вліянія, какое на него имѣютъ предшествующія дѣйствія и состоянія. Съ первой поры жизни нами овладѣваютъ безчисленныя впечатлѣнія внѣшняго міра, и хотя, повидимому, быстро смѣняются одно другимъ, при всемъ томъ ни одно изъ нихъ не пропадаетъ безслѣдно для души; и какъ въ отдѣльности каждое изъ нихъ имѣетъ вліяніе на судьбу послѣдующаго, такъ всѣ въ совокупности, составляя пережитую часть жизни человѣка, имѣютъ вліяніе на дальнѣйшую исторію сознанія. Рѣшить, что въ этихъ позднѣйшихъ состояніяхъ сознанія принадлежитъ собственно силамъ человѣческаго духа и что вошло въ нихъ изъ пережитой жизни, было бы, конечно, весьма важно; но мы не можемъ уединить (изолировать) душевной силы изъ сложности всего ея образованія, чтобы посмотрѣть, что остается на долю самой дѣйствующей въ данный моментъ психической силы и что принадлежитъ дѣйствію постороннихъ вліяній. Факты сознанія недоступны ни для какихъ искуственныхъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ можно было бы выдѣлить изъ нихъ то, что произошло извнѣ и изолировать дѣйствующія въ нихъ душевныя силы, подобно тому какъ въ области внѣшней природы, посредствомъ научныхъ пріемовъ и аппаратовъ, уединяютъ тѣло, чтобы опредѣлить его собственную природу. Наконецъ 4) непосредственному сознанію и самонаблюденію недоступны постоянные законы душевной жизни, точно такъ же какъ наблюденію недоступны непосредственно и законы внѣшней природы. Все что мы наблюдаемъ, ограничивается одними явленіями или отдѣльными дѣйствіями; но внутренняя связь ихъ, какъ выраженіе управляющаго ими закона, отъ насъ сокрыта. Если мы подводимъ душевныя явленія подъ общіе законы, то дѣлаемъ это не по непосредственному наблюденію этихъ законовъ, но по требованію ума, сводящаго къ единству наблюдаемыя явленія. Умъ подмѣчаетъ между сложными и разрозненными явленіями общія черты и, соединяя ихъ въ однородные классы или группы, предполагаетъ для нихъ общій законъ; потомъ, соединяя по общимъ чертамъ разнородныя группы въ единство высшаго порядка, опредѣляетъ еще высшій законъ этого ихъ единства; и такъ далѣе, пока не отыщетъ и не

опредѣлить основныхъ законовъ душевной жизни и душевнаго образованія.

Трудности самонаблюденія. Впрочемъ и то, что доступно намъ, не легко дается наблюденію. Самонаблюденіе имѣетъ свои трудности, препятствующія его успѣхамъ. 1) Главная трудность заключается въ томъ, что душа въ одно и то же время должна быть и наблюдателемъ и предметомъ наблюденія, должна противопоставлять себѣ свое наблюдаемое состояніе, какъ внѣшній предметъ; но это невозможно безъ значительнаго напряженія души. 2) Другая трудность самонаблюденія заключается въ чрезвычайной быстротѣ, съ какою душевныя состоянія слѣдуютъ одно за другимъ и смѣняютъ одно другое, едва оставляя наблюдателю время, необходимое для того, чтобы обратить на нихъ вниманіе. Различныя мысли, желанія и чувствованія, постоянно смѣняются въ душѣ, и нужно большое вниманіе и сила воли, чтобы хотя на короткое время удержать стремленіе этого потока. 3) Душевныя состоянія развиваются тѣмъ свободнѣе, чѣмъ менѣе они стѣснены самонаблюденіемъ; напротивъ, стоитъ обратить вниманіе на ту или другую душевную дѣятельность, какъ она или прекратится мгновенно или измѣнитъ свой характеръ. Мы никогда не находимъ въ самонаблюденіи настоящаго, но всегда только прошлое, хотя самое послѣднее по времени, свѣжее и рѣзко отличающееся отъ всего остальнаго содержанія нашего сознанія. Въ этомъ отношеніи психологія не имѣетъ тѣхъ выгодъ, какими располагаютъ естественныя науки. Физикъ, напр., наблюдая свѣтъ посредствомъ стеклянной призмы, совершенно ничего не измѣняетъ въ предметѣ посредствомъ своего наблюденія; анатомъ, наблюдая вѣтвленіе нерва, также ничего не измѣняетъ ни въ его составѣ, ни въ положеніи; напротивъ, психологъ имѣетъ дѣло съ такими предметами, которые измѣняются если не въ качествѣ, то въ степени энергіи, вслѣдствіе одного только обращенія на нихъ наблюдающаго вниманія. 4) Самонаблюденія невозможно продолжать долго, потому что напряженіе скоро производитъ утомленіе. Наконецъ 5) самонаблюденіе встрѣчаетъ препятствіе для себя въ нашемъ самолюбіи, для котораго не всегда пріятно то, что есть, и которое поэтому старается выставить наши дѣйствія и побужденія въ лучшемъ свѣтѣ. Вслѣдствіе этого только немногіе люди

способны къ самонаблюденію. Тысячи людей живутъ и проживаютъ свою жизнь не заглядывая внутрь себя и имѣя самое ограниченное и часто невѣрное понятіе о душевныхъ силахъ и ихъ дѣйствіяхъ. Но упражненіе, при добромъ желаніи, облегчаетъ и устраняетъ многія трудности самонаблюденія и можетъ довести его до такого искусства, что никакое самое сильное напряженіе чувства не ускользнетъ отъ наблюденія. Въ этомъ отношеніи самонаблюденіе составляетъ превосходное и незамѣнимое средство для высшаго, какъ умственнаго, такъ и нравственнаго образованія. Оно помогаетъ намъ разбивать страсти, сдерживать и прекращать сердечные порывы или, по крайней мѣрѣ, дѣлать ихъ безвредными для души, пополнять воспитаніе чрезъ самообразованіе и мало-по-малу подчинять всѣ дѣйствія контролю нравственныхъ принциповъ. Но оно не принадлежитъ къ такимъ феноменамъ, которые въ теченіе жизни являются сами собой. Его можно назвать искусствомъ, пріобрѣтеніе и изученіе котораго соединено съ значительнымъ напряженіемъ воли и самообладаніемъ.

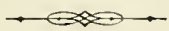
II. *Наблюденіе надъ другими людьми.* Но если бы кто въ изученіи человѣческой души ограничился только наблюденіемъ надъ самимъ собою и сталъ только по себѣ опредѣлять и изъяснять жизнь человѣческаго духа и его разнообразную дѣятельность, тотъ достигъ бы до результатовъ самыхъ неполныхъ и несовершенныхъ, потому что духовная жизнь человѣка, во всемъ разнообразіи ея состояній и сложности ея дѣйствій, никакъ не можетъ быть исчерпана въ одномъ какомъ либо лицѣ. Изучать безконечное богатство и разнообразіе формъ душевной жизни по наблюденію только собственной или какой бы то ни было одной жизни—тоже самое, что изучать безконечное разнообразіе формъ органической жизни по одному какому нибудь растенію. Напротивъ, какъ естествоиспытатель, желая изучить растительную жизнь, не ограничивается однимъ родомъ растеній и еще менѣе однимъ какимъ либо видомъ растенія, но подвергаетъ разсмотрѣнію все ихъ разнообразіе: точно такъ и психологъ не долженъ въ изученіи духовной жизни ограничиваться самимъ собою, или вообще какимъ нибудь однимъ лицомъ, но долженъ обращать свое наблюдательное вниманіе на всѣ доступныя его взору проявленія духовной жизни, не исключая никакого возраста, никакой степени образованія. Но

естествоиспытатель, изучая какой либо родъ или видъ растеній, долѣе и охотнѣе останавливается на тѣхъ экземплярахъ, которые преимущественно передъ другими отличаются богатствомъ жизни и полнѣйшимъ выраженіемъ художественной силы природы: такъ и наблюдатель духовной жизни съ особеннымъ вниманіемъ долженъ останавливаться на тѣхъ людяхъ, которыхъ природа отличила особенными дарами ума, энергіи и духовнаго творчества, равно какъ и на тѣхъ, которые достигли высшей степени развитія духовныхъ силъ—умственныхъ, нравственныхъ и эстетическихъ.

Трудности его. При наблюденіи надъ духовною жизнью другихъ людей также неизбѣжны своего рода трудности. 1) Мы рѣдко имѣемъ случай наблюдать ее въ состояніи естественной непринужденности и потому рѣдко можемъ дѣлать правильное заключеніе отъ проявленій ея, то есть отъ словъ, тѣлодвиженій, поступковъ, къ внутреннему состоянію и расположенію другихъ людей. Какъ скоро человѣкъ замѣчаетъ, что за нимъ наблюдаютъ, то онъ или теряется и ненамѣренно показываетъ себя не тѣмъ, чѣмъ онъ есть, или, если имѣетъ довольно самообладанія, сдерживается и во внѣшности обнаруживаетъ только то, что ему заблагоразсудится. Эта сдержанность въ отношеніи къ внѣшнему выраженію внутреннихъ состояній растетъ въ человѣкѣ вмѣстѣ съ образованіемъ, но главнымъ образомъ съ самообладаніемъ. Образованный человѣкъ имѣетъ болѣе власти надъ собою, чѣмъ необразованный; но постоянное упражненіи воли въ самообладаніи можетъ довесть это искусство до высокой степени развитія. 2) Мы не можемъ наблюдать душевнаго состоянія другихъ людей непосредственно, но заключаемъ о немъ посредствомъ внѣшнихъ знаковъ и выраженій: между тѣмъ всѣ эти знаки и выраженія болѣе или менѣе условны и неопредѣленны. Истолкованіе ихъ зависитъ собственно, отъ наблюдателя, но каждый наблюдатель понимаетъ и изъясняетъ ихъ по своимъ воззрѣніямъ и видамъ. Мы судимъ о всѣхъ по себѣ, видимъ себя во всѣхъ и приписываемъ такое внутреннее значеніе внѣшнимъ выраженіямъ душевной жизни другихъ людей, какое сами привыкли давать имъ. Впрочемъ эта трудность до нѣкоторой степени ослабляется нуждою, съ какою разнообразные интересы заставляютъ насъ стремиться къ тому, чтобы точно и без-

ошибочно опредѣлять, о чемъ другіе думаютъ, что чувствуютъ и на что направляютъ свои желанія. Поэтому мы привыкаемъ съ молодыхъ лѣтъ опредѣлять внутренній смыслъ знаковъ и наконецъ доводимъ это искусство до высокой степени развитія. Чѣмъ умнѣе и развитѣе человѣкъ, тѣмъ онъ способнѣе безошибочно опредѣлять внутреннее состояніе и расположеніе другихъ людей.

Раздѣленіе психологіи. Психологія, по существу ея задачи, дѣлится на двѣ части: первая имѣетъ предметомъ описаніе, классификацію *явленій* и опредѣленіе *законовъ* душевной жизни человѣка; вторая — изслѣдованіе *природы* человѣческой души, сколько можно заключать о ней по наблюденію явленій и изслѣдованію законовъ душевной жизни человѣка. Главные отдѣлы первой части: 1) ученіе о сознаніи; 2) объ ощущеніяхъ; 3) объ умѣ и умственной дѣятельности; 4) о волѣ и практической дѣятельности и 5) о сердцѣ и чувствованіяхъ. Главные отдѣлы второй части: 1) ученіе о природѣ человѣческой души и о связи ея съ тѣломъ и 2) о состояніяхъ души, зависящихъ отъ связи ея съ тѣломъ.



ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

I. Сознаніе.

Понятіе о сознаніи. Сознаніе составляетъ общую и основную форму нашей душевной жизни. Его нельзя производить изъ дѣятельности другихъ душевныхъ силъ—ощущенія, представленія, мышленія, желаній и чувствованій, потому что оно ни съ одною изъ нихъ не связано исключительно, но есть постоянный спутникъ всѣхъ психическихъ процессовъ. Но, съ другой стороны, нельзя представлять его и производителемъ душевныхъ состояній, потому что оно отъ себя ничего не привноситъ въ содержаніе душевной жизни, но только освѣщаетъ данныя уже явленія душевной жизни, дѣлая ихъ различимыми одно отъ другаго въ ихъ качественной опредѣленности.

О происхожденіи сознанія можно сказать только, что оно возникаетъ вмѣстѣ съ началомъ душевной жизни, подъ условіемъ взаимнодѣйствія души съ внѣшнимъ реальнымъ бытіемъ, и какъ въ своемъ развитіи идетъ параллельно съ душевною жизнію, такъ въ своемъ возбужденіи зависитъ отъ постояннаго притока внѣшнихъ впечатлѣній. Въ первое время жизни оно такъ же слабо, какъ незначительна вся душевная жизнь: потомъ, по мѣрѣ развитія послѣдней, увеличивается ясность сознанія и, наконецъ, достигаетъ болѣе или менѣе высокой степени.

Содержаніе и объемъ сознанія. *Содержаніе* сознанія составляютъ всѣ явленія душевной жизни—ощущенія, представленія, желанія, чувствованія, весь кругъ нашего внѣшняго и внутренняго опыта. *Объемъ* его въ данное время простирается на столько, на сколько простирается воспоминаніе, и можетъ быть очень великъ. Нѣтъ въ нашей жизни ни одного мгновенія, въ которое бы мы одновременно не имѣли и не сознавали различныхъ душевныхъ состояній, различныхъ ощущеній, представленій, желаній и чувствованій. Довольно указать на тотъ фактъ, что во время прогулки на свѣжемъ воздухѣ въ одно и то же время работаетъ умъ, наслаждается обоняніе, ведется или слышится разговоръ, заняты зрѣніе и осязаніе, въ то же время дѣлаются движенія и сознается то или другое настроеніе духа. Никто не станетъ утверждать, чтобы человѣкъ, который сознательно наслаждается всѣми этими впечатлѣніями, принималъ большую часть ихъ безсознательно, т. е. невѣдомо для себя, или не замѣчалъ множества впечатлѣній, дѣйствующихъ на него одновременно. Всего легче соединяются въ сознаніи акты чувствованія и мышленія. Одновременно съ сознаніемъ своего настроенія мы можемъ представлять себѣ что нибудь; рисуя въ своемъ воображеніи мрачныя картины, мы можемъ одновременно сознавать и мрачность самыхъ картинъ и мрачность своего настроенія. Утвержденіе (школы Гербарта), будто противоположныя представленія и вообще душевныя состоянія не вмѣшаются одновременно въ сознаніи и потому вытѣсняютъ оттуда другъ друга, оказывается несостоятельнымъ предъ свидѣтельствомъ опыта. Одновременное представленіе бѣлаго и чернаго цвѣтовъ не труднѣе для насъ, чѣмъ представленіе краснаго и оранжеваго; равно какъ возможность мыслить вмѣстѣ о кисломъ и сладкомъ также мало подлежитъ сомнѣнію, какъ попытка совмѣстить въ представленіи двѣ какихъ либо сладости. Даже крайнія противоположности, какія могутъ быть найдены нами въ данномъ содержаніи, повидимому, еще съ большею легкостью представляются одна подлѣ другой, нежели тѣ разности, которыя имѣютъ опредѣленную мѣру и не доходятъ до прямой противоположности. Представленія свѣта и темноты, большаго и малаго, положительнаго и отрицательнаго и многихъ другихъ противоположностей — такъ тѣсно соединенными въ нашемъ

сознаніи, что одинъ членъ не мыслится безъ другаго, и если нельзя представлять этихъ противоположностей, въ качествѣ признаковъ одного и того же предмета, то нѣтъ никакой трудности одновременно представлять ихъ, какъ признаки нѣсколькихъ предметовъ. Можно допустить только одно, что не всѣ одновременно сознаваемыя состоянія сознаются съ одинаковою степенью ясности и что въ этомъ отношеніи наибольшую ясность имѣетъ прямой объектъ сознанія въ данное время: прочія же одновременно сознаваемыя состоянія воспринимаются съ меньшею и притомъ различною степенью ясности и раздѣльности.

Степени ясности и силы сознанія. Сознаніе можетъ имѣть различную степень *ясности и силы* или напряженности. Низшую степень ясности составляетъ относительная неясность или *темнота* сознанія касательно тѣхъ душевныхъ образовъ (представленій, желаній и чувствованій), которыя: 1) въ данное время находятся за предѣлами яснаго сознанія, какова вся совокупность представленій и вообще душевныхъ состояній, прежде занимавшихъ душу и въ настоящую минуту не сознаваемыхъ нами (память); 2) составляютъ въ данное время какъ бы побочныя состоянія, подлѣ главнаго, на которое непосредственно обращено сознаніе; 3) чрезвычайно быстро слѣдуютъ одно за другимъ, вслѣдствіе чего смѣшиваются между собою, не выступая и не выдѣляясь въ своей отдѣльности (шумъ морскихъ волнъ, смѣшанный звукъ нѣсколькихъ голосовъ). Но тѣмъ не менѣе масса этихъ неясныхъ представленій имѣетъ вліяніе на тѣ ясно сознаваемыя представленія, которыя развиваются въ душѣ въ одно время съ ними или непосредственно слѣдуютъ за ними. Потемнѣніе сознанія можетъ дойти до полной безсознательности, какъ, напр., въ обморокѣ, глубокомъ снѣ и проч. — Высшую степень ясности для нашего сознанія имѣютъ образы, которые мы не только отличаемъ одни отъ другихъ, но въ которыхъ различаемъ составныя ихъ части и даже элементы частей и взаимное отношеніе ихъ между собою. Это достигается обращеніемъ сознанія на опредѣленный предметъ и сосредоточеніемъ его на этомъ предметѣ, или *вниманіемъ*. Напряженность вниманія находится въ обратномъ отношеніи къ его продолжительности. Мы утомляемся тѣмъ скорѣе, чѣмъ съ большимъ внима-

ніемъ наблюдаемъ какой либо предметъ или кругъ предметовъ. Впрочемъ въ этомъ отношеніи для каждой индивидуальной силы существуетъ своя отдѣльная мѣра. Одинъ легко выдерживаетъ то, что другаго утомляетъ. Равнымъ образомъ существуетъ весьма много условій, облегчающихъ и затрудняющихъ вниманіе вообще и въ каждомъ данномъ случаѣ. Вниманіе поддерживается, главнымъ образомъ, разнообразіемъ впечатлѣній и утомляется однообразіемъ. Научная или практическая польза наблюденій, обѣщаемыя ими чувственныя или духовныя удовольствія и, наконецъ, привычка—принадлежатъ къ числу условій, возбуждающихъ и поддерживающихъ вниманіе.

Самосознаніе и внутреннее чувство. На первой порѣ жизни человѣка и на низшей степени развитія сознаніе обращено исключительно къ внѣшнему міру и возбуждается только внѣшними впечатлѣніями; но, по мѣрѣ душевнаго развитія человѣка, онъ начинаетъ обращать взоръ на самого себя (*рефлексія* сознанія), въ немъ раскрывается сознаніе себя, какъ лица, и сознаніе высшихъ побужденій, которыя возвышаютъ его надъ силою внѣшнихъ впечатлѣній. Когда духовное существо въ человѣкѣ развилось до самосознанія, тогда человѣкъ или его духъ отличаетъ себя отъ своего тѣла, отъ окружающаго его міра и отъ всего содержанія собственной жизни и направляетъ всесторонне свою жизнь по идеямъ разума.

1) Для самосознательной души тѣло есть внѣшній предметъ, объектъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ она понимаетъ его, какъ средство, какъ органъ своей собственной дѣятельности, посредствомъ котораго она входитъ въ дѣятельную связь съ внѣшнимъ міромъ. Духъ пользуется тѣлесными органами по своимъ побужденіямъ и для своихъ цѣлей, чтобы пріобрѣтать понятія о внѣшнемъ мірѣ и чтобы собственныя понятія отражать въ матеріи. Для сознательныхъ цѣлей наблюдающаго и познающаго духа глазъ — то же, что телескопъ, ухо — то же, что искуственный аппаратъ; для сознательныхъ цѣлей духа, осуществляющаго во внѣ свои состоянія, рука есть инструментъ, рычагъ; вообще внѣшніе органы чувствъ для духа суть то же, что искусственные аппараты для чувственныхъ органовъ. Въ справедливости этого отношенія можно убѣдиться каждую минуту: мы направляемъ нашъ

глазъ намѣренно на извѣстный предметъ точно такъ-же, какъ устанавливаемъ телескопъ; мы напрягаемъ наше ухо, приближаемъ наши руки, какъ органы осязанія, къ предмету совершенно произвольно, сознательно и намѣренно, точно такъ-же, какъ принаравливаемъ различные аппараты для пособія чувственнымъ органамъ при наблюденіи предметовъ. Таково отношеніе самосознающаго духа къ тѣлу. Но оно является не одновременно съ началомъ душевной жизни. Первоначальное отношеніе между тѣломъ и душею совершенно другое, нежели между тѣломъ и самосознательнымъ духомъ. Первоначальныя, простыя элементарныя движенія возникаютъ въ нашемъ организмѣ помимо нашей воли и нашего сознанія, такъ какъ душа не есть ни первоначальный возбудитель, ни единственный двигатель тѣлесной жизни. Еслибы она была этимъ, то она дѣйствовала бы съ полною свободою и независимостью при возбужденіи въ тѣлѣ всего множества и разнообразія физическихъ процессовъ; но, напротивъ того, она имѣетъ очень мало свободы въ движеніи и власти надъ отправленіями тѣла.

Точно также совершенно несознательны и непроизвольны первоначальныя дѣйствія души на тѣло или тѣ психическіе акты, которые приводятъ въ движеніе тѣло. Психическіе процессы въ душѣ дитяти и ихъ внѣшнія послѣдствія въ тѣлѣ, вообще всѣ дѣйствія отвнѣ на душу и изъ души на тѣло, происходятъ совершенно необходимо и несознательно и составляютъ такимъ образомъ основаніе для послѣдующей сознательной дѣятельности. Но какъ скоро возникли и образовались въ тѣлѣ элементарныя движенія и какъ скоро установилась связь между ними и соотвѣтственными имъ душевными состояніями: то пробуждающійся къ самосознанію духъ *намѣренно* пользуется этими установившимися движеніями и сочетаніями ихъ съ извѣстными состояніями души для цѣлей своего развитія, хотя также не видитъ и не знаетъ ихъ внутренней связи. Онъ не вызываетъ, не творитъ звуковъ и никакихъ другихъ движеній въ тѣлѣ: но находитъ ихъ готовыми и образованными въ несознательной дѣятельности тѣла и въ такомъ же несознательномъ взаимодѣйствіи его съ душею и — только направляетъ и примѣняетъ ихъ къ своимъ цѣлямъ. Если бы духъ долженъ былъ сознательно и намѣренно выра-

ботывать элементарныя движенія въ тѣлѣ, то онъ не достигъ бы этой цѣли. Пластическое художество не создало бы ни одной статуи, если бы духъ художника, вмѣсто того, чтобы сопровождать уже несознательное-привычное движеніе рукъ, долженъ былъ самъ первоначальнымъ образомъ каждый разъ производить и устанавливать его.

2) Душа, какъ духъ, отличаетъ себя отъ окружающаго міра. Въ чередующейся смѣнѣ явленій, которая прежде подавляла его непрерывностью впечатлѣній и своимъ разнообразіемъ, онъ устанавливаетъ постепенность, правильность и порядокъ, потому что находитъ въ себѣ самомъ, въ своемъ самосознаніи, твердую точку опоры, изъ которой можетъ дѣйствовать на міръ, самъ оставаясь непоколебимымъ. Для самосознающаго духа міръ превращается въ упорядоченную систему формъ и отношеній. То, что прежде являлось единичнымъ, отрывочнымъ, безсвязнымъ, приходитъ во взаимную связь причинъ и дѣйствій, цѣлей и средствъ; то, что прежде казалось безпорядочнымъ и случайнымъ, становится подъ идею порядка и закона.

3) Человѣческій духъ отличаетъ себя, какъ самосознающее начало, отъ всего разнообразнаго содержанія своей жизни. Всѣ впечатлѣнія, дѣйствующія на душу, оставляютъ въ ней по себѣ (нематеріальный) образъ, который никогда не исчезаетъ, но входитъ въ связи и разнообразныя сочетанія съ другими душевными образами и вмѣстѣ съ ними составляетъ содержаніе и, такъ сказать, образовательный матеріалъ для развивающейся душевной жизни. Изъ этихъ образовъ, еще до развитія самосознанія, слагается опредѣленная индивидуальность, образуются наклонности, привычки. Когда, наконецъ, душа развивается до болѣе или менѣе яснаго самосознанія, она находитъ въ себѣ уже готовый міръ, изъ котораго сознательно черпаетъ свое содержаніе, постоянно впрочемъ обновляющееся притокомъ новыхъ впечатлѣній извнѣ. Она также относится къ своему внутреннему міру, какъ къ своему тѣлу и ко внѣшнему міру: сознательно пользуется имъ, какъ средствомъ и орудіемъ для своихъ цѣлей, совокупляетъ представленія и образуетъ понятія, развиваетъ нравственный характеръ, умѣряетъ чувствованія и сдерживаетъ сердечные порывы, начертываетъ себѣ идеалъ и стремится выполнить его въ жизни.

Съ тѣхъ поръ какъ человѣкъ впервые созналъ себя и сказалъ о себѣ: это—*я*, а о природѣ: это *не я*, съ тѣхъ поръ связь его съ нею кончена. Изъ вещи онъ сталъ человѣкомъ, изъ органическаго члена міра—его властелиномъ. Міръ мгновенно распался для него на двѣ половины, на два міра, одинъ—я, другой—то, что находится внѣ я, міръ внутренній и внѣшній, субъективный и объективный. Этотъ моментъ раздвоенія его жизни можно сравнить съ перерожденіемъ личинки въ бабочку. Она сливалась, составляла одно съ своимъ тѣломъ или своей чешуей: но когда чешуйка съ нея спала, она смотритъ на нее, какъ на что-то для нея чужое. Ея тѣло становится для нея безжизненной шелухой, на которую она смотритъ какъ на что-то такое, что видитъ въ первый разъ. Таково же положеніе нашего я, какъ только оно зародилось, или какъ только оно сознало само себя. До сихъ поръ оно было каплей въ океанѣ бытія, но теперь оно выдѣлилось изъ него, внутренно обособилось и противостало всему остальному бытію, какъ чему-то для себя чуждому. Съ тѣхъ поръ человѣкъ начинаетъ жить двойною жизнію—природы и духа. Въ первой онъ страдательно подчиняется природѣ; въ послѣдней властительно управляетъ ею.

Въ самосознаніи духъ узнаетъ себя общимъ средоточіемъ душевной жизни, основою всѣхъ ея проявленій, всѣхъ дѣйствій и состояній, и разсматриваетъ эти послѣднія, какъ свой объектъ, относитъ къ себѣ, какъ свои состоянія. Въ тоже время онъ сознаетъ себя внутреннею силою, которая управляетъ своими дѣйствіями и можетъ направлять ихъ въ ту или другую сторону, по представленію различныхъ цѣлей жизни. Это сознаніе внутренней силы составляетъ существенный элементъ самосознанія. Въ самосознаніи духъ сознаетъ себя владѣльцемъ и распорядителемъ всѣхъ своихъ мыслей, желаній и чувствованій, и оцѣниваетъ ихъ по идеямъ истины и нравственнаго порядка. Въ сознаніи онъ страдательно подчиняется впечатлѣніямъ: въ самосознаніи онъ ихъ господинъ, самостоятельная личность, которая опредѣляется только сама собою. Если на все движеніе душевной жизни смотрѣть какъ на видоизмѣненіе отношеній между духомъ и внѣшнею природою: то въ сознаніи духъ ограничивается природой, а въ самосознаніи, на оборотъ, природа ограничивается духомъ.

Самосознаніе, въ которомъ и посредствомъ котораго мы воспринимаемъ и наблюдаемъ дѣйствія и состоянія, явленія и перемѣны внутренняго міра нашей души, и относимъ ихъ къ себѣ, какъ собственныя дѣйствія и состоянія, называется *внутреннимъ чувствомъ*; самый актъ его наблюденія—наблюденіемъ посредствомъ внутренняго чувства или *самонаблюденіемъ*.

Наблюденія внутренняго чувства существенно отличаются отъ наблюденій внѣшнихъ чувствъ своею *непосредственностью*.

Два главныхъ рода душевныхъ состояній. Душевныя силы.

Анализъ сознанія открываетъ намъ въ душѣ два рода состояній: возбуждаемыя непосредственно состояніями тѣла и производимыя не-

посредственно собственными состояніями духа. Къ первому роду относятся *ощущенія*—первоначальныя, по времени, состоянія духа, въ которыхъ непосредственно соприкасаются два элемента, чувственный и духовный; элементарныя *стремленія*, непосредственно выходящія изъ тѣлесныхъ побужденій, какъ—стремленія къ удовлетворенію потребностямъ сна, упражненія, отдыха, жажды и голода, пола (инстинкты); а также пріятныя и непріятныя *чувствованія*, сопровождающія тѣ и другія, т. е. какъ ощущенія, такъ и инстинктивныя стремленія. Ко второму роду относятся всѣ явленія душевной самодѣятельности—теченіе представленій, возбужденіе и развитіе желаній, чувствованій, коротко—всѣ по времени производныя и по характеру самостоятельныя или оригинальныя состоянія духа. Законы, управляющіе первыми состояніями, суть законы психо-физическіе, а управляющіе вторыми—психическіе или законы духа. Одна и та же душа есть дѣйствующее начало въ состояніяхъ того и другаго рода: но въ первыхъ она до нѣкоторой степени зависима отъ чувственныхъ раздраженій, какъ непосредственно предшествующихъ ея состояніямъ; въ послѣднихъ же является свободно дѣйствующимъ началомъ, зависящимъ только отъ своей собственной природы. Такъ какъ ближайшую причину явленія или группы однородныхъ явленій обыкновенно называютъ *силою*, то поэтому въ душѣ можно различать два главныхъ рода силъ или способностей: способность по поводу внѣшнихъ раздраженій возбуждать въ себѣ соотвѣтственныя ощущенія, стремленія и низшіе роды чувствованій и способность къ различнымъ внутреннимъ состояніямъ, для которыхъ она служитъ единственною и исключительною причиною.

Эти послѣднія (оригинальныя) состоянія представляютъ три класса явленій и вмѣстѣ столько же самостоятельныхъ формъ жизни или направленій душевной дѣятельности: познанія, желанія и чувствованія. Сообразно съ этимъ различаются душевныя силы: познанія, желаній и чувствованій. Первая называется вообще или въ обширномъ смыслѣ *умомъ*, вторая—*волею*, третья—*сердцемъ* или способностью чувствованій.

Но во всѣхъ этихъ направленіяхъ дѣйствуетъ одно реальное начало — душа, сохраняя всегда не только единство сознанія, но и

внутреннее согласіе во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Познанія, желанія и чувствованія развиваются въ полномъ согласіи между собою, не обнаруживая ни взаимной вражды, ни противодѣйствія (антагонизма), поддерживая или ослабляя другъ друга. У человѣка умственно-неразвитаго желанія и чувствованія соотвѣтствуютъ ограниченной силѣ его мышленія, и на оборотъ, высокое развитіе характера и вкуса къ прекрасному всегда предполагаетъ болѣе или менѣе высокое умственное образованіе. Тѣ факты, что иногда высокая степень образованія соединяется съ неразвитостью нравственнаго чувства и грубостію вкуса, или на оборотъ, высокая нравственность и тонкій вкусъ съ ограниченнымъ умственнымъ развитіемъ, не составляютъ исключенія изъ этого общаго начала. Подъ высокимъ образованіемъ часто разумѣютъ одностороннее развитіе ума въ какомъ нибудь одномъ направленіи или въ одной области знанія, которое еще не составляетъ истиннаго образованія, обнимающаго весь кругъ по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ понятій, какъ собственно умственныхъ, такъ и нравственныхъ, практическихъ, религіозныхъ и эстетическихъ. Съ другой стороны, когда высокая нравственность развивается безъ соотвѣтственнаго умственнаго превосходства, мирясь съ ограниченнымъ знаніемъ, то она или имѣетъ болѣе пассивный, нежели активный характеръ, или опирается на кругъ высокихъ понятій, развитыхъ не силою внутренней самодѣятельности, но принятыхъ изъ области того или другаго положительнаго авторитета, устрояющаго — каждый въ своей мѣрѣ — практическую жизнь людей, какъ отдѣльныхъ лицъ и какъ членовъ общества. — Сказанное о взаимномъ отношеніи между образованіемъ и нравственностію примѣняется также и къ эстетической сторонѣ жизни. Безъ умственнаго образованія не могутъ развиться до значительной степени ни творчество, ни вкусъ къ эстетическому наслажденію природою и искусствомъ, потому что прекрасное дальше отъ простаго смысла, нежели истинное и доброе, сложнѣе по своимъ элементамъ и труднѣе для анализа, нежели другія указанныя нами высшія нормы душевной жизни. Можно инстинктивно наслаждаться прекраснымъ въ природѣ или искусствѣ, но это наслажденіе будетъ весьма ограниченно, основываясь либо на одномъ общемъ впечатлѣніи цѣлаго, безъ понима-

нія его подробностей, либо на той или другой подробности безъ соотношенія ея съ цѣлымъ. Но свою очередь наслажденіе прекраснымъ и художественное творчество необходимо требуютъ развитія нравственнаго принципа, безъ котораго вкусъ останется грубымъ, а творчество сдѣлается уродливымъ.

Каждая изъ этихъ формъ душевной дѣятельности имѣетъ свой особый характеръ и свое значеніе въ душевной жизни. Въ познаніи мы воспринимаемъ предметы такъ, какъ они есть въ своемъ дѣйствительномъ бытіи и въ своихъ отношеніяхъ. Мы воспроизводимъ ихъ умственно или создаемъ идеальные образы изъ элементовъ дѣйствительнаго бытія и относимся къ нимъ объективно, какъ ко внѣшнимъ противопоставленнымъ намъ предметамъ;—въ желаніяхъ и дѣйствіяхъ, напротивъ, мы ставимъ предметы въ такое отношеніе къ себѣ, въ которомъ они удовлетворяютъ нашимъ потребностямъ и служатъ средствами къ достиженію нашихъ цѣлей;—въ чувствованіяхъ сознаемъ и непосредственно оцѣниваемъ самое внутреннее состояніе наше, спокойное или затрудненное, будетъ-ли то зависѣть отъ одного теченія нашихъ представленій, или отъ дѣйствія на насъ внѣшнихъ предметовъ. Чувствованія составляютъ какъ бы общее средоточіе жизни, къ которому познанія и желанія относятся какъ его охранители.

Подъ вліяніемъ стремленія къ единству и убѣжденія въ безусловной простотѣ души, нѣкоторые психологи (Гербартъ, Бенеке) допускаютъ только одну основную силу души, прочія же силы считаютъ только видоизмѣненіями этой основной способности. Но 1) множество силъ, какъ различныхъ направленій дѣятельности, не исключаетъ и не уничтожаетъ простоты души; 2) внутреннему наблюденію не доступенъ переходъ одной силы въ другую или одного направленія дѣятельности въ другое—стремленія въ представленіе и обоихъ въ чувствованіе, или на оборотъ; напротивъ, въ сознаніи они являются готовыми формами—первичными и непосредственными проявленіями душевной жизни.

II. Ощущенія.

Понятіе объ ощущеніяхъ. Проявленіе душевной жизни начинается съ чувственныхъ ощущеній, которыя поэтому составляютъ первоначальную дѣятельность души и первоначальный матеріалъ для всего душевнаго образованія.

Ощущенія суть состоянія духа, имѣющія своею ближайшею причиною возбужденіе той части нашего тѣла, которую называютъ нервною системою, происходитъ-ли это возбужденіе изъ дѣйствія какого нибудь внѣшняго предмета или изъ какого-нибудь патологическаго состоянія нервной системы. (Милль).

Посредникомъ чувственныхъ ощущеній служитъ нервная система, распространенная по всему тѣлу человѣка.

Центральные органы нервной системы суть головной и спинной мозгъ, которые, впрочемъ, составляютъ одно непрерывное цѣлое — головно-спинную ось, состоящую изъ нервныхъ узловъ и клѣтокъ, связанныхъ нервными волокнами.

Собственно головной мозгъ состоитъ изъ трехъ частей: большаго мозга, малаго мозга или мозжечка и продолговатаго мозга. *Большой мозгъ*, наполняющій большую часть полости черепа, состоитъ изъ двухъ боковыхъ половинъ, называемыхъ полушаріями мозга. Полушарія сверху, спереди и сзади, совершенно раздѣлены между собою, а снизу, почти посрединѣ, соединены сплошною бѣлою массою мозга, называемою мозговою большою спайкою или мозолистымъ тѣломъ и устанавливающею одновременность ощущенія въ обоихъ симметрическихъ полушаріяхъ мозга. Наружная поверхность мозга (сверху, съ боковъ, а отчасти и снизу) представляется глубоко бороздчатою, какъ бы составленною изъ безчисленныхъ извивовъ очень толстаго снурка, между которыми находятся соотвѣтственныя глубокія желобоватыя впадины. Масса этихъ извивовъ состоитъ изъ бѣлаго мозговаго вещества, одѣтаго сверху сѣрымъ мозговымъ веществомъ. Сѣрое мозговое вещество состоитъ изъ мозговыхъ клѣтокъ и служитъ образовательнымъ центромъ нервной дѣятельности. Бѣлое же мозговое вещество состоитъ исключительно изъ весьма тонкихъ волоконъ или нервныхъ нитей, которыя служатъ проводниками чувственныхъ впечатлѣній и мозговыхъ рефлексовъ. Въ нижней части большаго мозга находятся четыре полости, наполненныя жидкостью и называемыя желудочками мозга. Двѣ изъ этихъ полостей весьма обширны и совершенно симметричны: онѣ называются боковыми желудочками и заключаютъ въ себѣ по два большихъ мозговыхъ бугра—центры обонятельныхъ и зрительныхъ нервовъ. Нижняя поверхность большаго мозга, весьма неровная, заключаетъ въ себѣ центры, отъ которыхъ происходятъ всѣ головно-мозговые нервы. Мозговыя полушарія служатъ преимущественно, если не исключительно, органомъ сознанія, воли и всей духовной дѣятельности. Доказательствомъ этого служитъ то, что 1) въ ряду животныхъ эти части головнаго мозга развиты въ сравненіи съ массою тѣла и съ величиною всего мозга тѣмъ больше, чѣмъ ближе стоитъ животное по своимъ психическимъ способностямъ къ человѣку; 2) при врожденной малости полушарій большаго мозга (кретины) или при перерожденіяхъ ихъ (при головной водянкѣ) бываетъ обыкновенно притупленіе умственныхъ способностей; 3) пораненіе, сдавливаніе и вообще болѣзни головнаго мозга почти всегда сопровождаются потерею сознанія, сонливостію, притупленіемъ или на-

оборотъ, возбужденіемъ психическихъ актовъ; 4) вырѣзываніе полушарій большаго мозга (у птицъ и млекопитающихъ) вызываетъ сонливое состояніе, выражающееся потерею чувствительности въ сферѣ высшихъ чувствъ и отсутствіемъ произвольныхъ движеній. Степень собственной чувствительности мозговыхъ полушарій весьма незначительна и потому болѣзненное состояніе праваго или лѣваго полушарія мозга не всегда условливаетъ разстройство душевныхъ силъ.—*Малый мозгъ* или мозжечекъ занимаетъ нижнюю заднюю часть полости черепа и почти весь прикрытъ большимъ мозгомъ. Онъ состоитъ изъ двухъ кругловатыхъ массъ, плотно соединенныхъ между собою и называемыхъ также полушаріями мозжечка. Въ строеніи своемъ онъ разнится отъ большаго мозга меньшими и болѣе прямыми и неглубокими извивами на наружной поверхности и значительно меньшимъ содержаніемъ бѣлаго мозговаго вещества, которое въ каждомъ полушаріи представляется въ формѣ толстаго древеснаго ствола съ короткими развѣтвленіями на подобіе древесныхъ вѣтвей, почему и названо arbor vitae. Поверхность мозжечка, состоящая изъ толстаго слоя сѣраго мозговаго вещества, также мало чувствительна къ внѣшнимъ раздраженіямъ, какъ и поверхность большаго мозга. Изъ отправленій мозжечка доказано только координирующее (сочетавающее движенія) значеніе его въ движеніяхъ. Болѣзненное состояніе его и искусственное удаленіе нарушаютъ гармонію движеній.— *Продолговатый мозгъ* есть ни что иное, какъ продолженіе головнаго мозга въ спинной каналъ, въ видѣ нѣсколькихъ плотныхъ пучковъ нервныхъ нитей (бѣлаго вещества), заключающихъ въ себѣ сѣрое мозговое вещество. Онъ признается органомъ большей части органическихъ отправленій и проводникомъ какъ чувственныхъ, такъ и двигательныхъ возбужденій. — *Спинной мозгъ* представляетъ простую форму длиннаго, книзу пріостреннаго, цилиндра, который начинается отъ нижней части затылка или основанія черепа и доходитъ у человѣка до втораго поясничнаго позвонка. Передняя (брюшная) и задняя (спинная) поверхности его имѣютъ въ срединѣ по узкой бороздкѣ или щели, которыми онъ раздѣляется на двѣ симметрическія половины. Въ центрѣ его находится маленькій продольный каналъ, называемый центральнымъ каналомъ спиннаго мозга. На боковыхъ поверхностяхъ его также можно различить двѣ неглубокія бороздки. Бѣлое и сѣрое вещество въ спинномъ мозгу распредѣлены такимъ образомъ, что первое лежитъ на поверхности и окружаетъ сѣрое вещество, которое собственно и составляетъ стѣнки центральнаго спинно-мозговаго канала. Спинной мозгъ есть, по преимуществу, органъ рефлективныхъ (отраженныхъ) движеній. Вся масса спиннаго, равно какъ и головнаго мозга, одѣта снаружи многими крѣпкими оболочками, въ которыхъ развѣтвляются многочисленные кровеносные сосуды, питающіе мозгъ.

Нервы. Изъ центральныхъ частей головнаго мозга происходитъ двѣнадцать паръ головныхъ нервовъ. Изъ этихъ нервовъ обонятельный, olfactorius (1 пара), зрительный, opticus (2 пара), слуховой, acusticus (8 пара) и языкоглоточный, glossopharyngeus (9 пара) распространяются въ органахъ соотвѣтственныхъ чувствъ и называются чувствовательными. Они или, точнѣе, нервныя клѣтки, изъ которыхъ они выходятъ, отличаются тѣмъ, что всегда и неизмѣнно

отвѣчаютъ на всѣ внѣшнія возбужденія спеціальными своими ощущеніями. Каждый изъ нервовъ этого отдѣла можно раздражать или ранить, не вызывая ни малѣйшей боли; но раздраженіе ихъ вызываетъ ощущенія, спеціально свойственныя каждому нерву. Второй отдѣлъ головныхъ нервовъ составляютъ смѣшанные нервы: тройничный, trigeminus (5 пара). блуждающій, vagus (10 пара) и прибавочвый, accessorius (11 пара), которые распространяются, какъ въ движущихъ, такъ и въ чувствующихъ органахъ. Къ третьему классу относятся нервы, распространяющіеся исключительно въ мышцахъ — мышечные нервы: движущій нервъ глаза, oculomotorius (3 пара), блоковый, trochlearis (7 пара), отводящій, abducens (6 пара), лицвой, facialis (7 пара), и подъязычный, hypogeossus (12 пара). Перерѣзка корешковъ этихъ нервовъ не производитъ никакой боли, а уничтожаетъ мѣстную способность движенія.

Отъ спиннаго мозга происходитъ 31 пара спинныхъ или позвоночныхъ нервовъ, расположенныхъ симметрично по обѣимъ его сторонамъ. Каждый изъ этихъ парныхъ нервовъ начинается двумя корешками — переднимъ и заднимъ. Передній выходитъ изъ передней, а задній изъ задней части спиннаго мозга, и оба соединяются въ одинъ стволъ; при выходѣ они раздѣляются на двѣ вѣтви, которыя состоятъ изъ двоякаго рода нитей и распространяются по различнымъ частямъ туловища. Передніе изъ нихъ суть нервы исключительно *двигательные* (центробѣжные), а задвіе—исключительно *чувствительные* (центростремительные).

Кромѣ высшей головно-спинной нервной системы, составляющей органъ психической дѣятельности, въ организмѣ человѣка существуетъ еще особая *органическая* нервная система, не имѣющая отдѣльнаго общаго центра, но состоящая изъ множества отдѣльныхъ центровъ или узловъ, почему и называется узловою или *сочувственною (симпатическою)* нервною системою. Она беретъ начало въ шейной части спиннаго мозга и состоитъ изъ двухъ нервныхъ тонкихъ нитей сѣровато-бѣлаго цвѣта, которыя лежатъ по бокамъ позвоночнаго столба, на мышцахъ, покрывающихъ позвонки. Нити эти на своемъ протяженіи образуютъ небольшія продолговатыя утолщенія или узлы, которые по обѣимъ сторонамъ расположены совершенно симметрично, по 23—25 на каждой. Изъ всѣхъ узловъ сочувственной нервной системы выходятъ нервы, развѣтвляющіеся въ различныхъ частяхъ тѣла. Физіологическое отправленіе ихъ состоитъ въ томъ, что они управляютъ всею безъ исключенія органическою (безсознательною) жизнью тѣла, а именно пищевареніемъ, питаніемъ, кровеобращеніемъ, отдѣленіями и т. д., и вмѣстѣ съ тѣмъ состоятъ въ опредѣленной, не совсѣмъ еще разъясненной, связи съ высшею нервною системою.

Основные элементы нервной системы суть нервныя клѣтки. Нервныя клѣтки состоятъ изъ тѣла и ядра съ ядрышкомъ. Тѣло каждой нервной клѣтки представляетъ собою скопленіе полумягкой, довольно вязкой, зернисто-волокнистой массы, называемой протоплазмою. Ядро имѣетъ видъ круглаго пузырька съ свѣтлымъ жидкимъ содержимымъ и съ однимъ или нѣсколькими ядрышками. Тѣло клѣтки пускаетъ отъ себя одинъ или нѣсколько отростковъ, которые,

начиная отъ тѣла клѣтки, идутъ не развѣтвляясь по направленію къ переднимъ корешкамъ и переходятъ здѣсь въ нервное волокно двигающихъ нервовъ. Протоплазма даетъ отъ себя вѣтвящіеся отростки, которые сами не переходятъ въ нервное волокно, но даютъ отъ себя отростки, переходящіе въ волокна чувствующихъ нервовъ. Кромѣ головнаго и спиннаго мозга, клѣтки встрѣчаются въ узлахъ симпатической системы и повсюду имѣютъ значеніе центровъ или органовъ съ самостоятельною нервною дѣятельностію. Клѣтки посредствомъ отростковъ связаны какъ между собою, такъ и съ нервными волокнами: послѣднія же связаны прямо только съ нервными клѣтками, а косвенно, при помощи этихъ клѣтокъ, и со всѣми другими волокнами.

Происхожденіе ощущеній. Внѣшнее впечатлѣніе, дѣйствуя на тѣло, возбуждаетъ нервъ, находящійся въ мѣстѣ дѣйствія впечатлѣнія; нервъ передаетъ впечатлѣніе нервному центру, т. е. головному или спинному мозгу, гдѣ и возбуждается ощущеніе стимула, т. е. боль или другого рода ощущеніе. Точно также раздраженіе какого-либо чувствительнаго нерва внутреннимъ образомъ (напримѣръ давленіемъ крови) производитъ ощущеніе, соотвѣтствующее роду возбужденія и специфической энергіи возбужденнаго нерва.

Составные элементы и процессъ ощущенія. Въ каждомъ ощущеніи можно различать двѣ стороны: физіологическую или матеріальную и психическую или духовную. Первая заключаетъ въ себѣ слѣдующіе моменты:

1) *Внѣшнее раздраженіе,* возбуждаемое *дѣйствіемъ (впечатлѣніемъ) физическаго движенія на какое-либо чувствительное мѣсто тѣла,* будетъ-ли это движеніе вѣсомой матеріи, какъ давленіе или невѣсомой, какъ теплота, электричество.

2) *Возбужденное состояніе чувствительныхъ нервныхъ волоконъ,* которое произведено чрезъ внѣшнее раздраженіе.

Нѣкоторые физіологи называютъ это возбужденное состояніе тѣхъ или другихъ чувствительныхъ нервовъ *отрицательнымъ колебаніемъ нервнаго тока,* основываясь на томъ, что въ нервахъ, даже когда они находятся въ состояніи покоя, постоянно пробѣгаетъ нервный токъ, и что при переходѣ нерва изъ состоянія покоя въ дѣятельность въ немъ *ослабѣваетъ* внутреннее развитіе нервнаго процесса (электродвигательной дѣятельности нерва): это состояніе его и названо отрицательнымъ колебаніемъ нервнаго тока. — Это возбужденное состояніе есть чисто-физическій внутренній нервный процессъ, который не имѣетъ никакого сходства ни съ внѣшнимъ раздраженіемъ, его вызвавшимъ, ни съ ощущеніемъ, къ которому онъ приводитъ. Полагаютъ, что возбужденныя состоянія различныхъ нервныхъ волоконъ, какъ видоизмѣненія общаго начала, именно

нервнаго электрическаго процесса, несравненно болѣе сродны между собою, нежели съ разнородными внѣшними раздраженіями, которыми они возбуждаются.

3) *Перенесеніе возбужденія нервныхъ волоконъ на центральныя части нервной системы* и заключительно на головной мозгъ, какъ на центръ высшаго порядка (а по мнѣнію нѣкоторыхъ психологовъ особенно на ту часть его, которая составляетъ какъ-бы жилище души, sensorium commune).

Доходя къ центральному органу, возбужденное состояніе нервныхъ волоконъ испытываетъ послѣднее превращеніе, встрѣчаясь здѣсь съ безчисленными, идущими въ разнообразныхъ направленіяхъ, возбужденіями другихъ нервныхъ волоконъ, которыми оно видоизмѣняется по мѣрѣ противоположности и силы, и въ этой видоизмѣненной формѣ доходитъ до души, сливаясь въ одно общее ощущеніе. Такъ мы иногда не видимъ и не слышимъ, хотя свѣтоныя и звуконыя волны возбуждаютъ наши чувствонательные нервы (сонъ, обморокъ, несознаваемыя ощущенія).

Психическую или духовную сторону ощущенія составляютъ два момента: 1) *воспріятіе* и 2) *воззрѣніе*, происходящія изъ собственной природы души. *Воспріятіе* (перцепція) есть возбужденіе качественно-различныхъ состояній въ душѣ по поводу физическихъ возбужденій нерва. *Воззрѣніе* есть отнесеніе этого психическаго содержанія ощущенія къ внѣшнему, въ опредѣленномъ пространствѣ находящемуся предмету, который сталъ намъ доступенъ посредствомъ ощущенія. То, что мы воспринимаемъ въ ощущеніи, не есть самое свойство вещи, но только перемѣна нашихъ внутреннихъ состояній, произведенная впечатлѣніемъ внѣшней вещи. «Видя синій цвѣтъ, я сознаю чувство синяго цвѣта, это во-первыхъ; другое дѣло—изображеніе на моей сѣтчатой оболочкѣ — явленіе, происходящее въ моемъ зрительномъ нервѣ или въ моемъ мозгу и остающееся до сихъ поръ таинственнымъ: этого я вовсе не сознаю и съ этимъ могли познакомить меня только научныя изслѣдованія. Это—состояніе моего тѣла. Но ощущеніе синяго, которое составляетъ ихъ послѣдствіе, не состояніе тѣла: то, что воспринимаетъ и сознаетъ, называется духомъ. (Милль)». Воспріятіе, равно какъ и воззрѣніе внѣшняго предмета, какъ причины раздраженія въ нервѣ, суть дѣйствія духа, проистекающія изъ его собственной, самобытной дѣятельности, которая обнаруживается тѣмъ, что, по поводу чувственнаго раздраженія, онъ возбуждаетъ въ себѣ качественно-различныя пере-

мѣны, противопоставляя себѣ въ то же время, съ необходимостью, чувственную основу раздраженія, какъ внѣшнюю его причину. Непосредственно внѣ себя мы не наблюдаемъ никакой вещи: мы знаемъ только собственныя ощущенія, и когда говоримъ о внѣшнихъ предметахъ, то только относимъ ко внѣ то, что дало поводъ къ этимъ ощущеніямъ чрезъ раздраженіе соотвѣтствующихъ нервовъ. Ни свѣтъ, ни звукъ внѣ насъ не существуютъ, но суть наши ощущенія движеній матеріи—эѳира и воздуха. Сами по себѣ эти движенія темны и беззвучны: только по поводу впечатлѣній ихъ на наши чувства въ насъ возбуждаются внутреннимъ образомъ ощущенія свѣта и звука, которыя мы и переносимъ на предметы, давшіе поводъ къ этимъ ощущеніямъ. Воззрѣніе возникаетъ послѣ воспріятія и есть актъ сложный, въ образованіи котораго принимаютъ участіе главнымъ образомъ зрѣніе и осязаніе. По преобладающему участію въ немъ зрѣнія, оно отъ него и получило свое названіе.

Содержаніе, сила и тонъ ощущеній. Въ ощущеніяхъ можно различать содержаніе, силу и тонъ.

Содержаніе ощущеній зависитъ отъ *качественной* опредѣленности раздраженій, которыми они возбуждаются. Ощущенія, возбуждаемыя раздраженіями въ различныхъ органахъ чувствъ, относятся между собою какъ *различныя* по содержанію Ощущенія съ различнымъ содержаніемъ въ области одного и того же чувства относятся какъ *противоположныя*. Жосткость и вкусъ, звукъ и цвѣтъ даютъ различныя ощущенія; отдѣльные тоны, отдѣльные цвѣта даютъ ощущенія взаимно-противоположныя.

Сила ощущеній зависитъ отъ силы или величины раздраженій, которыми они возбуждаются. Безъ всякой перемѣны въ своемъ качественномъ содержаніи, ощущеніе проходитъ цѣлую скалу *количественныхъ* перемѣнъ, которыя соотвѣтствуютъ только различной высотѣ возбуждающаго его раздраженія. По мѣрѣ увеличивающейся силы раздраженій, ощущенія одного и того же класса проходятъ чрезъ множество степеней непрерывно возрастающей силы, какъ постоянно можно наблюдать это въ ощущеніяхъ температуры и тяжести, свѣта и тоновъ.

Кромѣ содержанія и силы, многія ощущенія имѣютъ еще *тонъ*, подъ которымъ обыкновенно разумѣютъ пріятность или непріятность ощущеній, или значеніе ощущенія для жизненнаго процесса. Ощущеніе бываетъ пріятно или непріятно, смотря по тому, производитъ-ли раздраженіе извѣстную степень возвышенія въ ходѣ жизненнаго процесса или, напротивъ, стѣсняетъ и подавляетъ его.

Мѣра ощущеній. Новѣйшая физіологія дѣлаетъ попытку къ измѣренію ощущеній, опредѣляя отношенія между увеличеніемъ раздраженія и увеличеніемъ ощущенія 1) при первоначальномъ переходѣ раздраженія въ ощущеніе и 2) при постепенномъ прибавочномъ наростаніи ощущенія по мѣрѣ наростанія раздраженія.

1) Дознано, что не всякое раздраженіе непремѣнно возбуждаетъ ощущеніе. Послѣднее является только тогда, когда раздраженіе достигаетъ извѣстной высоты или становится замѣтною для чувства величиною. Величина эта различна для разныхъ внѣшнихъ чувствъ, но для каждаго чувства есть своя большая величина—maximum, и своя меньшая величина—minimum, за предѣлами которыхъ раздраженіе не возбуждаетъ ощущеній. Minimum составляетъ фактъ предѣла—пограничную черту перехода раздраженія въ ощущеніе. Изъ безчисленнаго множества дѣйствующихъ на насъ раздраженій многія проходятъ незамѣтно для сознанія, потому что, по степени своей силы, они находятся за этою пограничною чертою. Звуковыя волны бороздятъ атмосферу даже тамъ, гдѣ мы ничего не слышимъ, и разнообразныя пахучія вещества носятся въ воздухѣ, не производя на наше чувство замѣтнаго впечатлѣнія.

2) Сила возбужденнаго ощущенія увеличивается или возвышается зависимо отъ увеличивающейся силы раздраженія. Съ увеличеніемъ и уменьшеніемъ раздраженій увеличиваются и уменьшаются ощущенія. Когда усиливается внѣшній свѣтъ, то усиливается и ощущеніе его въ нашемъ глазѣ. Отношеніе зависимости между ними и здѣсь опредѣляется такъ же, какъ и въ первомъ случаѣ, именно: не всякое количественное увеличеніе раздраженія производитъ возвышеніе ощущенія или, что то же, становится замѣтнымъ для сознанія, но только достигшее до извѣстной степени, которая и здѣсь составляетъ тотъ же фактъ предѣла — порубежную черту между непри-

мѣтнымъ и примѣтнымъ увеличеніемъ раздраженія. Степень высоты раздраженія, которая необходима для того, чтобы произвесть примѣтное возвышеніе ощущенія, не составляетъ общей величины для всѣхъ чувствъ, такъ какъ отдѣльные органы имѣютъ различную чувствительность или остроту (въ этомъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ глазу, имѣющему наибольшую чувствительность къ малѣйшимъ (на $^1/_{100}$) разностямъ въ напряженности свѣта; за нимъ слѣдуетъ мышечное чувство, которое замѣчаетъ разности на $^1/_{17}$ противъ первоначальнаго ощущенія, и, наконецъ, давленіе, температура и звукъ становятся примѣтными только при увеличеніи на $^1/_3$ противъ первоначальнаго раздраженія), но зависитъ отъ степени, достигнутой уже ощущеніемъ силы. Чѣмъ сильнѣе, напримѣръ, давленіе, тѣмъ больше оно должно быть усилено, чтобы сдѣлаться примѣтнымъ. Вообще чѣмъ выше степень ощущенія, тѣмъ большее нужно раздраженіе, чтобы примѣтно возвысить ощущеніе, и, наоборотъ, чѣмъ ниже эта степень, тѣмъ легче даже слабое впечатлѣніе произведетъ замѣтную перемѣну въ ощущеніи. Слѣдовательно, между раздраженіемъ и ощущеніемъ не имѣетъ мѣста то простое отношеніе, какое представляется съ перваго поверхностнаго взгляда, и по которому увеличеніе раздраженія вдвое, втрое и вчетверо, въ такой же пропорціи увеличивало бы и ощущеніе: напротивъ, здѣсь отношеніе совершенно инаго рода. Точныя наблюденія показали, что увеличеніе раздраженія, которое производитъ замѣтную разность въ ощущеніи, прямо пропорціонально существующей уже величинѣ раздраженія. Это отношеніе выражается слѣдующею математическою формулою: геометрическому ряду раздраженій соотвѣтствуетъ ариѳметическая прогрессія ощущеній (Вундтъ, лекц. VII и VIII).

Впрочемъ, это отношеніе вполнѣ примѣнимо только при сравнительно слабыхъ раздраженіяхъ. Слишкомъ сильныя раздраженія, или доведенныя далѣе извѣстной степени, уже перестаютъ быть замѣтно-различными величинами, потому что чрезмѣрно ослабляютъ дѣятельность нервнаго процесса: такъ, слишкомъ сильная боль уже не имѣетъ степеней и различій; слишкомъ яркій свѣтъ ослѣпляетъ глаза, слишкомъ сильный звукъ оглушаетъ ухо.

Найденныя отношенія ощущеній имѣютъ важность, между прочимъ, и въ томъ отношеніи, что открываютъ надежду подчинить ощущенія объективной мѣрѣ и примѣнить къ психологіи выгоды математическаго метода. Но вообще это измѣреніе примѣнимо только въ предѣлахъ количественныхъ отношеній и, слѣдовательно, распространяется только на физическую сторону ощущеній, между тѣмъ какъ психическая сторона ихъ, какъ всѣ вообще душевныя состоянія, недоступны для количественныхъ опредѣленій и измѣреній.

Два главныхъ рода ощущеній. Ощущенія, по физіологическимъ различіямъ центральныхъ мозговыхъ органовъ и по неодинаковому устройству концевыхъ (периферическихъ) аппаратовъ чувствующихъ (центростремительныхъ) нервовъ, а равно по разностямъ ихъ содержанія, дѣлятся на два главныхъ рода: на ощущенія общей чувствительности и ощущенія отдѣльныхъ органовъ чувствъ.

Одни изъ чувствующихъ нервовъ распространяются по всей поверхности тѣла, не переходя, повидимому, на концахъ своихъ въ особенные аппараты, назначенные для принятія раздраженій; другіе переходятъ периферическими концами въ особенные, приспособленные къ принятію специфическихъ раздраженій, аппараты. Нервы перваго рода можно назвать чувствительными и возбуждаемыя при посредствѣ ихъ ощущенія—ощущеніями общей чувствительности; нервы послѣдняго рода—чувствовательными или органными, и ощущенія ихъ—спеціальными ощущеніями органовъ чувствъ.

Предметы ощущеній того и другаго рода также различны. Чувствительные нервы, служа посредниками общей чувствительности нашего тѣла и производя то, что мы отличаемъ его отъ другихъ тѣлъ, приводятъ къ сознанію только наши собственныя тѣлесныя состоянія, хотя бы ощущенія возбуждены были воздѣйствіями со стороны внѣшнихъ вещей (какъ при боли отъ удара и при различныхъ климатическихъ и атмосферическихъ дѣйствіяхъ на тѣло). Чувствовательные нервы, напротивъ, назначенные служить посредниками для познанія внѣшняго міра, сообщаютъ нашему сознанію о перемѣнахъ, которыя происходятъ внѣ нашего тѣла, хотя бы развивающіяся при посредствѣ ихъ ощущенія возбуждены были не внѣшними, а внутренними вліяніями.

Оба рода ощущеній различаются по содержанію и тону. Содержаніе ощущеній отдѣльныхъ органовъ чувствъ отличается высшею яс-

ностію; напротивъ, содержаніе общаго чувства наименьшею ясностію. Ощущенія отдѣльныхъ чувствъ группируются, по мѣрѣ ихъ сходства или противоположности, въ ряды, которыхъ члены, особенно въ высшихъ чувствахъ, образуютъ правильно расположенную скалу. Изолированное положеніе чувствовательныхъ нервовъ, равно какъ самое устройство чувственныхъ органовъ, благопріятствуютъ взаимной независимости раздраженій и дѣлаютъ возможнымъ ясное различеніе одного ощущенія отъ другаго. Напротивъ, ощущенія общей чувствительности не имѣютъ этихъ условій и потому легко сливаются въ одно, больше или меньше темное, общее ощущеніе. Первыя даютъ понятіе о томъ, что находится внѣ насъ, и потому составляютъ существенное содержаніе нашего познанія; послѣднія сообщаютъ намъ свѣдѣнія о нашемъ внутреннемъ состояніи и потому имѣютъ важное значеніе въ общей экономіи нашей жизни.

Впрочемъ и мѣстныя ощущенія, получаемыя посредствомъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, по слабости своей или по недостатку вниманія съ нашей стороны, иногда не развиваются до ясныхъ представленій съ опредѣленнымъ содержаніемъ, но дѣйствуютъ только на общее чувство жизни и на направленіе нашего сознанія. Равнымъ образомъ продолжительное напряженіе спеціальной нервной системы внѣшнихъ органовъ чувствъ ослабляетъ ихъ воспріимчивость въ частныхъ случаяхъ. Напряженному зрѣнію не всегда видны бываютъ дополнительныя краски; ухо становится невоспріимчивымъ къ тонкимъ оттѣнкамъ звуковъ при продолжительномъ настроиваніи музыкальныхъ инструментовъ. Подобное же замѣчается при воспріятіяхъ и другихъ чувствъ.

Ощущенія общей чувствительности. *Органомъ* чувствительности служитъ все тѣло, потому что нѣтъ ни одной части тѣла, за исключеніемъ такъ называемыхъ роговыхъ тканей, въ которой бы не распространялась сѣть нервовъ. Легкій уколъ булавкой въ каждой части тѣла возбуждаетъ ощущеніе боли, и на оборотъ, парализованный членъ тѣла, т. е. разобщенный съ нервными центрами, теряетъ чувствительность. Впрочемъ различныя части тѣла обнаруживаютъ различную чувствительность.

Общая чувствительность тѣла обнаруживается ощущеніями тепла и холода, голода и жажды, пріятныхъ раздраженій и боли, бодрости и усталости. Ощущенія эти можно раздѣлить на два класса: одни получаются посредствомъ кожи отъ впечатлѣній дѣйствующихъ на ея поверхность; другія возникаютъ вслѣдствіе той или другой перемѣны во внутреннемъ состояніи органовъ и въ органическихъ процессахъ; сюда же принадлежатъ и тѣ ощущенія, которыя возбуждаются различнымъ состояніемъ (растяженіемъ и сокращеніемъ) мышцъ (мышечныя ощущенія), каковы ощущенія давленія, напряженія, усталости (уменьшенная раздражительность мышцъ послѣ усиленной дѣятельности), судорогъ и т. д.

Локализація ощущеній. Если всѣ ощущенія сосредоточиваются въ нервныхъ центрахъ головнаго и спиннаго мозга, то возникаетъ вопросъ: отчего мы относимъ различныя ощущенія къ различнымъ опредѣленнымъ мѣстамъ тѣла? Это объясняется прежде всего различіемъ впечатлѣній на различныя части нашего тѣла, при чемъ, одновременно съ извѣстнымъ ощущеніемъ, мы усматриваемъ опредѣленное дѣйствующее на насъ внѣшнее возбужденіе; затѣмъ, вслѣдствіе этой постоянно наблюдаемой связи между ощущеніями и внѣшними возбужденіями, у насъ образуется навыкъ относить ко внѣ всякое раздраженіе, хотя бы оно происходило отъ дѣйствія внутреннихъ процессовъ, а не отъ внѣшней причины. По этой же причинѣ безрукій или безногій, иногда долго спустя по отнятіи руки или ноги, все еще чувствуетъ, что ощущеніе какъ будто сосредоточивается въ членахъ давно потерянныхъ.

Молодая дѣвушка страдала сильною болью въ колѣнѣ, не уступавшею никакимъ способамъ мѣстнаго леченія. Самое колѣно было совершенно здорово, но нервная боль въ немъ была такъ велика, что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ страданія больная умоляла, чтобъ ей отняли ногу. Дѣйствительно, ей отняли ногу выше колѣна, но безъ всякой пользы: она и послѣ того чувствовала боль въ колѣнѣ, какъ и прежде, не смотря на то, что послѣднее было отнято. Тогда ей ампутировали ногу вторично, нѣсколько выше; но боль оставалась по прежнему. Наконецъ больной сдѣлали операцію въ третій разъ, причемъ ей совсѣмъ отняли ногу, но и это не помогло. Когда же несчастная умерла, то, при анатомическомъ вскрытіи ея трупа, въ мѣстѣ выхода спинныхъ нервовъ чрезъ межпозвоночныя отверстія, нашли нѣсколько костяныхъ пластинокъ, которыя и раздражали задніе корешки этихъ нервовъ. Итакъ раздраженіе дѣйствовало

здѣсь на нервы при самомъ ихъ выходѣ изъ спиннаго мозга, но послѣдствіе его—боль—обнаруживалась въ мѣстѣ периферическаго распространенія этихъ нервовъ, въ колѣнѣ. (Фогтъ).

«Шиффъ разсказываетъ о человѣкѣ, у котораго нога была отнята еще въ дѣтствѣ, но который въ теченіе всей жизни чувствовалъ боль въ пальцахъ этой ноги. По временамъ эта боль заставляла его забывать о костыляхъ: онъ вскакивалъ съ софы, какъ будто ноги были еще цѣлы, и только тогда замѣчалъ что онъ хромъ, когда растягивался на полу». (Льюисъ). Такимъ же образомъ объясняются обманы чувствъ (галлюцинаціи), именно зрѣнія и слуха и т. п. у людей нервныхъ, экзальтированныхъ, умопомѣшанныхъ и т. п.

По различному состоянію нервной системы чувствительность обнаруживается у различныхъ людей различно. Стоитъ сравнить нервную даму съ мускулистымъ работникомъ, который не обнаруживаетъ ни малѣйшей чувствительности къ тому, что у первой приводитъ въ движеніе всѣ нервы. Чувствительность вообще можетъ измѣняться подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ—воспитанія, образа жизни, болѣзней и пр. Трудъ на открытомъ воздухѣ, возбуждая дѣятельность мышцъ, ослабляетъ чувствительность; напротивъ сидячая, кабинетная, вообще замкнутая жизнь усиливаетъ чувствительность. Ипохондрикъ и меланхоликъ чувствительны ко всему до болѣзненной раздражительности. Наконецъ привычка можетъ ослаблять чувствительность нервовъ къ извѣстнаго рода впечатлѣніямъ. Нервъ, возбуждаемый извѣстнымъ сильнымъ впечатлѣніемъ, привыкаетъ къ нему, либо примѣняясь къ его постоянно ровному дѣйствію и, такъ сказать, свыкаясь, уравновѣшиваясь съ нимъ, либо отупѣвая подъ его непрерывнымъ гнетущимъ вліяніемъ.

Ощущенія органовъ внѣшнихъ чувствъ. Ощущенія, возбуждаемыя въ органахъ пяти внѣшнихъ чувствъ, отличаются отъ ощущеній общей чувствительности своимъ однообразіемъ. Между тѣмъ какъ кожа чувствуетъ теплоту и холодъ, боль и щекотаніе и проч., ощущенія каждаго органа внѣшняго чувства всегда опредѣленно-однообразны: глазъ только видитъ, ухо только слышитъ, ~~рука~~ кожа осязаетъ, носъ обоняетъ и т. д.

Нервная система органовъ чувствъ даетъ опредѣленность каждому чувству. Отъ устройства нервной системы глаза зависитъ, что мы видимъ только семь призматическихъ цвѣтовъ съ ихъ оттѣнками; отъ устройства нервной системы слуха зависитъ, что мы слышимъ

звуки до извѣстной только высоты и пониженія, въ предѣлахъ 7 октавъ; отъ устройства нервной системы обонянія то, что чувствуемъ только извѣстные запахи; вкуса—извѣстные вкусы; осязанія—извѣстныя состоянія плотности и упругости тѣлъ.

Хотя общее устройство органовъ внѣшнихъ чувствъ у всѣхъ людей одинаково, однако есть много особенностей, отличающихъ нервную систему органовъ чувствъ одного человѣка отъ нервной системы другаго. Однимъ непріятенъ запахъ мускуса, другимъ—запахъ резеды; одни въ какомъ-нибудь цвѣткѣ не находятъ никакого запаха, для другихъ онъ пахнетъ очень сильно. Есть люди, которые говорятъ, что слышатъ крикъ летучей мыши. Есть много людей, которые повидимому владѣютъ хорошими и вѣрными глазами, однакожъ не могутъ отличить нѣкоторыхъ цвѣтовъ одного отъ другаго. Различныя настроенія центральной нервной системы существеннымъ образомъ измѣняютъ нашу воспріимчивость къ ощущеніямъ различныхъ чувствъ.

Зрѣніе и слухъ. Зрѣніе и слухъ тѣмъ существенно отличаются отъ прочихъ чувствъ, что мы воспринимаемъ ими предметы непосредственно, между тѣмъ какъ воспріятія прочихъ чувствъ связаны, до нѣкоторой степени, съ субъективными состояніями наблюдающаго лица. Поэтому они суть по преимуществу органы познанія. Вслѣдствіе этой близости ихъ между собою, мы обозначаемъ иногда ощущенія одного изъ нихъ выраженіями, заимствованными отъ ощущеній другаго: явственный звукъ, тонъ картины и пр.

Зрѣніе. Воспріятія зрѣнія происходятъ отъ дѣйствія внѣшнихъ предметовъ на зрительные нервы въ органѣ зрѣнія при посредствѣ свѣта. Свѣтъ есть внѣшняя (объективная) причина видимости предметовъ, потому что безъ свѣта предметы становятся невидимыми и для здоровыхъ глазъ.

Зрительный органъ—глазъ—состоитъ изъ глазнаго яблока, которое въ свою очередь состоитъ изъ различныхъ оболочекъ, жидкостей и хрусталика (похожаго по виду на чечевицу). Въ задней части углубленія, въ которое уложенъ глазъ, входитъ въ него зрительный нервъ, и развѣтвляясь по оболочкѣ, называемой сѣтчатою глазною оболочкою или ретиною, кончается такимъ образомъ, что каждое

нервное волоконце имѣетъ на концѣ шестиугольный столбикъ, который собственно и воспринимаетъ свѣтовые лучи. Лучи свѣта, идя отъ какого нибудь предмета, проходятъ чрезъ различныя преломляющія составныя части глаза и соединяются въ одномъ пунктѣ сѣтчатой оболочки, гдѣ и производятъ уменьшенное въ обратномъ видѣ изображеніе предмета, возбуждающее въ оптическомъ нервномъ центрѣ опредѣленное свѣтовое впечатлѣніе.

Посредствомъ зрѣнія мы воспринимаемъ *свѣтъ* въ различныхъ степеняхъ напряженности (интенсивности) и *цвѣта*. Степеней свѣта и темноты безчисленное множество, но относительно силы свѣта существуетъ для нашего глаза постоянная граница воспріятія: мы не можемъ воспринимать отчетливо ни слишкомъ яркаго, ни слишкомъ слабаго свѣта.

Свѣтъ чрезъ отраженіе и преломленіе лучей разлагается на качественно-различныя составныя части, и это различіе воспринимается нами какъ различіе цвѣтовъ. Доступные нашему воспріятію цвѣта составляютъ цвѣтную скалу, за границею которой свѣтъ обнаруживаетъ себя уже только химическими дѣйствіями и пропадаетъ для нашего глаза.

Ощущеніе цвѣтовъ принадлежитъ исключительно чувству зрѣнія. Слѣпые отъ рожденія не имѣютъ о нихъ никакого понятія. Правда, можно наблюдать различіе нѣкоторыхъ цвѣтовъ осязаніемъ: но осязаніе никогда не даетъ понятія о цвѣтѣ, а только объ осязательномъ различіи веществъ, окрашенныхъ въ разные цвѣта. Нѣкоторыя изъ красильныхъ веществъ сообщаютъ тѣламъ ощутительныя для осязанія особенности, по которымъ, при небольшомъ навыкѣ, можно узнавать—какого цвѣта красильное вещество покрываетъ тѣло. Между тѣмъ ни одинъ слѣпой не дошелъ до того, чтобы узнавать цвѣта́ поверхностей хорошо отполированныхъ, равно какъ цвѣта призматическіе, зависящіе отъ различнаго преломленія солнечныхъ лучей.

Ощущеніе цвѣтовъ зависитъ отъ дѣятельности нервныхъ элементовъ глаза, хотя еще точно не опредѣлено, въ чемъ оно состоитъ. По одному предположенію въ глазѣ есть нервы трехъ родовъ—одни для краснаго, другіе для зеленаго и третьи для фіолетоваго—основныхъ цвѣтовъ. По другому—ощущеніе

цвѣтовъ возбуждается въ сѣтчатой оболочкѣ и мозгу особенными колебаніями, распространяющимися, вслѣдствіе свѣтоваго впечатлѣнія, отъ нервныхъ концовъ до оптическихъ нервныхъ центровъ и обусловливающими своею силою силу свѣтоваго ощущенія, а длиною волнъ—специфическія различія свѣтовыхъ ощущеній, называемыхъ цвѣтами. Въ красномъ цвѣтѣ число этихъ колебаній простирается отъ 4 до 5 билльйоновъ въ секунду, въ зеленомъ до 6, въ фіолетовомъ доходитъ до 8 билльйоновъ.

Зрительный нервъ непосредственно воспринимаетъ только свѣтовыя раздраженія; воспріятіе же фигуры, величины, разстоянія и вообще пространственнаго положенія предметовъ есть актъ сложный, образуемый совмѣстнымъ дѣйствіемъ чувствъ зрѣнія и осязанія.

Особенная ясность воспріятій чувства зрѣнія служитъ причиною того, что мы стараемся переводить на языкъ глазъ даже представленія о внутреннихъ (психическихъ) свойствахъ и состояніяхъ (ясный умъ, блестящее дарованіе, свѣтлая мысль); равно какъ воспріятіями зрѣнія измѣряемъ прочія ощущенія, подобно тому, какъ дѣти перваго возраста измѣряютъ всѣ ощущенія чувствомъ осязанія. Если намъ положатъ въ ротъ какую нибудь сласть, то мы прерываемъ наслажденіе и хотимъ видѣть ее; при входѣ въ садъ, обоняя ароматъ цвѣтовъ, мы тотчасъ же умственно представляемъ цвѣты и ищемъ ихъ глазами; слыша звуки незнакомаго намъ инструмента, мы такъ или иначе представляемъ его фигуру; слушая разсказъ о незнакомомъ человѣкѣ, мы, хотя по какому нибудь случайному сближенію, рисуемъ въ своемъ воображеніи его образъ. Напротивъ, наблюденія зрѣнія рѣдко и только при особенныхъ обстоятельствахъ возбуждаютъ прочія чувства. Когда мы слышимъ звуки, производимые мельничными колесами при движеніи въ водѣ, то всегда представляемъ себѣ фигуру колесъ и ихъ обращеніе въ водѣ; но когда смотримъ на мельничныя колеса, въ насъ не пробуждается мысли о томъ, какіе звуки произвело бы движеніе ихъ въ водѣ. Это стремленіе къ наглядности обнаруживается въ дѣтяхъ, начинающихъ развиваться, наклонностію разбирать и разрушать тѣ предметы, которыми они долго и разнообразно занимались, чтобы узнать, какъ соединены между собою части этихъ предметовъ и какъ дѣйствуютъ скрытыя отъ зрѣнія внутреннія пружины или неподлежащій зрѣнію механизмъ той или другой вещи.

Слухъ.—Органъ слуха есть ухо. Впечатлѣніе волнообразныхъ колебаній упругаго тѣла, получившаго ударъ отъ другаго тѣла, воспринятое нашимъ слуховымъ органомъ, возбуждаетъ въ немъ ощущеніе звука. Слуховой нервъ возбуждается звуковыми волнами при посредствѣ барабанной перепонки, слуховыхъ косточекъ (молоточекъ, наковальня и стремя), лабиринтной жидкости и мѣшочка, которыя, сообщенными имъ колебаніями, возбуждаютъ слуховыя нервныя волокна.

Въ звукѣ различаютъ слѣдующія три принадлежности: высоту звука, силу звука и качество звука. *Высота* звука зависитъ отъ быстроты колебаній, чрезъ правильную послѣдовательность которыхъ онъ производится въ данную единицу времени (въ секунду). *Сила* или напряженность звука зависитъ отъ объема сотрясеній звуковаго движеній, т. е. отъ энергіи, съ которою дрожащія частицы воздуха ударяюяся въ нашу барабанную перепонку. Наконецъ *качество* звука есть то, чѣмъ два одинаково высокіе и одинаково сильные звука различаются между собою, напр. какъ звуки различныхъ музыкальныхъ инструментовъ, различныхъ существъ природы и различныхъ человѣческихъ голосовъ. Самый низкій тонъ, который можетъ слышать человѣческое ухо, тотъ, при которомъ совершается 16 колебаній въ секунду; самый высокій, доступный для слуха, происходитъ отъ 38,000 колебаній въ секунду. Для музыкальныхъ тоновъ границы гораздо тѣснѣе и притомъ разныя для разныхъ инструментовъ (напр. фортепіано и скрипки). Ясно воспринимаемые тоны въ музыкѣ находятся между 40 и 4.000 колебаній въ секунду, слѣдовательно въ объемѣ 7 октавъ.

Тонъ, дѣлающій въ данный моментъ времени вдвое болѣе колебаній противъ другаго тона, составляетъ по отношенію къ этому послѣднему высшую *октаву*.

Слухъ, какъ органъ словесной рѣчи.—Слухъ есть органъ словесной рѣчи. Изъ всѣхъ обнаруженій внутреннихъ состояній, словесная рѣчь служитъ главнымъ органомъ взаимнаго обмѣна мыслей, желаній и чувствованій между людьми. Это объясняется тѣмъ, что словесная рѣчь состоитъ изъ небольшаго числа элементарныхъ звуковъ, которые способны къ безконечному множеству сочетаній и притомъ такихъ, въ которыхъ можно весьма легко отличать одинъ звукъ отъ другаго, чего нельзя сказать ни о какомъ другомъ способѣ

выраженія понятій. Членораздѣльные звуки съ такою быстротою слѣдуютъ одинъ за другимъ, что въ самый небольшой промежутокъ времени мы можемъ воспринять ихъ весьма много, между тѣмъ какъ жесты и тѣлодвиженія не представляютъ этого удобства. Мы можемъ слышать и различать звуки во всѣхъ направленіяхъ съ самою малою степенью вниманія; но всѣ другія обнаруженія мыслей подчинены, съ этой стороны, извѣстнымъ условіямъ, затрудняющимъ ихъ воспріятіе: надо обратиться къ предмету, чтобы видѣть его, и внимательно смотрѣть, чтобы посредствомъ зрѣнія уловить его особенности. Наконецъ весьма многія случайныя причины значительно ограничиваютъ языкъ движеній, не производя замѣтнаго вліянія на словесную рѣчь.

Глухонѣмые также образуютъ звуки; но такъ какъ они не слышатъ другихъ людей, то и не могутъ развить своихъ звуковъ до раздѣльности живой рѣчи. Поэтому оба эти недостатка всегда бываютъ соединены одинъ съ другимъ. Внутреннія основанія для образованія членораздѣльныхъ звуковъ существуютъ и у глухонѣмыхъ: но глухота не позволяетъ имъ развить ихъ до значительной степени ясности, раздѣльности и пріятности въ произношеніи.

О способахъ воспитанія и обученія глухонѣмыхъ существуютъ различныя мнѣнія. Одни отдаютъ преимущество природной мимикѣ (методъ Лепе и Сикара); другіе — слову и ручному письму (методъ Гейнике.) Но эти способы не исключаютъ другъ друга и человѣколюбіе къ несчастнымъ пользуется обоими для ихъ умственнаго и нравственнаго образованія.

Значеніе зрѣнія и слуха для душевнаго образованія.— Впечатлѣнія зрѣнія, по особенной ясности этого чувства, гораздо прочнѣе усвояются и вѣрнѣе воспроизводятся, нежели впечатлѣнія слуха. Мы дольше и лучше помнимъ то, что видѣли, нежели то, что слышали. Кромѣ того, звукъ распространяется въ границахъ довольно тѣсныхъ. Человѣческій голосъ перестаетъ быть слышимъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ, и даже громъ пушекъ, который потрясаетъ землю, съ разстояніемъ ослабѣваетъ и пропадаетъ. Для поднимающагося вверхъ на аэростатѣ несущіеся съ земли звуки становятся едва слышимы и наконецъ вовсе замираютъ. Между тѣмъ зрѣніе распространяетъ свои наблюденія на самые отдаленные предметы. Когда мы обращаемъ глаза къ неподвижнымъ звѣздамъ, то вступаемъ своимъ ощущеніемъ въ такое пространство, гдѣ теряетъ свою силу всякая мѣра и куда

уже никакое другое чувство не можетъ слѣдовать за зрѣніемъ. Но преимущество слуха предъ зрѣніемъ состоитъ въ томъ, что глазу доступна только поверхность предмета, между тѣмъ какъ слухомъ мы проникаемъ во внутреннюю жизнь другихъ людей и воспринимаемъ ее со всѣми перемѣнами ея состояній и тончайшими оттѣнками ея движеній. Глазъ дѣятеленъ только при свѣтѣ; притомъ его стѣсняютъ многія преграды, не останавливающія дѣятельности слуха. Поэтому послѣднее чувство имѣетъ болѣе вліянія на нашу жизнь и болѣе содѣйствуетъ нашему образованію, нежели зрѣніе.—Недостатокъ одного изъ этихъ чувствъ препятствуетъ пріобрѣтенію полнаго душевнаго образованія. Пространственныя представленія у слѣпорожденныхъ развиваются медленнѣе и несовершеннѣе, нежели у обладающихъ зрѣніемъ, вслѣдствіе чего они не могутъ образовать достаточно ясныхъ представленій о дальнихъ разстояніяхъ. Все, что зрѣніе и опирающаяся на немъ фантазія даютъ намъ для того, чтобы представить величіе міра, безконечное разнообразіе живой природы, всеобщій сплошной порядокъ въ ея явленіяхъ, кроткую и тихую красоту и борьбу ея мощныхъ силъ, все это остается для слѣпыхъ темнымъ, смутнымъ, неяснымъ; а это влечетъ за собою недостаточное развитіе религіозныхъ понятій. Далѣе, для слѣпаго закрыта цѣлая область пластическаго искусства и недоступны многія отрасли знанія, потому что ему не достаетъ основаній для ихъ развитія. Глухонѣмые также осуждены на болѣе или менѣе ограниченное развитіе. Процессъ образованія понятій совершается у нихъ еще медленнѣе, чѣмъ у слѣпыхъ, потому что, при недостаткѣ слова, имъ трудно удерживать постоянно смѣняющіяся представленія. Но недостатокъ слуха и языка, вообще препятствующій ихъ умственному образованію, дѣлаетъ его въ нѣкоторыхъ пунктахъ почти невозможнымъ. Сюда относится жизнь чувства или сердца, которая у глухонѣмыхъ остается замкнутою въ самыхъ тѣсныхъ границахъ; а несовершенство ея въ свою очередь отражается на развитіи ума. Хотя глухонѣмой въ состояніи, по впечатлѣніямъ зрѣнія, понимать внутреннія чувства другихъ людей и объяснять ихъ по аналогіи съ своими собственными, но тончайшіе оттѣнки этихъ состояній, которые выражаются звуками голоса, должны остаться для него совершенно неизвѣстными. Вну-

тренняя сторона души, величіе и сила характера, разнообразныя движенія сердца и волненія страсти, остаются для него почти совершенно неизвѣстными. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не можетъ составить полнаго понятія ни объ отдѣльномъ характерѣ лица, ни о національномъ характерѣ народа. Какъ въ другихъ онъ видитъ почти только внѣшнюю сторону, такъ и собственное его внутреннее состояніе дѣлается для него мало привлекательнымъ и пріятнымъ. Главный пособникъ его—зрѣніе—постоянно обращенъ на внѣшнее; глухонѣмой старается наверстать имъ недостатокъ слуха; поэтому вниманіе его постоянно обращено на внѣшніе предметы. Между тѣмъ какъ люди, обладающіе здоровыми чувствами, при всякой значительной перемѣнѣ во внѣшнемъ мірѣ, прямо обращается къ чувству слуха, которое во многихъ случаяхъ даетъ необходимое направленіе ихъ взорамъ: глухой не имѣетъ этой выгоды и вслѣдствіе того самымъ даже зрѣніемъ пользуется ограниченно.

Вкусъ и обоняніе.—Вкусъ и обоняніе суть низшія органическія чувства. Между тѣмъ какъ зрѣніе и слухъ служатъ преимущественно для духовной жизни, вкусъ и обоняніе—для матеріальной и имѣютъ чувственно-практическій характеръ. По причинѣ субъективности этихъ чувствъ, ощущенія ихъ зависятъ не только отъ объекта, но и отъ состоянія воспринимающаго органа. Поэтому одно и тоже впечатлѣніе по обстоятельствамъ бываетъ намъ пріятно и непріятно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ всѣхъ ощущеній ощущенія вкуса и обонянія суть самыя темныя, равно какъ образующіяся изъ нихъ представленія—самыя неопредѣленныя и несовершенныя какъ для нашего собственнаго сознанія, такъ и для словеснаго сообщенія ихъ другимъ. Этимъ легко объясняется, почему обоняніе и вкусъ имѣютъ очень малое вліяніе на душевное развитіе. Но, какъ предназначенныя для охраненія тѣлесной жизни, они обладаютъ высшею воспріимчивостію ко всему, что можетъ вредно дѣйствовать на дыханіе и пищевареніе, и тѣсно связаны между собою: упадокъ воспріимчивости одного чувства дѣйствуетъ равномѣрно на другое; что непріятно обонянію, то не привлекаетъ вкуса. Въ этихъ низшихъ чувствахъ дѣйствуетъ не механическое движеніе, какъ въ зрѣніи и вкусѣ, но химическій процессъ.

Вкусъ.—Органомъ вкуса служитъ языкъ и преимущественно корень языка или вся задняя часть полости рта. Для образованія ощущеній вкуса необходима влажность языка, растворяющая вкушаемыя вещества. Съ измѣненіемъ ея измѣняются и качества вкуса. Онъ дѣлается горькимъ, когда кровь насыщена желчными началами и совершенно исчезаетъ при сильныхъ катарральныхъ и гастрическихъ болѣзняхъ. Самая большая часть подобныхъ измѣненій вкуса зависитъ отъ химическихъ измѣненій слюны; но нѣкоторыя зависятъ отъ чисто субъективнаго состоянія нервовъ вкуса. Въ языкѣ распространяются не одни только вкусовые нервы: въ немъ чрезвычайно развито и чувство осязанія. То, что мы обыкновенно называемъ вкусомъ, представляетъ большею частію комбинацію собственно вкусоваго ощущенія и осязанія, которымъ языкъ обладаетъ въ высшей степени.

Содержаніе ощущеній вкуса составляютъ химическія свойства тѣлъ. Впрочемъ ощущенія вкуса несоизмѣримы съ химическими свойствами тѣлъ: нерѣдко тѣла, различныя по химическому составу, возбуждаютъ одинаковое ощущеніе вкуса, и, наоборотъ, сродныя—различное; напр. уксусная кислота и сѣрная кислота, не смотря на совершенно различный химическій составъ ихъ, обѣ кислы; нѣкоторые роды сахара, сходные съ обыкновеннымъ сахаромъ, не возбуждаютъ ощущенія сладкаго вкуса. Главныя формы вкусовыхъ ощущеній суть: *горькое, сладкое, кислое и соленое.* Всѣ другіе вкусы (напр. *щелочной, металлическій, мягкій, острый, вяжущій, прохлаждающій*) касаются частію опредѣленныхъ предметовъ, частію тона ощущенія, частію температуры.

Обоняніе.—Какъ вкусъ связанъ съ процессомъ питанія, такъ обоняніе съ процессомъ дыханія. Посредствомъ обонянія мы уже издали узнаемъ роды воздуха, который мы вдыхаемъ, потому что, прежде чѣмъ онъ войдетъ въ наше дыханіе, онъ долженъ пройдти чрезъ чувство обонянія, за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда, для избѣжанія непріятныхъ запаховъ, мы закрываемъ носъ и дышемъ открывши ротъ. Обоняніе воспринимаетъ собственно только пахучія тѣла, и ощущенія его извѣстны подъ именемъ запаховъ. Причины различныхъ характеровъ запаха неизвѣстны, точно также какъ вообще неизвѣстна причина запаха. Нѣтъ даже дѣленія па-

хучихъ веществъ на группы и нѣтъ общихъ названій для запаховъ; большею частію мы называемъ ихъ по тѣлу, которому они свойственны. Въ этомъ отношеніи запаховъ можетъ быть безчисленное множество—столько, столько есть пахучихъ тѣлъ. Отдѣльные запахи бываютъ или пріятные или непріятные. Однако граница между тѣми и другими не одинакова для различныхъ людей, такъ какъ часто одному бываетъ пріятно то, что другаго поражаетъ непріятнымъ образомъ. Кромѣ того, чувство обонянія можетъ примиряться съ отдѣльными непріятными запахами вслѣдствіе привычки, какъ напр. у мыловаровъ, кожевниковъ и т. п., для которыхъ дурно-пахучіе предметы ихъ промысла наконецъ перестаютъ быть непріятными. Ощущеніе обонянія основывается, вѣроятно, на химическомъ разложеніи обоняемыхъ веществъ въ слизи полости носа. Измѣренія, произведенныя для опредѣленія границъ, въ которыхъ мы еще слышимъ запахъ различныхъ пахучихъ веществъ, привели къ чрезвычайно замѣчательнымъ результатамъ. Въ пространствѣ воздуха, содержащемъ не болѣе одной десятимилліонной части, по объему, паровъ розоваго масла, еще очень хорошо слышенъ запахъ послѣдняго; точно также жидкость, содержащая двѣ милліонныхъ части миллиграмма мускуса, распространяетъ еще довольно сильный запахъ его.

Ни одинъ органъ не находится въ такой тѣсной связи съ дѣятельностію мозга, какъ органъ обонянія. Есть запахи, производящіе одуреніе, головную боль, головокруженіе, сонливость и обморокъ, и на оборотъ, человѣка, находящагося въ безчувственномъ состояніи, приводятъ въ себя посредствомъ сильныхъ, быстрыхъ накожныхъ раздраженій, или посредствомъ введенія летучихъ, сильно дѣйствующихъ веществъ въ его носовую полость. Причина этого заключается въ томъ, что волокна обонятельнаго нерва непосредственно переносятъ возбужденія на полушарія большаго мозга.

Осязаніе. — Осязаніе соединяетъ въ себѣ характеръ высшихъ и низшихъ чувствъ. Въ ощущеніяхъ этого чувства мы также воспринимаемъ предметъ непосредственно, хотя воззрѣнія его не имѣютъ такой ясности и раздѣльности, какъ ощущенія зрѣнія и слуха. Органомъ осязанія можетъ служить вся поверхность нашего тѣла, потому что мы почти такъ же хорошо можемъ осязать какой нибудь пред-

метъ ногою, какъ и рукою: но предпочтительно органомъ осязанія служитъ рука и особенно внутренняя поверхность пальцевъ, надѣленная осязательными возвышеніями, которыя усиливаютъ чувствительность къ впечатлѣніямъ давленія. Изъ прочихъ частей тѣла сравнительно большую чувствительность относительно осязанія показываютъ кончикъ языка, розовыя части губъ, кончикъ носа, наружная поверхность пальцевъ и кожа щекъ. Посредниками многообразныхъ ощущеній осязанія служатъ чувствительныя нервныя волокна, выходящія изъ задняго спиннаго мозга, а также чувствительныя части нервовъ языкоглоточнаго, тройничнаго, блуждающаго и прибавочнаго.

Чувствомъ осязанія мы наблюдаемъ тяжесть тѣлъ, твердость и свойства поверхности, но ничего не узнаемъ о качественныхъ различіяхъ внѣшнихъ вещей. Чувство осязанія способно къ большому развитію. Люди, отъ природы лишенные зрѣнія или въ продолженіе жизни потерявшіе его, равно какъ остававшіеся долго въ темныхъ мѣстахъ, развиваютъ осязаніе до высокой степени совершенства и образуютъ такія представленія, какія мы пріобрѣтаемъ обыкновенно посредствомъ зрѣнія.

Обманы чувствъ. Иллюзіи и галлюцинаціи.—То, что обыкновенно называютъ *обманами чувствъ*, основывается на подмѣнѣ ощущеній репродуктивными представленіями. Обманы чувствъ болѣе или менѣе возможны для всѣхъ чувствъ и всѣхъ индивидуумовъ.

Вообще различаютъ два рода обмановъ чувствъ: 1) *иллюзіи* и 2) *галлюцинаціи*. *Иллюзіи* суть такіе обманы чувствъ, которые имѣютъ основаніемъ дѣйствительно данныя (объективныя) впечатлѣнія, но не вѣрно воспринятыя или ложно истолкованныя въ смыслѣ какихъ-либо преобладающихъ въ сознаніи представленій: такъ, мы принимаемъ звуки вѣтра за голосъ человѣка или крикъ животнаго; тѣни деревъ при свѣтѣ лунной ночи—за фигуры людей и животныхъ и проч. *Галлюцинаціи* суть чисто-субъективныя (самобытно образованныя или репродуктивныя въ тѣсномъ смыслѣ) представленія, которыя, вслѣдствіе необыкновенно живой репродукціи, получаютъ характеръ дѣйствительныхъ (объективныхъ) ощущеній. Простые примѣры галлюцинаціи суть разныя видѣнія на яву, слышаніе голосовъ въ воздухѣ и т. п. Сюда принадлежатъ также явленія, возбуждаемыя

употребленіемъ наркотическихъ веществъ—опія, гашиша, белладонны и пр.

Обманы чувствъ возбуждаются частію физическими, частію психическими причинами. Физическими причинами иллюзій служатъ болѣзненныя состоянія того или другаго чувствовательнаго органа, механическое возбужденіе его кровью, чрезмѣрно возбужденное состояніе центральныхъ органовъ; психическою — необыкновенная живость репродукціи въ данномъ случаѣ. Галлюцинаціи физическаго происхожденія возникаютъ при болѣзненномъ состояніи или чрезвычайномъ возбужденіи нервной системы; галлюцинаціи психическаго происхожденія—при извѣстныхъ аффективныхъ состояніяхъ, возбуждающихъ тѣ или другія представленія въ сознаніи съ чрезвычайной степенью живости. Галлюцинаціямъ легче всѣхъ подвергаются чувства зрѣнія и слуха, а иногда и чувство обонянія.

Движенія.—Съ ощущеніями тѣсно связаны *движенія*, которыя частію возникаютъ изъ ощущеній, частію служатъ поводомъ къ нимъ. Смотря по тому, происходятъ ли движенія при участіи воли или возникаютъ помимо ея, они раздѣляются на два рода: *произвольныя и непроизвольныя*. Оба рода движеній выполняются мышцами, которыя, состоя изъ упругихъ волоконъ, отъ вліянія движущихъ нервовъ подвергаются сокращенію. Произвольныя движенія называются *дѣйствіями*.

Двумъ главнымъ формамъ движеній соотвѣтствуютъ два различные вида мышцъ, посредствомъ которыхъ выполняются тѣ и другія движенія. Однѣ изъ этихъ мышцъ называются *мышцами произвольнаго движенія* или *поперечно-полосатыми;* другія—*мышцами органическаго движенія* или *гладкими*. Мышцы послѣдняго вида производятъ движенія исключительно органическія и не входящія въ область психологіи (каковы движенія въ органахъ пищеваренія, всасыванія, въ выдѣлительныхъ органахъ и т. п.).

Непроизвольныя движенія суть: 1) *рефлективныя*, которыя происходятъ вслѣдствіе явныхъ чувственныхъ возбужденій, и 2) *автоматическія*, которыя происходятъ безъ опредѣленнаго чувственнаго возбужденія.

1) *Рефлективными* или *отраженными движеніями* называются такія, которыя, помимо воли, большею частію неизмѣнно слѣдуютъ за раздраженіемъ. Впечатлѣніе, дѣйствующее чрезъ чувствующіе нервы на центральныя чувствительныя клѣтки, переходитъ отсюда на опредѣленныя двигающія волокна, подобно тому, какъ напримѣръ лучъ свѣта отражается отъ зеркальной поверхности.

Особую разность рефлективныхъ движеній составляютъ *инстинктивныя движенія*, которыя хотя первоначально происходятъ отъ сознательныхъ впечатлѣній или раздраженій (пріятныхъ или непріятныхъ ощущеній), но впослѣдствіи, по частому и всегда однообразному повторенію, утратили свой произвольный характеръ и сдѣлались механически-привычными. Главные виды ихъ суть: 1) движенія, направленныя къ охраненію и защищенію собственнаго тѣла и наступающія при привычныхъ ощущеніяхъ, указывающихъ на тѣ или другія случайныя непріятныя или вредныя вліянія, напр. закрытіе глазъ или движеніе рукъ въ виду навстрѣчу летящаго тѣла и т. п.; 2) подражательныя движенія, возникающія при видѣ привычныхъ чужихъ движеній, напр. движенія рукъ при видѣ фехтованья и т. п.; 3) совмѣстныя движенія, возбуждаемыя въ тѣхъ или другихъ мышцахъ или группахъ мышцъ движеніемъ другихъ мышцъ, напр. движенія парныхъ органовъ, и 4) ассоціативныя или комбинированныя движенія, вызываемыя одновременнымъ привычнымъ напряженіемъ нѣсколькихъ мышцъ или нѣсколькихъ группъ мышцъ, напр. переходы тоновъ въ пѣніи, виртуозность игры на музыкальныхъ инструментахъ, ловкость въ техническихъ ручныхъ производствахъ и т. п.

2) *Автоматическія движенія* происходятъ первоначально безъ участія воли и безъ толчка извнѣ, вслѣдствіе внутренняго возбужденія. Группировка мышцъ, производящихъ эти движенія, сначала бываетъ непроизвольная, хотя можетъ впослѣдствіи подчиняться волѣ. Движенія эти всегда механически сопровождаютъ собою психическія состоянія и развиваются параллельно съ ними. Сюда принадлежатъ, ближайшимъ образомъ, движенія смѣха и плача, гримасы, мимика, игра физіономіи и т. п.

Произвольныя движенія возникаютъ изъ опредѣленнаго акта

воли, дающей возбужденіе (импульсъ) двигательнымъ нервамъ. Дѣйствіе воли въ произвольныхъ движеніяхъ простирается только на возбужденіе и направленіе движеній, не простираясь на самое исполненіе ихъ. Когда мы ходимъ, то путь обыкновенно указывается волею, но самое хожденіе состоитъ изъ инстинктивныхъ движеній.

Различіе между произвольными и непроизвольными движеніями не безусловно. Каждое первоначальное произвольное движеніе, при частомъ совершеніи или повтореніи, можетъ сдѣлаться непроизвольнымъ или инстинктивнымъ, и наоборотъ, движенія, первоначально непроизвольныя или инстинктивныя, могутъ превратиться въ произвольныя.

Новѣйшая физіологія нервной системы дѣлаетъ попытки къ измѣренію скорости, съ какою впечатлѣніе, полученное на периферическомъ окончаніи нерва, распространяется по нерву, доходитъ до центральнаго органа и переходитъ въ движеніе, или—времени, проходящаго между раздраженіемъ и рефлективымъ движеніемъ. По сдѣланнымъ наблюденіямъ, время между моментомъ раздраженія кожи и вытекающимъ отсюда рефлективнымъ движеніемъ равняется $^1/_{10}$ секунды (Германнъ, *Учебникъ физіологіи*, въ изданіи И. Сѣченова, стр. 340. Вундтъ, лекц. III). Впрочемъ различныя обстоятельства (напр. состояніе нервной системы въ данный моментъ) увеличиваютъ или уменьшаютъ быстроту прохожденія раздраженія по нервамъ и нервнымъ центрамъ.

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

I. УМЪ И УМСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

1. Представленія.

Понятіе о представленіяхъ.—Представленіе есть сложное воззрѣніе. Между тѣмъ какъ воззрѣніе вводитъ въ наше сознаніе одну какую либо сторону, свойство или качество вещи, и заключаетъ въ себѣ только одинъ простой элементъ, напримѣръ звукъ, цвѣтъ, твердое,

кислое, пахучее, — представленіе заключаетъ въ себѣ множество разнообразныхъ элементовъ, соотвѣтствующихъ всей полнотѣ свойствъ и качествъ наблюдаемой вещи. Поэтому воззрѣнія нельзя опредѣлить, но можно только описать; представленіе напротивъ можно опредѣлить. Воззрѣніе имѣетъ дѣло съ элементарнымъ свойствомъ или качествомъ вещи: представленіе имѣетъ дѣло съ вещью, какъ совокупностію разныхъ свойствъ. Предметъ воззрѣнія составляетъ одно: предметъ представленія многое, какъ одна вещь. Въ воззрѣніи поваренной соли, напр., мы имѣемъ то свойство, которымъ она подѣйствовала на одно какое-либо чувство, но въ представленіи содержатся слѣдующіе элементы: бѣловатый цвѣтъ, форма многоугольника, особенный вкусъ, шероховатая и влажная поверхность и особенный трескъ при раздавливаніи ея.

Но такъ какъ то, что мы называемъ вещью, представляющею совокупность многихъ свойствъ, не дается чувствомъ, потому что чувства принимаютъ впечатлѣнія только отдѣльныхъ свойствъ; съ другой стороны, такъ какъ нѣтъ органа для воспріятія цѣлой вещи: то очевидно, что представленіе, въ которомъ отражается цѣлая вещь, есть собственное произведеніе души, именно дѣятельности отвлекающаго и совокупляющаго воображенія. Актъ этого образованія не есть актъ ни первичный, ни сознательный. Самое это образованіе не такъ просто, какъ представляется съ перваго взгляда. Легко примѣтить, что не всѣ впечатлѣнія, къ которымъ даютъ поводъ разнообразныя свойства вещи, воспринимаются всякій разъ вмѣстѣ. Когда сахаръ лежитъ на столѣ, то мы видимъ только его фигуру и бѣлый цвѣтъ; когда мы беремъ его рукою, то чувствуемъ жосткость; когда беремъ его на языкъ, чувствуемъ сладость. Кромѣ того, мы не всегда воспринимаемъ впечатлѣнія отъ одной вещи, но большею частію отъ многихъ вещей вмѣстѣ: видимъ столъ, полъ, на которомъ онъ стоитъ, и множество вещей, которыя около него расположены; вмѣстѣ съ тѣмъ слышимъ звуки, тоны и т. д. Только послѣ того, какъ совокупятся въ одинъ образъ всѣ свойства вещи, и выдѣлится все, что ей не принадлежитъ — столъ, на которомъ она лежитъ, полъ на которомъ стоитъ столъ, окружающія вещи — только тогда является обособленное воззрѣніе вещи въ формѣ представленія. Такимъ обра-

зомъ масса воззрѣній мало по малу упорядочивается въ душѣ и частію изъ прежнихъ, частію изъ новыхъ воззрѣній возникаютъ представленія, какъ образы цѣльныхъ, отдѣльныхъ вещей. Изъ многихъ свойствъ вещи одно какое-либо выдѣляется рѣзче другихъ и сообщаетъ свой характеръ цѣлому представленію.

Сходство и различіе между чувственными ощущеніями и представленіями.—Такъ какъ представленіе есть умственный образъ предмета, воспринятаго чувствами, то въ немъ находятся всѣ тѣ же элементы, какъ и въ чувственномъ воззрѣніи. Поэтому, чего не было въ воззрѣніи, того не можетъ быть и въ представленіи, и на оборотъ, что мы имѣемъ въ представленіи, то непремѣнно было въ воззрѣніи. Кругъ нашихъ представленій всегда равенъ кругу наблюденій. Слѣпой отъ природы не можетъ имѣть представленія о цвѣтахъ и глухой о звукахъ. Вмѣстѣ съ этимъ должно быть различіе въ воззрѣніяхъ, а затѣмъ и въ представленіяхъ, по содержанію ихъ, у людей разныхъ возрастовъ и степеней образованія, равно какъ у жителей странъ сѣверныхъ и южныхъ и проч.

Но 1) между тѣмъ какъ ощущенія прекращаются вмѣстѣ съ прекращеніемъ дѣйствія предметовъ на наши чувства, представленія, какъ умственные образы этихъ предметовъ, остаются въ нашей душѣ и послѣ того, какъ соотвѣтствующіе имъ предметы перестали дѣйствовать на наши чувства. Представленія увѣковѣчиваютъ въ нашей душѣ образы предметовъ, хотя бы самые эти предметы вовсе перестали существовать. Вмѣстѣ съ этимъ они болѣе или менѣе независимы отъ внѣшнихъ предметовъ. Мы можемъ вызвать ихъ когда хотимъ, независимо отъ самыхъ предметовъ, къ которымъ они относятся. Мы во всякое время можемъ представить видѣнный предметъ только потому, что въ насъ есть образъ его.

2) Представленія, ничѣмъ не отличаясь отъ чувственныхъ воззрѣній по содержанію, отличаются по *степени силы*, съ какою они дѣйствуютъ на душу. Сила представленій вообще слабѣе, нежели чувственныхъ ощущеній.

Наблюдая за дѣйствіемъ различныхъ предметовъ на душу, легко примѣтить, что производимое ими впечатлѣніе и возбуждаемое ими ощущеніе бываютъ не одинаковы, что одни изъ нихъ производятъ

сильное, другіе слабое впечатлѣніе, и между высшею и низшею степенями силы находится много среднихъ степеней. Ослѣпительный блескъ заключаетъ больше напряженности, чѣмъ слабый свѣтъ, и въ нашемъ глазѣ возбуждаетъ больше раздраженія, чѣмъ лучи послѣдняго, равно какъ ощущеніе пронзительнаго звука производитъ въ насъ больше раздраженія, чѣмъ ощущеніе тихаго тона. Но воспоминаніе произведеннаго ими раздраженія совсѣмъ не производитъ въ насъ того потрясенія, какое мы испытывали въ самый моментъ ощущенія того или другого впечатлѣнія. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ, повидимому, это бываетъ, мы имѣемъ въ сознаніи лишь воспоминаніе того, что прежде испытано нами отъ воспроизводимаго теперь содержанія. Мы можемъ припоминать недавніе раскаты грома и со всею ясностію воспроизводить ихъ силу: но возбужденіе, какое мы будемъ при этомъ испытывать, не будетъ сильнѣе того, какое произвело бы въ насъ представленіе самаго тихаго тона. Можетъ быть мы будемъ припоминать то потрясеніе, какое произвели въ насъ эти раскаты: но ясное представленіе сильнаго потрясенія едва ли сильнѣе на насъ подѣйствуетъ, чѣмъ представленіе самаго незначительнаго раздраженія нерва. Въ воспоминаніи мы можемъ различать тяжесть двухъ тѣлъ: но самое точное воспроизведеніе сильнѣйшаго давленія, какое мы испытывали когда-нибудь отъ одного изъ этихъ тѣлъ, отзовется для насъ не бо́льшимъ бременемъ, чѣмъ какое мы ощущаемъ отъ самой незначительной ноши. Впрочемъ въ томъ случаѣ, когда репродуктивныя представленія близко и живо затрогиваютъ наши интересы, они перестаютъ быть безразличными для насъ и производятъ въ душѣ потрясеніе, близкое къ тому, какое мы испытываемъ при дѣйствіи самыхъ предметовъ. Дорогія утраты забываются не скоро и сердце болѣзненно поражается всякій разъ, какъ мы вспоминаемъ о печальныхъ событіяхъ, глубоко потрясшихъ все наше существо. Впрочемъ не только болѣе или менѣе сильныя потрясенія, но даже обыкновенныя ощущенія удовольствія и неудовольствія воспроизводятся душею съ пріятнымъ или непріятнымъ чувствомъ. Правда, воспоминаніе боли не есть боль и воспоминаніе удовольствія не есть удовольствіе: однакожъ всякій знаетъ по собственному опыту, что воспоминанія боли и удовольствія различно отзываются въ душѣ,

и между тѣмъ какое первое будитъ непріятныя испытанныя ощущенія, послѣднее оживляетъ въ душѣ свѣтлые образы лицъ, вещей и событій, которые пріятно дѣйствовали на чувство.

3) *Степень ясности* воспроизведеннаго представленія вообще не можетъ быть выше той, какую оно имѣло при своемъ первомъ образованіи; но она можетъ увеличиться вслѣдствіе либо внутренняго осложненія представленій, либо новыхъ отношеній, въ которыя оно становится съ другими представленіями, вообще при увеличеніи его содержанія. Одинъ и тотъ же тонъ, производимый однимъ и тѣмъ же числомъ колебаній, мы не можемъ представлять то болѣе, то менѣе ясно. Если же мы въ представленіи различаемъ степени ясности, въ такомъ случаѣ имѣемъ не сильнѣйшее или слабѣйшее представленіе того же самаго тона, а представленіе сильнѣйшаго или слабѣйшаго тона, и слѣдовательно имѣемъ дѣло не съ однимъ и тѣмъ же, а съ различнымъ содержаніемъ.—Точно также, если мы, наблюдая извѣстный предметъ, имѣемъ въ виду не только всѣ отдѣльныя части его, но и ту опредѣленную связь, которая соединяетъ ихъ въ одно цѣлое, то представленіе этого предмета не можетъ быть воспроизводимо въ нашемъ сознаніи съ большею или меньшею ясностію своего содержанія. Но если наблюденіе какого-нибудь предмета по содержанію своему неполно, если напримѣръ, разсматривая какую-нибудь машину, мы не обратили вниманія на нѣкоторыя изъ ея частей и вовсе упустили изъ виду связь, какая соединяетъ отдѣльныя части въ одно цѣлое: въ такомъ случаѣ, пытаясь воспроизвесть цѣлый образъ видѣнной нами машины, мы чувствуемъ неясность нашего представленія о ней и стараемся различнымъ образомъ пополнить пробѣлы, оказавшіеся въ содержаніи этого представленія. И на оборотъ, когда воззрѣніе воспроизводится въ сознаніи съ большею ясностію, это значитъ, что къ его прежнему объему непремѣнно прибавилось новое содержаніе. Это увеличеніе содержанія даннаго представленія происходитъ вслѣдствіе различныхъ отношеній, въ которыя оно входитъ съ содержаніемъ другихъ представленій. Представленіе треугольника или круга, очевидно, не можетъ быть большимъ или меньшимъ по степени ясности: тутъ можно только либо имѣть въ сознаніи правильное очертаніе этихъ фигуръ, либо не имѣть никакого

представленія; но фигуры эти болѣе проясняются для нашего сознанія, когда геометрическія познанія наши даютъ возможность представлять вмѣстѣ и тѣ многоразличныя отношенія, которыми они характеризуются. Эта-то ясность, какую представляемое содержаніе получаетъ не отъ себя самаго, а отъ соотношенія своего съ другими содержаніями,—ясность, которая можетъ то увеличиваться, то уменьшаться, смотря потому, расширяется или уменьшается кругъ отношеній даннаго содержанія къ другимъ,—и составляетъ ту силу, посредствомъ которой представленія могутъ оказывать вліяніе на направленіе нашихъ мыслей. Если посему какое нибудь представленіе, обладавшее первоначально въ нашемъ сознаніи необыкновенною живостію, дѣлается неяснымъ и какъ бы темнѣетъ, то это происходитъ отъ того, что, при каждомъ послѣдующемъ пробужденіи своемъ въ сознаніи, оно приводитъ съ собою меньшее и меньшее количество побочныхъ мыслей, какія примыкали къ нему въ моментъ наибольшей его ясности и даже обусловливали своимъ присутствіемъ самую эту ясность.

Наконецъ 4) представленія отличаются отъ чувственныхъ ощущеній степенью *живости*, по которой мы вообще отличаемъ представленія отъ чувственныхъ ощущеній. Эта живость сказывается въ нашемъ сознаніи въ одномъ случаѣ—въ чувственныхъ ощущеніяхъ—чувствомъ присутствія предметовъ, которыми они возбуждены; въ другомъ—въ представленіяхъ—чувствомъ отсутствія предметовъ, къ которымъ они относятся по своему содержанію. Ближайшую причину высшей живости чувственныхъ ощущеній, сравнительно съ представленіями (и вообще субъективными образами, каковы напр. мечты воображенія), составляютъ различныя ограниченія ощущеній, которыми въ чувственныхъ наблюденіяхъ сопровождается дѣйствіе внѣшнихъ предметовъ на душу, и которыхъ при представленіяхъ не бываетъ.

Если измѣняется это отношеніе между чувственными ощущеніями съ одной и представленіями съ другой стороны, если послѣднія пріобрѣтаютъ такую степень живости, какая соотвѣтствуетъ только чувственнымъ ощущеніямъ, и наоборотъ — чувственныя ощущенія возбуждаются съ слабою степенью живости, соотвѣтствующею только представленіямъ: то мы впадаемъ въ обманъ и принимаемъ представленія за чувственныя ощущенія (воображаемое счи-

таемъ дѣйствительнымъ) и наоборотъ (дѣйствительное—произведеніемъ воображенія). Такъ, сильно-возбужденное воображеніе (въ состояніи опьяненія и при нѣкоторыхъ тѣлесныхъ и душевныхъ болѣзняхъ) выдаетъ субъективные образы за дѣйствительные, и наоборотъ, слишкомъ слабое дѣйствіе предметовъ на чувства въ чувственныхъ ощущеніяхъ (напримѣръ, при недостаточномъ освѣщеніи предмета, при неясныхъ звукахъ, въ сновидѣніяхъ) нерѣдко служитъ поводомъ къ тому, что мы принимаемъ дѣйствительные предметы за призрачные или воображаемые. Въ состояніи относительно здоровомъ эти обольщенія прекращаются скоро и мечты воображенія принимаютъ свой подлинный характеръ; но въ больномъ и разстроенномъ состояніи души они могутъ быть очень продолжительны.—Этотъ подмѣнъ чувственныхъ ощущеній фантастическими образами простирается и на наше воспоминаніе. Даже въ обыкновенномъ ходѣ жизни мы часто принимаемъ слышанное когда-то отъ другихъ за дѣйствіе собственнаго размышленія, видѣнное на яву—за сонъ и видѣнное во снѣ—за дѣйствительность. Чѣмъ дальше по времени отстоятъ воспроизводимыя представленія отъ чувственныхъ впечатлѣній, изъ которыхъ они образовались, тѣмъ легче принять ихъ за вымыселъ воображенія. Припоминая, что случалось съ нами въ дѣтствѣ, мы часто слышанное отъ другихъ смѣшиваемъ съ нашимъ собственнымъ опытомъ. Но иногда воображеніе, не ограничиваясь подобными частными случаями, получаетъ на болѣе или менѣе продолжительное время болѣзненную настроенность выдавать видѣнное и слышанное отъ другихъ за собственныя мысли извѣстнаго лица, или сны и грезы за дѣйствительныя ощущенія.

Врачъ Эргардъ пишетъ о себѣ, что въ дѣтствѣ онъ часто спорилъ съ своими домашними, утверждая, что онъ на самомъ дѣлѣ видѣлъ или слышалъ то, что между тѣмъ видѣлъ только во снѣ; и въ послѣдующее время жизни многія сновидѣнія, спустя нѣкоторое время послѣ того, какъ онъ имѣлъ ихъ, казались ему дѣйствительностію, часто безпокоили его и вынуждали справляться—особенно, когда дѣло касалось постороннихъ лицъ—точно ли у него было съ ними что-нибудь подобное тому, что ему представляется, или онъ видѣлъ все это во снѣ.

Сохраненіе представленій въ душѣ. Область несознаваемыхъ представленій.—Всѣ представленія, образованныя душею съ дос-

таточною степенью совершенства, обращаются въ собственность души и сохраняются ею въ продолженіе всей ея жизни. Опытъ постоянно подтверждаетъ это тѣми явленіями, что въ старости весьма ясно и отчетливо помнятся самыя раннія впечатлѣнія перваго дѣтства и что вообще, при извѣстныхъ внѣшнихъ возбужденіяхъ, мы вспоминаемъ, то есть вызываемъ изъ глубины души на поверхность ея—въ сознаніе, то, что забыто было нами, что въ безвѣстности покоилось въ душѣ въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, иногда цѣлой жизни. Образованіе характера, привычекъ, склонностей и весь ходъ душевнаго развитія основывается на этомъ важнѣйшемъ законѣ нашей душевной жизни.

Представленія сохраняются въ нашей душѣ въ несознательномъ состояніи и только по вызову души или внѣшнихъ впечатлѣній входятъ правильною чередою въ сознаніе, съ тѣмъ, чтобы, по минованіи нужды въ нихъ, снова возвратиться въ безсознательность. Если бы всѣ представленія во всякое время и безпорядочно вторгались въ сознаніе, то они производили бы постоянную запутанность въ теченіи нашихъ мыслей. Даже самая малоразвитая человѣческая душа имѣетъ такое безчисленное множество представленій, что произошелъ бы совершенный безпорядокъ, если бы каждое изъ нихъ постоянно находилось въ сознаніи. Въ отвращеніе этого Творецъ премудро установилъ непрерывную смѣну сознательности и несознательности представленій на такихъ твердыхъ законахъ, что мы всегда можемъ распоряжаться тѣмъ, что намъ нужно для сознательной дѣятельности, не испытывая неудобствъ отъ безпорядочнаго натиска представленій. Если намъ иногда кажется, что извѣстные душевные образы являются къ намъ безъ призыва, что море представленій и мыслей вдругъ хочетъ втѣсниться въ сознаніе, прервавъ всякую преграду, и наоборотъ, что воспоминаніе дѣлается глухимъ и упрямымъ, когда находящееся въ насъ представленіе, не смотря на всѣ усилія, не хочетъ быть сознаннымъ: то даже эти явленія не составляютъ исключенія изъ неизмѣнныхъ законовъ, которыми управляется обыкновенная смѣна сознательнаго и несознательнаго состояній,—законовъ, при всей чудной несложности своей, такъ удивительно обнимающихъ всю духовную жизнь. Такимъ образомъ всѣ ощущенія, образовавшіяся въ душѣ съ надлежащимъ совершенствомъ, сохраняются

въ ней въ несознательномъ состояніи. Но безсознательный образъ можетъ опять сдѣлаться сознательнымъ, можетъ изъ глубины души войдти въ сознательное душевное развитіе, можетъ быть воспроизведенъ, снова введенъ въ сознаніе.

Мы никогда не можемъ опредѣлить количества представленій, хранящихся въ нашей душѣ и въ душахъ другихъ людей въ несознательномъ состояніи; и если говоримъ объ относительномъ богатствѣ или бѣдности душевнаго образованія различныхъ людей, стоящихъ на среднемъ уровнѣ развитія, то имѣемъ въ виду большею частію только тѣ подвижныя представленія, которыми каждый изъ насъ располагаетъ въ обыкновенномъ теченіи жизни.

Представленія, покоящіяся въ душѣ въ несознательномъ состояніи, находятся на различныхъ ступеняхъ близости къ сознанію. Относительная близость къ сознанію различныхъ представленій опредѣляется недавностью ихъ перехода изъ сознанія въ безсознательность, но преимущественно — степенью интереса, который мы имѣемъ къ представляемому въ нихъ содержанію.

Безсознательное содержаніе души постоянно, однакожъ, дѣйствуетъ на сознаніе и на сознательныя состоянія. Все, что мы называемъ развитостью, опытностью, навыкомъ, искусствомъ,—все это основывается, въ каждомъ частномъ случаѣ ихъ примѣненія, на томъ множествѣ несознаваемыхъ душевныхъ образовъ—воззрѣній, представленій и различныхъ душевныхъ движеній,—которые послужили для нихъ основаніемъ. При распознаваніи болѣзни сознанію врача не присущи, конечно, всѣ тѣ многочисленные случаи, которые развили въ немъ опытный взглядъ и искусство діагностики: тѣмъ не меньше они изъ глубины души управляютъ его сознательными дѣйствіями. Равнымъ образомъ мысли, перешедшія изъ сознанія въ безсознательное состояніе, очень часто служатъ причиною извѣстнаго душевнаго настроенія, веселаго или мрачнаго, и окрашиваютъ въ свой цвѣтъ, съ большею или меньшею силою и на болѣе или менѣе продолжительное время, всѣ послѣдующія представленія.

Воспроизведеніе (репродукція) представленій.—Самонаблюденіе показываетъ, что представленія, образовавшіяся въ нашей душѣ вслѣдствіе внѣшнихъ впечатлѣній, по прошествіи нѣкотораго времени

перестаютъ быть сознаваемыми, но потомъ, при дѣйствіи другихъ впечатлѣній или по внутреннему вызову самой души, вновь возбуждаются (воспроизводятся) къ сознанію и входятъ въ разнообразныя сочетанія между собою и съ новыми представленіями. Законы, управляющіе воспроизведеніемъ представленій, суть законы такъ называемой ассоціаціи представленій.

Ассоціація представленій основывается на томъ, что душа, отвлекающимъ и совокупляющимъ дѣйствіемъ воображенія, соединяетъ механически всѣ одновременныя свои состоянія, какъ части, въ одно связное цѣлое, равно какъ рядъ своихъ перемѣнъ, слѣдующихъ одна за другою во времени, приводитъ въ гармонію, въ которой всѣ отдѣльные члены соединяются самымъ тѣснымъ образомъ. Соотвѣтственно съ этимъ, всякое воспроизведеніе по ассоціаціи представленій состоитъ въ томъ, что воспроизводимое содержаніе не одно входитъ въ сознаніе, но приводитъ съ собою и цѣлое, часть котораго оно составляло раньше, и изъ цѣлаго—ближайшимъ образомъ ту часть его, съ которою оно связано тѣснѣйшимъ образомъ.

Общимъ условіемъ, при которомъ въ нашемъ сознаніи можетъ находиться нѣсколько представленій, служитъ связь ихъ между собою. Сознаніе не можетъ обнять только такого множества, въ которомъ не усматриваетъ связи между частями; но оно больше или меньше легко вмѣщаетъ въ себѣ всякое многоразличіе, члены котораго расположены въ извѣстномъ порядкѣ и связаны извѣстными отношеніями. Мы не можемъ вспомнить одновременно двухъ впечатлѣній, стоящихъ внѣ всякаго отношенія между собою: сознанію нужно видѣть путь отъ одного къ другому. Видя этотъ путь, оно легко обнимаетъ значительное множество представленій. Поэтому всѣ, даже самыя сложныя, представленія тѣмъ легче воспроизводятся душею при воспоминаніи, чѣмъ больше мы при первомъ впечатлѣніи останавливались на взаимномъ отношеніи ихъ частей. Послѣдовательные тоны музыки каждымъ и воспроизводятся послѣдовательно, но съ трудомъ воспроизводятся такимъ лицомъ, для котораго они составляли не цѣлое, связанное внутренними отношеніями, а одно лишь безсвязное множество. Всякій пространственный образъ тверже держится въ нашей памяти, когда впечатлѣнія отдѣльныхъ частей его связаны нами въ

одно цѣлое. Когда мы говоримъ объ одной части зданія, что она утверждается на другой, подпираетъ третью, наклонена подъ опредѣленнымъ угломъ къ четвертой, то представленіе такого взаимнодѣйствія между отдѣльными частями несравненно болѣе упрочиваетъ въ нашемъ сознаніи образъ цѣлаго зданія, чѣмъ одно лишь неразчлененное воззрѣніе. Поэтому общій законъ воспроизведенія представленій можно выразить слѣдующимъ образомъ: чѣмъ тѣснѣе связь между представленіями, тѣмъ сильнѣе и скорѣе они возбуждаютъ другъ друга къ сознанію.

Частные законы ассоціаціи представленій суть: 1) законъ *смежности*, проявляющійся въ двухъ соподчиненныхъ формахъ—*сосуществованія и послѣдовательности* и 2) законъ *сходства* и *различій*. Первый обнимаетъ собою представленія и вообще душевныя состоянія, развивающіяся въ одно и тоже время, или одно за другимъ; второй—представленія и вообще душевныя состоянія, раздѣленныя по времени, но соединяемыя по сродству ихъ элементовъ.

1) *Законъ смежности*. Представленія, которыя разъ были *одновременно* въ сознаніи, возбуждаются взаимно въ репродукціи, какъ части одного сложнаго представленія. На этомъ законѣ основывается связь одновременно возбуждающихся въ душѣ представленій о цѣломъ и его частяхъ, о вещи со всѣми ея свойствами, о событіи и сопровождавшихъ его обстоятельствахъ, о знакѣ и о томъ, что онъ обозначаетъ. Между знакомъ и означаемымъ чрезъ него предметомъ не существуетъ никакого сходства: воспроизведеніе основывается здѣсь единственно на одновременномъ соединеніи въ сознаніи предмета и выражающаго его знака.

Представленія, *послѣдовательно* или *преемственно* прошедшія въ сознаніи, возбуждаютъ другъ друга и въ воспоминаніи въ томъ же самомъ порядкѣ. Такова ассоціація причины и ея дѣйствій, названій и лицъ или вещей ими обозначаемыхъ; по тому же закону за первымъ тактомъ мелодіи мы вспоминаемъ слѣдующій, за первымъ стихомъ поэмы — другой и т. д. Основаніемъ воспроизведенія здѣсь служитъ собственно законъ смежности, потому что первый членъ послѣдовательно развивающагося ряда составляетъ одно (сложное представленіе или группу) со вторымъ, второй съ третьимъ и каждый съ непо-

средственно за нимъ слѣдующимъ. При воспроизведеніи одного изъ среднихъ членовъ послѣдовательнаго ряда представленій, воспоминаніе легче переходитъ къ нисходящимъ, нежели къ восходящимъ членамъ ряда, напримѣръ отъ послѣдняго стиха строфы къ началу ея.

2) *Законъ сходства и различій.* Въ воспроизведеніи по *сходству* одинъ предметъ напоминаетъ о другомъ, съ которымъ имѣетъ какое нибудь сходство; равнымъ образомъ дѣйствія, ощущенія, мысли или душевныя волненія настоящія оживляютъ сходныя съ ними впечатлѣнія или состоянія прошлыя. Самое простое дѣйствіе этого закона состоитъ въ возбужденіи настоящимъ впечатлѣніемъ прошлаго, съ которымъ оно совершенно тождественно; при чемъ прошлое впечатлѣніе мгновенно воспроизводится и сливается съ настоящимъ. Болѣе сложныя отправленія закона сходства имѣютъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда воспроизводимыя по ассоціаціи представленія, при сходствѣ нѣкоторыхъ признаковъ, имѣютъ значительныя различія и несходства, или когда сходство бываетъ только внѣшнее или случайное. «Мы легко воспоминаемъ давнія поговорки собственной и чужой націи и мѣста изъ прочитанныхъ сочиненій, лишь только заслышимъ переднія слова или похожія фразы, хотя бы наши мысли текли въ совершенно иномъ направленіи. По внушенію обыкновенныхъ словъ мы можемъ, при самыхъ отдаленныхъ поводахъ, перескакивать отъ одного предмета къ другому въ безконечномъ преемствѣ воспоминаній. Собственное настроеніе духа у каждаго изъ разговаривающихъ лицъ будетъ давать свой оттѣнокъ оживляемымъ реченіямъ: у одного онъ будетъ поэтическій и цвѣтистый, у другаго найдетъ предпочтеніе проза, у третьяго—эпиграмма и остроты, у четвертаго — септенціи и благоразумныя изреченія. Сила сходства выводитъ воспоминанія изъ различныхъ временъ, обстоятельствъ, связей, и изъ прежнихъ сочетаній образуетъ новыя» (Бэнъ). На частныхъ сходствахъ предметовъ природы основывается какъ популярная, такъ и научная классификація ихъ, причемъ первая довольствуется внѣшними и поверхностными, а послѣдняя внутренними и болѣе глубокими сходствами. Практическое употребленіе вещи также составляетъ элементъ сходства съ предметами такого же употребленія, не смотря на разницы ихъ по составу и формѣ.

Что касается до *противоположности* представленій, какъ основанія для ассоціаціи ихъ, то и она основывается собственно на отношеніи сходства между ними, хотя бы только по одному признаку, который и будетъ связующимъ или посредствующимъ членомъ между ними. Такъ одно и тоже настроеніе духа, оттѣняя одинаковымъ колоритомъ двѣ группы представленій, не смотря на различіе ихъ содержанія, можетъ сдѣлать ихъ болѣе родственными, чѣмъ тѣ, которыя имѣютъ одинаковые признаки. — На ассоціаціи по контрасту, между прочимъ, основывается *ироніи*.

Съ ассоціаціею представленій и вообще умственныхъ элементовъ входятъ въ связь наши чувствованія. Такимъ образомъ мы связываемъ въ воображеніи удовольствіе покоя съ удобнымъ кресломъ, удобство передвиженія — съ конемъ и экипажемъ; представленные на картинѣ благовонные цвѣты напоминаютъ намъ тѣ удовольствія, какія получаются въ дѣйствительности отъ впечатлѣній обонянія. Душевныя движенія нѣжности, самодовольства, раздражительности, страха и пр., вызываемыя неоднократно присутствіемъ того или другаго предмета, входятъ съ этимъ предметомъ въ духовную близость и впослѣдствіи оживляютъ другъ друга въ воспоминаніи. — Непроизвольныя и произвольныя движенія появляются всякій разъ, какъ только вступаютъ въ сознаніе вызывавшія ихъ ощущенія и представленія.

Направленіе ассоціаціи представленій. Теченіе мыслей. — Законы ассоціаціи суть пути, посредствомъ которыхъ сознаніе переходитъ отъ одного представленія къ другому.

Направленіе пути сознанія въ каждомъ данномъ случаѣ зависитъ отъ множества условій, которыя вообще можно раздѣлить на внѣшнія и внутреннія, психическія. Къ первымъ принадлежатъ внѣшнія впечатлѣнія, слѣдующія одно за другимъ случайно и безъ связи, и непрерывно дѣйствующія на душу, то возбуждая новыя представленія, то прерывая и разстроивая ходъ правильно развивающихся мыслей, и во всякомъ случаѣ давая новое направленіе ходу представленій. Къ психическимъ условіямъ, различнымъ образомъ видоизмѣняющимъ направленіе сознанія въ томъ или другомъ случаѣ, принадлежатъ:

1) Различная степень близости къ сознанію несознаваемыхъ представленій. Естественно, что ближайшія изъ нихъ къ сознанію, входящія въ

болѣе или менѣе постоянный и, такъ сказать, подвижной кругъ нашихъ мыслей, возбуждаются по ассоціаціи скорѣе, нежели отдаленныя. Между тѣмъ какъ иное представленіе упорно противится воспоминанію или является въ сознаніе лишь по напряженному призыву, другое постоянно стоитъ какъ бы на порогѣ сознанія и вторгается въ него часто противъ желанія души, овладѣваетъ вниманіемъ и подчиняетъ себѣ теченіе мыслей (idées fixes). 2) Различная степень интереса представленій для лица. Все близкое къ сердцу или интересное въ какомъ-либо отношеніи воспоминается мгновенно; напротивъ, къ чему мы равнодушны, о томъ и вспоминаемъ не скоро. 3) Внутреннее сродство признаковъ въ различныхъ представленіяхъ можетъ направить сознаніе отъ одного изъ нихъ къ другому, независимо отъ степени близости ихъ къ сознанію и интереса для насъ. 4) Но и независимо отъ внутренняго сродства представленій, одно случайное соединеніе какихъ либо представленій, одновременно или послѣдовательно прошедшихъ въ нашемъ сознаніи, служитъ причиною того, что мы вспоминаемъ ихъ одно при другомъ, или одно за другимъ; если же они часто входятъ въ сознаніе въ этой случайной связи, то мы, наконецъ, не раздѣляемъ ихъ въ сознаніи и не можемъ вспомнить одного безъ другого. Этимъ объясняется происхожденіе множества нашихъ мнѣній и различныхъ повѣрій, примѣтъ о счастливыхъ и несчастливыхъ дняхъ, о встрѣчахъ и предзнаменованіяхъ, равнымъ образомъ нашихъ сужденій о предметахъ вкуса или моды, симпатій и антипатій. Этимъ же объясняются нѣкоторыя привычки (идіосинкразіи), вслѣдствіе которыхъ одинъ ищетъ вдохновенія для поэтическихъ произведеній или музыкальныхъ композицій въ прогулкѣ, другой въ игрѣ на какомъ-либо музыкальномъ инструментѣ; одинъ для занятій выбираетъ непремѣнно день, свѣтлую комнату, движеніе людей около себя; другой—ночь, уединеніе и проч.

Впрочемъ душа, какъ дѣятельное и само въ себѣ устойчивое существо, можетъ направлять теченіе мыслей по извѣстному плану, къ опредѣленной цѣли, и сообразно съ этою цѣлью возбуждать къ сознанію тѣ представленія, которыя должны принять участіе въ процессѣ ея мышленія и подготовить результатъ, къ которому она направляетъ свою наблюдательность, изыскательность и свое мышленіе.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ душа можетъ намѣренно направлять ассоціацію къ возбужденію труднѣе вспоминаемыхъ представленій, минуя легче поддающіяся памяти.

Способности души по отношенію къ представленіямъ.— Способности души, дѣйствующія въ представленіяхъ, суть *воображеніе, память и воспоминаніе.*

Воображеніе и его виды.—Воображеніе вообще есть образовательная (формующая) сила души. Въ частности: 1, она есть способность образованія представленій. Дѣйствія этой способности суть *отвлеченіе* и *совокупленіе* или *сочетаніе*; почему и воображеніе, дѣйствующее въ первомъ направленіи, называется *отвлекающимъ*, во второмъ—*совокупляющимъ.*

Внѣшнія впечатлѣнія, дѣйствующія на наши чувства, всегда отрывочны. Одинъ и тотъ же предметъ производитъ различныя и независимыя одно отъ другого впечатлѣнія на зрѣніе, слухъ и прочія чувства. Но воображеніе *соединяетъ* эти воспріятія или воззрѣнія, *отвлекая* ихъ отъ другихъ смежныхъ воззрѣній, въ одинъ образъ и представляетъ сознанію какъ бы наглядно цѣлый предметъ со всѣми его существенными и случайными свойствами. (Представленія). Образованіе представленій совершается душею безсознательно: въ сознаніи является только результатъ—готовое представленіе.

Существенное достоинство воображенія и его произведеній составляетъ *вѣрность.* Представленія тогда имѣютъ это свойство, когда они вполнѣ соотвѣтствуютъ представляемому предмету.

2) Не ограничиваясь этимъ, совокупляющая (комбинирующая) дѣятельность воображенія простирается далѣе—на соединеніе отдѣльныхъ представленій въ группы, соотвѣтствующія пространственной или временной связности дѣйствительныхъ предметовъ (напр. сложное представленіе дома, ландшафта и проч.) и на образованіе *новыхъ* представленій, не сходныхъ, въ своемъ цѣломъ видѣ, ни съ однимъ предметомъ изъ лежащей въ основаніи ихъ дѣйствительности. Воображеніе, дѣйствующее въ этомъ послѣднемъ направленіи, подъ вліяніемъ и руководствомъ ума, указывающаго опредѣленную цѣль для его дѣятельности, называется обыкновенно *фантазіею.*

Фантазія создаетъ *новое*. Но эта творческая дѣятельность не можетъ простираться на созданіе первоначальныхъ, элементарныхъ ощущеній и представленій, которыя составляютъ матеріалъ для ея образовъ. Мы не можемъ создать ни невидѣннаго цвѣта, ни неслышеннаго звука, ни вообразить какого-нибудь иного свойства въ вещахъ, котораго не наблюдали чувствами. Творческая дѣятельность фантазіи ограничивается только *формою*—созданіемъ новыхъ образовъ изъ готовыхъ, воспринятыхъ чувствами, матеріаловъ. Впрочемъ, даже одно разнообразіе *сочетаній* открываетъ широкое поле для дѣятельности фантазіи. Какъ ни ограниченно число элементарныхъ звуковъ слова или тоновъ музыки, чувственныхъ элементовъ живописи: однакожъ никакая фантазія не въ состояніи исчерпать всего безконечнаго разнообразія сочетаній, какія создала и еще можетъ создать творческая сила человѣческаго духа.

Заимствуя для своихъ произведеній матеріалы изъ внѣшняго и внутренняго опыта, изъ явленій природы и человѣческой жизни, фантазія подвергаетъ ихъ предварительной обработкѣ, чтобы привесть въ тотъ видъ, который соотвѣтствуетъ ея цѣлямъ, и употребляетъ при этомъ слѣдующіе пріемы. Пользуясь образами внѣшняго міра и внутренними состояніями нашей души, фантазія или удерживаетъ всѣ части ихъ и черты, или беретъ только нѣкоторыя. Въ первомъ случаѣ она увеличиваетъ или уменьшаетъ форму вещи или составныя ея части (напримѣръ, уменьшая размѣры человѣческаго роста представляетъ лиллипутовъ, карликовъ; увеличивая ихъ представляетъ гигантовъ; или придаетъ человѣческому образу нѣсколько лицъ, головъ, рукъ, ногъ и проч.). Если образъ заимствованъ изъ явленій нравственнаго міра, изъ состояній души человѣческой, когда напримѣръ мы хотимъ представить человѣка злаго, мстительнаго, ревниваго, то увеличиваемъ или ослабляемъ силу наблюдаемыхъ соотвѣтственныхъ душевныхъ состояній, представляемъ себѣ эти состоянія (злость, мстительность, ревность) въ высокой или слабой степени ихъ развитія и силы. Такъ возникаютъ художественные характеры. Другой пріемъ фантазіи заключается въ томъ, что она беретъ составныя части отъ разныхъ предметовъ и совокупляетъ ихъ въ одинъ образъ: домъ и садъ, видѣнные въ разныхъ мѣстахъ, соеди-

няются художникомъ въ одной картинѣ или въ одномъ ландшафтѣ. Подобнымъ образомъ для художественнаго представленія какого-нибудь душевнаго состоянія фантазія наблюдаетъ обнаруженія его (напримѣръ выраженія грусти, отчаянія, мести, злости) у различныхъ лицъ и собранныя такимъ образомъ черты соединяетъ въ одинъ образъ, который, при художественномъ выполненіи, становится типомъ извѣстнаго характера или душевнаго состоянія.

Область фантазіи есть область *возможнаго*; и законы ея суть законы *правдоподобія*, которое состоитъ въ согласіи ея произведеній не съ отдѣльными предметами, но съ общими ихъ формами или съ родами и видами дѣйствительныхъ предметовъ и отношеній. Фантазія творитъ только то, что возможно по законамъ мысли, природы духовной и чувственной, и по ходу событій въ данное время. Логическая возможность заключаетъ въ себѣ внутреннее согласіе мыслей, по которому онѣ не противорѣчатъ сами себѣ или не заключаютъ такихъ частей, которыя не могутъ быть соединены въ одной мысли или въ одномъ логическомъ построеніи. Психологическая возможность заключаетъ въ себѣ согласіе изображаемыхъ дѣйствій и явленій съ природою души вообще и съ существомъ характера изображаемыхъ лицъ (выдержанность характеровъ). Физическая и нравственная возможность заключаетъ въ себѣ согласіе художественныхъ образовъ съ законами тѣлеснаго и духовнаго міра, вслѣдствіе чего всякое дѣйствіе развивается въ согласіи съ законами физической природы и нравственнаго міра. Хотя поэтическая вольность допускаетъ въ классическихъ произведеніяхъ и въ народной миѳологіи смѣшеніе существъ здѣшняго и другаго міра, но она основывается на вѣрѣ въ бытіе существъ другаго міра и въ то участіе, какое они могутъ принимать въ событіяхъ здѣшняго міра. Наконецъ, историческая возможность или вѣроятность состоитъ въ согласіи художественнаго произведенія съ извѣстными обстоятельствами мѣста и времени, къ которымъ относятся изображаемыя лица и событія. Художникъ можетъ изобразить то, чего не было, но что могло быть въ извѣстную эпоху при извѣстныхъ обстоятельствахъ.

Достоинство произведеній фантазіи состоитъ въ *новости* и *оригинальности*. Оригинальными произведеніями фантазіи или во-

обще творчества называются такія, которыя не суть подражанія готовымъ образцамъ, но составляютъ новыя явленія въ области искусства.

Отъ фантазіи нужно отличать *фантазированіе*, какъ безцѣльную игру представленій.

Память и воспоминаніе.—Способность души удерживать и сохранять представленія называется вообще *памятью*, способность воспроизводить ихъ въ сознаніи — *воспоминаніемъ*. Произвольное и намѣренное воспоминаніе есть *припамятованіе*.

Въ обыкновенномъ словоупотребленіи памятью называется собственно воспроизведеніе или сознательное воспоминаніе представленій; но въ научномъ употребленіи память означаетъ только храненіе представленій въ безсознательномъ состояніи; воспроизведеніе же ихъ въ сознаніи принадлежитъ воспоминанію; слѣдовательно одна способность имѣетъ дѣло съ несознаваемою дѣятельностію души, другая съ сознаваемою.

Виды памяти. Обыкновенно различаютъ три вида памяти: 1) память *механическую*, 2) *остроумную*, 3) *разсудочную*. *Механическая* память основывается на механическомъ соединеніи представленій по законамъ сосуществованія и послѣдовательности. Частое повтореніе представленій въ этой связи (заучиваніе) способствуетъ упроченію ихъ въ душѣ. *Остроумная* память основывается на воспроизведеніи разнородныхъ представленій, вводимыхъ въ случайную связь преимущественно по законамъ сходства и противоположности. *Разсудочная* память основывается на внутренней связи представленій, опредѣляемой самымъ содержаніемъ ихъ, или на соединеніи ихъ въ сужденія.

Совершенства памяти. 1) Въ отношеніи къ *объему* или количеству представленій память можетъ быть *обширная* и *многосторонняя*, или *ограниченная* и *односторонняя*. Первая хранитъ самыя разнообразныя наблюденія, послѣдняя — только немногія и преимущественно одного рода: такъ, можетъ быть память лицъ, словъ, чиселъ, мѣстъ и событій. Ограниченность памяти въ этомъ послѣднемъ отношеніи зависитъ не столько отъ ея природныхъ свойствъ, сколько отъ обращенія вниманія, наблюдательности и образованія на опредѣленный кругъ предметовъ. «Память моя—гово-

рилъ о себѣ Вальтеръ Скоттъ—ненадежный мой союзникъ, капризничаетъ цѣлую жизнь, такъ что я не имѣю надъ ней почти никакой власти. Я отлично помню лучшія мѣста изъ поэтовъ, пѣсенку изъ трагедіи или драмы, особенно баллады; но имена, числа и все, что принадлежитъ въ точной исторіи, не по моей части».

2) Въ отношеніи къ прочности усвоенія и *продолжительности* сохраненія представленій, память можетъ быть *продолжительная* или *короткая*, *сильная* или *слабая*. Эти свойства памяти зависятъ частію отъ свойствъ впечатлѣній, частію отъ живости душевныхъ силъ и подвижности нервной системы, частію наконецъ отъ способа наблюденія. Память гораздо прочнѣе сохраняетъ видѣнное и слышанное, нежели принятое другими чувствами. Чувственныя наблюденія дольше сохраняются душею, нежели мечты и картины фантазіи. Душевныя силы, одинаковыя у всѣхъ людей по своей природѣ, надѣлены у разныхъ лицъ различною степенью воспріимчивости, живости и крѣпости. Послѣднее свойство ихъ, конечно, больше благопріятно для прочной памяти, нежели первыя. Различныя состоянія нервной системы въ разное время дня и въ различныхъ возрастахъ жизни также имѣютъ вліяніе на силу и слабость памяти, какъ показываютъ—неодинаковая легкость заучиванья уроковъ утромъ и вечеромъ и изученія иностранныхъ языковъ въ дѣтствѣ и юности и въ послѣдующихъ періодахъ жизни. Наконецъ прочности усвояемыхъ наблюденій и представленій много помогаетъ частое ихъ повтореніе и заучиваніе. Si quis unam maximamque a me artem memoriae quaerat, exercitatio est et labor: multa ediscere, multa cogitare et, si fieri potest, quotidie—potentissimum est. (Quintilianus, *Inst.* XI. 2).

Совершенства воспоминанія. 1) Въ отношеніи къ *энергіи* воспоминающей способности воспоминаніе можетъ быть *живое и быстрое*, или *медленное* и *вялое*. Первое легко и живо воспроизводитъ требуемыя представленія; послѣднее имѣетъ нужду въ разныхъ вспомогательныхъ средствахъ, которыя однакожъ не должны быть ни многочисленны, ни слишкомъ искусственны, потому что иначе они будутъ больше препятствовать, нежели помогать припоминанію. На употребленіи этихъ средствъ основывается мнемоника — искусство

укрѣпленія памяти, изобрѣтателемъ котораго считается грекъ Симонидисъ. 2) Въ отношеніи къ *свойству воспроизводимаго содержанія* воспоминаніе можетъ быть *вѣрное* и *точное*, или *невѣрное* и *неточное*. Воспроизводимыя представленія вѣрной памяти вполнѣ соотвѣтствуютъ воззрѣніямъ, которыя лежатъ въ ихъ основаніи; воспроизводимыя представленія невѣрной памяти, напротивъ, больше или меньше видоизмѣняютъ эти воззрѣнія. Вѣрность репродукціи зависитъ отъ силы первоначальныхъ воспріятій и болѣе или менѣе частаго ихъ повторенія. Чѣмъ внимательнѣе мы наблюдали предметъ или явленіе при первоначальномъ дѣйствіи его на наши чувства, тѣмъ прочнѣе будетъ въ душѣ усвояемое отъ него впечатлѣніе; напротивъ, что воспринято было бѣгло и съ недостаточнымъ вниманіемъ, то скоро исчезаетъ изъ души или оставляетъ по себѣ смутный образъ.

Въ дѣтскомъ возрастѣ память имѣетъ наибольшую силу и крѣпость; при дальнѣйшемъ развитіи она все больше и больше уступаетъ преобладающей дѣятельности разсудка. Въ дѣтствѣ, когда разсудокъ еще не развитъ, преимущественно образуется память словъ. Представленія соединяются и воспроизводятся болѣе по механической ассоціаціи, чѣмъ по внутренней логической связи. Но когда начинается размышленіе, то оно разстроиваетъ память словъ и ослабляетъ силу случайнаго сочетанія мыслей. Кромѣ того, въ молодыхъ лѣтахъ память усиливается отъ упражненія, потому что это время посвящено пріобрѣтенію познаній, между тѣмъ какъ въ зрѣломъ возрастѣ мы занимаемся не столько увеличеніемъ, сколько раскрытіемъ и усовершенствованіемъ познаній. Есть, однакожъ люди, которые всю жизнь посвящаютъ только пріобрѣтенію познаній и вовсе не занимаются ими, не заботятся о приведеніи ихъ въ систематическій порядокъ, объ образованіи стройнаго міровоззрѣнія. У такихъ людей память совершенствуется иногда до высокой степени, между тѣмъ какъ разсудокъ остается больше или меньше слабымъ.

Память, какъ *талантъ*, отличается отъ обыкновенной памяти соединеніемъ всѣхъ или многихъ достоинствъ ея въ высшей степени. Киръ и Цезарь, по свидѣтельству историковъ, знали всѣхъ солдатъ своей арміи по именамъ. Митридатъ говорилъ на 22 языкахъ своихъ народовъ.

Недостатки памяти. Слабая память въ незначительной степени называется *забывчивостію*, въ значительной — *слабоуміемъ*, которое, какъ совершенный недостатокъ психической воспроизводительности представленій, составляетъ душевную болѣзнь. Забывчивость можетъ происходить отъ разныхъ причинъ — физическихъ (слабость или упадокъ нервной системы, ударъ въ голову, параличъ) и психическихъ (чрезвычайная живость душевныхъ силъ, недостатокъ вниманія, поверхностное наблюденіе, отсюда — слабыя или темныя преставленія, вялость или слабость душевныхъ образовъ).

Зависимость памяти отъ нервной системы. Хотя память есть способность души, однакожъ она во многихъ отношеніяхъ зависитъ отъ физическихъ условій, именно отъ состоянія нервной системы. Ослабленіе или внезапныя и быстрыя потрясенія мозга въ различной степени ослабляютъ память; искусственное или болѣзненное возбужденіе нервной системы (напримѣръ въ пьянствѣ, въ горячкѣ, посредствомъ магнетизма) возбуждаетъ также дѣятельность памяти. Иногда достаточно лихорадки для того, чтобы произвесть частное или общее ослабленіе памяти. При слабости или боли въ головѣ упадаетъ и память, и наоборотъ, напряженіе этой силы, напримѣръ при безпрерывномъ заучиваніи, ослабляетъ головные нервы.

II. Мышленіе и познаніе.

I. Мышленіе.—Сочетаніе представленій по закону сходства составляетъ переходъ отъ низшихъ умственныхъ отправленій къ высшему познавательному процессу—*мышленію.*

Между тѣмъ какъ въ ассоціаціи по закону смежности самыя разнородныя представленія механически входятъ въ связь между собою и образуютъ группы и ряды,—въ ассоціаціи по закону сходства они входятъ въ болѣе тѣсную связь, опредѣляемую не одновременнымъ совпаденіемъ ихъ въ сознаніи, но какимъ-либо сходствомъ ихъ содержанія. Впрочемъ и здѣсь представленія въ своемъ свободномъ теченіи, не направляемомъ ни къ какой опредѣленной цѣли, соединяются между собою еще случайно, механически.

Но въ нашей душѣ существуетъ другой высшій ходъ представленій, который отличается отъ механическаго теченія ихъ въ репродукціи тѣмъ, что 1) въ немъ наше вниманіе сосредоточивается на содержаніи представленій или на внутреннемъ сродствѣ ихъ признаковъ; 2) соединеніе ихъ не зависитъ ни отъ одновременной встрѣчи ихъ въ сознаніи, ни отъ случайной близости ихъ между собою, ни отъ личной настроенности индивидуума, но *необходимо* опредѣляется ихъ *внутреннею* (логическою) связью или свойствами представляемаго въ нихъ содержанія. Процессъ, въ которомъ душа соединяетъ представленія по ихъ внутренней связи или по сродству ихъ содержанія, называется *мышленіемъ*; сила души, дѣйствующая въ мышленіи, называется *разсудкомъ* или *умомъ* (въ тѣсномъ смыслѣ).

Разсудокъ не образуетъ новыхъ представленій, но только переработываетъ (вводитъ въ логическую связь) готовыя представленія, образовавшіяся изъ наблюденій внѣшняго и внутренняго чувства, и потому есть сила *формальная*, *устроительная*.

Главныя формы мышленія: понятіе, сужденіе и умозаключеніе. Главныя отправленія разсудка или формы мышленія суть: *понятіе*, *сужденіе и умозаключеніе*.

Понятіе. — Наблюдая нѣсколько разъ какой-либо предметъ или нѣсколько подобныхъ предметовъ, мы замѣчаемъ въ нихъ—въ первомъ случаѣ признаки постоянные, всегда присущіе предмету (существенные), въ послѣднемъ—признаки общіе всѣмъ или многимъ наблюдаемымъ (въ данномъ случаѣ) предметамъ. *Процессъ образованія* понятій состоитъ въ томъ, что разсудокъ соединяетъ постоянные признаки одного предмета или общіе признаки многихъ предметовъ въ одно представленіе, устраняя въ то же время изъ виду какъ случайные, то являющіеся, то исчезающіе признаки одного предмета, такъ и несходные или различные признаки многихъ, соединяемыхъ въ общемъ продставленіи, предметовъ. Слѣдовательно *понятіе* есть представленіе существенныхъ свойствъ одного предмета или свойствъ общихъ многимъ предметамъ.

Главные пріемы разсудка при образованіи понятій суть: *сравненіе, отвлеченіе* и *обобщеніе*. Сравненіе открываетъ сходства и не-

сходства предметовъ; посредствомъ отвлеченія разсудокъ выдѣляетъ изъ сравниваемыхъ представленій (которыя всегда суть сложные образы) общіе или сходные признаки и устраняетъ изъ виду несходные; посредствомъ обобщенія соединяетъ сходные признаки въ одно общее представленіе, которое и есть понятіе. Если мы имѣемъ уже нѣсколько однородныхъ представленій, напр. о различныхъ домахъ, и потомъ видимъ еще какой-нибудь домъ: то, по закону сходства, въ нашемъ сознаніи воспроизводятся представленія прежде видѣнныхъ домовъ, при чемъ мы различаемъ въ нихъ какъ сходные или общіе, такъ и различные признаки. Общіе признаки, составляющіе существенное содержаніе всѣхъ однородныхъ представленій, соединяются въ одно общее представленіе или понятіе.

Понятія отличаются отъ представленій тѣмъ, что 1) можетъ быть множество различныхъ представленій о томъ или другомъ предметѣ, но понятіе возможно только одно; различные люди могутъ представлять себѣ предметъ въ разныя времена различно: но какъ есть только одинъ неизмѣнный образъ его бытія, такъ и понятіе о немъ возможно только одно—для всѣхъ временъ и лицъ; 2) представленіе измѣнчиво, случайно и зависимо отъ представляющаго лица (субъективно): понятіе — неизмѣнно, необходимо и независимо отъ личныхъ особенностей мыслящаго лица (объективно); 3) въ представленіи отражается то, что есть, какъ измѣняющееся бытіе, или что *бываетъ*: въ понятіи мыслится неизмѣнная форма бытія; 4) представленіе всегда относится къ отдѣльнымъ вещамъ и явленіямъ: понятіе—къ общему, родовому въ вещахъ и явленіяхъ; вслѣдствіе этого 5) въ представленіяхъ существенное соединено въ случайнымъ: въ понятіяхъ — случайное отдѣлено и мыслится только существенное.—Описанное нами понятіе есть *логическій идеалъ*, къ которому только постепенно приближаются какъ обыкновенныя, такъ и научныя понятія.

Понятія могутъ имѣть различную степень общности. Устраняя изъ содержанія признакъ за признакомъ, мы будемъ восходить все къ болѣе и болѣе общимъ понятіямъ. Такъ понятія: пудель, собака, млекопитающее животное, животное, органическое существо, существо—образуютъ рядъ восходящихъ ступеней въ процессѣ обобщенія понятій.

Сужденіе.—Когда къ данному представленію или понятію разсудокъ прилагаетъ другое новое представленіе или понятіе, то образуется *сужденіе*. Опредѣляемое представленіе называется *подлежащимъ* (subiectum), опредѣляющее — *сказуемымъ* (praedicatum), взаимное

отношеніе ихъ—*связью* между ним Чтобы соединеніе представленій въ сужденіи было вполнѣ правильно или сообразно съ природою вещей, для этого необходимо: а) чтобы умственный образъ (предикатъ), прилагаемый къ данному представленію (подлежащему) и составляющій болѣе общее представленіе или высшее понятіе, заключалъ въ себѣ признаки, дѣйствительно общіе въ отношеніи къ представляемому предмету; б) чтобы въ данномъ представленіи или понятіи (подлежащемъ) заключался признакъ дѣйствительно подходящій подъ это общее опредѣленное содержаніе (сказуемое). Если въ составъ сказуемаго понятія вошли не всѣ признаки, или съ существенными признаками соединены случайные, то понятіе будетъ не полное и не точное, и эта неполнота, равно какъ эта смѣшанность понятій, отразится и на сужденіи. Равнымъ образомъ, если въ данномъ подлежащемъ представленіи мы принимаемъ за признакъ, подходящій подъ извѣстное понятіе, то, что на самомъ дѣлѣ не имѣетъ съ нимъ однородности, или имѣетъ только случайное сходство, то и въ этомъ случаѣ сужденіе будетъ неправильное.

Совершенство сужденія состоитъ въ *истиности* или *вѣрности* его. Сужденіе вѣрно тогда, когда соединяемыя или раздѣляемыя въ немъ представленія соотвѣтствуютъ ихъ содержанію. Критерій или признакъ истиности сужденія, заключающійся въ самомъ содержаніи соединяемыхъ или раздѣляемыхъ представленій, составляетъ объективное основаніе истинны; но если онъ заключается, помимо содержанія представленій, въ случайной ассоціаціи ихъ, то составляетъ субъективное основаніе для соединенія представленій въ сужденіе, которое можетъ быть и истиннымъ и ложнымъ.

Умозаключеніе.—Умозаключеніе есть такая форма мышленія, посредствомъ которой развиваются изъ данныхъ новыя сужденія, равно какъ становятся ясными основанія, на которыхъ утверждаются наши сужденія.

Простѣйшій и вмѣстѣ важнѣйшій родъ заключенія есть заключеніе отъ частнаго къ частному. Заключенія этого рода состоятъ только въ воспроизведеніи того, что уже прежде соединялось съ болѣе общимъ представленіемъ, подъ которое подводится новый, подлежащій разсмотрѣнію, фактъ. Напримѣръ, мы нѣсколько разъ наблюдали дожд-

ливое небо; если и опять видимъ небо, покрытое тучами, то заключаемъ, что будетъ дождь. Логическій процессъ образованія этого заключенія состоитъ въ томъ, что новое представленіе подводится подъ общее представленіе (отвлеченную схему), къ которому оно относится, какъ часть его содержанія. Мы заключаемъ, что извѣстное растеніе ядовито, когда знаемъ родъ, къ которому оно принадлежитъ по его общему типу. Область заключеній этого рода чрезвычайно обширна въ жизни и наукѣ. Дитя, обжегши разъ пальцы, не рѣшится въ другой разъ сунуть ихъ въ огонь. Оно уже сдѣлало заключеніе, хотя ему никогда не приходило на мысль общее положеніе: огонь жжетъ. Оно знаетъ изъ воспоминаніи, что обожглось, и на этомъ основаніи убѣждено, что если сунетъ пальцы въ огонь, то обожжется. Прежнія, подходящія частности всегда служатъ основаніемъ для заключенія о новыхъ частностяхъ. Неудачный выборъ мѣстности для расположенія войска, вслѣдствіе котораго оно проиграло сраженіе, всегда, безъ общихъ соображеній, будетъ служить основаніемъ для заключенія, что, при повтореніи того же неискуснаго расположенія войска, послѣдуетъ такая же неудача.

Даже въ научномъ мышленіи общія предложенія могутъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно опущены, не уменьшая въ умозаключеніи доказательной силы. Общія положенія вообще суть только сокращенія выводовъ, добытыхъ изъ разсмотрѣнія частныхъ случаевъ. Послѣдніе могутъ быть забыты, потому что память не можетъ удержать всѣхъ подробностей, а первыя остаются и признаются дающими право на общій выводъ, хотя этотъ выводъ, въ существѣ дѣла, опирается на тѣхъ же частныхъ случаяхъ. Если мы говоримъ, что такой-то человѣкъ смертенъ, то не потому, чтобы умъ изъ себя могъ привесть общее положеніе: всѣ люди смертны, но потому, что всѣ его, равно какъ и наши, предки умерли. Вмѣстѣ съ этимъ опредѣляется значеніе *общей посылки* въ силлогизмѣ. Въ ней выражается собственно общій результатъ нашихъ единичныхъ наблюденій, и потому она не есть существенная часть доказательства, а только пособіе, доставляемое сначала памятью, потомъ языкомъ, для связи между дѣйствительною посылкою (*меньшею*) и *заключеніемъ*, которое опирается на ней, какъ на существенной части доказательства. Всѣ

люди смертны, Сократъ человѣкъ, слѣд. Сократъ смертенъ. Сила заключенія въ этомъ силлогизмѣ опирается собственно на посылкѣ, что Сократъ человѣкъ, такъ какъ въ нашемъ сознаніи, вслѣдствіе наблюденія, оба представленія — человѣка и смертности—связались неразрывно.

Болѣе сложный видъ процесса заключенія составляетъ *наведеніе* (inductio). Между тѣмъ какъ въ простыхъ умозаключеніяхъ мы утверждаемъ отдѣльный новый случай на основаніи прежнихъ подобныхъ случаевъ, въ наведеніи изъ возможно многихъ однородныхъ случаевъ мы выводимъ общій законъ: извѣстное за истину о нѣкоторыхъ особяхъ извѣстнаго класса утверждаемъ какъ истинное въ отношеніи къ цѣлому классу, или истинное въ извѣстное время утверждаемъ какъ истиное, при одинаковыхъ обстоятельствахъ, всегда. Поэтому наведеніе есть заключеніе отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, а не суммированіе отдѣльныхъ наблюденій, въ которомъ заключеніе не пространнѣе посылокъ. Основаніемъ наведенія служитъ однообразный порядокъ природы, по которому будущее всегда будетъ сходно съ прошедшимъ, какъ неизвѣстное съ извѣстнымъ.

Къ этому же роду заключеній относится и *аналогія*. Аналогическое доказательство есть заключеніе отъ сходства двухъ или болѣе вещей въ одномъ или во многихъ существенныхъ отношеніяхъ къ сходству ихъ и въ прочихъ. Степень силы аналогическаго доказательства возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается объемъ сходствъ и уменьшается сумма обнаруженныхъ или предполагаемыхъ различій между сравниваемыми вещами. Но вообще аналогія не столько служитъ къ открытію законовъ, сколько къ указанію направленія, въ какомъ должно быть производимо изслѣдованіе ихъ.

Условія образованія разсудка.—Разсудокъ развивается мало-по-малу при извѣстныхъ условіяхъ, и это развитіе продолжается съ ранней молодости до глубокой старости. Условія для дѣятельности и вмѣстѣ для постепеннаго развитія разсудка суть слѣдующія:

1) Необходимо, чтобы былъ матеріалъ, на который бы разсудокъ могъ обратить свою дѣятельность. Матеріалъ для дѣятельности и упражненія мыслящей силы доставляютъ новыя чувственныя ощущенія и наблюденія и запасы прежнихъ наблюденій, которыя вмѣстѣ

составляютъ объемъ *опыта*. Чѣмъ шире кругъ наблюденій и богаче запасъ опыта, тѣмъ болѣе представляется матеріала для мыслящей силы.

2) Чувственныя наблюденія и представленія, составляющія богатство опыта, должны быть образованы съ надлежащею полнотою и совершенствомъ. Изъ неясныхъ воззрѣній и представленій никогда не образуется ясныхъ понятій. Если наставникъ хочетъ образовать у своего воспитанника ясныя и раздѣльныя понятія, то долженъ заботиться о томъ, чтобы воспитанникъ пріобрѣлъ ясныя и отчетливыя чувственныя наблюденія. Гдѣ этого нѣтъ, тамъ никогда не можетъ образоваться ясныхъ понятій. Какое понятіе составитъ онъ напр. о растеніяхъ и животныхъ, о которыхъ говоритъ ему наставникъ, но которыхъ онъ никогда не видалъ? Положимъ, что наставникъ опишетъ ихъ съ надлежащею полнотою и подробностью и покажетъ на рисункахъ изображеніе ихъ: но никакое описаніе и никакой рисунокъ не замѣнятъ чувственнаго воззрѣнія. Въ дѣлахъ и интересахъ практической жизни опыты другихъ людей также никогда не замѣнятъ собственнаго личнаго опыта. Какъ бы ни были намъ извѣстны и понятны чужія радости и интересы, чужія печали, разстройства и затрудненія: но они несравненно яснѣе и понятнѣе для насъ при нашемъ собственномъ опытѣ, нежели въ опытахъ другихъ лицъ, хотя и самыхъ близкихъ намъ. Поэтому всегда будетъ разница между людьми, спеціально занимающимися какой-нибудь наукой или искусствомъ, и любителями (диллетантами) въ этой области. Въ этомъ же, наконецъ, заключается причина относительной неясности философскихъ наукъ сравнительно съ опытными. Въ послѣднихъ все опирается на наглядность, на чувственныя воззрѣнія, между тѣмъ какъ первыя представляютъ совокупность отвлеченныхъ понятій, для яснаго разумѣнія которыхъ у многихъ недастаетъ соразмѣрнаго запаса чувственныхъ наблюденій, отчего они и кажутся многимъ безсодержательными.

3) Необходимое условіе для дѣятельности разсудка составляетъ значительная степень энергіи памяти, воспоминанія и воображенія. Человѣкъ съ слабою памятью или забывчивый не можетъ образовать ясныхъ понятій, правильныхъ сужденій и заключеній, потому что

не можетъ ни сохранять, ни въ надлежащее время возбуждать, приводить въ движеніе, своихъ наблюденій и представленій, сопоставлять ихъ для осмотра и обсужденія и вводитъ въ разнообразныя сочетанія. Положимъ, у того или другаго человѣка есть представленія о кошкѣ, тигрѣ, львѣ; изъ нихъ можетъ составиться понятіе о животномъ млекопитающемъ: но для этого нужно, чтобы всѣ они находились въ сознаніи въ то время, когда онъ образуетъ понятія—сравниваетъ между собою признаки и отдѣляетъ существенное отъ случайнаго, или когда образуетъ сужденія и заключенія. Иначе, если онъ будетъ постоянно переходить отъ представленія къ представленію, то и останется при однихъ единичныхъ представленіяхъ. Люди слабоумные составляютъ самыя несовершенныя понятія; животныя не составляютъ никакихъ понятій—не потому, чтобы они не имѣли чувственныхъ возрѣній, но потому, что не сохраняютъ воспринятыхъ ими впечатлѣній, или хотя и сохраняютъ, но въ самомъ слабомъ видѣ. Различныя чувства наши также не одинаковы по отношенію къ понятіямъ. Ощущенія высшихъ чувствъ зрѣнія и слуха тверже удерживаются и точнѣе воспроизводятся памятью, нежели ощущенія чувствъ низшихъ; и потому мы образуемъ изъ первыхъ ясныя понятія, а изъ послѣднихъ—только неясныя представленія.

Наконецъ 4) необходимое условіе для правильнаго и основательнаго мышленія составляетъ *вниманіе*, сосредоточеніе сознанія на наблюдаемомъ и обсуживаемомъ предметѣ. Поэтому наставникъ или педагогъ долженъ заботливо наблюдать, чтобы его воспитанникъ осмотрѣлъ всякій предметъ основательно, избѣгая напрасной торопливости, различилъ въ немъ его признаки и отдѣлилъ случайные отъ существенныхъ. Онъ долженъ избѣгать предразсудка—осыпать дитя безъ порядка всякаго рода впечатлѣніями: напротивъ, долженъ стараться, чтобы его воспитанникъ переработывалъ свои наблюденія и все воспринятое чувствами для того, чтобы упрочить ихъ въ душѣ. Равнымъ образомъ нужно пріучать дитя съ раннихъ лѣтъ къ размышленію или къ самостоятельнымъ сужденіямъ объ окружающихъ предметахъ и явленіяхъ и поддерживать въ немъ этотъ навыкъ во все время воспитанія и ученія, чтобы сдѣлать его разсудительнымъ. Въ жизни не рѣдкость встрѣтить людей съ чрезвычайнымъ запасомъ

самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, но эти свѣдѣнія оказываются иногда мертвымъ матеріаломъ безъ всякой переработки и внутренней живой связи.

Недостатки мыслящей силы. Недостатки разсудка, происходящіе отъ упражненія чувствъ и мышленія въ одномъ какомъ-нибудь направленіи, съ пренебреженіемъ къ прочимъ сторонамъ и явленіямъ жизни, суть *ограниченность* и *односторонность.* Сельскій житель напр. лучше понимаетъ природу и свойства животныхъ и растеній, нежели городской; за то послѣдній лучше и отчетливѣе понимаетъ то, что касается условій общества, произведеній искусства. Въ умѣ минералога ясныя понятія совсѣмъ другія, нежели у ботаника; въ умѣ геолога другія, нежели у физіолога. Вообще одинъ человѣкъ можетъ имѣть ясныя понятія въ одной, другой—въ другой области природы и знанія. Есть люди весьма образованные въ предметахъ своей спеціальности, но ограниченные въ предметахъ житейскаго быта и въ прочихъ наукахъ.—Недостатокъ разсудка, происходящій отъ слабой воспріимчивости, неполныхъ наблюденій и отъ слабой памяти, есть *глупость*, которая можетъ имѣть два вида, положительный и отрицательный. Первый видъ глупости происходитъ отъ природной вялости или слабости душевныхъ силъ; второй—отъ недостаточной репродукціи. За медленнымъ воспроизведеніемъ представленій можетъ скрываться иногда значительный запасъ ясныхъ воззрѣній, которыя, однакожъ, находятся въ вяломъ бездѣйствіи и неподвижномъ покоѣ. Въ этомъ случаѣ она справедливѣе можетъ быть названа *ненаходчивостію* (и потому надо судить о ней осторожно, чтобы не впасть въ несправедливость). Глупость, происходящая отъ слабости душевныхъ силъ, не составляетъ неисцѣлимаго недуга, если только она не есть природный идіотизмъ. Ее можно побѣждать терпѣніемъ и настойчивостію, останавливая вниманіе и память на изучаемыхъ предметахъ какъ можно долѣе и возбуждая къ сознанію сдѣланныя наблюденія какъ можно чаще.

II. Познаніе.—Цѣль мышленія заключается въ познаніи. Соединяя одни понятія съ другими, мы стараемся привесть всю совокупность ихъ въ такую связь, которая бы соотвѣтствовала внѣшней или предметной связи вещей и явленій; иными словами говоря, стремимся къ полной

и всесторонней истинѣ. При достиженіи ея и при полномъ обладаніи ею мы имѣли бы въ своемъ сознаніи полный образъ міра (ясное и раздѣльное понятіе о мірѣ), въ которомъ для насъ все было бы ясно и понятно и не осталось бы ничего темнаго, загадочнаго. Но это—идеалъ, недостижимый для человѣческаго ума; потому что, познавши все, онъ долженъ бы вмѣстить въ себѣ мудрость и всѣ тайны божественнаго ума, слѣдовательно обнять безконечное. Человѣческій умъ можетъ только до нѣкоторой степени приближаться къ этому идеалу, увеличивая сумму своихъ истинныхъ познаній и проникая въ мысли божественнаго ума, безъ надежды когда либо вполнѣ сравняться съ нимъ, такъ какъ непознаемаго всегда, при самыхъ обширныхъ успѣхахъ знанія, останется больше, нежели познаннаго.

Виды познаній.—Познаніе, по своему содержанію, развивается или изъ фактовъ, или изъ понятій. Въ первомъ случаѣ познаніе называется опытнымъ, въ послѣднемъ—умственнымъ.

Опытное познаніе. Условія его.—Предметъ опытнаго, эмпирическаго познанія составляютъ явленія природы и человѣческаго духа.

Общія условія, при которыхъ предметъ дѣйствуетъ на духъ, суть *пространство* и *время*. Все, что ни происходитъ, происходитъ во времени. Всякое чувственное явленіе, кромѣ того, развивается въ пространствѣ. Такимъ образомъ пространство и время суть неотдѣлимыя формы чувственнаго воззрѣнія. Мы не можемъ ни наблюдать, ни представлять, безъ нихъ и внѣ ихъ, ни одного явленія изъ области внѣшняго и внутренняго опыта, хотя, въ свою очередь, не можемъ ни наблюдать, ни представлять ихъ отдѣльно отъ явленій опыта, въ ихъ непосредственности.

Въ частности *пространство* составляетъ форму воззрѣній внѣшняго опыта. Мы наблюдаемъ внѣшнее бытіе, какъ протяженное, какъ вещи и явленія, занимающія опредѣленное мѣсто и лежащія—какъ онѣ сами, такъ и части ихъ—одна внѣ другой.

Понятіе пространства образуется эмпирическимъ путемъ, изъ воззрѣній опыта, и потому не есть чисто умственная форма, но есть общее сложное представленіе, образуемое разсудкомъ на основаніи

чувственно-наблюдаемыхъ опредѣленныхъ пространственныхъ ограниченій.

Для точности нужно отличать пространственное протяженіе отъ пространства, какъ понятія. Первое находится непосредственно въ чувственныхъ воззрѣніяхъ внѣшнихъ предметовъ; послѣднее есть отдаленнѣйшій продуктъ нашего мышленія.

Понятіе *времени* образуется также, какъ понятіе пространства, чрезъ отвлеченіе отъ наблюденій смѣны и послѣдовательности внутреннихъ состояній духа и внѣшнихъ явленій міра. Если бы не существовало никакихъ измѣненій, то не существовало бы никакого времени; но тамъ, гдѣ что нибудь измѣняется, присоединяются и опредѣленія времени, потому что одно является какъ прежнее, а другое—какъ позднѣйшее.

Кантъ считаетъ пространство и время апріорическими формами чувственнаго воззрѣнія и лишаетъ ихъ реальнаго значенія. Пространство, по его взгляду, есть одна изъ апріорическихъ формъ чувственнаго воззрѣнія, а не эмпирическое понятіе, составляемое нами на основаніи внѣшняго опыта, потому что оно существуетъ прежде опыта. Мы наблюдаемъ предметъ уже въ пространствѣ и слѣд. представленіе о немъ предшествуетъ наблюденію. Противъ этого можно сказать, что представленіе пространственнаго протяженія возникаетъ у насъ ни прежде, ни послѣ внѣшнихъ воззрѣній, но въ одно время съ ними и чрезъ нихъ. Мы воспринимаемъ предметы, какъ пространственно протяженные, и это воспріятіе есть условіе для образованія понятія о пространствѣ.—Другое возраженіе Канта противъ реальности пространства основывается на всеобщности и необходимости этого понятія. Но такъ какъ понятіе пространства есть одно изъ самыхъ высокихъ по степени отвлеченія понятій, то естественно, что мы необходимо представляемъ его при наблюденіи всякой вещи и всякаго явленія внѣшняго міра; однакожъ мы не видимъ никакой необходимости подводить подъ это понятіе явленія внутренняго міра, потому что *опытъ* не только не уполномочиваетъ насъ къ этому, но и противится тому. Кантъ говоритъ, что геометрическія построенія, основывающіяся на чистомъ понятіи пространства, въ отличіе отъ эмпирическихъ явленій, имѣютъ характеръ всеобщности, и мы, апріорически опредѣлившіи, что въ каждомъ треугольникѣ три угла равны двумъ прямымъ, не встрѣтимъ нигдѣ треугольника, гдѣ бы это отношеніе было иначе: чего конечно не могло бы быть, еслибы геометрія основывалась на эмпирическомъ понятіи. Но геометрическія построенія всѣ основываются на элементарныхъ чувственныхъ воззрѣніяхъ. Конечно, въ опытѣ нѣтъ совершенно прямой линіи, но она есть только идеальное представленіе наблюдаемой линіи. Мы можемъ наблюдаемыя формы пространства вводить въ безконечно-разнообразныя сочетанія: но эти сочетанія или геометрическія сужденія будутъ имѣть только предположительный (гипотетическій) характеръ и только тогда будутъ имѣть реальность, когда ее утвердитъ за ними опытъ.

Виды опытнаго познанія. Наглядное и историческое познаніе. Опытное познаніе основывается или на нашемъ собственномъ воззрѣніи, или на сообщеніи другихъ лицъ. Первое называется *непосредственнымъ*, *нагляднымъ*, или *опытнымъ* въ тѣсномъ смыслѣ; послѣднее—*историческимъ*.

Непосредственное опытное познаніе основывается на нашихъ собственныхъ воззрѣніяхъ и наблюденіяхъ. Но опытъ одного человѣка весьма ограниченъ пространствомъ и временемъ. Если бы мы знали только то, что наблюдали сами въ предѣлахъ и условіяхъ нашей жизни, то наше знаніе было бы весьма ограниченно. Поэтому мы расширяемъ кругъ нашего знанія, принимая и усвояя отъ другихъ людей, живущихъ въ одно время съ нами и жившихъ прежде насъ, результаты ихъ наблюденій. Познаніе, пріобрѣтаемое этимъ путемъ, называется *историческимъ*, или основаннымъ на довѣріи къ *авторитету*. Безъ этого довѣрія къ авторитету люди вѣчно оставались бы на низшихъ ступеняхъ знанія. Не было бы никакого прогресса отъ одного поколѣнія къ другому. Не только наука и искусство, но самыя простыя ремесла и занятія, непремѣнно требующія руководства, ученья, вѣчно оставались бы при первыхъ, самыхъ грубыхъ своихъ начаткахъ.—Убѣжденіе въ томъ, что сообщаемое намъ другими людьми истинно, называется *исторической вѣрою*. Основаніе этого способа убѣжденія коренится въ самой человѣческой природѣ и составляетъ существенное условіе нашего образованія. Довѣренность къ чужому свидѣтельству составляетъ необходимое условіе пополненія нашихъ познаній.

Заблужденія въ области исторической вѣры могутъ имѣть два источника: *легковѣріе* и *невѣріе*.

Непосредственное познаніе и основывающееся на исторической вѣрѣ имѣютъ совершенно одинаковое достоинство. Познанія, пріобрѣтаемыя отъ другихъ—если только историческія основанія ихъ совершенно достовѣрны—мы считаемъ такими же истинными, какъ то, что мы сами узнали бы объ извѣстныхъ предметахъ, если бы имѣли къ тому случай или возможность. Касательно взаимнаго отношенія ихъ можно сказать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ вѣра и знаніе переходятъ одно въ другое, именно тогда, когда мы принятое на вѣру по-

вѣряемъ собственнымъ наблюденіемъ или изученіемъ; но въ другихъ не можетъ быть этого перехода, потому что предметы удалены отъ насъ временемъ; впрочемъ, здѣсь возможно большее или меньшее проясненіе ихъ путемъ историческихъ изысканій и повѣрокъ (*Критика и Герменевтика*). Наконецъ, область сверхчувственнаго, по самой природѣ своей недоступная наблюденію, составляетъ исключительно предметъ вѣры. Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ вѣра покоится на иныхъ—практическихъ, а не теоретическихъ, основаніяхъ. Этими основаніями служатъ внутреннія потребности и чаянія духа, который, не находя себѣ удовлетворенія въ предѣлахъ чувственнаго опыта, переноситъ свои вѣрованія и надежды за предѣлы этой жизни и этого міра.

Умственное познаніе.—Умственное познаніе развивается изъ понятій, имѣетъ своимъ предметомъ умственно-опредѣляемыя формы бытія и умственно-представляемое сверхчувственное бытіе.

Главные роды формальныхъ понятій. Категоріи.—Высшія руководящія формальныя понятія (главные роды сказуемыхъ) со времени Аристотеля принято называть *категоріями*. Категоріи суть высшія родовыя понятія, которыя сами не имѣютъ опредѣленнаго содержанія, но обнимаютъ всякое содержаніе; посему онѣ суть *формальныя*, *опредѣляющія* понятія (большое, малое, длинное, короткое и пр.), и должны быть отличаемы отъ *реальныхъ* понятій (домъ, книга, животное и пр.).

Аристотель перечислилъ десять категорій: сущности, количества, качества, отношенія, мѣста, времени, положенія, состоянія, дѣйствія и страданія. Аристотелева таблица категорій представляетъ простой перечень ихъ, безъ всякаго плана. Отъ этого въ ней нѣкоторые предметы повторяются нѣсколько разъ: напримѣръ, отношеніе поставлено особливою категоріею, хотя оно совпадаетъ со многими другими категоріями. Категоріи мѣста, положенія, страданія, дѣйствія, имѣютъ производный характеръ, выходящій изъ общей категоріи отношенія. Въ основаніи дѣйствія и страданія лежитъ общее отношеніе причинности. Вообще подъ всякой категоріей можно указать нѣсколько подчиненныхъ и нерѣдко совершенно совпадающихъ значеній.

Въ новое время Кантъ, изслѣдуя, изъ какихъ элементовъ состоитъ чистый разумъ, нашелъ, что разсудокъ имѣетъ двѣнадцать прирожденныхъ ему формъ, которыя соотвѣтствуютъ двѣнадцати видамъ возможныхъ сужденій. Эти двѣнадцать формъ подводятся къ четыремъ главнымъ—количества, качества, отношенія и модальности или образности. Первое имѣетъ дѣло съ предметомъ

(единство, множество и всеобщность); второе съ свойствами, которыя могутъ быть въ предметѣ (реальность, отрицаніе и ограниченіе); третье выражаетъ отношеніе, связывающее предметъ съ свойствами (субставція, причива и взаимнодѣйствіе); четвертая выражаетъ отношеніе суждевія къ уму (возможность бытіе и необходимость). Перечисленныя категоріи, какъ чистыя понятія a priori (т. е. данныя прежде всякаго опыта) исчерпываютъ всю область позванія.—Таблица категоріи Канта интересуетъ болѣе своею симметричностью, нежели научною строгостью. Въ ней смѣшаны чистыя понятія съ эмпирическими. Вся категорія модальности (возможность, бытіе, необходимость) составляетъ классъ эмпирическихъ понятій, образуемыхъ изъ воззрѣній, а не изъ требованій ума. Бытіе, гдѣ оно есть, открывается намъ посредствомъ опыта, а не посредствомъ мышленія. Изъ понятія о вещи нельзя аналитически вывести ея бытія. Категорія отношевія раздѣляетъ понятія, которыя нераздѣлимы между собою: такъ причина и взаимнодѣйствіе могутъ быть соединены въ одну категорію причиности.

Разсматриваемыя въ отношеніи къ дѣйствительности, категоріи, по учевію Аристотеля, обозначаютъ высшіе классы *дѣйствительныхъ* вещей (τοῦ ὄντος), суть ихъ высшіе роды (τά γένη); у Канта категоріи имѣютъ только *формальное* значеніе: онѣ суть формы разсудка и къ дѣйствительному бытію имѣютъ отношеніе только къ такой мѣрѣ, въ какой даютъ связь и единство матеріальному, не имѣющему ни связи, ни порядка.

Основныя категоріи для всѣхъ остальныхъ суть: 1) категорія субстанціи и акциденцій, или вещи и ея свойствъ, и 2) причиности, какъ дѣятельнаго проявленія вещи. Послѣдняя обнимаетъ собою всѣ другія отношенія.

Вещь и свойства. (Субстанція и акциденціи).—Обыкновенное сознаніе представляетъ и называетъ вещью всякій предметъ, подлежащій наблюденію: свойствами—то, что отличаетъ эту вещь отъ другихъ вещей. Слѣдовательно оно представляетъ вещь, какъ совокупность всѣхъ ея свойствъ. Научное сознаніе идетъ дальше и предлагаетъ вопросы о внутренней основѣ того, что мы называемъ вещью, и объ отношеніи ея къ свойствамъ, какъ ея внѣшнимъ проявленіямъ. Эта внутренняя основа каждой вещи, носитель всѣхъ ея свойствъ, и названа сущностью (субстанціею, substantia); а свойства ея, какъ неимѣющія самостоятельнаго бытія, акциденціями, свойствами и принадлежностями (accidentiae s. inhaerentiae).

Внутренняя связь между ними доступна нашему наблюденію только въ одной области бытія, именно въ жизни нашего духа, которая открывается намъ въ самосознаніи. Здѣсь мы наблюдаемъ не

внѣшнюю форму бытія, а самое внутреннее душевное бытіе, въ которомъ свойства и проявленія, то есть представленія, желанія и чувствованія, составляютъ самую жизнь души. Наши сознательныя душевныя дѣйствія безспорно принадлежатъ сущности, которую составляемъ мы сами: они находятся въ ней и образуютъ ее своею совокупностью. Что же касается до вещей внѣшняго міра къ которымъ принадлежитъ и наше тѣло, то мы можемъ имѣть только посредственное познаніе объ ихъ свойствахъ. Мы воспринимаемъ ихъ не такими, каковы онѣ есть, а только такими, какими онѣ являются намъ въ своихъ дѣйствіяхъ на насъ. Безъ сомнѣнія различныя дѣйствія ихъ на насъ зависятъ отъ реальныхъ свойствъ, которыя лежатъ въ ихъ сущности и посредствомъ которыхъ онѣ производятъ на насъ такое, а не другое дѣйствіе: но мы не можемъ непосредственно ни наблюдать, ни знать этихъ свойствъ. Между тѣмъ, наблюдая явленія вещи, мы, по аналогіи съ нашимъ собственнымъ бытіемъ, предполагаемъ для нихъ нѣкоторую основу (сущность) и представляемъ взаимное отношеніе ихъ также, какъ въ нашемъ собственномъ бытіи.

Причина и дѣйствіе.—Какъ совокупность явленій, составляющихъ постоянную форму бытія вещи, мы относимъ или прикрѣпляемъ къ общей ея основѣ или сущности, такъ послѣдовательную смѣну явленій поставляемъ во внутреннюю связь по закону причинности. Чувственное наблюденіе показываетъ намъ, во многихъ случаяхъ, правильный возвратъ цѣлаго ряда явленій. Значительное число явленій повторяется равномѣрно и въ томъ же порядкѣ въ теченіе дня и года. Эта правильность перемѣнъ возбуждаетъ въ насъ представленіе внутренней связи между ними—связи силъ и законовъ, управляющихъ ихъ теченіемъ. Основу этого представленія составляетъ наблюденіе внутренней связи между нашими внутренними состояніями, желаніями и расположеніями, равно какъ и внѣшними ихъ выраженіями въ движеніяхъ членовъ или дѣйствіяхъ. По аналогіи мы переносимъ это представленіе на внѣшній міръ, на теченіе внѣшнихъ явленій, предполагая и здѣсь тоже непрерывное отношеніе причинности. Безъ сомнѣнія мы часто ошибаемся и ставимъ въ причинное отношеніе такія явленія, которыя находятся только въ отношеніи

внѣшней послѣдовательности; но это зависитъ не отъ разсудка который повсюду ищетъ причиности, а отъ недостаточнаго наблюденія, которое торопливо прилагаетъ этотъ законъ къ явленіямъ, стоящимъ въ данномъ случаѣ внѣ этой связи, хотя и не внѣ причиности вообще.

Взаимное отношеніе причины и дѣйствія.—Если дѣйствіе происходитъ отъ причины и во всѣхъ частяхъ необходимо условливается ею, то оно не можетъ содержать больше того, сколько содержится въ причинѣ. Причина и дѣйствіе должны быть всецѣло сообразны другъ съ другомъ. Если опытъ не подтверждаетъ иногда этой сообразности, то это объясняется тѣмъ, что мы не можемъ наблюдать самаго внутренняго бытія вещей. Смотря на процессы броженія, отравленія синильной кислотой, на развитіе плода изъ цвѣтка, мы не видимъ въ причинѣ, повидимому, ни малѣйшей сообразности съ дѣйствіемъ. Но это зависитъ отъ того, что мы въ нашихъ чувственныхъ воспріятіяхъ не наблюдаемъ самой *сущности* вещей. Если бы это было возможно для насъ, то мы и здѣсь увидѣли бы полное равенство между дѣйствіями и причинами. Но мы наблюдаемъ внѣшній міръ только такъ, какъ онъ *является* намъ и дѣйствуетъ на наши чувства. А при этомъ нерѣдко одни дѣятели являются связанными другими и какъ бы скрытыми за ними, и на оборотъ, связанные прежде, становятся свободными. Въ обоихъ случаяхъ въ дѣйствіи обнаруживается то, чего мы не видимъ въ причинѣ. Движущая сила пороха, напримѣръ, которая обнаруживается при ружейномъ выстрѣлѣ, безспорно находилась въ порохѣ и до этого процесса, но въ такомъ состояніи, что была какъ бы связана и скрыта и не могла дѣйствовать на наши чувства.

Какъ связь между причинами и дѣйствіями, такъ и полное равенство ихъ мы можемъ наблюдать только въ нашихъ психическихъ и психо-физическихъ явленіяхъ. Необыкновенная радость приводитъ въ движеніе значительный кругъ нашихъ представленій, вызываетъ въ сознаніе то, что до тѣхъ поръ покоилось въ душѣ, и освѣщаетъ живымъ колоритомъ то, что казалось безцвѣтнымъ, придаетъ силу и живость тому, что едва вращалось въ спокойномъ теченіи жизни. Что и сколько при этомъ пріобрѣтается дѣйствіемъ, то въ такой же

мѣрѣ теряется причиною, и если бы для насъ возможно было вычисленіе этой убыли, то мы увѣдили бы, что она совершенно соотвѣтствуетъ тому, что перешло въ дѣйствіе.

Объемъ причиннаго отношенія.—Простой смыслъ и научное сознаніе повторяютъ постоянно, что всякое дѣйствіе должно имѣть причину. Мы не можемъ представить никакого дѣйствія безъ причины, не разрушая нашего мышленія. Однакожъ въ обыкновенной жизни, рядомъ съ этой увѣренностью, укладывается убѣжденіе, что есть дѣйствія, не имѣющія причины, или *случайныя*. Всматриваясь ближе въ эти дѣйствія, мы увидимъ, что случай отнюдь не ограничиваетъ повсюднаго дѣйствія причинной связи, но въ каждомъ данномъ случаѣ выражаетъ только или нашу лѣность подняться до разумѣнія причины, или же трудность узнанія дѣйствительной причины. Мы говоримъ о случаѣ тогда, когда среди чрезвычайнаго разнообразія явленій, сопровождающихъ тотъ или другой процессъ, причина не обособляется и не выдѣляется явственно. Таковы процессы карточной и лотерейной игры, безсвязной смѣны представленій во снѣ и проч. Равнымъ образомъ если связь между явленіями опирается на единственномъ опытѣ или ограниченномъ числѣ опытовъ, то мы не можемъ съ достовѣрностью поставить ихъ въ причинное отношеніе и указываемъ на случай, какъ на неизвѣстную причину явленія, неизъяснимаго изъ извѣстныхъ намъ причинъ—какъ, напримѣръ, при выздоровленіи послѣ употребленія простаго домашняго лѣкарства, которое предъ судомъ врачебной науки не заключаетъ въ себѣ цѣлительнаго свойства. Слѣдовательно случай только прикрываетъ ваше незнаніе дѣйствительной причины для объясненія даннаго явленія.

Производныя категоріи.—Субстанція, какъ дѣятельная причина своихъ обнаруженій, даетъ понятіе *силы*; обнаруженія ея даютъ понятія о *дѣйствіи* или *явленіи* силы.—Вещь, какъ совокупность *различныхъ* свойствъ, даетъ категорію *качествъ* или особенностей, посредствомъ которыхъ одна вещь или одно свойство вещи отличаются отъ другихъ. Вещь, какъ *совокупность* различныхъ качествъ, даетъ категорію *количества*, мѣрою котораго служитъ *число*.—Изъ отношенія субстанціи къ акциденціямъ, причины къ дѣйствіямъ, происходятъ категоріи взаимоотношенія и *взаимнодѣйствія*.—

Постоянно однообразное проявленіе сущности въ извѣстныхъ явленіяхъ и постоянно однообразное соотношеніе явленій даетъ понятіе о *законѣ*.—Когда представляющее *я*, какъ причина, стремится къ осуществленію одного изъ своихъ представленій, то въ немъ возбуждается понятіе *цѣли*. Но нельзя представлять цѣли, не представляя въ тоже время того, посредствомъ чего достигается цѣль: въ самомъ понятіи цѣли заключается требованіе другаго, *посредствомъ* чего она дѣлается возможною.

Виды умственнаго познанія.—Виды умственнаго познанія суть формальное и раціональное познаніе. Первое обнимаетъ собою область математическихъ, второе философскихъ построеній.

Математическое познаніе.—*Математика* имѣетъ дѣло съ количественно выражаемыми формами и отношеніями тѣлъ, какъ величинъ, данныхъ или представляемыхъ въ пространствѣ, но не касается понятій, относящихся къ этимъ предметамъ, или природы ихъ, свойствъ и качествъ.

Всѣ математическія познанія, по своимъ элементарнымъ основаніямъ, имѣютъ опытное происхожденіе. Данныя въ опытѣ линіи, углы, взаимныя пресѣченія линій, величины, вообще различныя ограниченія пространства, равно какъ данныя въ опытѣ единицы и совокупленія единицъ, служатъ основаніемъ для понятій о пространствѣ и о числѣ, изъ которыхъ, выводнымъ методомъ, развиваются различныя сложныя математическія построенія.

Математическія построенія, какъ чисто умственныя, опираются на достовѣрности своихъ началъ (аксіомъ) и правильности выводовъ, не нуждаясь въ непосредственномъ содѣйствіи опыта для утвержденія своей истины. Разъ правильно составленная математическая формула или геометрическое вычисленіе не нуждаются въ новыхъ случаяхъ, подтверждающихъ ихъ достовѣрность (какъ нуждаются въ нихъ эмпирическіе законы). Это свойство математической достовѣрности называется ея *всеобщностью*. Съ этимъ свойствомъ связано другое, называемое *необходимостью*, и касающееся не обязательнаго присутствія всѣхъ математическихъ истинъ въ умѣ или сознаніи каждаго мыслящаго человѣка, но необходимаго развитія одинаковыхъ выводовъ при одинаковыхъ у всѣхъ основаніяхъ. Но что касается до отношенія ма-

тематическихъ вычисленій и построеній къ дѣйствительности, то всегда нужно указаніе опыта для того, чтобы показать—имѣютъ ли они въ опытѣ примѣненіе и совпадаютъ ли съ реальнымъ отношеніемъ предметовъ и явленій, или нѣтъ. Слѣдовательно предметная достовѣрность ихъ всегда, въ данномъ случаѣ, имѣетъ только гипотетическій характеръ.

Философское познаніе.—*Философія* стремится къ познанію происхожденія, цѣли и высшихъ законовъ, управляющихъ жизнію всего существующаго. Такъ какъ философія разсматриваетъ все сущее подъ идеею безконечнаго, то она называется также наукою о безусловномъ или сверхчувственномъ.

Высшіе принципы философскаго познанія суть идея безконечнаго и основывающіяся на ней идеи истины, добра и красоты.

Философское познаніе, также какъ математическое, имѣетъ характеръ всеобщности и необходимости. Эта всеобщность и необходимость основывается на всеобщности и необходимости основаній философскаго познанія—идей, присущихъ уму каждаго человѣка по самой его природѣ. И потому правильные выводы философіи или правильно опредѣленные ею законы, въ области познанія, нравственной и художественной дѣятельности, имѣютъ обязательную силу и значеніе для всѣхъ людей.

Методы опытныхъ и умственныхъ изслѣдованій и построеній. Въ каждомъ изслѣдованіи, равно какъ въ каждомъ совокупленіи отдѣльныхъ познаній въ формѣ научнаго систематическаго построенія, мы или отъ частнаго восходимъ къ общему, или отъ общаго нисходимъ къ частному. Первый путь или способъ (методъ) знанія есть индуктивный, аналитическій; второй—дедуктивный, синтетическій. Всякое познаніе, восходящее отъ явленій, фактовъ, къ закону, есть познаніе индуктивное; всякое познаніе, примѣняющее законъ къ объясненію новыхъ частностей и выводящее изъ высшаго понятія разнообразіе его содержанія, есть познаніе дедуктивное. Первый изъ этихъ методовъ употребляется преимущественно въ опытныхъ (эмпирическихъ) наукахъ, послѣдній—преимущественно въ математикѣ и философіи. Впрочемъ какъ въ опытныхъ наукахъ имѣетъ нѣкоторое примѣненіе методъ дедук-

тивный, такъ въ умозрительныхъ—индуктивный. Такъ, напримѣръ, сложное астрономическое вычисленіе, послужившее основаніемъ для открытія планетъ, лежащихъ за Сатурномъ—Урана и Нептуна, равно какъ малыхъ астероидовъ между Марсомъ и Юпитеромъ, есть примѣненіе дедуктивнаго метода въ области естествознанія. Равнымъ образомъ опытныя (эмпирическія) основанія для математическихъ построеній и философскихъ выводовъ составляютъ примѣненіе индуктивнаго метода въ области умственнаго познанія.

Истина и достовѣрность знанія.—Познаніе можетъ быть *истиннымъ* или *ложнымъ*, смотря потому—согласно оно съ лежащимъ въ основаніи его наблюденіемъ, а чрезъ него съ самымъ предметомъ, или несогласно. Истина называется также достовѣрностью; но, частнѣе, *достовѣрность* означаетъ внутреннее состояніе убѣжденія въ истинѣ или сознаніе ея присутствія въ данномъ случаѣ, какъ, наоборотъ, недостовѣрность—неимѣніе этого убѣжденія. Слѣдовательно достовѣрность есть внутренняя очевидность или мыслительная необходимость, которою мы бываемъ вынуждены принять извѣстное представленіе или рядъ представленій (связь мыслей) за истинныя или имѣющія объективное значеніе. Эта необходимость обнимаетъ собою какъ воззрѣнія и наблюденія, такъ и представленія, понятія и чувствованія—всѣ фазы развитія сознанія. Что здѣсь стоитъ столъ, въ этомъ я не могу ни самъ убѣдиться, ни другихъ убѣдить иначе, какъ только обращаясь къ непосредственному сознанію и обращая къ нему же и другихъ лицъ: и это сознаніе съ необходимостью вынуждаетъ насъ признать истину нашего воззрѣнія.

Переходныя ступени между достовѣрностью и недостовѣрностью составляютъ различныя степени *вѣроятности*, съ которою то или другое свѣдѣніе приближается къ истинѣ или удаляется отъ нея.

Достовѣрность имѣетъ два вида: непосредственной и посредственной. Непосредственная достовѣрность обнимаетъ собою и сопровождаетъ всѣ первоначальные факты нашего сознанія (наше собственное бытіе и внутреннія состоянія, равно какъ бытіе предметовъ внѣ насъ). Посредственная основывается на доказательствахъ и обнимаетъ собою всѣ представленія и мысли, истина которыхъ можетъ быть утверждена только посредствомъ доказательствъ. Всякое

доказательство, въ какой бы ни было формѣ, есть только выясненіе необходимости мышленія, т. е. сопоставленіе и указаніе тѣхъ посредствующихъ понятій, которыя приводятъ мышленіе къ ясному сознанію необходимости представлять и понимать вещи и отношенія ихъ извѣстнымъ образомъ, сообразно съ ихъ существомъ. Въ практической области (нравственной дѣятельности и права) доказательства, равнымъ образомъ, суть выраженія того, что вынуждаетъ наше сознаніе къ признанію извѣстнаго дѣйствія правильнымъ или неправильнымъ.

Предѣлы знанія.—Сумма вѣроятнаго въ нашемъ познаніи несравненно больше, нежели достовѣрнаго. Увеличеніе послѣдняго и уменьшеніе перваго составляютъ постоянную цѣль научныхъ изслѣдованій. Для достовѣрнаго знанія, какъ на эмпирическомъ, такъ и на умственномъ пути, положены непереходимыя границы. Опредѣленіе этихъ границъ составляетъ задачу критическаго изслѣдованія способностей человѣческаго духа (опыты котораго сдѣланы Локкомъ и Кантомъ). Впрочемъ даже въ области достижимаго для насъ знанія мы не можемъ дойти до полной или безусловной увѣренности, что мы обладаемъ чистою, безпримѣсною истиною. Наше опытное познаніе ограничивается только явленіями. Выводное или дедуктивное (философское) знаніе, направляющееся къ познанію законовъ и сущности вещей, также не можетъ быть безусловно достовѣрнымъ какъ со стороны началъ, которыя всегда остаются только предположительными, такъ и со стороны выводовъ, не всегда обезпеченныхъ отъ недостатковъ и неправильностей даже самымъ строгимъ соблюденіемъ логическихъ правилъ. Поэтому самое достовѣрное въ нашемъ познаніи всегда есть только наиболѣе вѣроятное.

Умственныя дарованія и ихъ различные виды и степени.

Умственная энергія проявляется у различныхъ людей различно, обнаруживая различныя степени силы или внутренней напряженности и принимая самыя разнообразныя направленія. Въ первомъ отношеніи можно различать у людей различныя дарованія, въ послѣднемъ—различныя направленія умственной силы.

1) Совершенства и недостатки отдѣльныхъ умственныхъ способностей показаны нами при анализѣ этихъ способностей. Совокупность

всѣхъ или многихъ изъ этихъ совершенствъ въ одномъ лицѣ составляетъ умственную *даровитость*, высшія степени которой иногда обозначаютъ названіями *таланта* и *генія*, заимствованными изъ области эстетической дѣятельности духа. Ей противоположна *бездарность*, которая, если только она не есть идіотизмъ или врожденное тупоуміе, означаетъ сравнительно слабую степень энергіи всѣхъ или главныхъ умственныхъ силъ. Между высшими и низшими степенями находится много среднихъ степеней обыкновенной, ни очень сильной, ни сравнительно очень слабой, энергіи познавательныхъ душевныхъ силъ.

2) Классифировать и описывать различныя направленія умственной дѣятельности и различные виды умственныхъ дарованій значило бы описывать *индивидуальные умственные характеры*, которыхъ существуетъ чрезвычайное множество. Вмѣсто этой большой задачи, не входящей существенно въ предѣлы психологіи, которая имѣетъ цѣлью изслѣдованіе всеобщихъ законовъ душевной жизни, мы укажемъ только на главныя направленія и формы умственныхъ дарованій, примѣнительно къ главнымъ пріемамъ умственной дѣятельности— пріобрѣтенію и такому или другому способу употребленія знаній.

Со стороны пріобрѣтенія знаній легко замѣтить различіе между людьми по различной степени энергіи и различнымъ побужденіямъ пріобрѣтенія знаній. Между тѣмъ какъ для однихъ пріобрѣтеніе или механическое накопленіе знаній составляетъ само по себѣ цѣль умственной дѣятельности, и потому какъ производится случайно, такъ и остается безплоднымъ для высшихъ потребностей духа и практическихъ нуждъ жизни (обширная теоретическая ученость, изученіе или знаніе многихъ языковъ и проч.), для другихъ оно составляетъ только средство для оплодотворенія какъ внутренней, душевной, такъ внѣшней, практической жизни.

Цѣлесообразная обработка и употребленіе знаній можетъ имѣть нѣсколько формъ, которыя, главнымъ образомъ, различаются преобладаніемъ механическихъ ассоціацій воспоминанія и воображенія надъ дѣятельностью мышленія, или наоборотъ—дѣятельности мышленія надъ механическими ассоціаціями. Въ первомъ отношеніи развивается *остроуміе*, какъ способность сближенія предметовъ по ихъ внѣшнимъ и случайнымъ сходствамъ, незамѣтнымъ для обыкновеннаго взгляда,—стремле-

ніе къ метафорамъ, аллегоріямъ, поэтическимъ сближеніямъ; въ послѣднемъ—собственно мыслительная, разсудочная дѣятельность.

По главнымъ пріемамъ ея—*сравненію* или замѣчанію сходствъ и различій, *отвлеченію* или отдѣленію сходнаго отъ различнаго и *обобщенію* или соединенію сходнаго—разсудочная дѣятельность можетъ проявляться съ различною степенью энергіи въ отношеніи употребленія того или другаго изъ этихъ пріемовъ.

Преобладаніе принципа *различенія* составляетъ существенный элементъ *проницательности*, какъ различенія тончайшихъ чертъ сходства и различія между предметами; далѣе на немъ основываются способность усмотрѣнія новаго въ предметахъ и явленіяхъ общеизвѣстныхъ и общенаблюдаемыхъ, независимо отъ установившихся взглядовъ; наконецъ стремленіе къ оригинальности, которое можетъ соединяться съ различными степенями даровитости ума.

«Собственно интеллектуальный человѣкъ собираетъ свѣдѣнія откуда бы ни шли они. Для него все равно, выходятъ ли они изъ его собственнаго наблюденія и размышленія, или-же изъ наблюденій и размышленій другихъ людей. Таково стремленіе любознательности и духъ изслѣдованія. Есть однакоже небольшое число людей, которые терпѣть не могутъ простаго воспринимания того, что говорятъ учитель, книги или знающіе люди; интересъ къ знанію является въ нихъ только тогда, когда знаніе добыто собственными силами. Они замѣчаютъ факты, составляютъ выводы, мнѣнія и обобщенія такія, какія идутъ къ нимъ; все остальное, какъ скоро представляется въ формѣ сообщаемаго знанія, не имѣетъ къ нимъ доступа. Такіе люди имѣютъ сильную наклонность къ оригинальности. Не имѣя возможности открыть что-нибудь новое, они открываютъ хотя старое. Удовлетвореніе подобнаго стремленія непремѣнно сопровождается случайными открытіями дѣйствительно новаго, хотя не такимъ людямъ открываются высшія истины человѣческаго знанія. Интеллектуальное основаніе ихъ слишкомъ узко для того, чтобъ на немъ могло быть построено зданіе колоссальныхъ размѣровъ. Они считаютъ и слушаютъ не за тѣмъ чтобъ узнать что-нибудь, а только чтобъ найти подтвержденіе своихъ взглядовъ, добытыхъ независимо. Въ полемикѣ они умственно и нравственно неспособны понять точку зрѣнія противника; поэтому споры съ ними безполезны для разъясненія спорныхъ вопросовъ. Но есть и другіе разнообразные мотивы, которые заставляютъ людей бросить избитую дорогу изъ-за чего нибудь такого, что ново и выше стараго, чему, конечно, нельзя отказать въ похвалѣ. Противоположность этой наклонности составляетъ стремленіе многихъ людей—держаться принятой рутины, хотя бы даже интеллектуальной силы ихъ было достаточно для оригинальности». (Бэнъ).

На принципѣ *обобщенія* и *отвлеченія* основываются въ умственной области — стремленіе къ абстракціямъ и общимъ положеніямъ; въ практической — *предпріимчивость* (предположеніе отдаленныхъ цѣлей и настойчивое стремленіе къ осуществленію ихъ), *предусмотрительность* (способность по прошедшему и настоящему вѣрно предугадывать будущее) и *практическая мудрость*; на высшей степени—стремленіе къ *умственному творчеству*, которое проявляется въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, и притомъ какъ въ теоретической области знанія (разнообразныя научныя аналогіи, открытіе и обобщеніе законовъ природы, построеніе фисолософскихъ системъ), такъ и въ практической области жизни (практическія изобрѣтенія, усовершенствованія въ соціальномъ быту и проч.).

III. Разумъ и идеи.

Понятіе о разумѣ и объ идеяхъ.—Чувства даютъ матеріалы для познанія; мышленіе—соединяетъ ихъ логическою связью. Но этими отправленіями души не исчерпывается вся дѣятельность ея въ познаніи. Чувства и разсудокъ не обнимаютъ всей полноты познавательныхъ силъ. Въ душѣ есть еще высшая, направительная способность, которая называется *разумомъ* и которой принадлежитъ 1) высшее направленіе душевной жизни и дѣятельности сообразно съ духовною человѣческою природою и 2) оцѣнка сообразности или несообразности этой дѣятельности съ высшими требованіями духа.

Проявленія или формы дѣятельности разума суть *идеи*. По сущности своей, или по своей первоначальной формѣ, идеи суть стремленія, выходящія изъ собственной природы души и проникающія всѣ душевныя силы, направляя дѣятельность ихъ къ развитію высшихъ формъ духовной жизни человѣка, какъ разумно-нравственнаго существа, и именно къ развитію тѣхъ дѣятельностей духа, въ которыхъ онъ отличаетъ истинное отъ ложнаго, нравственное отъ безнравственнаго, прекрасное отъ безобразнаго и развиваетъ религіозныя представленія. Въ дальнѣйшемъ развитіи, посредствомъ воображенія и разсудочнаго мышленія идеи получаютъ формы понятій, соединяются съ другими понятіями въ сужденія и могутъ

сдѣлаться основаніями для заключеній и выводовъ.—То, что возбуждаетъ въ душѣ идеальныя стремленія и основывающіяся на нихъ представленія, дѣйствуетъ не какъ внѣшній, чувственно наблюдаемый предметъ, но какъ собственный внутренній законъ духовной жизни, направляющій ее къ цѣлесообразной дѣятельности, соотвѣтственной ея собственной природѣ. Въ этомъ отношеніи идеальныя стремленія можно назвать духовными инстинктами, по аналогіи съ тѣлесными инстинктами, а разумъ — способностью духовныхъ инстинктовъ или силою идеальной цѣлесообразности. — Принятыя разсудкомъ и образованныя въ формѣ понятій и основоположеній, идеи составляютъ основанія для сознательной разумнонравственной дѣятельности; и потому разумъ можетъ быть названъ такъ же способностью или силою *принциповъ*, какъ высшихъ основаній для дѣятельности всѣхъ душевныхъ силъ и для оцѣнки этой дѣятельности.

Понятіе о *разумѣ* и объ *идеяхъ* еще не установилось въ психологіи. Всѣ согласны въ томъ, что разумъ есть высшая сила, отличающая человѣка отъ животныхъ и направляющая его къ высшему совершенству; но относительно предмета и круга его дѣятельности существуютъ различныя мнѣнія. Одни опредѣляютъ его какъ теоретическую способность къ познанію сверхчувственнаго; другіе—какъ высшую силу мышленія, выражающуюся въ умозаключеніяхъ; иные—какъ способность апріорическаго (независимаго отъ опыта) познанія; иные, наконецъ, какъ силу нравственныхъ принциповъ или совѣсть. Но первое изъ этихъ опредѣленій не имѣетъ никакой опредѣленности; второе и третье — смѣшиваютъ разумъ съ разсудкомъ, какъ способностью познанія; послѣднее безъ всякаго основанія ограничиваетъ дѣятельность разума одною практическою областью нравственной дѣятельности, между тѣмъ какъ она обнимаетъ всѣ стороны жизни души человѣческой.

Такое же разногласіе существуетъ относительно *идей*. Извѣстно, что *Платонъ* первый указалъ на идеи, какъ на сверхчувственные образцы вещей и какъ на единственный предметъ знанія. По ученію его идеи суть объективныя сущности, которыя имѣютъ бытіе, независимое отъ представляющаго ума, и составляютъ особый міръ, отличный отъ міра явленій. *Декартъ* перенесъ идеи въ душу, какъ готовыя прирожденныя понятія, которыя составляютъ начала всякаго знанія. *Кантъ* усвоилъ имъ только направительное, дисциплинарное значеніе, какъ высшимъ субъективнымъ формамъ знанія. *Гербартъ* и его школа допускаютъ однѣ только практическія идеи, какъ образцы для воли.

Происхожденіе и разсудочныя формы идей.—Происхожденія идей въ нашей душѣ нельзя изъяснить ни изъ источниковъ эмпирическаго познанія, потому что мы получаемъ изъ этихъ источниковъ

(воззрѣній внѣшняго и внутренняго чувства) только факты, направленіе же познавательной дѣятельности опредѣляется собственною природою души; ни изъ дѣйствій воображенія и разсудочнаго мышленія, потому что воображеніе и разсудокъ сами ничего не создаютъ, но только по законамъ ассоціаціи и мышленія обобщаютъ и перерабатываютъ данное содержаніе. Кромѣ того, проходящее чрезъ дѣятельность всѣхъ нашихъ душевныхъ силъ стремленіе къ безконечному вынуждаетъ искать источника его за предѣлами опыта и конечнаго бытія: поэтому необходимо допустить, что идеи имѣютъ внѣопытное происхожденіе. Идеи *прирождены* намъ, но не какъ готовыя понятія о познаваемыхъ предметахъ, а какъ вложенное въ душу Высочайшимъ существомъ, Творцемъ ея, направленіе ея къ дѣятельности, сообразной съ природою духовнаго, разумно-нравственнаго существа, предназначеннаго притомъ къ безконечному усовершенствованію.

Переходъ идей изъ непосредственнаго бытія въ разсудочныя формы понятій и сужденій совершается точно также, какъ и другихъ душевныхъ дѣйствій и состояній. Внутреннее чувство наблюдаетъ въ дѣятельности всѣхъ силъ души стремленіе къ образованію высшихъ идеальныхъ формъ духовной жизни, которыя можно бы назвать типами духовности и разумности, каковы формы истиннаго, нравственнаго и прекраснаго. Эти стремленія дѣлаются предметомъ представленій: однородныя стремленія, наблюдаемыя въ дѣятельности всѣхъ силъ, даютъ основаніе однороднымъ представленіямъ, изъ которыхъ и образуются понятія. Такъ какъ при этомъ каждая сила обнаруживается свойственнымъ ей образомъ и стремится къ свойственному ей идеальному типу, то, съ одной стороны, образуется представленіе и потомъ понятіе объ опредѣленномъ идеальномъ образѣ дѣятельности каждой силы, съ другой—представленіе вообще о высшемъ совершенствѣ, свойственномъ духовнонравственному существу. Образовавшіяся этимъ способомъ понятія, подобно всѣмъ прочимъ понятіямъ, имѣютъ у различныхъ людей различную степень полноты и ясности. Напримѣръ, человѣку прирождено, по дѣятельности его познавательныхъ силъ, *стремленіе* и направленіе *къ истинѣ*: но *понятіе истины* возникаетъ въ умѣ человѣка и при-

обрѣтаетъ ясность только мало по малу, когда онъ, отдѣляя въ своихъ познавательныхъ дѣйствіяхъ то, что принадлежитъ ихъ содержанію, отъ того, что принадлежитъ имъ, какъ ихъ постоянная типическая форма, соединяетъ въ своемъ мышленіи общіе признаки и образуетъ изъ нихъ общее представленіе или понятіе правильной и цѣлесообразной познавательной дѣятельности. Идеальное понятіе, переведенное въ форму сужденія, составляетъ основоположеніе; а выраженное въ формѣ практическаго сужденія—составляетъ правило для дѣятельности той или другой душевной силы и основаніе для оцѣнки этой дѣятельности.

Въ идеяхъ мы представляемъ и созерцаемъ не то, что есть (область эмпирическаго знанія), но то, что *должно быть* (область цѣлей, идеальнаго совершенства). Необходимый законъ бытія можетъ быть опредѣленъ только при свѣтѣ идей, потому что опытъ для этого недостаточенъ; какъ бы онъ ни былъ широкъ и проченъ, онъ всегда показываетъ только свойства наличнаго бытія, не имѣя никакихъ опоръ для того, чтобы опредѣлить, чѣмъ вещь должна быть по своей цѣли или по идеѣ разума. Безусловное достоинство каждой вещи можетъ быть понято и опредѣлено только съ точки зрѣнія идеальнаго взгляда на нее или разумной цѣлесообразности.

Идея Безконечнаго. — Высшая основная идея разума есть идея Безконечнаго. Идея Безконечнаго есть выходящее изъ разумной природы духа стремленіе его къ Безконечному и основывающееся на этомъ стремленіи представленіе Безконечнаго, какъ безусловнаго основанія и послѣдней цѣли для всего существующаго.

Содержаніе идеи Безконечнаго различными мыслителями представляется различно. По одному представленію, Безконечное обнимаетъ своею сущностью весь міръ духовъ и вещей, которые суть либо его части, либо его истеченія, либо его различныя положенія и видоизмѣненія. По другому, противоположному представленію, Безконечное есть только вѣчно-живая и дѣятельная матерія, которая развиваетъ изъ себя, въ нѣкоторыхъ пунктахъ своего проявленія, духовное бытіе, имѣющее, по прошествіи извѣстнаго періода наслажденія личною самосознательною жизнію, снова возвратиться къ своему началу, разложиться на матеріальные элементы и слиться съ общею жизнью всеобъемлющей

природы. Въ обоихъ представленіяхъ, *пантеистическомъ* и *натуралистическомъ*, безконечное есть безличное начало бытія и жизни въ мірѣ, то, изъ чего все происходитъ и во что все возвращается. Противоположная этимъ представленіямъ точка зрѣнія есть *теизмъ*, который признаетъ Высочайшее Бытіе личнымъ существомъ, съ свойствами безусловнаго бытія, къ которому конечное относится не какъ его внѣшнее или внутреннее ограниченіе, но какъ произведеніе его творческой мысли и силы, направляющееся къ осуществленію указанныхъ ему Творцомъ цѣлей.

Если метафизическія свойства Божества — единство, вѣчность, вездѣсущіе и всемогущество—еще могутъ быть соглашены съ первыми двумя представленіями о безконечномъ: то нравственныя свойства—премудрость, правда и святость—могутъ быть усвоены Божеству только въ послѣднемъ представленіи, имѣющемъ при томъ за себя всѣ живые инстинкты, требованія и чаянія человѣческаго духа. Безличное высшее существо, слѣпо и по внутренней необходимости изводящее изъ себя міръ, никогда не удовлетворитъ уму, ищущему для міра разумнаго начала и для жизни міра разумнаго плана и разумныхъ цѣлей; никогда не привлечетъ къ себѣ сердца, ищущаго для себя опоры въ лично-участливомъ существѣ и предчувствующаго въ немъ полноту всѣхъ благъ; никогда не возбудитъ вѣры въ себя и не станетъ предметомъ религіознаго почитанія и служенія. Посему-то всѣ (естественныя) религіи всегда стремились къ тому, чтобы одухотворить свое міровоззрѣніе, и только научное мышленіе иногда сходило съ этого пути, жертвуя въ этихъ случаяхъ строгости системы религіознымъ чувствомъ, не укладывающимся въ формы пантеистическаго и натуралистическаго міропредставленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ ученіяхъ, развитыхъ на основаніи пантеистическихъ и натуралистическихъ представленій, не можетъ быть рѣчи о нравственномъ, въ строгомъ смыслѣ, принципѣ человѣческой жизни.

Съ представленіемъ *Безконечнаго, какъ личнаго существа*, обладающаго совершеннѣйшимъ умомъ, полною и безусловною свободою и всеобъемлющею любовью, идея безконечнаго принимаетъ характеръ *религіозной идеи* и составляетъ основаніе вѣры въ Бога.

Степени развитія религіозной идеи въ человѣческомъ духѣ соотвѣтствуютъ степенямъ развитія самаго духа. На низшей ступени этого развитія, гдѣ духъ еще не выдѣлился изъ общей жизни природы, или не созналъ своей противоположности съ природою, Божество представляется созданію подъ формою чувственныхъ силъ и явленій природы. Вторую ступень составляетъ та форма религиознаго сознанія, въ которой Божество представляется человѣкообразно и облекается свойствами человѣческой духовно-чувственной природы. На высшей ступени оно возвышается надъ силами и явленіями природы и ограниченными свойствами человѣческаго духа: Божество представляется какъ чистѣйшій духъ, обладающій, въ безконечной степени совершенства, свойствами мудрости, благости и блаженства.

Историческое развитіе религіозной идеи въ ходѣ естественной религіи соотвѣтствуетъ указанному психологическому процессу ея развитія. Въ восточныхъ міровоззрѣніяхъ Божество представляется силою или вещью природы и отождествляется то съ солнцемъ и его живительною теплотою, то съ другими явленіями природы. Въ греческомъ и вообще въ классическомъ міровоззрѣніи Божество есть возвышенное до идеальнаго совершенства человѣческое бытіе съ его духовно-чувственною природою. Равнымъ образомъ отношеніе его къ міру и его собственная жизнь представлялись ограниченными, первое—веществомъ, которое оно при созданіи міра нашло готовымъ и только дало ему благоустроенную форму міра; послѣдняя—судьбою или необходимостью, которая мыслилась какъ высшій законъ божественной и человѣческой жизни. Только божественное христіанское откровеніе сообщило людямъ истинное понятіе о Богѣ и отношеніи его къ міру.

Идеи истины, добра и красоты.—Идеи истины, добра и красоты составляютъ основу разумнаго воззрѣнія на міръ, основу для правильной дѣятельности человѣка въ отдѣльной жизни его въ обществѣ и, наконецъ, основу для наслажденія прекраснымъ въ природѣ и искусствѣ.

Идея истины есть 1) основа для представленія полной и совершенной гармоніи между мыслію и бытіемъ, между знаніемъ и дѣйствительностью (высшая цѣль знанія). Отдѣльныя познанія наши постоянно смѣшаны съ заблужденіями; ни сила дарованія, ни нравственное желаніе воли не обезпечиваютъ человѣка отъ безчисленныхъ ошибокъ въ познаніи. Но присущая уму идея истины, коренясь въ основной идеѣ безконечнаго существа, творца природы и духа, составляетъ для него основаніе увѣренности, что, при правильномъ употребленіи познающихъ силъ, онъ будетъ все больше и больше приближаться къ обладанію истиною; 2) основа разумнаго воззрѣнія на міръ, или такого представленія о мірѣ и о ходѣ жизни міра, по

которому онъ представляетъ нигдѣ непрерывающуюся законосообразность и постоянную цѣлесообразность.

Въ отношеніи *законосообразности* міръ есть стройное, художественное цѣлое, или какъ древніе называли его, *козмосъ*, въ которомъ ни одна часть и ни одна часть части не выходятъ изъ круга дѣйствія общихъ и высшихъ причинъ и законовъ; напротивъ, все въ немъ устроено такъ, что одна часть служитъ опорою и причиною другой, низшее служитъ высшему, всѣ причины и законы дѣйствуютъ съ неизмѣнною необходимостью и въ строгомъ взаимномъ согласіи, всѣ части расположены въ соразмѣрности, всѣ отдѣльныя существа и вещи связаны съ главными частями внутреннею неразрушимою связью.

Разсматриваемый въ отношеніи *цѣлесообразности*, міръ представляетъ непрерывную цѣпь и вмѣстѣ непрерывную гармонію цѣлей и средствъ. То, что намъ предрѣшаетъ религіозная идея или вѣра въ Бога, какъ разумнаго творца и промыслителя міра, подкрѣпляется наблюденіемъ и опытными науками. Повсюду одно служитъ для другаго либо цѣлью, либо средствомъ. Органическая жизнь служитъ средствомъ къ сохраненію животной жизни; та и другая служатъ цѣлямъ жизни разумной. Нѣтъ ни одного существа, которое бы не имѣло своего особаго назначенія въ мірѣ; нѣтъ ни одного органа, который бы не былъ назначенъ для цѣли общей жизни организма. Человѣческая наблюдательность еще не открыла всѣхъ цѣлей, которымъ служатъ и для которыхъ предназначены какъ различныя отдѣльныя существа, такъ и ихъ органы, но идея всеобщей цѣлесообразности постоянно нудитъ умъ къ изслѣдованію и познанію ихъ.

Цѣлесообразность проникаетъ весь міръ безъ исключенія, не оставляя никакого мѣста случаю, и обнимаетъ собою всѣ явленія, какъ бы, по своимъ непосредственнымъ причинамъ, особенно въ области человѣческаго произвола, ни казались они противными всеобщему направленію жизни къ осуществленію порядка и добра. Если наукѣ не удалось еще вполнѣ удовлетворительно согласить этой повсюдной цѣлесообразности съ свойствами высочайшаго существа и человѣческой свободы, тѣмъ не менѣе разумъ человѣка постоянно

вынуждается къ требованію этого соглашенія, въ силу присущей ему идеи Безконечнаго существа.

Идея добра есть основа для представленія гармоніи свободной человѣческой воли и дѣятельности съ требованіями нравственнаго долга, съ закономѣрнымъ направленіемъ нравственной воли другихъ людей и съ общимъ строемъ міра и его отдѣльныхъ частей. Сообразно съ этимъ идея добра является въ трехъ частныхъ видахъ: *долга*, *права* и *счастія*.

Свободно-правильному раскрытію человѣческой воли противостоятъ темныя побужденія чувственной природы и эгоистическія влеченія страстей. Нравственная идея, направляющая ее, подъ условіемъ свободы, къ господству надъ чувственностью и эгоизмомъ, есть идея *долга*.

Свободная дѣятельность человѣка раскрывается въ обществѣ другихъ лицъ, и въ ихъ произволѣ и своекорыстныхъ побужденіяхъ встрѣчаетъ естественное препятствіе для своего развитія. Нравственная идея, управляющая жизнью членовъ общества, есть идея *права*, по требованію которой, при сообразности съ идеею добра, каждый ограничиваетъ часть своей свободы въ пользу свободы другаго, жертвующаго съ своей стороны тѣмъ же.

Наконецъ, нравственная дѣятельность человѣка постоянно стѣснена и ограничена сплетеніемъ различныхъ обстоятельствъ, зависящихъ отъ людскаго произвола, и необходимостью, господствующею въ его чувственной жизни и въ теченіи внѣшней природы, и вслѣдствіе этого стѣсненія не даетъ человѣку полнаго счастія. Нравственная идея, по вѣрѣ въ безконечное существо, переносящая наши надежды въ другой міръ, въ которомъ установятся болѣе благопріятныя отношенія для осуществленія нравственнаго долга, есть идея *счастія* или *блаженства*.

Идея красоты есть основа для наслажденія прекрасными явленіями природы и для созданія художественныхъ образовъ въ искусствѣ. Выраженная въ формѣ понятій, она составляетъ основаніе для эстетической оцѣнки явленій природы и искусства.

Примѣчаніе. Значеніе идей, какъ основъ знанія и нравственной дѣятельности изложено въ ученіи о познаніи и практической дѣятельности.

Идеи какъ основы для творческой дѣятельности духа. Понятіе о творчествѣ.

Какъ въ душѣ человѣческой есть стремленіе къ познанію себя самой, внѣшняго міра и Божества, такъ есть въ ней также стремленіе къ выраженію своихъ мыслей и состояній во внѣ, въ чувственныхъ формахъ и образахъ.

Дѣятельность нашей души, посредствомъ которой она свое міровоззрѣніе и свои состоянія выражаетъ въ образахъ, заимствованныхъ изъ круга чувственно наблюдаемаго міра, называется *творчествомъ*.

Творчество есть совмѣстный актъ всѣхъ душевныхъ силъ, но преимущественно разума и фантазіи. Разумъ вноситъ въ него содержаніе, даетъ мысль (идею); фантазія создаетъ для мысли образъ, облекаетъ идею чувственною формою.

Творческая дѣятельность души начинается съ ранней поры жизни. Первыя движенія дитяти, старающагося во внѣшнихъ движеніяхъ выразить свои ощущенія и зарождающіяся представленія, принадлежатъ уже къ явленіямъ творчества. Оно играетъ съ вещами, какъ съ живыми существами, превращаетъ ихъ изъ одной въ другую, замѣняя дѣйствительность игрою своего воображенія, или представляя вещи символами своихъ душевныхъ движеній. Въ этомъ превращеніи вещей во все, что подсказываетъ фантазія, заключается первый слѣдъ творческой дѣятельности, первое явленіе поэзіи. Дитя любитъ эту игру, потому что чувствуетъ силу своего владычества надъ міромъ, чувствуетъ пріятность творчества, пересоздающаго міръ по своему желанію. Отъ этого старая кукла, испытавшая въ рукахъ его тысячу превращеній, гораздо дороже ему новой, какъ бы она ни была богато убрана, потому что съ нею соединяются воспоминанія испытанныхъ удовольствій, воспоминанія о его творчествѣ. Поэтому же самому *игра* составляетъ средство для развитія ребенка, для развитія силъ его духа, для возбужденія его къ дѣятельности самосознанія. Но на этой ступени творчества образцы его также несовершенны, какъ неясны выражаемыя въ нихъ представленія. Это—первые проблески творчества, первыя явленія силы, назначенной къ безконечному развитію. Творчество на этой ступени можно назвать скорѣе инстинктивнымъ, нежели сознательнымъ проявленіемъ человѣческаго духа. Но по мѣрѣ того, какъ увеличивается запасъ наблюденій и какъ представленія развиваются въ понятія и достигаютъ значительной степени ясности и полноты, какъ міръ изъ нестройной смѣси явленій превращается въ сознаніи въ болѣе или мевѣе стройное цѣлое, измѣряемое по отношеніямъ количества, качества и взаимной связи вещей и явленій, однимъ словомъ по мѣрѣ того, какъ образуется болѣе или менѣе широкое и стройное міровоззрѣніе, творчество принимаетъ соотвѣтственные размѣры и, не довольствуясь отдѣльными явленіями или обнаруженіями, создаетъ систему символовъ и знаковъ для выраженія всего круга понятій, и идеальные образы для осуществленія душевныхъ состояній. Изъ чле-

нораздѣльныхъ звуковъ образуется словесная рѣчь или языкъ; изъ пластическаго или нагляднаго выраженія мыслей и чувствованій—мимика; изъ элементовъ числоваго выраженія отношеній между вещами и явленіями—полная система чиселъ. Богатство и разнообразіе умственнаго созерцанія выражается въ теоріяхъ и стройныхъ системахъ, внутренняя жизнь чувства и желаній—въ идеальномъ представленіи характеровъ, религіозныя представленія—въ религіозныхъ символическихъ знакахъ и дѣйствіяхъ.

Виды творчества.—Различіе видовъ творчества опредѣляется различнымъ отношеніемъ между составными частями въ произведеніяхъ творчества—идеею и чувственнымъ образомъ.

Взаимное отношеніе между идеею и выражающимъ ее чувственнымъ образомъ можетъ быть двухъ родовъ. Во-первыхъ, идея и чувственный образъ могутъ соединяться между собою, не проникаясь взаимно, но, такъ, что вступая во взаимную связь, продолжаютъ въ то же время жить—та и другая сторона—своею особливою жизнью и сохраняютъ свои естественныя свойства и качества. Это образуетъ *символику* представленій, въ которой символы и знаки, служа выраженіемъ идеи, въ тоже время сохраняютъ свою самобытность, независимо отъ выражаемой ими идеи. Такъ, левъ, служа для насъ символомъ величія, и лисица—хитрости, въ тоже время имѣютъ и сохраняютъ свои естественныя свойства, которыя не имѣютъ ничего общаго съ величіемъ и хитростью; и на оборотъ, величіе и хитрость могутъ быть выражены множествомъ другихъ символовъ. Изъ этой взаимной раздѣльности между символомъ и выражаемой имъ идеей происходитъ то, что символъ, понятный для одного времени и для одного круга лицъ, непонятенъ для другихъ лицъ и временъ: смотря, напримѣръ, на древніе символы Востока мы повсюду окружены загадками.

Во-вторыхъ, идея и образъ могутъ соединяться между собою такъ, что составляютъ одно цѣлое, въ которомъ они совершенно сливаются, такъ что самобытность ихъ какъ бы уничтожается: чувственный образъ не мыслится безъ идеи, равно какъ идея безъ образа. Это составляетъ область собственно *художественнаго творчества.*

Нѣкоторые психологи принимаютъ еще третій видъ взаимнаго отношенія между идеей и формой, составляющій какъ бы средину между двумя указанными видами этого отношенія. Между тѣмъ какъ въ символѣ идея совершенно чужда

образу, съ которымъ соединилась только случайно и условно, въ художественномъ творчествѣ она составляетъ съ нимъ одно законченное цѣлое, въ которомъ они какъ бы сполна покрываютъ другъ друга. Въ этомъ третьемъ видѣ идея не вполнѣ выражается чувственнымъ образомъ, но постоянно даетъ чувствовать его недостаточность или, что то же, преобладаетъ надъ матеріею. Называя первое изъ этихъ отношеній *символическимъ*, второе—*пластическимъ*, они называютъ третье—*романтическимъ*. Сообразно съ этимъ въ историческомъ развитіи идеи изящнаго и въ движеніи творчества человѣческаго духа различаютъ три періода: символическій — восточный, пластическій — классическаго міра и романтическій—христіанскій.

1) **Символика.**—Въ символическомъ творчествѣ различаются два вида: собственно символика и иконизмъ. Это различіе основывается на различіи символа и знака. Въ символѣ есть нѣкоторое сродство съ изображаемою мыслью, но въ знакѣ нѣтъ никакого сродства и отношеніе между ними совершенно условное. Такъ, напр., представленіе Божества подъ образомъ солнца есть представленіе символическое; но геральдическій знакъ, орденъ и т. под. выражаютъ извѣстную мысль, какъ знаки, которые не имѣютъ ничего общаго съ мыслію и выражаютъ ее совершенно условно. Знакъ нетолько не имѣетъ никакой видимой близости съ выражаемымъ представленіемъ, но можетъ быть даже противоположенъ ему.

Символическое представленіе и основанное на немъ искусство направлено къ тому, чтобы передать понятія, движенія чувства и вообще внутреннія состоянія, другому въ наглядной формѣ, хотя и не имѣющей художественнаго совершенства. Здѣсь форма вообще не имѣетъ такого значенія, какое она имѣетъ въ художественномъ творчествѣ: отъ нея требуется только одно—чтобы она соотвѣтствовала своему содержанію и была понятна тѣмъ, для кого она назначается. Изящество и техническое совершенство формы, если они есть, составляютъ только второстепенное условіе.

Виды символики.—Различные виды символическихъ выраженій можно раздѣлить на три главные класса: 1) символику внѣшнихъ вещей, которыя служатъ средствомъ къ выраженію мыслей; 2) символику тѣлодвиженій и мимическихъ знаковъ; 3) символику слова и письменныхъ знаковъ.

Символика внѣшнихъ вещей.—Къ этому классу относятся всѣ разнообразные символы, въ которыхъ выражаются научныя, обще-

ственно-народныя, юридическія, нравственныя и религіозныя представленія человѣка и народовъ. Таковы, напримѣръ, въ народной жизни рукобитье, замѣняющее брачный письменный договоръ; взаимное рукопожатіе — символъ близости и взаимнаго уваженія и проч. Сюда относится также символика формъ чувственнаго воззрѣнія— пространства и времени. Пространство представляется намъ дѣйствительнымъ протяженіемъ, а время дѣйствительнымъ теченіемъ безъ опредѣленныхъ границъ. Но мы представляемъ въ нихъ внутреннее разчлененіе, мы приписываемъ названія сѣвера, юга, востока и запада, вверху и внизу, не земному горизонту, а самому пространству, и къ этимъ неизмѣннымъ воображаемымъ симметрическимъ точкамъ относимъ всѣ измѣняющіяся явленія въ мірѣ опыта. Время въ своемъ равномѣрномъ теченіи представляется намъ общею мѣрою всякой перемѣны и движенія и для этого дѣлится на равныя части.

Для цѣлей нравственныхъ и для выраженія нравственныхъ понятій, въ древности и въ новое время, преимущественно служитъ *басня*. Въ баснѣ человѣкъ символизируетъ неодушевленныя вещи и животныхъ, усвояя имъ свои мысли, волненія чувствъ и свой языкъ. Здѣсь дерево разговариваетъ съ вѣтромъ, рѣка съ прудомъ, одно животное съ другимъ, выражая разнообразныя движенія человѣческой души. Основаніемъ символики въ баснѣ служитъ какое-нибудь сходство и соотношеніе между явленіями природы, свойствами и дѣйствіями животныхъ и событіями человѣческой жизни. Басня всегда представляетъ какую-нибудь сцену изъ одушевленной и неодушевленной природы, направляя ее къ практической пользѣ человѣка, извлекая изъ нея урокъ благоразумія и нравственности.

Религіозную символику составляютъ миѳологіи древнихъ и религіозныя представленія новыхъ народовъ. Мы разумѣемъ совокупность образовъ, въ которыхъ эти народы выражали и выражаютъ свои понятія о Божествѣ и отношеніи Его къ міру и человѣку, и о прочихъ сверхчувственныхъ силахъ и ихъ свойствахъ.

Въ постепенномъ развитіи религіознаго сознанія можно различать два момента: въ первомъ, низшемъ, Божество сливается съ чувственнымъ предметомъ, въ которомъ оно представляется, и въ другомъ, высшемъ, отдѣляется отъ него, какъ отъ своего символа. Первое изъ этихъ отношеній не входитъ въ область символики, потому что въ немъ собственно нѣтъ сим-

вола, нѣтъ двойства между идеею и образомъ, а находится непосредственное грубое единство обоихъ. Символъ въ религіозной области возникаетъ только тамъ, гдѣ чувственное отдѣляется отъ идеи, какъ ея образъ, форма или покровъ. На этой ступени всякій миѳъ заключаетъ въ себѣ внутреннее содержаніе или религіозную идею, и чувственный образъ, въ которомъ выражается эта идея. Первое составляетъ философскую сторону миѳовъ, послѣднее—пластическую или художественную.

Изслѣдованіе философской стороны миѳовъ составляетъ предметъ особой науки—*Символики*. Употребляемые ею способы изъясненія миѳовъ состоятъ частію въ историческомъ изученіи миѳовъ извѣстнаго народа, частію въ сравнительномъ изученіи миѳовъ различныхъ народовъ. Историческій способъ состоитъ въ изученіи миѳовъ въ связи съ умственнымъ, нравственнымъ, соціальнымъ и эстетическимъ развитіемъ эпохи, давшей происхожденіе извѣстному религіозному понятію и его миѳу, или послужившей ихъ развитію. Основаніе его заключается въ томъ психологическомъ законѣ, по которому человѣкъ можетъ образовать извѣстное религіозное понятіе только на извѣстной высотѣ общаго умственнаго, нравственнаго и соціальнаго образованія, и потому миѳъ, выражающій это понятіе, составляетъ продуктъ духовной силы извѣстнаго народа, достигшаго извѣстной степени образованія и можетъ быть изъясненъ только съ связи съ этимъ историческимъ моментомъ духовнаго развитія народа. Сравнительный способъ состоитъ въ сравнительномъ изученіи миѳовъ разныхъ народовъ. Основаніе этого способа заключается въ томъ, что общіе законы духовнаго развитія одинаковы у всѣхъ народовъ и потому религіозныя понятія ихъ въ своемъ постепенномъ развитіи должны представлять нѣкоторую аналогію. Кромѣ того, общія и одинаковыя преданія, связывающія древніе народы, должны были дать поводъ съ одинаковымъ миѳамъ. Наконецъ взаимныя связи и отношенія народовъ не могли остаться безъ вліянія на развитіе и характеръ ихъ религіозныхъ представленій.

По своей чувственной формѣ миѳическіе образы суть первыя произведенія искусства, первыя проявленія творчества народнаго духа и потому имѣютъ величайшее значеніе въ исторіи и поэзіи искусства.—Чувственныя формы древней религіозной символики суть предпочтительно формы человѣка и животныхъ.

Мимика.—Мимическій или естественный языкъ состоитъ въ выраженіи душевныхъ состояній посредствомъ различныхъ движеній тѣла. Онъ есть произведеніе инстинкта, и для образованія его мы не имѣемъ другаго наставника, кромѣ природы. Предшествуя слову, понятный для малаго ребенка, употребляемый всѣми людьми и народами, во всѣ эпохи человѣческаго рода, не смотря на разности національностей, онъ образуетъ родъ всеобщаго языка.

Естественность мимическихъ выраженій доказывается съ одной стороны тѣсною, независимою отъ воли и какъ бы врожденною

связью ихъ съ движеніями души, съ другой—ихъ всеобщностію или одинаковостью у всѣхъ народовъ земнаго шара.

Сущность мимики состоитъ въ неизмѣнномъ отношеніи, которое соединяетъ знакъ съ обозначаемою вещью. Это отношеніе есть законъ природы, который дѣлаетъ его независимымъ отъ человѣческаго произвола. Человѣкъ можетъ по произволу употреблять жесты и давать различныя выраженія своей фигурѣ: но онъ не въ состояніи измѣнить выраженія или смысла знака, который онъ употребляетъ. Знакъ скорби всегда останется знакомъ скорби и не можетъ сдѣлаться знакомъ веселости. Между линіями, формами лица, движеніями тѣла и мышцъ, и чувствованіями выражаемыми посредствомъ этихъ знаковъ, существуетъ неизмѣнная аналогія, которая проистекаетъ изъ законовъ, управляющихъ согласіемъ между душою и тѣломъ. Мимическія движенія составляютъ естественный языкъ, общій и понятный всѣмъ людямъ и народамъ, безъ различія мѣста, времени и степеней образованія. Наклоненіе головы, напримѣръ, для всѣхъ и повсюду есть знакъ согласія и одобренія, какъ трясеніе головою есть знакъ несогласія и порицанія.

Мимическія движенія, по своему происхожденію, суть частію рефлективныя, частію инстинктивныя движенія, происходящія вслѣдствіе пріятныхъ или непріятвыхъ, внѣшвихъ или внутревнихъ возбуждевій. Раздражевіе ощущающихъ органовъ (напр. вкуса) передается двигательнымъ волокнамъ, идущимъ въ мышцы мимическихъ органовъ (мимическое выраженіе кислаго, горькаго, сладкаго): это рефлективныя движенія. Раввымъ образомъ печальныя и радостныя душевныя возбужденія отражаются въ мимическихъ движеніяхъ, которыя, какъ происходящія изъ психическаго возбуждевія, имѣютъ характеръ инстивктивныхъ дѣйствій. Они совершаются также безсозвательно, какъ и первыя, но не могутъ быть приписаны вліянію чувственныхъ раздраженій. Основаніе внутренней связи мимическихъ движеній съ тѣми возбужденіями, отъ которыхъ они зависятъ, заключается повидимому во врожденной—органической связи нѣкоторыхъ чувствительныхъ волоконъ съ двигательными волокнами мимическихъ мышцъ. Точность и опредѣленность мимическихъ движеній, богатство и разнообразіе формъ ихъ, наконецъ легкость и граціозность ихъ исполненія—несчитая того, что въ нихъ зависитъ отъ собственвой воли и развитія индивидуума—совершенствуются вмѣстѣ съ успѣхами воспитанія и вообще цивилизаціи. «Образованіе периферическихъ и центральныхъ частей нервной системы и зависящихъ отъ нихъ органовъ, пріобрѣтенное длиннымъ рядомъ поколѣній, переходитъ съ небольшими видоизмѣненіями къ потомкамъ. Отъ этого послѣдніе съ самаго начала получаютъ способвость къ многосложнымъ движеніямъ, которыя хотя первоначально не что

иное, какъ рефлексы, но могутъ быть разсматриваемы какъ произшедшія изъ произвольныхъ и инстинктивныхъ движеній и которыя въ теченіе индивидуальной жизни въ свою очередь становятся инстинктивными и произвольными движеніями.

Органы мимическаго выраженія суть мышцы произвольнаго движенія. Лицо, верхнія и нижнія конечности—руки и ноги, вообще наиболѣе подвижные органы служатъ главными органами мимической символики.

Языкъ *лица* состоитъ въ игрѣ лицевыхъ мышцъ, въ особенности тѣхъ, которыя сообщаются съ глазами и ртомъ, въ игрѣ глазъ и въ перемѣнѣ цвѣта лица, зависящемъ отъ движенія крови, управляемаго нервами. Слѣдовательно выраженіе лица зависитъ частію отъ цвѣта, частію отъ движеній. Въ первомъ случаѣ оно менѣе подчинено произволу, нежели во второмъ. Перемѣна цвѣта нерѣдко обнаруживается тогда, когда черты лица остаются совершенно спокойными. Рука, какъ вообще служитъ важнѣйшимъ посредникомъ между человѣкомъ и внѣшнимъ міромъ, такъ вчастности составляетъ важнѣйшій органъ мимическаго выраженія. Она выражаетъ и дружескія и враждебныя отношенія. Но только совмѣстное движеніе многихъ органовъ можетъ разносторонне выражать душевныя состоянія.

Мимическій языкъ служитъ къ выраженію внутренно-испытываемыхъ душевныхъ состояній и представленій о внѣшнихъ предметахъ и ихъ отношеніяхъ. Нѣтъ ни одного душевнаго движенія, которое бы не имѣло своего естественнаго выраженія въ лицѣ, голосѣ или тѣлодвиженіи. Мимическое изображеніе того или другаго внѣшняго предмета или дѣйствія есть не что иное, какъ воздушный рисунокъ его въ цѣломъ видѣ или нѣкоторыхъ его частей. Множество и разнообразіе предметовъ и дѣйствій дѣлаютъ необходимымъ сокращеніе знаковъ, служащихъ къ выраженію ихъ. Если предметъ очень близокъ или извѣстенъ, то, конечно, нѣтъ надобности изображать его сполна, очерчивать всю его фигуру, но довольно изобразить одну черту, нераздѣльную съ предметомъ. Употребленіе дѣтьми знаковъ этого рода предшествуетъ всякому умственному дѣйствію. Дитя подноситъ палецъ ко рту, когда хочетъ ѣсть, дѣлаетъ губами движеніе, когда хочетъ пить.

Въ естественной мимикѣ согласны между собою всѣ люди. Но чѣмъ болѣе народъ обособляется въ развитіи своего характера и своихъ нравовъ, тѣмъ болѣе естественная опредѣленность мимики уступаетъ условнымъ формамъ выраженія. Тогда возникаютъ отвлеченные, произвольные или искусственные знаки, которые часто выражаютъ противоположное имъ содержаніе.

Мимическое выраженіе соединяется съ физіономическимъ, когда чрезъ повтореніе тѣхъ же движеній остаются и какъ бы отпечатлѣваются въ организмѣ, преимущественно въ лицѣ, особенныя привычныя черты. Подъ *физіономикой* вообще можно понимать познаніе внутренней жизни человѣка изъ его внѣшнихъ проявленій; но въ собственномъ смыслѣ физіономика имѣетъ дѣло не со всею широтою явленій, но только съ движеніями установившимися.

Индивидуальное выраженіе лица у людей безконечно разнообразно. Чѣмъ глубже принципъ свободы развивается въ народѣ, тѣмъ больше развиваются и обособляются разности физіономическаго выраженія. У народовъ, стоящихъ на низшей степени развитія, физіономіи сплошь похожи одна на другую. Въ кастовыхъ государствахъ тоже. Только тамъ, гдѣ нѣтъ такой зависимости отъ природы, какъ у первобытныхъ народовъ, и гдѣ нѣтъ моральной связанности индивидуумовъ, могутъ свободно развиваться характеристическія отклоненія физіономіи.

Посредники физіономическаго выраженія суть походка или поступь, держаніе плечъ, головы, вся совокупность своеобразныхъ движеній членовъ, составляющая характеристическую особенность человѣка, но въ особенности его взглядъ.

Языкъ.—Изобрѣтеніе слова есть величайшее торжество человѣческаго творчества. Упрочивая себѣ представленіе, человѣкъ въ словѣ дѣлаетъ его пластичнымъ, даетъ ему чувственную форму и въ совокупности этихъ формъ выражаетъ весь свой умственный міръ со всѣмъ его безконечнымъ разнообразіемъ. Поставляя на мѣсто вещи слова, умъ какъ бы замѣняетъ дѣйствительный міръ умственнымъ міромъ словъ и достигаетъ въ этомъ полнаго господства надъ міромъ. Поэтому изобрѣтеніе языка есть высокій актъ творчества человѣческаго духа.

Происхожденіе языка. О происхожденіи языка существуетъ нѣсколько разныхъ мнѣній. Одни полагаютъ, что языкъ непосредственно созданъ Богомъ и въ готовомъ видѣ сообщенъ людямъ: Богъ научилъ людей говорить. Другіе считаютъ его сознательно-намѣреннымъ и свободнымъ произведеніемъ самаго человѣка.

Первое мнѣніе, въ какой бы формѣ мы ни представляли его, заключаетъ въ себѣ неразрѣшимыя противорѣчія. Если Богъ училъ человѣка языку такъ, что Богъ говорилъ, а люди внимали его слову, то человѣкъ долженъ былъ понимать сообщаемый ему языкъ, слѣдовательно уже владѣлъ имъ. Тоже затрудненіе остается и въ томъ случаѣ, если допустимъ, что Богъ сообщилъ человѣку языкъ какимъ нибудь особеннымъ, сверхъестественнымъ способомъ. Если, наконецъ, принять, что языкъ вложенъ Богомъ въ природу человѣка при самомъ его твореніи, то должно будетъ вмѣстѣ съ этимъ отвергнуть его непосредственно-чудесное происхожденіе, потому что въ образованіи его, по этому мнѣнію, столько же непосредственнаго божественнаго участія, какъ и въ созданіи человѣческой мысли.

По другому мнѣнію, языкъ есть произведеніе сознательной и свободной дѣятельности человѣка. Когда люди соединились въ общество, то они почувствовали нужду въ способахъ взаимнаго обмѣна мыслей и создали сначала мимику, помомъ языкъ (Гердеръ). Объясненіе простое, но неудовлетворительное, потому что образованіе общества уже предполагаетъ языкъ, равно какъ извѣстная степень образованности, необходимая для сознанія нужды въ обмѣнѣ мыслей, также предполагаетъ уже существованіе языка.

Языкъ не есть нѣчто сообщенное людямъ, какъ готовый продуктъ или какъ мертвое орудіе, назначенное для ихъ обиходной жизни; равнымъ образомъ не есть изобрѣтеніе или созданіе ихъ творческой силы, сдѣланное ими въ извѣстное время и сохраняющее съ той поры неизмѣнно свой первоначальный видъ. Напротивъ, точно также какъ и мысль, онъ есть непрерывная дѣятельность духа, непрерывный процессъ, слѣдовательно никогда не прерывающееся и не заканчивающееся твореніе духа. Мы непрестанно создаемъ языкъ точно также, какъ непрестанно мыслимъ. Поэтому необходимо допустить, что тѣ же законы управляли и первоначальнымъ возбужденіемъ

языка, которымъ онъ подчиненъ въ настоящее, какъ и во всякое время. Законы эти суть частію физіологическіе, частію психическіе.

Физіологическіе законы образованія языка. Образованіе звуковъ для выраженія внутреннихъ движеній происходитъ также естественно или *инстинктивно*, какъ множество другихъ физіологическихъ явленій, выражающихъ наши внутреннія состоянія, напримѣръ, краска въ лицѣ, когда мы стыдимся, возбужденіе нервовъ и движеніе мышцъ, когда насъ поражаетъ какой нибудь непріятный предметъ и проч. Съ этой стороны происхожденіе словесной рѣчи подчинено одному закону съ происхожденіемъ мимическихъ движеній и прочихъ внѣшнихъ знаковъ, посредствомъ которыхъ мы выражаемъ наши внутреннія ощущенія удовольствія и неудовольствія, слѣдовательно покоится на чисто физіологической основѣ. Звуки возбуждаются безъ сознательнаго участія духа, хотя по поводу ощущеній и воззрѣній, какъ движеній внутренней жизни духа. Всякое воззрѣніе, по крайней мѣрѣ всякое новое воззрѣніе вещи, сопровождается появленіемъ звука, соотвѣтствующаго воспринятому впечатлѣнію или возбужденному имъ ощущенію. Слѣдовательно образованіе звуковъ для выраженія внутреннихъ состояній есть произведеніе непосредственной органической необходимости. Эти непроизвольные звуки суть первоначальные и естественные элементы языка, но еще не составляютъ языка, потому что суть безсознательныя рефлективныя движенія, но не знаки вещей. Они составляютъ вещество, изъ котораго духъ творитъ языкъ, какъ форму для выраженія своего содержанія.

Психическіе законы образованія языка. По физіологическому закону всякое движеніе чувства непроизвольно выражается звукомъ. Но звукъ еще не составляетъ языка. Онъ выражаетъ наши внутреннія ощущенія, а не объективную вещь. Этой ступени въ процессѣ образованія языка соотвѣтствуютъ междометія, которыя составляютъ матерію слова, а не самое слово, потому что не заключаютъ въ себѣ опредѣленнаго смысла, а только выражаютъ внутреннее движеніе; по этой причинѣ они неизмѣнны и недоступны для развитія; они создаются каждый разъ снова и не имѣютъ внѣшне-продолжающейся жизни.

Творческій процессъ духа въ образованіи языка начинается съ того, что душа воспринимаетъ одновременно какъ свое ощущеніе, такъ и возбужденное имъ непроизвольное (рефлективное) звуковое движеніе. Эта ассоціація или связь звука съ вещью, при одновременномъ воспріятіи ихъ обоихъ, даетъ уже значеніе звуку. Воззрѣніе внѣшней вещи необходимо соединяется въ душѣ съ впечатлѣніемъ непроизвольнаго звука и звукъ становится спутникомъ воззрѣнія. Но эта связь имѣетъ разныя степени силы. Сначала слабая, она, при всякомъ повтореніи воззрѣнія, даже при одномъ только воспоминаніи, становится сильнѣе, и наконецъ получаетъ такую силу, что довольно бываетъ вспомнить вещь, чтобы воспроизвесть соотвѣтственный ей внутренній образъ звука, и наоборотъ. Такимъ образомъ звукъ становится *знакомъ вещи*.

Но какъ скоро звукъ получилъ объективность, когда онъ выразилъ не впечатлѣніе, но воззрѣніе, то есть перемѣну, процессъ или состояніе вещи, однимъ словомъ представленіе, мысль,—онъ сталъ элементомъ языка или рѣчи. Звукъ сдѣлался именемъ вещи, а вещь, въ своемъ имени, достояніемъ духа.

Но душа воспринимаетъ въ одно и то же время, и отъ одной и той же вещи, множество впечатлѣній и смотритъ на вещь отъ которой всѣ они происходятъ, какъ на единство, какъ на цѣлое. Ощущенія твердаго, желтаго, тяжелаго и звучащаго даютъ начало представленію золота: слово «золото», какъ звуковой образъ вещи, обозначаетъ это цѣлое. Между тѣмъ очевидно, что этотъ звукъ возбуждается не всѣми впечатлѣніями и соотвѣтственными ощущеніями, но преимущественно тѣми или другими, смотря по силѣ впечатлѣнія, интереса и субъективнаго отношенія человѣка въ вещи. Возьмемъ другой примѣръ: греческое слово βοῦς и русское *быкъ* выражаютъ, безъ сомнѣнія, только одно ощущеніе, возбуждаемое въ насъ звукомъ *бу*; но оно принимается и употребляется нами какъ знакъ, выражающій всѣ ощущенія, возбуждаемыя въ насъ этимъ животнымъ, такъ что звукъ *бу* дѣлается средоточіемъ цѣлаго представленія. Такимъ образомъ, послѣ сознательнаго воспріятія звука, вторую ступень въ образованіи языка составляетъ возведеніе опредѣленнаго звука въ твердый и постоянный знакъ вещи, такъ что онъ

дѣлается выраженіемъ цѣлаго представленія. На этой ступени въ словѣ можно различать двоякое содержаніе: одно, непосредственно выражающее то впечатлѣніе, которое въ насъ возбуждается тѣмъ или другимъ свойствомъ или признакомъ вещи, напримѣръ, въ словѣ облако— то, что оно обвлачаетъ, покрываетъ; и другое, выражающее всю совокупность свойствъ и признаковъ, заключающихся въ представленіи облака. Это послѣднее значеніе словъ есть собственно творческое дѣло души, хотя не произвольное. Посредствомъ звука, выражающаго ближайшимъ образомъ только одинъ признакъ вещи или одну сторону представленія, она упрочиваетъ для себя цѣлое представленіе, при чемъ звукъ, хотя выражаетъ только одно ощущеніе, или одно свойство вещи, которое преобладаетъ надъ другими, но обозначаетъ цѣлую вещь и становится словомъ.

Если мы въ послѣдующихъ воззрѣніяхъ увидимъ вещь, выражаемую уже образовавшимся у насъ словомъ, то хотя бы она не возбуждала въ насъ того именно ощущенія, которое прямо отпечатлѣлось въ звукѣ, тѣмъ не меньше мы будемъ называть ее тѣмъ же именемъ, потому что вслѣдствіе настоящаго воззрѣнія воспроизводится прежнее, которое уже соединилось съ опредѣленнымъ словомъ, такъ что, по этой связи, оно стало опредѣленнымъ представленіемъ, прочно усвоеннымъ душою въ опредѣленной звуковой формѣ.

Первоначальныя слова всегда бываютъ подражаніемъ природѣ. Звуки, обозначающіе ту или другую вещь, всегда опредѣляются тѣмъ или другимъ преобладающимъ, сильнѣе дѣйствующимъ на душу, свойствомъ вещи. По этому первобытный языкъ, или языкъ на первыхъ ступеняхъ своего образованія, отличается живописностью и природоподражаніемъ. Но для историческаго времени эта непосредственная близость слова съ вещью уже не имѣетъ значенія; сочетанія звуковъ и преставленій большею частію являются намъ чисто случайными; они основываются уже собственно на преданіи: вещь называется такъ потому, что называется, и ничего больше. Слова, образованныя на этой ступени, суть первоначальныя или *коренныя* въ отношеніи къ дальнѣйшему образованію языка.

Наконецъ, третью ступень въ образованіи языка составляетъ образованіе новыхъ словъ посредствомъ такъ называемыхъ *флексій*

или прибавочныхъ слоговъ (какъ въ русскомъ и классическихъ языкахъ), посредствомъ членовъ и вспомогательныхъ элементовъ (какъ въ языкахъ западной Европы) и, наконецъ, чрезъ разнообразныя примѣненія существующихъ словъ. На этой ступени не создается новыхъ элементовъ языка, но только развиваются существующіе. Если на предыдущей ступени образованы коренныя слова или, лучше, *корни* словъ, которые обозначаютъ собою воззрѣнія, то на этой образуются стволы и вѣтви ихъ, частію чрезъ обозначеніе новыхъ вещей словами того корня, съ которымъ новыя воззрѣнія имѣютъ сходство, частію чрезъ примѣненіе ихъ къ обозначенію разнообразныхъ признаковъ—дѣйствій и свойствъ, которые соединялись въ представленіи той или другой вещи. Такимъ образомъ на этой ступени изъ корня, который обозначаетъ, напримѣръ, многообразныя воззрѣнія свѣта, мы образуемъ слова: свѣтаніе, освѣщеніе, просвѣщеніе, и прилагательныя: свѣтающій, свѣтлый, свѣтящійся и т. д. Взглядъ на этимологическое развитіе языка удостовѣряетъ насъ, что значительная часть воззрѣній, повидимому простыхъ, и названій или словъ, повидимому коренныхъ, на самомъ дѣлѣ однакожъ имѣетъ производное значеніе. Такимъ образомъ сокровище языка растетъ постоянно. Эта жизненность обнаруживается продолжающимся твореніемъ языка. Простѣйшій родъ обогащенія языка, уже образовавшагося, состоитъ въ томъ, что готовымъ словамъ дается новое значеніе. Но еще важнѣе образованіе новыхъ словъ. Пока языкъ живъ, онъ всегда даетъ новыя вѣтви, побѣги и цвѣты. И если не много образуется новыхъ словъ, за то устанавливаются между ними разнообразныя связи.

Разсмотрѣніе физіологическихъ и психологическихъ условій происхожденія и образованія языка приводитъ къ убѣжденію, что языкъ не есть ни непосредственно дѣло Божіе, ни произвольное изобрѣтеніе человѣка, но что онъ образовался и образуется по законамъ духовно-чувственной природы человѣка.

Творческая дѣятельность человѣка въ созданіи языка не имѣетъ ни отчетливости, ни обдуманности, потому что рефлексія ума предполагаетъ уже образованный языкъ. Какъ въ актѣ художественнаго творчества, въ душѣ художника идея и форма возникаютъ въ одно

время, такъ точно въ одно время зарождаются мысль и служащее для нея выраженіемъ слово. Такимъ образомъ языкъ приходитъ не къ готовой мысли, но зарождается, образуется и развивается вмѣстѣ съ нею.

Однакожъ не надобно представлять созданія языка такъ, какъ будто бы его творитъ невидимый духъ или геній народа, опираясь лишь на общее народное сознаніе, а не на отдѣльныя лица. Дѣйствующее начало въ творчествѣ языка, какъ и во всякомъ народномъ творчествѣ, всегда есть отдѣльный духъ, индивидуумъ. Всякое порожденіе общаго народнаго сознанія опирается, въ извѣстный періодъ времени, на опредѣленныя лица, въ которыхъ это сознаніе сосредоточилось, которыми оно выражено въ опредѣленной формѣ и отъ которыхъ, посредствомъ взаимнаго усвоенія, уступки и принаровки, распространилось и сдѣлалось общепризнаннымъ.

Процессъ образованія языка у дѣтей подчиненъ общимъ законамъ образованія языка. Говорятъ, будто дѣти научаются говорить чрезъ подражаніе. Но такъ только кажется. Дитяти нельзя показать, какъ оно должно произносить звуки, какъ должно подражать имъ. Можно видѣть нерѣдко, какъ мать и кормилица употребляютъ различныя усилія, чтобы дать дитяти звукъ для подражанія: дитя слышитъ и не понимаетъ, чего хотятъ отъ него. Нельзя видѣть, какъ звукъ произносится. Хотя слова сопровождаются видимымъ движеніемъ губъ, однакожъ они кромѣ того требуютъ, для звучности, напряженія голосовыхъ связокъ, которое невидимо. Звуки голоса у дитяти не суть произвольное его твореніе, но послѣдствіе рефлективнаго движенія, конечно, главнымъ образомъ отъ впечатлѣній слуха. Прежде чѣмъ дѣти начнутъ подражать слышаннымъ словамъ, они стараются сами образовать собственныя слова для обозначенія вещей и выраженія собственныхъ состояній. Матери видятъ комическое свойство дѣтей въ томъ, что они употребляютъ самодѣльныя слова, вмѣсто того, чтобы подражать готовымъ: и однакожъ ничего нѣтъ естественнѣе этого; дитя говоритъ своимъ языкомъ прежде, чѣмъ отъ взрослыхъ научится ихъ языку. Но какъ въ созданіи языка, такъ и въ усвоеніи языка взрослыхъ, дѣти дѣлаютъ опыты, свойственные всѣмъ ступенямъ развитія языка. Прежде чѣмъ усвоить

языкъ взрослыхъ, дитя должно само возбудить звуки языка, само должно пріобрѣсти воззрѣнія о вещахъ и уловить связь ихъ (словъ и воззрѣній) между собою.

Иногда дѣтямъ сообщаются внѣшнимъ образомъ, чрезъ слова и языкъ, понятія, еще недоступныя для ихъ возраста. Въ такомъ случаѣ дѣти воспринимаютъ слова съ неяснымъ, неопредѣленнымъ представленіемъ; но по той мѣрѣ, какъ мысль возрастаетъ до самодѣятельности, она оплодотворяетъ запавшее слово, какъ сѣмя, питаетъ его духовно и вызываетъ къ жизни. Таковы представленія неба, невидимаго міра и прочія. Во всякомъ случаѣ ни одно слово не проходитъ пустымъ звукомъ: въ душѣ дитяти съ нимъ всегда связывается какое нибудь содержаніе.

Самую трудную часть языка для дѣтей составляютъ слова, выражающія формальныя понятія (день, мѣсяцъ, годъ), и нравственныя понятія, не имѣющія наглядности. То, что мыслится въ этихъ понятіяхъ, содержаніе ихъ, состоитъ не изъ чувственныхъ ощущеній или воззрѣній:—они имѣютъ отвлеченное содержаніе, выражаютъ мыслимыя отношенія вещей. Напримѣръ *хотѣть*—выражаетъ внутреннюю дѣятельность души; *мой*, *твой*—отношенія вещей къ лицу. Всѣ эти слова заключаютъ мыслимое содержаніе, которое не можетъ быть пріобрѣтено чрезъ воззрѣніе. Дитя научается узнавать эти представленія чрезъ языкъ, чрезъ слова, которыми ихъ обозначаютъ, при сопоставленіи ихъ съ внѣшними дѣйствіями и съ другими словами, выражающими формальныя и нравственныя представленія и воззрѣнія. Положимъ, дитя уже имѣетъ значительный запасъ воззрѣній: ѣсть, пить, ходить, спать, сидѣть, лежать; своихъ отношеній къ этимъ воззрѣніямъ оно еще не умѣетъ выразить. Но когда взрослые говорятъ между собою и съ нимъ: *мы хотимъ... ты хочешь*, то дитя воспринимаетъ ближайшимъ образомъ эти слова и примѣчаетъ, что *хотѣть идти* предшествуетъ ходьбѣ; оно хочетъ пить—тянется къ стакану и у него спрашиваютъ: ты хочешь пить? Дитя примѣчаетъ, что его желаніе понято и названо *хотѣть*. Такъ какъ это часто повторяется, то дитя начинаетъ понимать отношеніе между словомъ и фактомъ. Точно также съ понятіями *мой*, *твой*. Кто имѣетъ что нибудь и удерживаетъ—говоритъ *мое* и не позволяетъ взять. Кто отдаетъ другому—говоритъ *твое*. Вмѣсто личныхъ именъ, которыя дитя понимаетъ, какъ воззрѣнія, оно слышитъ и перенимаетъ мѣстоимѣнія *ты*, *онъ*, и навыкаетъ соединять съ ними обыкновенное значеніе. Но какъ ни много представленій сообщается дитяти чрезъ языкъ, однакожъ всякое представленіе, къ которому слышимыя слова даютъ поводъ, должно у дитяти возникнуть само.

Общій кругъ представленій, соединяющій народъ въ общественный (соціальный) организмъ, естественно долженъ произвесть и общій языкъ, выражающій опредѣленное, лежащее въ духѣ этого народа,

содержаніе. Въ отношеніи своего развитія и образованія каждый языкъ слѣдуетъ общимъ описаннымъ нами законамъ; въ отношеніи богатства или бѣдности содержанія—всегда и вполнѣ соотвѣтствуетъ степени умственнаго развитія народа. Всѣ естественныя и пріобрѣтенныя богатства народнаго духа складываются, такъ сказать, въ языкѣ, который, поэтому, становится съ одной стороны лучшимъ выраженіемъ и историческимъ памятникомъ народной жизни, съ другой—однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ того, что обыкновенно называютъ народностью.

Физіологическія вліянія, въ связи съ климатическими условіями, служатъ причиною многообразныхъ особенностей въ образованіи звуковъ голоса у разныхъ народовъ. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ языкахъ, преимущественно горныхъ народовъ, преобладаютъ особенно терпкіе небные звуки; въ другихъ—островитянъ—зубные согласные. Нѣкоторые языки Полинезіи вовсе не имѣютъ шипящихъ звуковъ и т. д.

Языкъ и мышленіе. На первыхъ ступеняхъ своего образованія, образно выражая и дѣлая наглядными внутреннія состоянія человѣка, слово, по этому самому, представляетъ болѣе картинности, нежели точности и отчетливости. Но цвѣты поэзіи мало по мало блекнутъ по той мѣрѣ, какъ развивается мышленіе. Такъ какъ развивающійся умъ стремится отдѣльное и многое привесть къ единству, потому что самъ есть самосознательное единство всѣхъ своихъ воззрѣній, мыслей и чувствъ: то онъ стремится также отыскать во внѣшнемъ мірѣ—общее въ многообразіи особеннаго, неизмѣнную сущность въ непрерывной смѣнѣ явленій. Это общее есть понятіе, и слово дѣлается выраженіемъ понятія. Въ словѣ выражается и какъ бы идеально повторяется самая сущность вещи, какъ она воспринята умомъ и представляется въ понятіи, а не отдѣльныя ея черты или свойства (воспріятія и воззрѣнія). Поэтому, произнося слово «дерево» мы всегда указываемъ только родовую сущность, а видовыя и частныя отличія опредѣленнаго дерева должны дополнять описаніемъ: вотъ это дерево. Въ словѣ, которое мы говоримъ другому, всегда многое остается недоговореннымъ съ одной стороны и непринятымъ съ другой, такъ какъ нѣтъ двухъ человѣкъ, у которыхъ всѣ понятія были бы вполнѣ равны. Поэтому всякій понимаетъ слово соразмѣрно съ своимъ понятіемъ, и ни одинъ не понимаетъ его вполнѣ такъ, какъ

другой. Наше согласіе другъ съ другомъ въ пониманіи всегда есть только болѣе или менѣе приблизительное.

Вслѣдствіе этой внутренней связи слова съ понятіемъ, ясное и отчетливое мышленіе всегда соединяется съ стремленіемъ къ правильному языку; и наоборотъ, неточный, неопредѣлительный языкъ всегда есть вѣрный знакъ неяснаго представленія и неотчетливаго мышленія. Худой языкъ означаетъ худое мышленіе. Это сохраняетъ свою силу и въ отношеніи къ языкамъ цѣлыхъ народовъ. Чѣмъ болѣе развивается умъ народа, тѣмъ болѣе выигрываетъ его языкъ съ логической стороны. При первомъ своемъ образованіи языкъ бываетъ природоподражателенъ и звукоподражателенъ: это составляетъ его живописность. Но достоинство развитаго языка состоитъ въ способности его къ выраженію тончайшихъ оттѣнковъ мысли и душевныхъ движеній, въ строгомъ логическомъ развитіи, съ преобладаніемъ точности и опредѣлительности надъ образностію.

Въ общемъ ходѣ и преемствѣ человѣческаго образованія языкъ имѣетъ огромное значеніе для поступательнаго развитія человѣческаго духа, какъ сокровищница его постоянно увеличивающихся пріобрѣтеній. Всякій, при вступленіи въ свѣтъ, долженъ бы точно также, какъ первый человѣкъ, начинать умственную работу съ самаго начала: но языкъ предупреждаетъ его, открывая ему возможность, при благопріятныхъ условіяхъ въ ограниченное число лѣтъ человѣческой жизни стать на высоту развитія, которое считаетъ за собой тысячелѣтія. Безконечная сумма продуманныхъ мыслей, неисчислимо-богатое сокровище духовнаго образованія, упроченное въ языкѣ, сообщается этимъ же путемъ новому поколѣнію, какъ наслѣдіе прошлыхъ вѣковъ. Произведенія пластическихъ искусствъ и всякихъ ремеслъ, которыя, безъ сопровождающаго ихъ языка, переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе только какъ сумма знаковъ, выражающихъ извѣстные навыки и совершенства технической обработки, составляютъ сравнительно малую часть преданія относительно поступательнаго (прогрессивнаго) движенія мысли; только письмо и языкъ суть настоящіе, соотвѣтственные носители постоянно развивающагося духа, только въ нихъ и чрезъ нихъ онъ можетъ во всѣхъ послѣдующихъ родахъ возбуждать духовную жизнь къ новымъ продукціямъ. Поэтому нельзя не при-

знать чрезвычайной важности и значительности того, что мысли прошлыхъ временъ и поколѣній, какъ сокровища историческаго духа, сохранены для насъ въ языкѣ. Но и настоящія поколѣнія ведутъ умственное развитіе еще дальше, выражая его также въ формахъ языка, и вносятъ въ его сокровищницу свои вклады въ наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ. Такимъ образомъ переходитъ изъ рода въ родъ передача умственныхъ пріобрѣтеній, при чемъ каждая ступень развитія народа и человѣчества, съ направленіемъ ея понятій и волнующихъ душу ощущеній, отражается въ языкѣ и дѣлается основаніемъ для дальнѣйшаго развитія духовной жизни.

Какъ различныя наслоенія земной коры открываютъ для геологовъ исторію нашей планеты и различныя превращенія ея жизни: такъ историческіе языки открываютъ намъ исторію вѣковъ, которые остались за предѣлами историческаго преданія народовъ. Въ словахъ, общихъ родственнымъ націямъ, выражены понятія, которыя образовались прежде ихъ раздѣленія:—житейская мудрость, которую они создали сообща. Степени развитія, которыя мы наблюдаемъ въ образованіи отдѣльныхъ языковъ, всегда обозначаютъ степень культуры народовъ, пользующихся этими языками.

Письмо.—Какъ слово упрочиваетъ воззрѣнія и представленія, такъ письмо упрочиваетъ слово или языкъ. Оно переводитъ языкъ изъ области звуковъ въ область пластики и дѣлаетъ возможнымъ совокупленіе большаго количества словъ и передачу понятій отдаленнымъ людямъ и временамъ.

Можно различать три ступени изображенія представленій письменными знаками:

1) Письмо знаковое, какъ совокупность произвольныхъ знаковъ, которыми человѣкъ произвольно обозначаетъ время извѣстныхъ событій для памяти. Это письмо является у первобытныхъ народовъ, какъ скоро показывается нужда въ воспоминаніи. Въ настоящее время подобные знаки употребляются въ музыкѣ для обозначенія разныхъ повышеній и пониженій голоса.

2) Образное письмо, какъ совокупность образовъ, живописно передающихъ или представляющихъ воззрѣніе. Оно можетъ имѣть двоякій характеръ: или образно передавать и, такъ сказать, повторять воззрѣніе, или выражать и замѣнять его символическимъ образомъ, въ которомъ часть идетъ вмѣсто цѣлаго или одно представленіе вмѣсто

другаго, напримѣръ чувственное вмѣсто духовнаго. Этотъ способъ письма называется *иконографическимъ* (изображающимъ чувственно наблюдаемые признаки) и *идеографическимъ* (изображающимъ понятія).

3) Азбучное письмо посредствомъ знаковъ алфавита, символически выражающихъ не представленія о предметахъ и соотвѣтствующія имъ слова, но тѣ простые элементы, изъ которыхъ слова составлены. Азбучное письмо имѣетъ двѣ формы, силлабическую и буквенную. Этотъ способъ письма называется *фонетическимъ* (изображающимъ не предметы, а звуки).

II. Художественное творчество.—I. Понятіе о прекрасномъ и его составные элементы.

Осуществленіе идеи въ чувственно-художественной формѣ составляетъ *прекрасное* (изящное) и возбуждаетъ въ душѣ *чувствованіе прекраснаго*. Древніе часто смѣшивали прекрасное съ нравственно-добрымъ *), какъ въ настоящее время нерѣдко смѣшиваютъ его съ полезнымъ. Но оно не есть ни то, ни другое, и имѣетъ самостоятельное значеніе. Прекрасное не одно и тоже съ нравственно-добрымъ, потому что оно

*) Такъ у Платона достоинство художественныхъ произведеній и искусствъ опредѣляется отношеніемъ ихъ къ идеѣ добра. Въ поэзіи художественное достоинство имѣютъ только мысли, относящіяся къ добродѣтели. «Поэтовъ должны мы принуждать къ тому, чтобы въ своихъ стихотвореніяхъ они представляли образы благонравія, либо ужъ не писали бы у насъ. Въ музыкѣ—гармоніи плаксивыя должны быть исключены, потому что онѣ не полезны даже и женщинамъ, которыя хотятъ быть скромными, не только мужчинамъ. Поэтому должны быть исключены разслабляющія гармоніи іонійская и лидійская, а остаться дорійская и фригійская. Оставь мнѣ гармонію, которая бы подражала человѣку среди мирной и напряженной дѣятельности, когда онъ убѣждаетъ и проситъ либо Бога посредствомъ молитвы, либо человѣка посредствомъ наставленія и увѣщанія». Тоже нравственное начало Платонъ прилагаетъ и къ образовательнымъ (пластическимъ) искусствамъ. «Благонравіемъ все запечатлѣвается и въ живописи и въ каждомъ художествѣ—и въ тканьѣ, и въ раскрашиваньѣ, и въ постройкѣ дома и въ отдѣлкѣ всякой рухляди. Мы должны требовать, чтобы мастера ни на живописныхъ картинахъ, ни на зданіяхъ, ни на какой иной художественной вещи не изображали ничего безнравственнаго, постыднаго, низкаго и непристойнаго а кто не можетъ не дѣлать этого, тому не позволять работать у насъ». (*Государств.* III, 347—401.

правится намъ независимо отъ нравственнаго характера выражаемой имъ идеи; притомъ въ нѣкоторыхъ областяхъ искусства, какъ въ музыкѣ и архитектурѣ, и во всѣхъ почти произведеніяхъ природы, нравственный элементъ или вовсе не замѣтенъ или мало условимъ для эстетическаго чувства.—Точно также прекрасное не одно и тоже съ полезнымъ, потому что нравится намъ независимо отъ своей пользы, и часто даже перестаетъ нравиться, какъ скоро обращается въ предметъ практическаго употребленія.

Прекрасное нравится намъ не одною своею формою, но вмѣстѣ и содержаніемъ или идеею. Въ естественно-прекрасномъ содержаніе составляетъ творческая мысль, созерцаемая умомъ въ устройствѣ каждой отдѣльной вещи и въ соотношеніи ея съ общимъ міровымъ планомъ и порядкомъ. Въ произведеніяхъ искуства равнымъ образомъ прекраснымъ можно назвать только художественное выраженіе идеи въ соотвѣтственной чувственной формѣ. Художественность (изящество, красота) отличаетъ эстетически прекрасное отъ всякаго другаго явленія жизни, въ которомъ всегда также соединены мысль и ея чувственное выраженіе. Ближе и опредѣленнѣе характеръ красоты можно вывести изъ разсмотрѣнія этихъ составныхъ элементовъ прекраснаго—эстетической идеи и эстетической формы и дѣйствія ихъ на чувство.

Эстетическое содержаніе (идея). Содержаніемъ художественнаго произведенія можетъ быть всякое явленіе духовнаго и чувственнаго міра, потому что во всякомъ явленіи кромѣ внѣшней или чувственной стороны есть сторона внутренняя. Слѣдовательно содержаніемъ художественнаго творчества и предметомъ эстетическаго наслажденія можетъ быть всякое явленіе природы и жизни, въ которомъ творческій даръ усмотритъ или уловитъ живую мысль, идею. Но для того, чтобы сдѣлаться элементомъ изящнаго, идея должна быть воспринята не въ отвлеченной формѣ понятія, какъ элементъ знанія, но въ живой внутренней связи съ опредѣленною чувственною формою, въ ея кипучей дѣйствительности, въ опредѣленномъ чувственномъ обликѣ: тогда она является художественнымъ образомъ, предметомъ эстетичеекаго наслажденія. Поэтому существенное свойство художественной идеи есть ея конкретность, нераздѣльность съ чувственнымъ образомъ, съ чувственною формою.

Эстетическая форма. Идеи сами по себѣ, внѣ чувственной формы, составляютъ только предметъ созерцанія для лица, одушевленнаго ими. Но предметами эстетическаго наслажденія онѣ становятся только облекаясь въ чувственныя формы или выражаясь въ чувственныхъ образахъ. Чувственная форма есть частію ограниченіе тѣла, какъ его воспринимаетъ глазъ, частію мѣра движенія, какъ его наблюдаетъ ухо—слухъ. Поэтому форма для выраженія идеи въ художественномъ творчествѣ можетъ быть заимствована только изъ воспріятій двухъ высшихъ чувствъ — зрѣнія и слуха. — Какъ существенная составная часть прекраснаго явленія или произведенія форма должна быть эстетически совершенною. Общія условія художественнаго совершенства формы суть: 1) въ пластическихъ искусствахъ—симметрія и пропорціональность, состоящія въ правильномъ, математически опредѣленномъ отношеніи между цѣлымъ и каждою его частью; въ тоническихъ—ритмъ, состоящій въ правильной смѣнѣ звуковъ и тоновъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ опредѣленномъ порядкѣ и раздѣляющихъ цѣлое на небольшія части, которыя въ своей совокупности представляютъ строгое единство. 2) Соотвѣтствіе ея съ выражаемою ею идеею или тѣмъ понятіемъ, которое составляетъ какъ бы душу вещи или явленія. Поэтому несправедливо думаютъ и говорятъ иногда, будто форма можетъ быть прекрасною сама по себѣ независимо отъ одушевляющей ее внутренней сущности или мысли. Въ поэзіи, музыкѣ, пѣніи, игрѣ—должно быть прекрасно также и ихъ содержаніе. 3) Къ художественному совершенству формы принадлежитъ ея полная свобода. Прекрасное не служитъ чуждой цѣли, не имѣетъ нужды быть средствомъ ни для чего другаго, но является цѣлью само для себя. Въ этомъ и заключается отличіе его отъ полезнаго, которое служитъ чуждой цѣли и есть средство для другаго. Полезное можетъ быть въ полной мѣрѣ совершеннымъ, можетъ быть образовано вообще такъ, что во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствуетъ своей цѣли, но поэтому мы еще не можемъ назвать его прекраснымъ. Артистически устроенный инструментъ, въ совершенствѣ приспособленное для какой либо цѣли орудіе, не могутъ быть названы прекрасными, и ремесла не суть изящныя искусства: совершенство ихъ формы — внѣшній придатокъ, украшеніе, а не сущность. Но въ

прекрасномъ явленіи природы или произведеніи искусства съ внѣшнимъ совершенствомъ формы соединяется ея полная свобода; цѣль художественнаго образа не есть что-либо чуждое ему, внѣшнее, но находится въ немъ самомъ, присуще ему, какъ его жизнь. 4) Въ этомъ смыслѣ прекрасное есть предметъ спокойнаго созерцанія. Къ удовольствію, возбуждаемому въ насъ созерцаніемъ прекраснаго предмета, не примѣшивается никакое желаніе, никакая потребность, никакое эгоистическое возбужденіе воли; мы не хотимъ ни имѣть, ни отнять что либо отъ предмета, ни пользоваться имъ, какъ средствомъ; мы хотимъ только созерцать его и въ этомъ созерцаніи замолкаетъ всякое желаніе, всякое движеніе воли. Но какъ скоро прекрасное дѣлается предметомъ эгоистическаго желанія и наслажденія, возбуждаетъ къ себѣ интересъ,— оно перестаетъ быть предметомъ эстетическаго наслажденія. Вотъ почему всѣ произведенія безъискусственной природы производятъ на насъ впечатлѣніе прекраснаго: они являются сами себѣ довлѣющими, несвязанными условностью средствъ и внѣшнихъ цѣлей, въ какихъ замкнута жизнь соціальнаго человѣка. Дикій ландшафтъ, неправильно раскинувшаяся зелень лѣса, своею свободою, несвязанностью, безъискусственностью производятъ на насъ впечатлѣніе эстетически-прекраснаго.

Дѣйствіе прекраснаго на душу. Въ дѣйствіи прекраснаго на душу можно различать двѣ стороны: одна и притомъ главная сторона есть возбужденіе въ душѣ стремленія къ сверхчувственному, къ безконечному; другая—сопровождающія это возбужденіе чувствованія, происходящія отъ свѣтовыхъ и звуковыхъ впечатлѣній формы, дѣйствующихъ на чувства въ извѣстномъ порядкѣ и преемствѣ.

Прекрасное возвышаетъ душу къ сверхчувственному, укрѣпляя въ ней высшія потребности и стремленія, приводитъ ее въ спокойное внутреннее состояніе, возвышаетъ надъ грубою чувственностью, отвлекая взоръ и мысли ея отъ ежедневной жизненной обстановки и устремляя ее въ чистую и возвышенную область духовныхъ созерцаній, пробуждаетъ и поддерживаетъ въ ней чувство свободы и, наконецъ, возноситъ ея мысль къ высочайшему Творцу природы и духа, какъ виновнику этихъ чистыхъ наслажденій жизни. Такое дѣйствіе

на душу принадлежитъ ближайшимъ образомъ идеѣ или внутреннему, нечувственному существу вещей. Впрочемъ и внѣшній образъ долженъ направляться къ той же цѣли, слѣдуя послушно за направленіемъ идеи и отъ нея получая свои опредѣленія.—Всего совершеннѣе осуществляется этотъ характеръ прекраснаго въ жизни духа, который стремится къ безконечному. Но и существа природы, въ которыхъ мы находимъ красоту, также возвышаютъ духъ къ безконечному. Стройное теченіе небесныхъ свѣтилъ, вращающихся въ безконечныхъ пространствахъ, возвышая духъ и вознося его надъ природой, возбуждаютъ въ насъ чувство высокаго; но и стремящійся къ свѣту мотылекъ, и въ голубомъ небѣ порхающія и вьющіяся птицы, быстро несущійся конь, производятъ, даже со стороны формы, эстетически пріятное впечатлѣніе. При видѣ ихъ, забываешь о тяжести матеріи, влекущей ихъ къ землѣ: внутренняя сила, открывающаяся въ ихъ легкомъ движеніи, является какъ бы господствующею надъ матеріей. Напротивъ всѣ неуклюжія, всѣ тяжеловѣсныя существа природы, хотя по своему родовому понятію представляются совершенными, возбуждаютъ однакожъ эстетически-непріятное чувство, какъ, напримѣръ, весь родъ пресмыкающихся и ползающихъ—какъ бы связанныхъ тяжестью земли. Въ произведеніяхъ искусства неподвижныя зданія могутъ производить впечатлѣніе прекраснаго, когда они, какъ напримѣръ готическіе храмы высоко къ небу возносятъ свои шпицы, какъ бы презирая тяжесть земли, и тѣмъ болѣе, когда мы знаемъ, что въ этихъ храмахъ открывается таинство безконечной любви. Но въ особенности музыка услаждаетъ и умиротворяемъ нашъ духъ, когда быстро несущіяся и переливающіяся волны звуковъ производятъ несравненное впечатлѣніе легкаго, свободнаго соединенія безчисленнаго множества отдѣльныхъ движеній въ одно гармоническое цѣлое.

Условіемъ, сопровождающимъ эстетическое дѣйствіе предмета на душу, служитъ воспріятіе его формы посредствомъ чувствъ зрѣнія и слуха. Опредѣленное соотношеніе линій въ очертаніи предмета, правильное распредѣленіе свѣта и тѣни, соразмѣрная напряженность освѣщенія, подборъ и размѣщеніе цвѣтовъ, гармоническое соотношеніе и правильное повтореніе звуковъ и тоновъ, наконецъ легкость, съ

какою воспринимаются впечатлѣнія отъ чувственной стороны прекраснаго предмета, могутъ быть названы чувственными дѣятелями эстетическаго впечатлѣнія.—Эстетически пріятное непремѣнно заключаетъ въ себѣ или предполагаетъ чувственно-пріятное, какъ и наоборотъ, чувственно-непріятное (какъ напр. диссонансъ) заключаетъ въ себѣ и эстетически-непріятное.

II. Понятіе объ искусствѣ и виды искусствъ.—*Искусство* есть осуществленіе, дѣятельностію творящихъ силъ человѣческой души, идей въ чувственныхъ художественныхъ образахъ или явленіяхъ.—Различіе видовъ художественнаго творчества опредѣляется не идеей, но матеріальными элементами, которые избираются и употребляются для эстетическаго выраженія идей. Такихъ матеріальныхъ способовъ для эстетическаго выраженія идей существуютъ два: *пространственно-измѣряемая форма тѣлъ* и *во времени смѣняющійся звукъ*. Первая служитъ средствомъ къ эстетическому выраженію идей о внѣшнихъ предметахъ, наблюдаемыхъ *зрѣніемъ*, послѣдній — къ выраженію идей, которыхъ содержаніе составляютъ внутреннія состоянія души, наблюдаемыя при посредствѣ звуковъ и слова, чрезъ *слухъ*. Сообразно съ этимъ искусства дѣлятся на *пластическія* или образовательныя, и *тоническія* или звуковыя. Къ первымъ относятся: ваяніе или скульптура, архитектура, живопись (къ которой въ обширномъ смыслѣ можетъ быть отнесено и искусственное сопоставленіе вещей съ цѣлью эстетическаго впечатлѣнія на чувство—живописное устройство садовъ, эстетическое убранство комнатъ, человѣческая одежда и проч.), и театръ. Къ тоническимъ искусствамъ относятся музыка, пѣніе и поэзія.

Собственно только зрительныя и слуховыя ощущенія могутъ быть проводниками эстетическаго дѣйствія предметовъ на душу и элементами художественныхъ произведеній. Ощущенія осязанія, вкуса и обонянія, равно какъ ощущенія общаго чувства, по своему исключительному тѣлесно-матеріальному характеру, не могутъ быть предметомъ эстетическаго наслажденія и не представляютъ способовъ къ эстетическому выраженію идей. Впрочемъ посредствомъ ассоціаціи они могутъ входить въ связь съ идеальными представленіями, и если не прямо возбуждать эстетическое наслажденіе, то, по крайней мѣрѣ, содѣйствовать ему и возвышать его. Такимъ образомъ гимнастическія упражненія, танцы, катанье на конькахъ и пр., хотя суть только мышечныя упражненія, могутъ быть однакожъ для зрителя источникомъ живѣйшаго наслажденія. Дѣйстви-

тельное наслажденіе теплотою или дрожаніе отъ холода имѣютъ чувственный характеръ: тѣмъ не менѣе они могутъ быть предметомъ художественнаго изображенія по связи съ тѣмъ или другимъ идеальнымъ представленіемъ.

По объему и силѣ воображенія, равно какъ по глубинѣ дѣйствія на человѣческую душу, высшее мѣсто между искусствами занимаетъ *поэзія*; слѣдующее за тѣмъ мѣсто принадлежитъ *музыкѣ*, такъ какъ она не только возбуждаетъ игру ощущеній, но вызываетъ опредѣленныя представленія; низшее мѣсто занимаютъ *пластическія искусства*, возбуждающія только неопредѣленныя ощущенія.

Различныя искусства имѣютъ отношеніе къ національному генію и племеннымъ расположеніямъ, свойственнымъ каждому народу. Итальянцамъ принадлежитъ пѣніе и мелодія, какъ даръ природы. У сѣверныхъ народовъ, напротивъ, пѣніе и опера, не смотря на высшее совершенство и успѣхъ, не совсѣмъ натуральны—онѣ здѣсь заносныя, оранжерейныя, растенія. Древнимъ Грекамъ свойственна была прекрасная форма эпической поэмы и особенно совершенство въ скульптурѣ; напротивъ Римляне не создали никакого искусства, а перенесли на свою почву искусства Греціи. Такимъ образомъ искусство въ спеціальномъ родѣ своихъ произведеній нераздѣльно съ національною особенностью народовъ. (Гегель, *Курсъ Эстетики*).

Состояніе художественнаго творчества, какъ источникъ художественныхъ и поэтическихъ произведеній, есть высокая степень воодушевленія или *вдохновеніе*. Состояніе вдохновенія есть самопроизвольное, изъ собственныхъ потребностей духа возникающее, напряженіе душевныхъ силъ во время творчества. Минерва является готовою, вооруженною, изъ головы Зевса: точно также художественный образъ является въ сознаніи готовымъ въ своей прекрасной формѣ, и никакой анализъ не прослѣдитъ его зарожденіе въ душѣ художника. Но психическія условія творчества подлежатъ анализу и состоятъ въ чрезвычайномъ напряженіи ума, воодушевленнаго идеей,—фантазіи, создающей для нея форму,—памяти, которая приноситъ свои богатства къ услугамъ творящей мысли,—чувства, вдохновляющаго душу энтузіазмомъ и—силы воли, неотступно влекущей человѣка къ довершенію своего творчества. Вдохновенія нельзя произвесть чувственнымъ возбужденіемъ или искусственнымъ разгоряченіемъ воображенія. Оно является свободно и возникаетъ изъ глубины духа—изъ силы наполняющей его мысли, изъ сознанія великости интереса, которымъ онъ проникнутъ и изъ теплоты оживляющаго его свѣтлаго чувства.

Нельзя также вызвать вдохновенія посредствомъ одного намѣренія и желанія создать художественное произведеніе. Вдохновеніе возбуждается опредѣленнымъ предметомъ, который внезапно поражаетъ душу и овладѣваетъ чувствомъ и воображеніемъ.

III. Творящія силы. Талантъ и геній.—Природа никому не отказала въ способности чувствовать прекрасное и наслаждаться имъ: но не всякій можетъ создавать художественно-прекрасные образы. Для этого нужны—даръ, называемый обыкновенно *талантомъ* и *геніемъ*, и техническое образованіе.

Основы таланта и генія одни и тѣ же и различаются не существомъ, а только степенью. Вообще ихъ составляетъ высшее развитіе всѣхъ эстетическихъ способностей—особенная живость воображенія, тонкость вкуса и проницательность разсудка.

Въ талантѣ сила творчества ограничена. Онъ счастливо подражаетъ и въ технической сторонѣ искусства достигаетъ величайшаго совершенства, но не можетъ творчески ни пролагать новыхъ путей, ни давать правилъ: это составляетъ удѣлъ генія.

Слово «геній», подобно многимъ другимъ названіямъ психическихъ качествъ, имѣетъ много различныхъ значеній. Во-первыхъ это названіе употребляется для обозначенія высшихъ индивидуальныхъ особенностей духовнаго склада человѣка: напримѣръ, когда мы говоримъ, что геній такого-то артиста стремится къ возвышенному, поразительному или смѣшному; или что геній ученаго больше стремится къ опытнымъ изысканіямъ, чѣмъ къ отвлеченнымъ построеніямъ; или что у извѣстнаго человѣка есть практическій геній вліянія на людей и пр. Во всѣхъ этихъ случаяхъ предполагается извѣстная степень духовной силы: но тутъ на первомъ планѣ стоитъ не столько самая эта сила, сколько ея проявленіе и направленіе. Въ этомъ же смыслѣ словомъ «геній» обозначаютъ иногда совокупность духовныхъ особенностей народа или общее направленіе его теоретическихъ и практическихъ понятій. Наконецъ, то же названіе употребляется какъ синонимическое съ названіями—духъ той или другой религіи, той или другой націи, духъ или внутренній строй того или другаго языка и проч.—Во-вторыхъ названіе «геній» употребляется для обозначенія превосходства того или другаго человѣка въ научныхъ изысканіяхъ или практической дѣятельности; такимъ образомъ называютъ геніями великіе умы въ области наукъ и практическихъ отношеній. Но уже обыкновенная рѣчь употребляетъ это названіе предпочтительно въ отношеніи къ поэтамъ и художникамъ, обозначая другими названіями превосходство великихъ мужей науки—знаменитыхъ ученыхъ—и практической дѣятельности—знаменитыхъ государственныхъ людей и полководцевъ. Кантъ находитъ основаніе для такого усвоенія генія исключи-

тельно художникамъ и поэтамъ въ томъ, что природная способность художественнаго творчества создаетъ новое по нѣкоторой естественной необходимости, по внутреннему требованію, не имѣя передъ собою ни правилъ, ни образцовъ; между тѣмъ какъ научная и практическая изобрѣтательность, пролагающая новые пути, всегда есть результатъ научнаго образованія и напряженнаго мышленія Можно прослѣдить весь процессъ умственной дѣятельности въ произведеніяхъ самаго высокаго ума: но нельзя прослѣдить творческаго процесса генія, проявившагося въ художественномъ произведеніи.

Геній творитъ по природной способности къ творчеству. Никакая наука, никакое образованіе не создадутъ генія въ человѣкѣ, лишенномъ этого дара отъ природы. Однакожъ для пробужденія этого дара и для полнаго его совершенства необходимо образованіе и упражненіе. Онъ долженъ изучать внѣшнюю природу и жизнь души человѣческой во всѣхъ ихъ разнообразныхъ проявленіяхъ. Недостатокъ самопознанія и изученія природы не можетъ быть восполненъ никакою силою внутренней энергіи, ни самою тонкою наблюдательностію, ни самымъ плодовитымъ воображеніемъ, ни самымъ развитымъ разсудкомъ. Какъ бы по инстинкту геніальной природы великіе умы почти всегда отличаются особенною любознательностью и настойчивымъ изученіемъ природы и человѣческой жизни въ ея историческомъ развитіи и живыхъ проявленіяхъ.

«Величайшій геній—пишетъ Гете—никогда не создастъ чего-нибудь замѣтнаго, если будетъ ограничиваться одними только собственными средствами. Что такое самый геній, какъ не способность воспринять и усвоить все, что до него ни коснется, упорядочить и оживить всякую матерію, которая ему предстанится: тутъ взять мѣдь, тамъ мраморъ и создать изъ нихъ прочный памятникъ. Что было бы со мной, что осталось бы отъ меня, еслибъ наблюдательность предила геніальности? Что я дѣлалъ? Я наблюдалъ, собиралъ, усвоялъ все, что видѣлъ, что слышалъ; я заботливо изучалъ произведенія природы и искусства. Всякое мое сочиненіе опирается на тысячи различныхъ людей: ученый и невѣжда, умный и глупый—всѣ дѣлали тутъ свои вклады. Большею частію сами того не замѣчая, они несли мнѣ дары своей мысли, своихъ способностей, своихъ опытовъ. Часто они сѣяли то, что я пожиналъ».

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

I. Стремленіе.

Стремленіе.—Главные виды стремленій.—Практическая жизнь человѣка обнимаетъ собою область желаній и (внѣшнихъ) дѣйствій, свободы и характера. Всякое дѣйствіе предполагаетъ желаніе, какъ стремленіе души къ достиженію какой-либо цѣли; всякое желаніе или стремленіе предполагаетъ чувство неудовлетворенности нашихъ силъ и неполноты нашего состоянія. Такъ какъ это чувство есть непріятное ощущеніе, которое мы желаемъ уничтожить, то оно естественно возбуждаетъ стремленіе устранить то, что стѣсняетъ наше состояніе или безпокоитъ насъ, и достигнуть того, чѣмъ можетъ быть удовлетворена наша потребность и возстановлено свободное теченіе жизни.

Желанія и чувствованія (въ обширномъ смыслѣ, куда относятся также пріятныя и непріятныя ощущенія) постоянно и повсюду относятся между собою, какъ послѣдующее и предшествующее. Всѣ чувствованія, безъ различія ихъ содержанія, непремѣнно заключаютъ въ себѣ желаніе, какъ стремленіе къ своему настоящему сохраненію или уничтоженію, и къ достиженію удовольствія и отвращенію неудовольствія въ будущемъ. Но, при различныхъ чувствованіяхъ, желанія имѣютъ различную степень напряженности. Обыкновенно мы сознаемъ присутствіе только болѣе или менѣе сильныхъ, выдѣлившихся изъ чувства, желаній, между тѣмъ какъ слабыя возникаютъ и проходятъ незамѣтно для сознанія.—Иначе относятся желанія къ *представленіямъ*: между тѣмъ какъ одни желанія, и притомъ самая большая часть ихъ, не могутъ возникнуть безъ ясныхъ представленій, другія возникаютъ изъ различныхъ физіологическихъ и психическихъ состояній, не сопровождаясь ясными представленіями. Стремленія этого послѣдняго рода называютъ *инстинктивными*, первыя же—*сознательными* или *желаніями* въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Инстинктъ.—Инстинктъ есть естественное стремленіе живаго существа къ свойственному образу дѣйствованія безъ яснаго представ-

ленія цѣли, къ которой оно стремится, и средствъ, которыя ведутъ къ этой цѣли. Существенный характеръ инстинктивныхъ желаній и дѣйствій составляетъ ихъ *цѣлесообразность.*

Инстинктомъ, въ обширномъ смыслѣ, можно назвать всѣ цѣлесообразныя явленія природы, состоящія въ дѣятельности ея живыхъ силъ и направленныя къ сохраненію ея жизни, каковы, напримѣръ, обращеніе цвѣтка или растенія къ свѣту и проч. Но въ тѣсномъ смыслѣ инстинктъ обнимаетъ собою явленія цѣлесообразной дѣятельности животныхъ, и тѣ дѣйствія въ человѣческой жизни, которыя выходятъ не изъ ясныхъ представленій, хотя возбуждаются психическими состояніями.

Внутреннимъ основаніемъ инстинкта служитъ такое устройство организма, посредствомъ котораго въ немъ совершаются реактивныя движенія, служащія непосредственно къ охраненію и поддержанію жизни. Внѣшнее основаніе инстинкта заключается въ общей цѣлесообразности природы. Инстинктивныя силы, достигая своихъ цѣлей, не сознаютъ ни этихъ цѣлей, ни способовъ, которыми онѣ достигаютъ ихъ. Но такъ какъ нельзя представить цѣли, не признавши бытія ума, который одинъ можетъ поставлять цѣли для дѣятельности: то, допуская цѣль въ явленіяхъ инстинкта, мы должны признать бытіе высшаго Ума, который, создавши силы природы, направилъ ихъ къ дѣятельности, сообразной съ поставленными для нихъ цѣлями. Поэтому всякая инстинктивная сила, дѣйствующая несознательно въ отношеніи къ своей цѣли, въ то же время выполняетъ цѣль, поставленную ей Творцомъ ея. Высокое совершенство ума и знанія, которое мы наблюдаемъ въ дѣйствіи инстинктивныхъ силъ, принадлежитъ не этимъ неразумнымъ и слѣпымъ силамъ, а высшему Уму, который самымъ устройствомъ ихъ направилъ къ опредѣленной для нихъ цѣли. Поэтому мы можемъ назвать эти дѣйствія несознательными и неразумными въ отношеніи къ самымъ силамъ; но въ то же время должны назвать ихъ разумными въ отношеніи къ мірообразовательному Уму, который дѣйствуетъ чрезъ нихъ въ природѣ и посредствомъ нихъ осуществляетъ цѣли, назначенныя для жизни природы.

Такъ какъ Творецъ, создавши силы природы, назначилъ имъ соотвѣтственныя цѣли, и опредѣлилъ способы, которыми онѣ могутъ достигать этихъ цѣлей, то между тѣми и другими необходимо должно

быть полное соотвѣтствіе. Поэтому какъ ни одна сила не можетъ существовать безъ опредѣленной цѣли или быть праздною, либо излишнею въ мірѣ, такъ ни одна сила не можетъ имѣть недостатка въ способахъ своей дѣятельности и средствахъ своего удовлетворенія. Все существуетъ для чего-нибудь, для какой нибудь цѣли, и все, существуя для чего нибудь, въ то же время имѣетъ всѣ способы къ достиженію своего назначенія. Исключенія изъ этого правила не можетъ быть, потому что это правило есть самый высокій законъ природы. Если что-нибудь иногда кажется безцѣльнымъ, то это зависитъ отъ недостатка нашего опыта, а не отъ дѣйствительнаго положенія силы, осуждаемой нами на безцѣльное существованіе.

Инстинктъ въ человѣческой жизни составляетъ начало тѣхъ дѣйствій, которыя совершаются безъ яснаго представленія цѣлей и средствъ, по одному внушенію пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній. Всѣ движенія членовъ дитяти, доколѣ они не вошли въ состояніе размышляющаго сознанія, принадлежатъ къ явленіямъ инстинкта; поэтому о желаніяхъ дитяти въ первое время его жизни не можетъ быть рѣчи.

Инстинктивныя стремленія дѣлятся на два класса: чувственныя и духовныя. Главные виды чувственныхъ инстинктовъ суть: 1) инстинктъ сохраненія жизни недѣлимыхъ и 2) инстинктъ сохраненія рода. .

1) Инстинктъ самосохраненія обнаруживается двояким образомъ: а) положительно — цѣлесообразнымъ употребленіемъ способовъ и средствъ, необходимыхъ для поддержанія жизни; б) отрицательно — устраненіемъ того, что препятствуетъ свободному проявленію тѣлесныхъ силъ и ходу физіологическихъ процессовъ. Сюда относятся какъ простыя формы стремленій къ удовлетворенію тѣлеснымъ потребностямъ сна, упражненія и отдыха, голода и жажды, пола; такъ и болѣе или менѣе сложныя комбинаціи этихъ стремленій съ состояніями тѣла—рефлективныя движенія, различныя сочетанія и согласованія дѣйствій въ движеніи рукъ, въ ходьбѣ, бѣганьѣ, плаваньѣ и пр.

2) Инстинктъ сохраненія рода, существуя во всей органической природѣ, обнаруживается стремленіемъ ея къ поддержанію жизни рода среди непрестанной смѣны недѣлимыхъ.

Всѣ наши чувственные инстинкты подвержены порчѣ и извращенію и могутъ давать ложныя показанія относительно того, въ чемъ нуждается наше тѣло. Мы способны томиться жаждою теплоты въ такое время, когда намъ полезнѣе прохлада; требуемъ пищи и питья гораздо болѣе, чѣмъ сколько нужно; отдаемся возбужденіямъ къ дѣйствію, когда намъ потребенъ покой, или предаемся покою до разслабленія. Точно также инстинкты доступны искусственному и безразсудному воспламененію въ присутствіи предметовъ, которые возбуждаютъ и удовлетворяютъ ихъ. Поэтому хотя инстинкты и суть естественные направители жизни чувственной, но, въ виду назначенія этой жизни для цѣлей духа, по мѣрѣ раскрытія сознанія они должны быть сопровождаемы руководствомъ ума и направляемы къ высшимъ требованіямъ идеальной природы человѣка. Дѣйствуя внѣ сознанія и свободной воли человѣка они не подлежатъ нравственной оцѣнкѣ и вмѣненію; но, вошедши въ область сознательно и свободно направляемыхъ проявленій жизни, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, вводятся въ сферу нравственнаго контроля и становятся подлежащими вмѣненію.

Къ духовнымъ инстинктамъ принадлежатъ: 1) стремленіе къ духовной дѣятельности вообще и въ частности къ познанію, нравственной дѣятельности, эстетическому наслажденію прекраснымъ и къ религіознымъ движеніямъ; 2) стремленіе къ обществу или инстинктъ общественности.

II. Желанія и воля.

Сознательныя стремленія или желанія отличаются отъ чувственныхъ стремленій или инстинктивныхъ возбужденій тѣмъ, что соединены съ представленіями цѣли и средствъ для ея осуществленія.

Всякое желаніе первоначально бываетъ инстинктивнымъ и только посредствомъ своего удовлетворенія, или другимъ способомъ достигнувъ познанія цѣли, оно можетъ обратиться въ сознательное стремленіе. Относительно многихъ сторонъ жизни, въ особенности нравственныхъ и умственныхъ, лишь немногіе люди приходятъ къ опредѣленнымъ и сознательнымъ цѣлямъ. Многіе совершенно остаются при инстинктивныхъ желаніяхъ: они стремятся только выйдти изъ настоящаго состоянія,—но куда—и сами не знаютъ. Отъ этого даже въ на-

ружныхъ выраженіяхъ желанія является у нихъ какая-то шаткость и неопредѣленность.

Желаніе опредѣляется предметомъ, котораго мы желаемъ и о которомъ имѣемъ представленіе, потому что нельзя желать того, чего не представляемъ (ignoti nulla cupido). *Основаніемъ* желанія служитъ непріятное чувство неудовлетворенности, возбуждаемое отсутствіемъ недостающаго, желаемаго предмета, при ясномъ представленіи этого предмета. Достиженіе или присутствіе его, напротивъ, возбуждаетъ въ насъ чувство удовлетворенности и удовольствія. Такимъ образомъ внутреннюю основу желаній составляютъ непріятныя чувствованія неудовлетворенности, соединенныя съ представленіемъ какъ этой неудовлетворенности, такъ и способовъ ея удовлетворенія. Сила души, дѣйствующая въ желаніяхъ, называется *волею*.

Элементы воли.—Не всякое желаніе сопровождается дѣятельностью воли, но только такое, которое соединяется 1) съ представленіемъ цѣли и средствъ, ведущихъ къ ея осуществленію, а равно побужденій, располагающихъ къ ея достиженію; 2) съ сознаніемъ возможности исполненія желанія и достиженія цѣли, и 3) съ энергіею въ достиженіи цѣли, которая одинаково должна быть обращена какъ на цѣль, такъ и на средства.

1) Представленіе желаемаго предмета должно быть соединено съ представленіемъ побужденій и средствъ, или ряда дѣйствій, которыя ведутъ къ его достиженію, потому что, въ противномъ случаѣ, не можетъ быть желанія, а будетъ только инстинктивное стремленіе; равно какъ удовлетвореніе его не будетъ результатомъ дѣятельности воли, а дѣломъ случая.

2) Если невозможно достигнуть желаемаго предмета, если рядъ причинъ и дѣйствій, ведущихъ къ его достиженію, находится внѣ нашей возможности, то мы не можемъ быть дѣятельны въ разсужденіи этой цѣли, не можемъ ничего сдѣлать для ея достиженія, какъ бы сильно ни желали этого. Если наше желаніе удовлетворяется въ этомъ случаѣ, то хотя мы и чувствуемъ удовольствіе, но приписываемъ это удачѣ, благопріятному стеченію обстоятельствъ, а не успѣху нашей собственной дѣятельности. Но говоря о возможности, мы разумѣемъ субъективную, а не объективную возможность, потому

что весьма часто возможное само по себѣ, по общимъ законамъ физическихъ и нравственныхъ причинъ, невозможно только для насъ по условіямъ нашей жизни и нашего положенія. Поэтому желаніе становится актомъ воли только тогда, когда мы открываемъ въ ряду причинъ и дѣйствій такія, при помощи которыхъ можемъ получить желаемый предметъ въ свое распоряженіе, ввести въ кругъ нашихъ средствъ.

3) Побужденія, располагающія насъ къ достиженію извѣстной цѣли, сообщаютъ волѣ энергію, необходимую для ея осуществленія. Энергія воли должна простираться одинаково какъ на цѣль, такъ и на средства, ведущія къ этой цѣли. Если желая результата мы страшимся средствъ, которыми онъ достигается, напр. въ изученіи иностраннаго языка, то наше желаніе остается однимъ безплоднымъ желаніемъ, не перешедшимъ въ актъ воли.

Выборъ и рѣшимость.—Дѣйствіе.—Предметы желаній чрезвычайно разнообразны; вмѣстѣ съ тѣмъ разнообразны и возбуждаемые ими интересы и чувствованія. Чувственные интересы часто входятъ въ борьбу съ нравственными, нравственные съ умственными и эстетическими, и каждый изъ нихъ въ этомъ кругу сталкивается со множествомъ другихъ противоположныхъ интересовъ, Такъ, напр., порывъ къ чувственнымъ удовольствіямъ нерѣдко встрѣчаетъ себѣ противодѣйствіе во внушеніяхъ благоразумія, какъ это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мы заботливо смотримъ на будущее и временнымъ удовольствіемъ жертвуемъ здоровью, отказомъ въ минутномъ наслажденіи стараемся сохранить въ себѣ способность къ продолжительному наслажденію дарами жизни. Конечно это не обходится безъ внутренней борьбы, въ которой побѣда не всегда остается за нашимъ самообладаніемъ.—Далѣе чувственные интересы находятся въ постоянной борьбѣ съ нравственными; равнымъ образомъ и нравственные интересы очень часто сталкиваются между собою и одинъ изъ нихъ, естественно, уступаетъ другому: такъ благожеланіе нерѣдко уступаетъ чувству долга и права. Различныя сочетанія обстоятельствъ часто приводятъ насъ въ затрудненіе, изъ котораго нельзя выдти иначе, какъ послѣ напряженной борьбы. Вообще чувство и воля человѣка находятся въ постоянной борьбѣ между различными интересами и

влеченіями. Процессъ, въ которомъ воля, оцѣнивая разные интересы и цѣли, даетъ предпочтеніе однимъ изъ нихъ предъ другими, наклоняется въ одну изъ двухъ увлекающихъ ее сторонъ, составляетъ *выборъ*, котораго послѣдній актъ есть *рѣшимость*—послѣдовать одному изъ двухъ направленій.—Но борьба не прекращается совершенно актомъ выбора и рѣшимости въ виду опредѣленной цѣли. Слѣдующее за ними исполненіе также весьма часто сопровождается борьбою. Исполненіе состоитъ въ осуществленіи выбранной цѣли соотвѣтствующими средствами. Когда выбрана цѣль, заботливость ума и воли обращается къ средствамъ ея выполненія. Но они также могутъ останавливать и задерживать рѣшимость воли. Величіе и громадность средствъ снова можетъ поколебать рѣшимость воли. Оцѣнка разныхъ средствъ со стороны ума, пользы, блага и осторожности, также можетъ возбудить новую борьбу, которая можетъ имѣть различный исходъ.

Наконецъ и эта борьба кончена. Выборъ средствъ рѣшенъ, осталось примѣненіе и употребленіе ихъ — *дѣйствіе*, т. е. введеніе нашихъ мыслей въ рядъ внѣшнихъ явленій. Но въ дѣйствіи можетъ встрѣтиться либо успѣхъ, либо неудача. Въ первомъ случаѣ успѣхъ сопровождается пріятнымъ чувствомъ удачной дѣятельности, и это чувство возвышается съ каждымъ новымъ успѣхомъ въ дѣятельности. Неудача, встрѣча препятствій, производитъ борьбу, которая опять требуетъ напряженія воли. Собственно въ этой-то борьбѣ испытывается, равно какъ и пріобрѣтается *сила воли*. Слабая воля упадаетъ въ виду препятствій, считая ихъ неодолимыми: напротивъ сильная напрягается пропорціанально противопоставляемымъ ей препятствіямъ.

Основы практической дѣятельности человѣка.—Удовольствіе.—Польза.—Долгъ.—Всякій человѣкъ во всякомъ дѣйствіи слѣдуетъ какому-нибудь побужденію и достигаетъ какой-нибудь цѣли: для отдѣльныхъ дѣйствій эти цѣли могутъ быть случайны и разнообразны, смотря по различнымъ условіямъ и отношеніямъ, въ которыя бываетъ поставленъ человѣкъ и въ которыхъ развиваетъ свою дѣятельность. Сегодня онъ дѣлаетъ одно, завтра будетъ дѣлать другое и т. д. Но, не смотря на эту случайность отдѣльныхъ дѣй-

ствій, цѣлымъ рядомъ ихъ управляетъ всегда какая-нибудь одна общая цѣль, къ которой человѣкъ направляетъ свою дѣятельность. Цѣль эта составляетъ задачу жизни человѣка, къ которой онъ устремляетъ всѣ свои мысли и которая покрываетъ всѣ его дѣйствія.

Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эта цѣль не у всѣхъ одинакова. Между тѣмъ какъ одинъ жертвуетъ всѣмъ для образованія своего ума, для расширенія круга своихъ познаній, для усовершенствованія въ какой-нибудь отрасли теоретической науки, въ практическомъ примѣненіи знанія или художественномъ творчествѣ, другой весь погруженъ въ торговые обороты и коммерческія предпріятія, не оставляющія времени подумать о наукѣ и образованіи. Для одного трудъ составляетъ стихію жизни; другой спокойно проводитъ дни въ беззаботномъ бездѣйствіи и переходитъ изо дня въ день съ однимъ желаніемъ, чтобы до него не коснулись ни забота, ни трудъ. Иной всю жизнь гоняется за независимостью богатаго человѣка; другой за блестками отличій, которыхъ ему, при его обезпеченности, не достаетъ для полнаго счастія. Но есть много весьма достойныхъ людей, которые всю жизнь и дѣятельность посвящаютъ счастію другихъ и безкорыстному служенію общественному благу.

Впрочемъ, какъ ни разнообразны эти цѣли, онѣ могутъ быть подведены подъ три главныя, обнимающія собой всѣ частные виды ихъ: это—удовольствіе, польза и долгъ.

1) Удовольствіе есть внутреннее спокойное состояніе духа, возбуждаемое исполненіемъ какого-нибудь желанія. По различію желаній чувственныхъ и духовныхъ, и удовольствіе имѣетъ два вида: пріятнаго ощущенія, возникающаго вслѣдствіе удовлетворенія чувственной потребности, и пріятнаго расположенія духа, когда удовлетворена бываетъ духовная потребность. Кромѣ того удовольствіе можетъ быть разсматриваемо или какъ минутное расположеніе, возбуждаемое удовлетвореніемъ случайной потребности, или какъ постоянно счастловое теченіе жизни, возбуждаемое согласнымъ развитіемъ и удовлетвореніемъ всѣхъ потребностей человѣка. Но въ томъ и другомъ случаѣ средою и, такъ сказать, сѣдалищемъ удовольствія служитъ ощущеніе и чувство.—Но можетъ ли чувство быть регуляторомъ нашей дѣятельности? Не можетъ, потому что чувство, какъ правило

жизни, не имѣетъ постоянства, всеобщности и необходимой ясности.

Чувство есть стихія непостоянная, измѣнчивая, нуждающаяся въ руководствѣ и направленіи. Всякій чувствуетъ по своему и всякій правъ въ своихъ чувствованіяхъ, потому что они соотвѣтствуютъ степени развитія каждаго и выражаютъ только его личное состояніе. У одного и того же человѣка чувствованія измѣняются съ перемѣною его состоянія. Темпераментъ, возрастъ, полъ, расположенія духа и тѣла безконечнымъ образомъ разнообразятъ наши чувствованія. Вообще нѣтъ ничего подвижнѣе и измѣнчивѣе чувствованій. Чувствованія не имѣютъ сами въ себѣ ни правила, ни мѣры; каждое изъ нихъ стремится къ расширенію и, не сдерживаемое разсудкомъ, разливается въ душѣ бурнымъ потокомъ. И еслибы порядокъ нашей жизни и счастіе зависѣли отъ чувствованій, то мы были бы обречены на вѣчную тревогу и безпокойство, какъ это и показываетъ наблюденіе надъ людьми, которые, не имѣя постоянныхъ правилъ жизни, руководствуются одними впечатлѣніями и возбуждаемыми ими чувствованіями. Уже древніе относили область чувства къ такъ называемымъ неупорядоченнымъ стихіямъ жизни, нуждающимся въ разумномъ началѣ порядка и мѣры.

2) Польза, какъ принципъ практической дѣятельности, переводитъ насъ изъ области чувства въ область разсудка. Она условливаетъ собою порядокъ жизни, основанный на благоразуміи и разсчетливости. Достигая полезнаго, человѣкъ подчиняетъ разсчету какъ всѣ обстоятельства своей жизни, такъ и внутреннія движенія своей души. Но какъ этотъ разсчетъ у всякаго свой, соотвѣтственно съ его личными потребностями и случайными нуждами: такъ и добро, по этому понятію, должно быть у каждаго свое. Поэтому ставить личное добро высшимъ идеаломъ или высшею цѣлью нравственной дѣятельности то же самое, что ставить представленіе мѣрою всякаго знанія и истины; т. е. это значило бы въ теоретическомъ отношеніи уничтожить истину, какъ объективное знаніе, въ практическомъ отношеніи уничтожить добро, какъ нравственную дѣятельность, имѣющую общеобязательную или объективную цѣну. Кромѣ того, въ нашей нравственной жизни принимаютъ самое постоянное участіе наше сердце

и чувствованія. Дѣятельность, управляемая однимъ разсудкомъ, безъ участія сердца, необходимо становится своекорыстною и эгоистическою, потому что начало, сближающее насъ съ другими, принадлежитъ не разсудку, но сердцу. Конечно и разсчетъ можетъ вводить насъ въ сообщество другихъ лицъ, но, безъ сомнѣнія, не за тѣмъ, чтобы увеличивать мѣру общаго благосостоянія, а только для цѣлей личнаго обезпеченія. Кромѣ того начало пользы не можетъ имѣть характера всеобщности и обязательности, потому что происходитъ не изъ общихъ требованій природы, а изъ личныхъ отношеній человѣка, развивающаго свои интересы въ кругу другихъ людей, какъ при участіи ихъ, такъ и при противодѣйствіи. Что полезно для меня, то можетъ быть вредно или, по крайней мѣрѣ, безразлично для другаго. Рабовладѣлецъ развиваетъ свои интересы на счетъ человѣческаго достоинства тысячи лицъ, которыя обратились для него въ машины.

3) Наконецъ, послѣдній принципъ—долгъ—не имѣетъ недостатковъ предыдущихъ принциповъ и имѣетъ всѣ свойства, потребныя для основнаго закона дѣйствій. Возвышаясь надъ чувствомъ и разсудкомъ, онъ относится къ идеальной области жизни, именно къ идеямъ истины и правды. Руководствуясь этимъ началомъ человѣкъ предпочитаетъ въ данномъ случаѣ тому, что льститъ его чувству или обѣщаетъ близкую или отдаленную пользу, то, что онъ обязанъ сдѣлать по требованію долга, совѣсти или нравственнаго закона. Это начало 1) у всѣхъ одинаково и 2) всеобще-обязательно. Но прежде чѣмъ показать это, необходимо опредѣлить ближе природу нравственнаго закона и разъяснить, какъ онъ развивается и обнаруживается у людей.

Происхожденіе и сущность нравственнаго закона.—Совѣсть.— Нравственный законъ является въ нашемъ сознаніи, *во-первыхъ*, какъ *чувство* долга, непосредственно управляющее тѣми рѣшеніями нашей воли, которыя имѣютъ нравственное значеніе, *во-вторыхъ*, какъ *понятіе* о томъ, что хорошо и что дурно, и какъ *правило* нашихъ дѣйствій, предписывающее намъ одно дѣлать, другаго не дѣлать.

1) Вмѣстѣ съ нравственною идеею, или идеею различенія доб-

раго отъ худаго, нашей душѣ прирождено чувство долга, которое обнаруживается при каждомъ рѣшеніи воли, имѣющемъ нравственное значеніе, и которое, вмѣстѣ съ свободою, составляетъ основаніе нравственности. Оно есть непосредственный фактъ нашего самосознанія и является въ немъ, какъ божественная заповѣдь, съ обязательною силою для воли, такъ что каждый человѣкъ, независимо отъ его воспитанія, степени образованія и проч., находитъ себя вынужденнымъ сообразовать съ нимъ свои желанія и поступки, хотя бы это иногда противорѣчило его интересамъ, склонностямъ и привязанностямъ. По самому повелѣвающему свойству своему оно составляетъ въ нашей душѣ источникъ борьбы, потому что вынуждаетъ насъ преодолѣвать эгоистическія влеченія нашей природы для исполненія долга, и потому составляетъ основаніе нравственности, такъ какъ безъ этой борьбы нравственное превратилось бы въ естественное и лишилось бы своего значенія. Чувство долга есть первоначальный, основной элементъ человѣческаго существа. Происхожденія его нельзя изъяснить иначе, какъ изъ самой природы человѣческой души, которая самимъ Творцомъ ея предназначена къ нравственному развитію, или къ дѣятельности и совершенству, сообразнымъ съ ея нравственною природою.

2) Другую сторону, собственно *содержаніе* нравственнаго закона, составляетъ представленіе и развивающееся изъ него *понятіе о добрѣ*, которое и служитъ основаніемъ для нашихъ нравственныхъ *сужденій и правилъ*. Различеніе добра отъ зла, также какъ чувство долга (послѣдованія добру), есть непосредственный фактъ нашего самосознанія. Оно прирождено намъ, какъ идея добра или какъ норма нравственнаго. Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, посредствомъ отвлекающей и обобщающей дѣятельности мышленія, оно переходитъ въ разсудочныя формы понятій, сужденій и правилъ, которыхъ содержаніе составляетъ оцѣнка нравственнаго достоинства нашихъ дѣйствій.

По своему психологическому основанію понятіе и правило имѣютъ одно происхожденіе, именно, правило есть тоже самое понятіе, но выраженное въ формѣ требованія или закона. Понятіе: «это добро». Правило: «дѣлай то, о чемъ имѣешь понятіе, какъ о добромъ». Но

какъ въ нашей душѣ нѣтъ ни одного понятія готоваго, напротивъ, всѣ понятія развиваются мало-по-малу, посредствомъ логическихъ пріемовъ отвлеченія и обобщенія: такъ точно, подъ вліяніемъ или при свѣтѣ нравственной идеи, образуются въ насъ и нравственныя понятія, посредствомъ наблюденія надъ внутреннею оцѣнкою нашихъ дѣйствій, производимою чувствомъ долга.

Наша дѣятельность есть не что иное, какъ выраженіе нашихъ отношеній къ предметамъ, и состоитъ въ обратномъ дѣйствіи на предметы, которые на насъ подѣйствовали. Характеръ ея опредѣляется тѣмъ, какое достоинство имѣютъ тѣ предметы, на которые мы направляемъ нашу дѣятельность. Но достоинство это опредѣляется не случайными и внѣшними качествами предметовъ, пріятностью ихъ для чувства или доставляемою ими практическою пользою, но самымъ ихъ существомъ или согласіемъ ихъ съ своею индивидуальною, видовою и родовою сущностью, и съ природою вообще или міровымъ цѣлымъ. Въ согласіи предмета съ его собственнымъ существомъ и съ міровымъ цѣлымъ необходимо заключается согласіе его и съ нашимъ существомъ. Этимъ опредѣляется общая норма нашихъ отношеній къ предметамъ или общее *содержаніе нравственнаго закона*, которое можно выразить слѣдующимъ образомъ: «цѣни каждый предметъ правильно и поступай въ отношеніи къ нему сообразно тому достоинству, которое онъ имѣетъ по своему существу. Все то, что имѣетъ такое достоинство,—при дѣйствіи на насъ дѣйствуетъ благотворно, способствуетъ всестороннему стройному и безпрепятственному теченію нашей жизни; и потому мы называемъ такой предметъ и его дѣйствіе на насъ благомъ, *добромъ*. Напротивъ, все то, что не имѣетъ такого достоинства и, съ тѣмъ вмѣстѣ, стѣсняетъ, разстроиваетъ и разрушаетъ нашу жизнь, мы называемъ *зломъ*. — Нарушеніе этой нормы въ оцѣнкѣ предметовъ и ихъ значенія для насъ составляетъ нарушеніе нравственнаго закона и есть *безнравственность*.

Духовная сила, возвѣщающая нравственный законъ и охраняющая его дѣйствія, называется *совѣстью*. Въ дѣйствіи совѣсти различаются слѣдующіе моменты: 1) первоначальное, предшествующее ясному пониманію добра, различеніе добра отъ зла, нравственно-доб-

раго онъ нравственно-худаго; 2) послѣдующая, сознательная оцѣнка предметовъ, равно какъ нашихъ желаній и дѣйствій, со стороны ихъ нравственнаго достоинства; 3) требованіе послѣдованія добру, составляющаго безусловный долгъ каждаго человѣка, и 4) санкція добрыхъ и худыхъ поступковъ, состоящая въ спокойствіи души при совершеніи добрыхъ поступковъ и безпокойномъ состояніи, слѣдующемъ за нарушеніемъ нравственнаго долга.

Всеобщность нравственнаго закона.—Нравственный законъ для всѣхъ людей одинъ и требованіе его всеобще-обязательно, потому что, при одинаковомъ у всѣхъ людей устройствѣ природы, при одинаковости душевныхъ силъ и душевнаго образованія, одни и тѣ же предметы должны быть оцѣниваемы, по существу ихъ, одинаково всѣми людьми. Слѣдовательно, если одному тотъ или другой предметъ представляется съ такимъ достоинствомъ, то другой человѣкъ, имѣя ту же самую природу, тѣ же душевныя силы и условія образованія, не можетъ цѣнить его иначе. Коротко, если дѣятели нашего образованія, душевныя силы и внѣшніе предметы, равно какъ процессъ ихъ взаимнаго дѣйствія, у всѣхъ людей одинаковы, то и произведенія или продукты ихъ не могутъ быть различными. Что кажется одному хорошимъ, добрымъ, справедливымъ, то не можетъ показаться другому дурнымъ, безчестнымъ, несправедливымъ. Слѣдовательно, нравственный законъ не есть что-либо внѣшнее по отношенію къ человѣческой душѣ, извнѣ привходящее къ нашей природѣ, но заключается въ самой природѣ человѣческой души, хотя возбуждается при содѣйствіи предметовъ внѣшняго и внутренняго міра. Поэтому требованія совѣсти, какъ выходящія изъ человѣческой природы, у всѣхъ людей и во всѣ времена одинаковы. Спаситель своимъ божественнымъ ученіемъ только утвердилъ, возвысилъ и освятилъ эти требованія. Нравственный законъ требуетъ: воздавай каждому по его достоинству, оцѣнивай каждый предметъ по его дѣйствительному значенію. Христіанская заповѣдь говоритъ: «люби Бога выше всего (Онъ есть высочайшее добро) и твоего ближняго какъ самого себя (онъ имѣетъ такое же достоинство, какое и ты)».

Но какимъ образомъ нравственный законъ, для всѣхъ одинаковый, является въ своемъ примѣненіи разнообразнымъ, или какимъ образомъ возможно неодинаковое обнаруженіе совѣсти у разныхъ людей? Неопровержимый голосъ внутри насъ свидѣтельствуетъ, что нравственный законъ существуетъ и имѣетъ силу для всѣхъ людей безъ исключенія, а между тѣмъ проявленія и примѣненія его у различныхъ людей до крайности разнообразны. Съ одной стороны мы видимъ чрезвычайное различіе въ дѣйствіяхъ и оцѣнкѣ предметовъ у разныхъ людей но съ другой стороны имѣемъ убѣжденіе, что правильная оцѣнка предметовъ повсюду должна быть одна и та же, какъ установленная самимъ Творцомъ. Это противорѣчіе разрѣшается тѣмъ, что какъ вообще понятія освѣщаютъ и проясняютъ только однородныя съ нимъ представленія и наблюденія (врачъ, напримѣръ, имѣя понятія о болѣзняхъ, легко опредѣляетъ свойство и силу каждаго болѣзненнаго случая), такъ и каждое понятіе, образовавшееся въ нашей душѣ какъ нравственное требованіе или правило («это хорошо, а это дурно, это ты долженъ дѣлать, а этого не долженъ»), можетъ быть законодательнымъ только въ отношеніи къ тому, что освѣщается этимъ понятіемъ. Поэтому напр. никто не назоветъ нравственно злымъ земледѣльца, который не хочетъ отдать своего сына учиться писать, читать и проч., потому что онъ не сознаетъ пользы отъ этихъ знаній. Его образъ мыслей и дѣйствій есть только нравственно-несовершенный, потому что образованіе его не дошло до той точки, съ которой онъ могъ бы убѣдиться въ достоинствѣ упомянутыхъ познаній. Но дайте ему понятіе о нихъ,—и его нравственный законъ тотчасъ скажетъ ему другое. Подобное отступленіе отъ нравственнаго закона совершенно иного рода, нежели то, гдѣ есть понятіе и гдѣ правильная оцѣнка существуетъ во всей ясности, однакожъ находитъ себѣ мѣсто, рядомъ съ нею, ложная оцѣнка, которая подчиняетъ себѣ волю человѣка. Такъ напр. упомянутый земледѣлецъ оказался бы не нравственно несовершеннымъ, а нравственно преступнымъ, если бы онъ изъ скупости лишилъ своего сына образованія, вполнѣ между тѣмъ понимая его цѣну. Въ первомъ случаѣ онъ обнаружилъ бы только нравственную грубость, въ послѣднемъ—нравственную испорченность.

Совѣсть есть только плодоносный зародышъ нравственнаго развитія человѣческаго духа, но не есть такая сила, которая бы непосредственно дѣлала его способнымъ сообразовать всѣ отношенія его жизни съ законами нравственнаго порядка. Это зависитъ отъ умственнаго и нравственнаго развитія. Первоначально человѣкъ руководствуется только общими представленіями о добрѣ, о требованіяхъ долга; но потомъ пріобрѣтаетъ понятія и навыкъ, съ помощію которыхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ясно понимаетъ, что хорошо и что дурно, и сообразно съ этимъ устрояетъ свое поведеніе, и всѣ частные факты своей дѣятельности соединяетъ въ одно гармоническое цѣлое по идеѣ добра.

Очевидно поэтому, что совѣсть должно назвать прирожденною душѣ въ томъ смыслѣ, что она возникаетъ и проявляется у каждаго человѣка съ необходимостью; однакожъ она можетъ быть не одинаково развитою въ отношеніи ко всѣмъ возможнымъ частнымъ условіямъ жизни: ея опредѣлительный голосъ простирается только на тѣ отношенія и факты жизни, которая входитъ въ кругъ ея развитія. Бедуинъ грабитъ чужестранца и совѣсть его находитъ возможнымъ совмѣстить это съ его представленіемъ о добрѣ, не позволяя ему, однакожъ, нанести ни малѣйшаго вреда тому, кого онъ принялъ въ свой домъ, какъ гостя. Точно также бываетъ и въ безчисленномъ множествѣ другихъ случаевъ. Слѣдовательно совѣсть дѣйствуетъ въ отношеніи тѣхъ предметовъ, о которыхъ она имѣетъ понятія; если же она какъ бы не обнаруживаетъ своего присутствія въ данномъ случаѣ, то надобно ее возбудить посредствомъ сообщенія ясныхъ, правильныхъ понятій, посредствомъ наученія правильной оцѣнкѣ предметовъ и ихъ отношеній.

III. Свобода и характеръ.

Понятіе о свободѣ.—Естественная и нравственная свобода.—Воля составляетъ внутреннее начало нашихъ дѣйствій. Разсматривая ее въ отношеніи къ различнымъ побужденіямъ, которыя опредѣляютъ

и располагаютъ ее къ дѣятельности, мы постоянно находимъ, что она не связана внѣшнею необходимостью, но опредѣляется только внутренними мотивами—представленіями и чувствованіями,—и можетъ слѣдовать однимъ изъ нихъ предпочтительно предъ другими, сообразно съ представленіями лучшаго порядка жизни. Это свойство воли, по которому она опредѣляется къ дѣятельности только внутренними побужденіями и при томъ предпочитая одни изъ нихъ другимъ, или точнѣе, то свойство души, по которому она можетъ управлять своею волею, составляетъ *свободу* человѣческаго духа.

Свобода имѣетъ два вида: *свободы естественной* и *свободы нравственной*. Независимость воли въ дѣйствіяхъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ принужденій составляетъ естественную свободу. Независимость воли отъ внутреннихъ, развивающихся въ противоположности съ нравственнымъ закономъ, мотивовъ, составляетъ нравственную свободу. Тотъ и другой видъ сходны между собою въ томъ, что въ обоихъ воля есть внутреннее начало дѣйствій; но различаются между собою тѣмъ, что въ естественной свободѣ воля слѣдуетъ естественно-сильнѣйшимъ, а въ нравственной свободѣ — нравственно-сильнѣйшимъ внутреннимъ мотивамъ.

1) *Естественная свобода* составляетъ природное свойство воли всякаго человѣка, и потому всякій человѣкъ естественно-свободенъ. Всякій человѣкъ есть причина своихъ дѣйствій и никто не относитъ своихъ дѣйствій къ другому лицу, какъ причинѣ, если только онъ не былъ связанъ физическимъ принужденіемъ. Это отнюдь не означаетъ того, чтобы наши дѣйствія происходили безъ внѣшнихъ возбужденій: но эти возбужденія, физическія и нравственныя, становятся причиною нашихъ дѣйствій только тогда, когда войдутъ въ кругъ нашихъ представленій и чувствованій, и слѣдовательно превратятся изъ мотивовъ внѣшнихъ во внутренніе. Если внѣшнее впечатлѣніе сильнѣе нашихъ внутреннихъ расположеній, то оно опредѣляетъ насъ къ дѣятельности, возбуждая въ насъ новыя представленія или сообщая прежнимъ новое направленіе. Если же общее правило нашей жизни и нашихъ дѣйствій сильнѣе полученнаго впечатлѣнія, то опредѣленіе къ дѣйствію будетъ зависѣть отъ нашихъ

постоянныхъ расположеній, а не отъ внѣшняго впечатлѣнія, которое однакожъ сохраняетъ свое значеніе, какъ приведеніе этихъ расположеній въ дѣятельное состояніе. Такимъ образомъ всѣ явленія нашей жизни, имѣющія основаніемъ внутреннее состояніе души, суть дѣйствія свободы; напротивъ, явленія, независящія отъ нашей воли, суть дѣйствія не свободныя или мимовольныя. Къ первымъ принадлежатъ всѣ наши сознательныя желанія и дѣйствія; къ послѣднимъ — инстинктивныя движенія, рефлективныя отправленія нервовъ и всѣ органическіе процессы, которые совершаются по неизмѣннымъ физіологическимъ законамъ. — Естественная свобода прекращается или ослабляется: 1) физическою необходимостью, напр. насильственнымъ внѣшнимъ принужденіемъ, 2) потемнѣніемъ разсудка, болѣе или менѣе продолжительнымъ (въ душевныхъ и тѣлесныхъ болѣзняхъ: горячка, водобоязнь, сумашествіе), или кратковременнымъ, вслѣдствіе случайнаго и неестественнаго усиленія однихъ представленій надъ другими.

Естественная свобода есть *произволъ*, который часто противорѣчитъ умственнымъ, нравственнымъ, эстетическимъ и религіознымъ понятіямъ. По силѣ этой свободы человѣкъ можетъ дѣлать, что ему угодно и какъ ему угодно, не заботясь о достоинствѣ своихъ дѣйствій и отвѣтственности за нихъ. Доброе и дурное, равно какъ всѣ другія опредѣленія нашихъ дѣйствій, не составляютъ предикатовъ дѣйствій естественной свободы, потому что она состоитъ именно въ безразличномъ отношеніи воли къ нравственному характеру внутреннихъ мотивовъ. Она состоитъ только въ зависимости нашихъ дѣйствій отъ внутреннихъ основаній — мысли и чувства.

2) Другой видъ свободы составляетъ *нравственная свобода*, которая состоитъ въ дѣятельности, сообразной не вообще съ нашими представленіями, но съ представленіями правильно образованными или съ нравственнымъ закономъ. Воля нравственно свободна тогда, когда оцѣниваетъ каждый предметъ своей дѣятельности по его истинной природѣ и по его отношенію къ всестороннему душевному образованію. Эта свобода есть задача жизни. Воля дѣйствуетъ часто безъ благоразумія, дѣлаетъ то, въ чемъ потомъ раскаевается; поэтому необходимое условіе нравственной свободы состоитъ въ обра-

зованіи правильныхъ и ясныхъ понятій и такомъ сочетаніи ихъ, по которому они повсюду имѣютъ тѣсную связь, изъ которой не могутъ быть выведены и въ которой не могутъ быть разстроиваемы. Она не есть первоначальное владѣніе духа, но достигается только трудной борьбой и можетъ быть потеряна каждое мгновеніе, если нравственныя основы ея не имѣютъ силы, которая бы обезпечивала ей прочное господство надъ противодѣйствующими стремленіями.

Учевію о свободѣ человѣческихъ дѣйствій противоположно учевіе, отрицающее въ человѣкѣ свободу—*детерминизмъ*. По этому ученію дѣйствія людей не зависятъ отъ нихъ самихъ, отъ ихъ свободной воли, но исключительно управляются неизмѣнными законами, которые дѣйствуютъ въ настроеніи общества въ данное время или въ окружающей человѣка средѣ, и вообще съ необходимостію выходятъ изъ своихъ мотивовъ: иначе они были бы дѣйствіями безъ причины явленіями развивающимися внѣ какого бы то ни было закова, случаемъ, который господствовалъ бы надъ всею нравственною жизнію человѣка. Доказательствомъ этого служитъ та механическая правильность, какую можно наблюдать въ образѣ дѣйствій даннаго общества. Положительныя данныя, доставляемыя статистикою, представляютъ факты ежегоднаго повторенія, при данномъ состояніи общества, почти одного и того же числа преступлевій, одинаковаго числа посланныхъ чрезъ почту писемъ безъ адреса, числа браковъ и проч. Изъ этихъ положительныхъ данныхъ очевидно будто бы, что наприм. бракъ опредѣляется не характеромъ, личнымъ чувствомъ или отношевіями отдѣльныхъ лицъ, но общими условіями, надъ которыми частное лицо не имѣетъ никакой власти, такъ какъ его бракъ находится въ полномъ подчиненіи различнымъ соціальнымъ условіямъ.

Но 1) мы не приписываемъ человѣку такой свободной воли, которая, будучи источникомъ всѣхъ дѣйствій, сама не опирается ни на чемъ, а подобно случайности, есть послѣдній фактъ, не допускающій никакого объясненія. Во всякомъ дѣйствіи человѣкъ опредѣляется какими-нибудь побужденіями, которыя иногда лежатъ внѣ его: но эти побужденія дѣйствуютъ на него не принудительно, а принимаются и оцѣниваются имъ свободно.

2) Собственное сознаніе свидѣтельствуетъ каждому, что всякое опредѣленіе къ тому или другому дѣйствованію отвюдь не безразлично для человѣка; напротивъ, одного рода дѣйствованіе сопровождается одобреніемъ внутренняго голоса, показывающимъ, что оно соотвѣтствуетъ долгу; другое же наказывается неодобревіемъ того же внутренняго судіи и чувствомъ несогласія его съ долгомъ. Вообще ни одно дѣйствіе человѣка не можетъ быть признано за безразличное, безотвѣтственное. Свобода воли, по этому, не есть что-либо совершевно чуждое всякаго закона и незнающее надъ собою никакой обязательной силы. Смѣшивать ее съ понятіемъ о произволѣ, значитъ признавать всякое отступленіе ея отъ пути долга и злоупотребленіе—за правильный образъ ея дѣятельности.

3) Что касается до статистическихъ данныхъ, которыя будто бы составляютъ лучшее доказательство того, что въ насъ нѣтъ свободы, такъ какъ изъ нихъ

открывается, что дѣйствія людей совершаются съ такою правильностію, что даже возможно напередъ предвидѣть и предсказать ихъ: то нужно бы напередъ доказать, что правильность въ дѣйствіяхъ несовмѣстна съ понятіемъ о свободѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, указанныя выше статистическія свѣдѣнія касаются человѣческихъ дѣйствій только съ ихъ внѣшней стороны и не говорятъ ничего о внутреннемъ состояніи человѣка въ моментъ ихъ совершенія, почему они и не могутъ рѣшить вопроса о свободѣ или несвободѣ собственной воли человѣка Каждое частное проявленіе свободы, если разсматривать его въ отдѣльности отъ самаго человѣка, въ одной его внѣшности, только какъ совершившійся фактъ, является, повидимому, необходимымъ результатомъ предшествовавшихъ ему побужденій. Въ этомъ случаѣ мы всегда можемъ подмѣтить такую тѣсную связь между побужденіями и дѣйствіями, что первыя могутъ представляться какъ бы единственною причиною послѣднихъ, а послѣднія служатъ какъ бы необходимымъ слѣдствіемъ первыхъ. Но какъ скоро мы обратимся къ внутреннему состоянію человѣка, къ его непосредственному сознанію въ моментъ дѣйствія, то увидимъ, что главная причина каждаго дѣйствія заключается въ самомъ человѣкѣ—въ его разумно-свободномъ рѣшеніи, а предшествующія побужденія служатъ только поводомъ или толчкомъ и, вмѣстѣ, благопріятствующимъ условіемъ къ дѣятельности, внѣшнею причиною. Повторяемость же одинаковыхъ результатовъ человѣческой дѣятельности, при одинаковыхъ условіяхъ или предшествующихъ обстоятельствахъ, показываетъ не то, чтобы человѣкъ не имѣлъ свободы, а то, что природа человѣческая, на одинаковой степени развитія и въ одинаковыхъ обстоятельствахъ, проявляется въ отдѣльныхъ личностяхъ одинаково, и что одни и тѣ же побужденія дѣйствуютъ на одинаковую массу людей, въ одинаковыхъ обстоятельствахъ, одинаково, и она уступаетъ ихъ вліянію удовлетворяя имъ такъ же одинаково. Но какъ она уступаетъ или, что то же, удовлетворяетъ имъ, свободно или не свободно,—этого статистика не рѣшаетъ и не можетъ рѣшить, такъ какъ разсматриваетъ человѣческія дѣйствія только въ ихъ явленіяхъ, а не со стороны внутреннихъ побужденій; между тѣмъ непосредственное сознаніе ясно говоритъ каждому, что онъ свободно сдѣлалъ это—т. е. могъ и не сдѣлать этого, а потому и становится отвѣтственнымъ за свое дѣйствіе. По свидѣтельству его человѣкъ свободенъ въ каждый моментъ своей сознательной жизни. Напримѣръ, вслѣдствіе произшедшаго пониженія въ цѣнности вина, извѣстное число людей начинаютъ предаваться пьянству. Если разсматривать этотъ фактъ исключительно въ его внѣшности, безъ отношенія его къ сознанію каждаго отдѣльнаго лица, то пониженіе цѣны на спиртные напитки, безъ сомнѣнія, можетъ представляться причиною, усилившею пьянство. Но если обратимся къ сознанію каждаго, употребляющаго эти напитки, то дѣло покажется въ совершенно другомъ видѣ. Сознаніе говоритъ каждому, что его собственная слабость была причиною его паденія, что онъ могъ бы, если бы захотѣлъ, противостоять искушенію, словомъ, что онъ былъ въ своемъ паденіи свободенъ и долженъ отвѣтить за свой проступокъ предъ судомъ правды, какъ свободно злоупотребившій представившимся ему обстоятельствомъ дешевизны, которое и было для него не причиною, необходимо условившею его паденіе, а только случайнымъ

поводомъ, противъ котораго онъ не устоялъ по слабому развитію нравственнаго чувства и сознанія долга.

Характеръ.—Естественный и нравственный характеръ.— Свобода составляетъ основаніе характера, подъ которымъ разумѣется вообще постоянно опредѣленный образъ обнаруженія душевныхъ силъ человѣка въ дѣятельности. По двоякому виду свободы, нравственной и естественной, она служитъ основаніемъ характера нравственнаго и естественнаго.

1) Существенные составные элементы *нравственнаго характера* суть нравственныя правила и настойчивость или неуклонность воли въ исполненіи этихъ правилъ.

Нравственныя правила, какъ выраженіе нравственной идеи, составляютъ теоретическую сторону характера и пріобрѣтаются образованіемъ. Энергія воли составляетъ практическую сторону и пріобрѣтается упражненіемъ. Нравственныя понятія и правила, лежащія въ основѣ характера, составляютъ *убѣжденія* человѣка. Нравственная энергія воли, обнаруживающаяся въ дѣйствіяхъ характера, составляетъ *силу духа*.

Нравственныя понятія, составляющія—въ теоретическомъ отношеніи—основу характера, подобно всѣмъ другимъ понятіямъ могутъ имѣть различную степень развитія. Поэтому чѣмъ многостороннѣе развита нравственная идея въ нравственныхъ понятіяхъ и чѣмъ совершеннѣе эти понятія, тѣмъ характеръ богаче содержаніемъ; напротивъ чѣмъ ограниченнѣе развита идея въ частныхъ правилахъ, тѣмъ характеръ бѣднѣе.

Съ практической стороны характеръ выражаетъ и осуществляетъ различныя качества духа. Такъ какъ нѣтъ человѣка, который бы развилъ до возможно-высокой степени всѣ качества духа, исчерпалъ все содержаніе человѣческаго сердца и всю силу человѣческой воли, то всякій даже самый высокій характеръ всегда будетъ только выраженіемъ одной или нѣсколькихъ сторонъ духа, нѣсколькихъ качествъ сердца. Въ этомъ отношеніи различныя проявленія и направленія характера зависятъ весьма много отъ тѣхъ условій, которыя служатъ основаніемъ разностей личнаго образованія, но преимущественно отъ степени участія, какое въ дѣятельности человѣка

принимаетъ сердце. Одинъ характеръ можетъ отличаться строгостью и жесткостью; другой мягкостью, сердечностью; одинъ привлекаетъ благородствомъ и самоотверженіемъ; другой—преданностью и нѣжностью, и т. д.

2) Недостатокъ развитаго нравственнаго сознанія, руководящей нравственной идеи, при сильной энергіи воли, превращаетъ характеръ изъ нравственнаго въ *естественный*, управляемый порывами личныхъ страстей и движеніями постоянно измѣняющагося чувства. Человѣкъ, неимѣющій въ душѣ никакого разумнаго побужденія, никакой общей идеи, но одаренный сильною волей, приводитъ въ исполненіе каждую мысль, совершаетъ ее безъ всякаго обсуживанія, повинуясь только собственной природѣ, которая не внимаетъ никакому возвышенному правилу, не руководствуется никакимъ нравственнымъ указаніемъ. Таковы характеры Шекспира, въ которыхъ энергія и упорство, развитыя во всей силѣ, составляютъ главную черту. Тутъ нѣтъ мѣста вопросамъ о религіи, о нравственныхъ идеяхъ: въ дѣйствіяхъ людей по движенію одной естественной воли нѣтъ уваженія ни къ какимъ божескимъ и человѣческимъ правамъ; ничто не останавливаетъ ихъ въ достиженіи своихъ цѣлей, ничто не удерживаетъ отъ убійства, вѣроломства, клятвопреступленій.

Недостатокъ характера называется *безхарактерностью*. По отсутствію того или другаго изъ двухъ главныхъ элементовъ характера, она можетъ имѣть два вида: 1) недостатка силы воли при нравственныхъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ и 2) недостатка воли и убѣжденій.

1) Часто случается, что человѣкъ, весьма развитый теоретически, обладающій вполнѣ-вѣрными нравственными понятіями, не имѣетъ достаточной силы воли для того, чтобы осуществить эти понятія, перевесть въ жизнь свои убѣжденія. Это составляетъ причину столь обыкновеннаго разлада между умомъ и сердцемъ, между понятіями и дѣйствіями, и порождаетъ тотъ болѣзненный антагонизмъ въ жизни человѣка, котораго примѣры мы знаемъ въ исторіи и часто видимъ въ опытѣ ежедневной жизни. Какъ часто можетъ воодушевить насъ одна прекрасная мысль, благородное предпріятіе! Но затѣмъ скоро наступаетъ полное равнодушіе—слѣдствіе нравственнаго безсилія.

2) Безхарактерность, происходящая отъ недостатка воли и убѣжденій, можетъ быть слѣдствіемъ природной слабости душевныхъ силъ, неправильнаго и недостаточнаго воспитанія, односторонняго развитія душевной жизни съ преобладающимъ вліяніемъ воображенія и проч. Человѣкъ нравственно-слабый не въ состояніи ни сохранить ни осуществить высокіе идеалы юности и холоденъ ко всѣмъ явленіямъ окружающей жизни, которая теряетъ для него всякую цѣну. Въ комъ ни воспитаніе, ни нравственное образованіе не развили силъ и энергіи къ борьбѣ съ превратностью обстоятельствъ, для того душевное разслабленіе дѣлается неизбѣжнымъ удѣломъ. Ложные страхи и непрестанныя опасенія постоянно возмущаютъ покой такихъ слабыхъ душъ.

Съ характеромъ не слѣдуетъ смѣшивать *привычки* или расположенія къ извѣстному роду и способамъ дѣятельности, пріобрѣтаемаго вслѣдствіе продолжительнаго повторенія однихъ и тѣхъ же дѣйствій. Это расположеніе часто бываетъ въ человѣкѣ очень сильно и дѣлается иногда какъ бы другою природой.

Привычка имѣетъ два вида: пассивный и активный. Въ первомъ случаѣ привычка есть страдательное приспособленіе человѣка къ извѣстному положенію, въ которое онъ поставленъ и котораго перемѣнить не въ силахъ. Впечатлѣнія извѣстнаго рода мало по малу теряютъ для него свою живость, горе свою ѣдкость, удовольствіе свою заманчивость, работа и трудъ свою утомительность. Вслѣдствіе этого какъ одинъ человѣкъ мало по малу привыкаетъ къ своему горю, такъ другой начинаетъ скучать отъ однообразно повторяющагося удовольствія и чувствуетъ нужду въ новомъ удовольствіи или въ перерывѣ удовольствій.— Активная привычка, напротивъ, укрѣпляетъ силы и дѣлаетъ человѣка способнымъ къ болѣе тяжелой работѣ и къ исполненію ея въ болѣе короткое время. Она имѣетъ укрѣпляющее вліяніе какъ на физическія силы, такъ и на всѣ умственныя операціи и нравственныя дѣйствія. Но вмѣстѣ съ этимъ привычка имѣетъ и свою невыгодную сторону въ томъ, что мало по малу превращаетъ свободную дѣятельность въ механическую и подчиняетъ волю инстинкту. Вслѣдствіе привычки образуется фатальное желаніе, неодолимая наклонность, необходимость повторять тѣ же дѣйствія или продолжать тоже положеніе. Личность стирается, уступая мѣсто слѣпому механическому навыку. Въ наши дѣйствія вкрадывается *рутина*, механизмъ замѣняетъ свободную волю: человѣкъ дѣлается автоматомъ. Всѣмъ извѣстно вліяніе, оказываемое привычкой на воспитаніе, нравы, характеръ, мнѣнія и проч.

Область естественнаго характера.—Естественная жизнь, находящаяся подъ вліяніемъ одного нравственно-неразвитаго инстинкта, представляетъ элементы варварства и дикости, которы могутъ раз-

ростись до ужасающихъ размѣровъ и принять всѣ виды страстей и нравственной испорченности.

Общій характеръ этой жизни составляетъ крайняя непослѣдовательность, по которой весьма часто обнаруженія нравственныхъ чувствъ неожиданно смѣняются безчеловѣчною жестокостью. Хитрость и коварство составляютъ у дикихъ народовъ обыкновенное явленіе, которому они даже не считаютъ нужнымъ придавать благовидную форму. Неожиданное вѣроломство и совершенно внезапный переворотъ намѣреній у дикихъ народовъ были всегда главными причинами недовѣрчивости къ ихъ дружбѣ. Впрочемъ подобное нравственное непостоянство не составляетъ исключительнаго достоянія только нецивилизованныхъ народовъ. И въ образованномъ мірѣ также много обнаружилось бы злыхъ настроеній, еслибы не сдерживалъ ихъ авторитетъ общепризнанныхъ и общеобязательныхъ началъ общественной нравственности. Кромѣ того, по ограниченности у многихъ людей нравственнаго взгляда, при недостаточности пониманія того, что нравственный идеалъ долженъ проникать въ каждое самое простое отношеніе жизни, много обнаружилось бы грубыхъ личныхъ природныхъ свойствъ, еслибы наука, искусство, право и религія не облагороживали души, не располагали ее къ гуманности и не обуздывали дикихъ порывовъ сердца и воли. Такимъ образомъ естественная жизнь представляетъ собою невоздѣланную матерію естественныхъ свойствъ съ ихъ дикими зародышами. Но заключающіяся въ умѣ, совѣсти и религіи образовательныя начала упорядочиваютъ, устрояютъ и облагороживаютъ эту матерію, развивая лучшія стороны человѣческой природы и ограничивая и подавляя худшія.

Страсти.—Въ области естественнаго характера развиваются *страсти*, какъ болѣе или менѣе постоянное направленіе желаній къ опредѣленнымъ предметамъ удовольствія и пользы.

Страсти суть преобладающія желанія, которыя овладѣваютъ душевнымъ расположеніемъ, подчиняя себѣ, по крайней мѣрѣ временно, всѣ прочіе интересы, и подавляютъ нравственную свободу человѣка. Стремленія и желанія развиваются до склонностей и страстей тогда,

когда люди опускаютъ случаи обуздывать ихъ въ то время, какъ они проходятъ еще по степенямъ склонности и привычки, и когда, съ одной стороны, не противопоставляютъ имъ лучшихъ, понятій, а съ другой—допускаютъ волю развиваться въ противоположномъ направленіи съ этими понятіями. Недостатокъ разумнаго и нравственнаго контроля надъ желаніями и ихъ удовлетвореніемъ способствуетъ ихъ усиленію. Вступая въ систематическую связь со всѣми нашими мыслями и овладѣвая чувствомъ, они подчиняютъ себѣ весь кругъ нашихъ мыслей и цѣлое міровоззрѣніе. — Къ этимъ психологическимъ основаніямъ часто присоединяются ограническія, такъ какъ нѣкоторыя желанія имѣютъ свой корень въ ограническихъ расположеніяхъ.

На образованіе и проявленіе страстей имѣетъ вліяніе тѣлесное сложеніе, потому что страсть иначе обнаруживается у сильныхъ натуръ, нежели у слабыхъ. Въ этомъ отношеніи страсти принимаютъ множество разнообразныхъ оттѣнковъ.—Возрастъ имѣетъ вліяніе если не на особыя формы страстей, то на ихъ предметы или содержаніе. Желанія измѣняются вмѣстѣ съ послѣдовательными перемѣнами, которымъ подчинено тѣло; точно также и взглядъ на жизнь измѣняется съ лѣтами и даетъ особый типъ желаніямъ. Страсть къ удовольствіямъ и порывистыя чувственныя желанія принадлежатъ преимущественно молодости, честолюбіе и властолюбіе—зрѣлому возрасту, скупость и корыстолюбіе—старости.

Въ психологическомъ, равно какъ педагогическомъ, отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія то, что одни желанія скорѣе переходятъ въ страсть, нежели другія, и потому требуютъ предусмотрительной заботливости. Таковы особенно желанія, которыя основываются на органическихъ расположеніяхъ.—Страсти могутъ развиваться какъ въ области чувственныхъ стремленій, такъ и въ области тѣхъ духовныхъ стремленій, которыя ищутъ полнаго господства надъ чувственостью. Чувственныя страсти разрушаютъ тѣло; страсти послѣдняго рода, напротивъ, угрожаютъ чувству разстройствомъ и дикостью, когда, какъ у нѣкоторыхъ сектантовъ фанатиковъ и т. п.—всякое удовлетвореніе даже законныхъ чувственныхъ потребностей и всякое эстетическое наслажденіе представляются грѣховнымъ вожделѣніемъ.—

Умственное образованіе не устраняетъ возможности развитія грубыхъ желаній и страстей, какъ скоро оно не соединяется съ развитіемъ лучшихъ взглядовъ на жизнь и съ силою воли, необходимою для ихъ осуществленія.

Главные виды страстей.—Всякое желаніе можетъ сдѣлаться основаніемъ страсти и потому страстей можетъ быть столько-же, сколько желаній. Но по различнымъ предметамъ желаній и страстей, или по главнымъ направленіямъ душевной дѣятельности въ желаніяхъ, страсти можно раздѣлить на слѣдующіе виды: 1) страсти, развивающіяся изъ побужденій чувственнаго себялюбія, независимо отъ отношенія къ другимъ людямъ; и 2) страсти, развивающіяся изъ побужденій самолюбія подъ вліяніемъ общественныхъ отношеній.

Къ первому виду относятся страсти, возникающія изъ чувственнаго инстинкта: а) страсть къ пищѣ и питью и б) сладострастіе.

Страсть къ пищѣ и питью. Неумѣренность въ пищѣ и питьѣ развивается изъ инстинкта самосохраненія и поддержанія физическихъ силъ. Человѣческій организмъ необходимо требуетъ пищи, но эта естественная потребность легко переходитъ въ чувственную страсть употреблять пищу для одного наслажденія. Человѣкъ, предавшійся этой страсти, скоро подавляетъ въ себѣ высшія потребности и дѣлается чувственнымъ; самое тѣло его теряетъ свѣжесть и крѣпость, потому что всякая пища и питье, употребляемыя по прихоти, а не по нуждѣ, обращаются въ тяжесть, которая разслабляетъ организмъ и причиняетъ болѣзни.

Страсть къ возбуждающимъ напиткамъ развивается и усиливается вслѣдствіе худаго воспитанія, грубости нравовъ и подъ вліяніемъ случайныхъ причинъ. На низшей степени образованія человѣкъ не понимаетъ духовныхъ удовольствій и предается лишь доступнымъ ему чувственнымъ наслажденіямъ. Впрочемъ и образованіе не предохраняетъ людей отъ этой страсти, когда съ умственнымъ развитіемъ не соединяется нравственнаго образованія. Въ недоучкахъ она усиливается отъ привычки прибѣгать къ напиткамъ, какъ къ средству, возбуждающему воображеніе и фантазію и какъ бы облегчающему умственную дѣятельность. Несчастія въ семейной жизни, непріятности и не-

удачи въ общественныхъ дѣлахъ, праздная и безцѣльная жизнь, также предрасполагаютъ къ этой страсти. Вино, разгорячая воображеніе, обольщаетъ человѣка возможностью, хотя на время, забыть о тягостяхъ дѣйствительной жизни, перенося его въ область грезъ и мечтаній. Дурное товарищество и сообщество также нерѣдко увлекаютъ людей къ этому пороку, особенно въ лѣта юности, когда еще не выяснились и не установились правила жизни.

Сладострастіе. Въ основаніи этой страсти лежитъ природное влеченіе одного пола къ другому. Развитію и усиленію ея способствуютъ часто повторяющіяся возбужденія этого влеченія. Но такъ какъ эта страсть находится въ ближайшемъ отношеніи съ дѣятельностію воображенія, то ее усиливаетъ все то, что сладострастно возбуждаетъ воображеніе. Кромѣ того, есть много причинъ, совершенно внѣшнихъ и случайныхъ, которыя возбуждаютъ или усиливаютъ эту страсть, какъ напримѣръ—дурное воспитаніе, дурное товарищество и сообщество, шаткость убѣжденій по отношенію къ половымъ отношеніямъ и т. п.

Природа оградила человѣка особенно противъ усиленія этой наклонности и страсти *стыдливостью.* Этотъ стражъ чистоты и цѣломудрія не оставляетъ человѣка въ продолженіе всей жизни, такъ что самые развратные люди въ обществѣ порядочныхъ лицъ считаютъ своимъ долгомъ скрывать порокъ. Но хотя стыдливость никогда вовсе не исчезаетъ, однакожъ у развратныхъ людей мало по малу ослабѣваетъ, оставляя ихъ обаянію пагубной страсти.

Родовая форма страстей втораго вида есть *самолюбіе*, которое вообще ставитъ себя центромъ всѣхъ отношеній и благосостояніе собственнаго лица цѣлью, а дѣйствія и состоянія другихъ лицъ—средствами для себя. Главные предметы самолюбивыхъ желаній и склонностей суть: честь, власть и обладаніе; и потому самолюбивыя желанія, развиваясь до степени страсти, получаютъ видъ: честолюбія, тщеславія, властолюбія и корыстолюбія.

Честолюбіе стремится къ возвышенію среди другихъ личностей и преобладанію надъ ними въ силу дѣйствительнаго или только мнимаго превосходства передъ ними. Такъ какъ честь есть свидѣтель-

ство общества о нашемъ добромъ имени, то стремленіе къ ней и заботливость о пріобрѣтеніи уваженія со стороны другихъ людей не только не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго но составляетъ даже обязанность человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣетъ нравственное значеніе, потому что побуждаетъ его къ самоусовершенствованію. Но оно теряетъ нравственный характеръ, когда человѣкъ заботится не о пріобрѣтеніи достоинствъ но только о превознесеніи себя передъ другими и тѣмъ болѣе, если стремится къ пріобрѣтенію этимъ путемъ какихъ либо выгодъ. Честолюбіе имѣетъ много степеней. Низшую степень составляетъ стремленіе отличиться передъ другими, выдти изъ массы, выдѣлиться изъ толпы: оно выражается во многихъ формахъ, начиная съ стремленія ребенка и школьника быть замѣченнымъ другими, до желанія—какимъ бы ни было способомъ, пріобрѣсть видное положеніе въ обществѣ и обратить на себя вниманіе другихъ людей. Болѣе высокую степень представляетъ стремленіе человѣка выставить на видъ свои достоинства и заслуги, чрезмѣрно преувеличивая ихъ значеніе.

Тщеславіе. Основу тщеславія также составляетъ желаніе быть предметомъ общаго вниманія и одобренія. Но тщеславіе отличается отъ честолюбія тѣмъ, что тщеславный ищетъ похвалъ со стороны другихъ людей или признанія какихъ либо его преимуществъ, заслугъ, успѣховъ, вовсе не имѣя оныхъ, или обладая оными въ самой малой мѣрѣ. Тщеславіе у различныхъ людей принимаетъ различныя формы и направлено бываетъ на разные предметы, смотря по степени ихъ умственнаго и нравственнаго развитія, характеру, даже по темпераменту. Одинъ, не обращая вниманія на свои дѣйствительныя заслуги, гордится знатностью рода и древностью происхожденія; другой—именно тѣми сторонами своей дѣятельности, въ которыхъ всего меньше имѣетъ успѣха. Часто отличные дѣловые люди имѣютъ страсть къ чему-нибудь, вовсе не гармонирующему съ ихъ занятіями, хотятъ сдѣлаться, напримѣръ, артистами, композиторами, и наживаютъ себѣ безпокойство и мученія, потому что встрѣчаютъ въ обществѣ полное равнодушіе къ своимъ произведеніямъ. Въ людяхъ даровитыхъ тщеславіе обнаруживается иногда самохваль-

ствомъ, какъ выраженіемъ увѣренности, что они оказали людямъ такія благодѣянія, за которыя будетъ благодарно потомство.

Весьма естественно, что человѣкъ, думающій о себѣ больше, чѣмъ онъ заслуживаетъ, желаетъ, чтобъ и другіе были о немъ такого же высокаго мнѣнія. Но такъ какъ подчинить чужое мнѣніе своему, особенно ни на чемъ не основанному, несовсѣмъ легко, то для тщеславнаго всегда существуетъ источникъ огорченія въ сознаніи, что ему не оказываютъ надлежащей, по его понятію, справедливости. Тщеславіе дѣлаетъ его рабомъ мнѣнія и всю жизнь его превращаетъ въ погоню за чужими похвалами.

Чужое мнѣніе нравится честолюбивому человѣку не только тогда, когда прямо направлено къ его похвалѣ, но и тогда, когда оно какъ бы усиливается отнять у него право на похвалу и тѣмъ незамѣтно уступаетъ ему то или другое достоинство. Сильный соперникъ противъ слабаго ума и характера всегда льститъ его честолюбію.

Честолюбіе переходитъ въ *славолюбіе*, когда честолюбивый человѣкъ старается распространить свою извѣстность за предѣлы окружающаго общества и настоящаго времени и пріобрѣсть уваженіе въ отдаленныхъ современникахъ и потомствѣ. Славолюбіе, какъ и честолюбіе, естественно и законно, когда видитъ въ чужомъ мнѣніи не цѣль, а слѣдствіе дѣйствительныхъ заслугъ; но оно становится незаконнымъ, когда, не заботясь о дѣлахъ славы, ищетъ только славы, и старается навязать потомству имя, не ознаменованное никакой заслугой, никакимъ общеполезнымъ подвигомъ.

Направляясь къ подчиненію себѣ другихъ людей, самолюбіе становится *властолюбіемъ*. Властолюбіе стремится подчинить своему произволу другія лица и обратить ихъ въ орудія своихъ выгодъ или своего произвола. Обнаруженія властолюбія бываютъ различны, смотря по степени образованія, по роду общественныхъ отношеній и общественнаго положенія властолюбца, но во всѣхъ своихъ обнаруженіяхъ властолюбіе развивается на счетъ слабыхъ и зависимыхъ личностей.

Направляясь на предметы обладанія, самолюбіе можетъ развить-

ся въ *страсть къ пріобрѣтенію* во всѣхъ ея положительныхъ и отрицательныхъ формахъ.

Страсть къ пріобрѣтенію, *корыстолюбіе*, возникаетъ изъ желанія имѣть вѣрныя средства въ жизни и пріобрѣсть положеніе, обезпечивающее матеріальныя удобства жизни и независимость. Источникъ удовольствія для корыстолюбивыхъ можетъ заключаться иногда въ самомъ процессѣ пріобрѣтенія—въ практическихъ соображеніяхъ, расчисленіяхъ, проэктахъ, спекуляціяхъ; но главнымъ образомъ заключается въ самомъ обладаніи деньгами или имуществомъ, съ которымъ соединяется увѣренность во всегдашней возможности пользоваться всѣми благами, вниманіемъ и услугами со стороны другихъ людей. «Богатый человѣкъ радуется своему богатству, потому что чувствуетъ, что оно привлечетъ къ нему вниманіе людей, и потому что знаетъ, что люди готовы раздѣлять всѣ пріятныя ощущенія, связанныя съ различными удобствами его положенія. Мысль эта сладостно наполняетъ его сердце и болѣе всякой другой побуждаетъ его радоваться своему богатству. Бѣдный, напротивъ того, стыдится своего убожества. Онъ чувствуетъ, что оно удаляетъ отъ него людей и что если они обратятъ на него вниманіе, то по сердцу ихъ едва проскользнетъ сочувствіе къ испытываемымъ имъ страданіямъ. (Адамъ Смитъ, *Теорія нравственныхъ чувствованій*.)

Страсть къ обладанію пріобрѣтеннымъ богатствомъ или *скупость*, есть послѣдствіе корыстолюбія. Сначала человѣкъ благоразумно употребляетъ свои средства, соразмѣряетъ съ ними свои нужды и отлагаетъ часть на черный день; потомъ бережливость незамѣтно переходитъ предѣлы правильно разсчитанной экономіи: человѣкъ дѣлается скупымъ и отказываетъ себѣ въ удовлетвореніи настоящихъ нуждъ, чтобы имѣть запасъ на будущее время. Скупость переходитъ наконецъ въ скряжничество, когда скупой заботится объ увеличеніи своего богатства, далеко уже превышающаго его установившійся затраты и всѣ свои разсчеты, даже чувства и отношенія, подчиняетъ привычкѣ безцѣльнаго пріобрѣтенія, довольствуясь однимъ сознаніемъ силы и власти, какая заключается въ его богатствѣ.

Область нравственнаго характера.—Область нравственнаго ха-

рактера составляютъ явленія, развившіяся или развивающіяся въ человѣческой природѣ подъ вліяніемъ нравственнаго идеала. Это есть образъ дѣятельности, сообразной съ высшими требованіями человѣческой природы, справедливой безусловно во всѣхъ случаяхъ и отношеніяхъ.

Нравственный идеалъ. Изобразить нравственный идеалъ значитъ совокупить въ одинъ образъ черты, которыми проявляется жизнь, строго слѣдующая высшимъ требованіямъ человѣческаго духа.

Въ различныя эпохи и различные вѣка, на разныхъ степеняхъ образованія, этотъ идеалъ представляется различно; но всѣ вѣка и эпохи всегда понимали его, какъ образъ высшаго нравственнаго совершенства, составляющаго цѣль человѣческой жизни и дѣятельности. Равнымъ образомъ въ сознаніи отдѣльныхъ лицъ онъ разнообразится по степенямъ ихъ развитія и особенностямъ ихъ душевнаго настроенія: но за этою разностію онъ всѣми представляется, какъ высшая мѣра нравственнаго достоинства, которой достигать обязанъ всякій по долгу человѣка. Древніе старались представить идеалъ мудреца и начертывали образы идеальныхъ характеровъ сообразно съ своими понятіями о человѣческомъ достоинствѣ и о цѣли человѣческой жизни. Мы находимъ такія идеальныя изображенія у философовъ разныхъ школъ (Платона, Стоиковъ, Эпикурейцевъ и Александрійцевъ). Но не говоря о различіи въ этихъ изображеніяхъ, происходящіемъ отъ различныхъ міровоззрѣній каждой изъ этихъ школъ, всѣ они имѣютъ одинъ общій типъ, соотвѣтствующій общему характеру классическаго міровоззрѣнія. Новое время имѣетъ другія понятія. Христіанское ученіе ввело въ область сознанія новыя понятія о человѣкѣ и отношеніяхъ его къ подобнымъ себѣ, о цѣли и назначеніи человѣческой жизни. Сообразно съ этимъ нравственныя требованія опредѣлились точнѣе и представленія идеальнаго характера въ христіанскомъ мірѣ измѣнились.

Классическая древность, видѣвшая въ человѣческой жизни рядъ явленій, развивающихся по естественной законосообразности въ двухъ направленіяхъ, физическомъ и духовномъ, усвоила и началамъ этихъ явленій—тѣлу и душѣ—во всемъ одинаковыя права. Поэтому ея идеалъ жизни есть прекрасная душа въ прекрасномъ тѣлѣ. Здоровье, физическая сила и красота тѣла, суть такія же составныя части этого идеала, какъ мудрость, справедливость, мужество и умѣренность. Древность (за очень немногими исключеніями) лишь смутно предчувствовала достоинства духа, какъ божественнаго начала въ человѣкѣ. Но Христіанство выяснило это значеніе и достоинство духа, какъ высшаго начала, въ которомъ сокрыты залоги безсмертной жизни, безконечнаго усовершенствованія и вѣчнаго счастія. Вмѣстѣ съ этимъ тѣло изъ равноправнаго съ духомъ превратилось въ служебное, въ орудіе духа. Здоровье получило значеніе только условное для раскрытія высшихъ силъ духа. Тѣлесная сила и красота отошли

къ области качествъ, требующихъ строгаго нравственнаго контроля, при которомъ они только и могутъ сдѣлаться полезными или, по крайней тѣрѣ, безвредными для нравственной жизни.

Нравственная жизнь, по понятію древнихъ, могла развиться только въ гражданскомъ обществѣ, которое, такъ сказать, подавило собою личную жизнь. Уединенная или обособленная жизнь, внѣ общественной дѣятельности, не имѣла никакой цѣны. Семейная жизнь, съ ея несложными отношеніями и тихими добродѣтелями домашняго очага, сама по себѣ была въ глазахъ древнихъ безцвѣтною и получала смыслъ и значеніе только въ отношеніи къ обществу, какъ разсадникъ здоровыхъ гражданъ, и потому подчинена была надзору и распоряженію общества. Но Христіанство, возстановивши личное достоинство человѣка, въ то же время возвысило достоинство личной и семейной добродѣтели. Вмѣстѣ съ этимъ оно уничтожило раздѣленіе людей, въ отношеніи къ нравственной добродѣтели и счастію, на свободныхъ и рабовъ, и цѣлыхъ народовъ—на призванныхъ къ образованію и счастію и обреченныхъ на невѣжество и рабство.

Наконецъ, что касается до отношенія человѣка къ Божеству и религіознаго служенія ему, то древность представляетъ намъ два явленія: народнаго религіознаго сознанія и сознанія, просвѣщеннаго наукою. Народное сознаніе не возвышалось надъ грубыми формами представленія божества и почитанія его. Фетишизмъ и грубый антропоморфизмъ суть общія формы народнаго представленія о богахъ, первый—на болѣе низкой, второй—на болѣе высокой степени развитія народовъ. Сообразно съ этимъ, религіозное отношеніе къ божеству было грубо, чувственно, матеріально. Философское мышленіе возвысилось до болѣе чистыхъ понятій о Богѣ: но эти понятія не проникали въ массу народа и оставались безплодными для нравственной жизни. Народъ воспитывался на миѳахъ и сообразно съ ними устроялъ свою жизнь. Но миѳы, можетъ быть сначала и заключавшіе въ себѣ долю истины, съ продолженіемъ времени обезобразились разными примѣсями и приставками. Зерно потерялось и осталась одна оболочка.— Христіанство, прояснивши религіозное сознаніе людей, сообщило имъ вызвышеннѣйшія понятія о Богѣ и указало соотвѣтственные способы служенія ему въ чистотѣ сердца и жизни.

Общій характеръ міровоззрѣнія даннаго времени составляетъ среду, въ которой развивается нравственное сознаніе каждаго отдѣльнаго человѣка. Такимъ образомъ изъ внушеній совѣсти, направляемой и повѣряемой божественнымъ закономъ, мало-по-малу въ разумѣ человѣка слагается и постепенно очищается и проясняется идеальный образъ нравственнаго совершенства, который онъ старается осуществить въ жизни или превратить въ собственное совершенство, и съ которымъ сравниваетъ всѣ свои поступки.

Такъ какъ въ человѣческой жизни нѣтъ ни одной стороны, на которую не должно было бы простираться вліяніе нравственнаго об-

разца, то естественно, что примѣненіе его разнообразится по различнымъ сторонамъ человѣческой жизни и ея отношеній, и во всѣхъ этихъ направленіяхъ даетъ основаніе различнымъ добродѣтелямъ, (подробное обозрѣніе которыхъ уже выходитъ за предѣлы психологіи, имѣющей дѣло только съ общими основаніями нравственной жизни и дѣятельности, а не со всѣми разнообразными формами ея проявленій).

Но какъ бы ни былъ человѣкъ добродѣтеленъ, какъ бы ни высоко стоялъ по нравственному совершенству и какъ бы ни было сильно въ немъ желаніе полнаго совершенства, онъ всегда, однакожъ, будетъ чувствовать свою недостаточность предъ недосягаемымъ образцомъ. Какъ въ области искусства только посредственные художники бываютъ довольны своими произведеніями, потому что не имѣютъ отчетливаго представленія объ идеальномъ совершенствѣ и сравниваютъ свои произведенія только съ произведеніями еще болѣе ограниченныхъ художниковъ; и какъ въ области науки и знанія только ограниченные люди высоко цѣнятъ свою умственную силу и свое умственное богатство, потому что не имѣютъ яснаго представленія о высшихъ образцахъ знанія: точно такъ и въ нравственной жизни только измѣряющіе свое достоинство по другимъ извѣстнымъ имъ людямъ или примѣрамъ, а не по идеальному образу, могутъ придти къ убѣжденію, что они достигли до высшихъ предѣловъ совершенства.

Какъ ни одинъ человѣкъ, такъ ни одинъ народъ и ни одно время не представляютъ полнаго осуществленія нравственнаго идеала. Но свидѣтельство исторіи удостовѣряетъ насъ, что нравственное развитіе человѣчества постоянно и постепенно идетъ впередъ, что образованіе завоевательно уничтожаетъ элементы и произрастенія дикой воли и что сумма добра постоянно увеличивается въ человѣческой жизни.

Процессу развитія подлежитъ конечно не общая форма, въ какой нравственное сознаніе является въ душѣ каждаго человѣка, какъ заповѣдь послѣдованія добру и удаленія отъ зла, но оцѣнка его разнообразнаго содержанія. Люди во всѣ времена и на всѣхъ степеняхъ образованія, по свойству духовной природы своей, сознавали различіе между добромъ и зломъ, и никогда зла, сознавая его зломъ, не ставили своимъ идеаломъ. Однакожъ если сравнить нравственное сознаніе образованныхъ народовъ или образованныхъ классовъ въ

обществѣ съ нравственнымъ развитіемъ народовъ или классовъ, стоящихъ на сравнительно низкой степени образованія, то легко можно примѣтить большое различіе между ними—не относительно общей формы нравственнаго, которая у тѣхъ и другихъ одинакова, но—относительно ея примѣненія, направленія нравственныхъ убѣжденій и оцѣнки разнообразныхъ душевныхъ состояній и внѣшнихъ поступковъ, которыя всегда окажутся въ большомъ или меньшемъ соотвѣтствіи со степенью развитія тѣхъ и другихъ.

Пути, которыми идетъ и развивается нравственное сознаніе, также разнообразны, какъ и пути знанія и образованія; но высшую степень его составляетъ усвоеніе яснымъ умомъ и введеніе въ жизнь тѣхъ высокихъ и неизмѣнно-истинныхъ нравственныхъ понятій и правилъ, которыя сообщены намъ въ божественномъ ученіи Іисуса Христа и его апостоловъ. Глубина и много-объемлемость ихъ содержанія всегда будутъ почтены человѣческимъ умомъ, какой бы высокой степени онъ ни достигъ въ своемъ образованіи, и всегда будутъ выше самыхъ высокихъ требованій нравственно-развитаго сознанія.

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТДѢЛЪ.

СЕРДЦЕ И ЧУВСТВОВАНІЯ.

I. О чувствованіяхъ вообще и объ отношеніи ихъ къ прочимъ явленіямъ сознанія.

Понятіе о чувствованіяхъ.—Кромѣ представленій и желаній, въ душевной жизни человѣка есть еще рядъ явленій, которыя называются *чувствованіями*. Существенное отличіе ихъ отъ представленій и желаній заключается въ томъ, что они выражаютъ наши внутреннія состоянія. Между тѣмъ какъ въ представленіяхъ мы познаемъ предметы внѣшняго и внутренняго міра, въ желаніяхъ стараемся приспособить внутреннее теченіе мыслей и внѣшній ходъ вещей къ цѣлямъ нашего спокойнаго и безпрепятственнаго развитія, въ чув-

ствованіяхъ мы ощущаемъ различныя настроенія нашей души, возбуждаемыя то спокойнымъ и безпрепятственнымъ, то стѣсняемымъ и возмущаемымъ ходомъ нашей душевной жизни.

Чувствованія, какъ сознаніе нашихъ внутреннихъ состояній, всегда соединяются съ ощущеніемъ удовольствія или неудовольствія. Когда представленія и желанія, встрѣчаясь въ своемъ теченіи одни съ другими и входя въ различныя соотношенія, помогаютъ другъ другу и облегчаютъ стройное теченіе жизни, то въ насъ возбуждаются *пріятныя чувствованія*. Если же они задерживаютъ другъ друга и возмущаютъ теченіе жизни, то у насъ возникаютъ *непріятныя чувствованія*. Такъ называемыя *смѣшанныя чувствованія*, въ которыхъ, чрезъ соотношенія однихъ представленій и желаній съ другими, возбуждаются чувствованія въ одно и то же время пріятныя и непріятныя, то есть чувствованіе радости, соединенной съ грустью, или, наоборотъ, чувствованіе печали, соединенной съ надеждою, не составляютъ особаго класса, потому что образованіе ихъ подчинено законамъ общаго образованія пріятныхъ и непріятныхъ чувствованій.

Образованіе чувствованій. — Извѣстно, что взаимное соотношеніе и сравненіе вещей служитъ ихъ взаимною мѣрою и что этимъ именно способомъ мы узнаемъ особенности предметовъ и ихъ различія. Это вполнѣ приложимо и къ чувствованіямъ. Чувствованіе возникаетъ изъ взаимнаго соотношенія и сравненія душевныхъ явленій, проходящихъ въ нашемъ сознаніи вмѣстѣ или одно послѣ другого. Представленія, воспоминанія, понятія, сужденія, желанія, отвращенія, склонности—коротко — всѣ душевныя дѣйствія и состоянія могутъ быть основаніемъ чувствованій, когда они входятъ въ соотношеніе и сравниваются между собою. Вы говорите «это мнѣ нравится, а это нѣтъ», и выражаете этими словами въ томъ и другомъ случаѣ, что эти предметы имѣютъ для васъ неодинаковое достоинство, которое опредѣляется вашимъ личнымъ воззрѣніемъ и вкусомъ, т. е. вашими представленіями и желаніями, съ которыми входятъ въ соотношеніе новыя представленія оцѣниваемыхъ предметовъ. «Какая прекрасная картина», говорите вы. Нѣтъ сомнѣнія, что степень достоинства картины, возбуждающей въ васъ эстетическое чувство удовольствія, опредѣляется всею совокупностью вашихъ представленій о красотѣ

или тою нормою прекраснаго, которая образовалась въ вашей душѣ вслѣдствіе наблюденія разныхъ прекрасныхъ предметовъ природы и искусства. Сравнивая эту картину съ вашею эстетическою нормою и находя, что она подходитъ подъ эту мѣру, удовлетворяетъ вашимъ эстетическимъ требованіямъ, вы называете ее прекрасною, какъ въ противномъ случаѣ назвали бы ее безобразною. Поэтому для образованія чувствованія необходимо, чтобы въ сознаніи возбуждены были какія-нибудь два душевныя явленія, два представленія или желаланія: чувствованіе возникаетъ только вслѣдствіе ихъ взаимнаго соизмѣренія или сравненія.

Основаніемъ всякаго чувствованія служитъ вообще наше душевное настроеніе. опредѣляемое какъ текущими представленіями и интересами, такъ и болѣе или менѣе устойчивыми взглядами на жизнь. Но такъ какъ наши представленія и даже взгляды мѣняются, то и основаніе чувствованій измѣняется. Положимъ, что кто-нибудь находится въ обыкновенномъ, среднемъ расположеніи духа, ни веселъ, ни печаленъ, а только доволенъ и спокоенъ, имѣетъ средства къ жизни и обезпеченъ отъ нужды. Чѣмъ выразится въ немъ мысль о скоромъ, вѣрномъ, но умѣренномъ пріобрѣтеніи? Конечно не высокою степенью радости, какъ въ томъ случаѣ, еслибы онъ находился въ состояніи крайней нужды, или если бы душу его наполняла радость о другомъ высшемъ, уже достигнутомъ счастіи, потому что въ послѣднемъ случаѣ это пріобрѣтеніе едва ли было бы для него особевно радостнымъ событіемъ. Такъ хлѣбъ не кажется намъ вкуснымъ, когда мы чувствуемъ только обыкновенный, умѣренный голодъ; мы даже пренебрегаемъ имъ, когда бываемъ сыты въ такой степени, что нашему вкусу можетъ понравиться развѣ только изысканное кушанье. Но когда голодъ достигнетъ высокой степени, тогда и черствый и сухой хлѣбъ вы будете кушать съ величайшимъ удовольствіемъ.

Множество и разнообразіе чувствованій.—Равностью или перемѣнчивостью основаній или, что то же, различіемъ представленій и желаній, съ которыми вступаютъ въ соотношеніе новыя мысли и желанія, и съ которыми мы сравниваемъ всякое новое впечатлѣніе извнѣ и всякое вновь возбужденное представленіе, объясняется безко-

нечное разнообразіе чувствованій. Мысли и желанія мѣняются въ нашей душѣ каждое мгновеніе, а при такомъ непрерывномъ измѣненіи настоящее настроеніе души можетъ сдѣлаться основаніемъ для одного чувствованія, другое—основаніемъ для другаго чувствованія и такъ далѣе; и въ эту минуту мы будемъ чувствовать одно, въ слѣдующую другое. Напримѣръ, сейчасъ я вижу, что товарищъ мой веселится, между тѣмъ какъ я сижу за срочнымъ занятіемъ и не могу принять участія въ его веселости; сначала во мнѣ пробуждается непріятное чувство зависти; но потомъ я начинаю соображать, что мое занятіе принесетъ мнѣ болѣе пользы, нежели безцѣльное, хотя и веселое, времяпровожденіе моего товарища, и что по окончаніи своей работы, съ спокойнымъ чувствомъ исполненнаго долга, я буду живѣе и нестѣсненнѣе чувствовать пріятность отдыха и доступныхъ мнѣ чистыхъ наслажденій, нежели предаваясь праздной веселости во время, нужное для работы: вслѣдствіе этого настроеніе моего чувства вдругъ измѣняется изъ непріятнаго въ спокойное и даже радостное. Или: я очень доволенъ пріобрѣтеніемъ книги, за которую охотно пожертвовалъ нѣсколько трудомъ пріобрѣтенныхъ и съ трудомъ сбереженныхъ рублей. Въ это время я узнаю, что богатый товарищъ мой купилъ ту же самую книгу, но роскошнаго изданія и въ отличномъ переплетѣ; представленіе этой высшей радости обращаетъ мою радость на минуту въ досаду, пока я не скажу себѣ въ утѣшеніе: мой экземпляръ заключаетъ въ себѣ то же самое, что и изящный экземпляръ моего товарища, и я, вѣроятно, извлеку изъ него не меньше духовной пользы, чѣмъ онъ изъ своего. Такимъ образомъ настроеніе одного чувства и рядъ однихъ представленій и желаній становится основаніемъ для другого чувствованія и, ставъ въ соотношеніе съ прежнимъ расположеніемъ, въ свою очередь входитъ въ соотношеніе съ новыми душевными состояніями.

Поэтому чувствованія не составляютъ какихъ-либо временно возникающихъ въ душѣ состояній или событій, только иногда возмущающихъ обыкновенно спокойное, безрадостное и безпечальное, теченіе нашей душевной жизни. Всякое возбужденіе души, будетъ ли то отвнѣ приходящимъ впечатлѣніемъ или дѣйствіемъ воспоминанія, всякая смѣна представленій и желаній, сопровождается какимъ-нибудь

чувствованіемъ, хотя при этомъ многія изъ нихъ развиваются очень слабо и лишь мгновенно пробѣгаютъ въ душѣ, ускользая отъ самаго тонкаго наблюденія. Въ обыкновенномъ теченіи жизни представленія, съ легкостію вызываемыя нами для какого-нибудь употребленія и ежеминутно чередующіяся желанія не могутъ своимъ появленіемъ въ сознаніи производитъ замѣтныхъ чувствованій душевнаго напряженія. Подобно тому, какъ чувственныя ощущенія, которыя связаны съ каждымъ положеніемъ и даже съ каждымъ малѣйшимъ движеніемъ тѣла, большею частію не замѣчаются нами, хотя являются въ каждое мгновеніе въ большомъ числѣ: такъ и множество чувствованій проходитъ для насъ совершенно незамѣтно, если они развиваются изъ ровнаго и спокойнаго теченія нашихъ представленій и желаній. Только особенно пріятное возбужденіе производитъ замѣтное веселое настроеніе, и только особенно дурное наскучиваетъ и возбуждаетъ чувствованіе усталости, трудности и т. п. Если же душевная дѣятельность идетъ обыкновеннымъ спокойнымъ ходомъ, то нужно особенное вниманіе для того, чтобы открыть сопутствующія ей чувствованія. Обыкновенно они становятся замѣтными только тогда, когда въ душѣ, въ какомъ нибудь пунктѣ ея дѣятельности, встрѣчается препятствіе, когда она не можетъ углубиться въ представленіе и совершенно заняться имъ, потому ли, что не можетъ совладѣть съ нимъ, или потому, что не находитъ его занимательнымъ. Вотъ почему множество чувствованій, сопровождающихъ обыкновенное теченіе представленій, бываетъ для насъ незамѣтно. Но хотя мы почти не замѣчаемъ ихъ, однакожъ они, не смотря на ихъ видимую неважность, имѣютъ вліяніе на нашу духовную жизнь: отъ нихъ зависитъ то, что мы называемъ настроеніемъ или расположеніемъ духа. Смотря потому, какими чувствованіями наполнена наша душа, т. е. пріятными или мрачными, она бываетъ настроена весело или печально. И какъ постоянно веселое расположеніе духа оживляетъ всѣ силы, такъ мрачное и печальное стѣсняетъ и возмущаетъ дѣятельность душевныхъ и тѣлесныхъ силъ.

Сила и продолжительность чувствованій.—Въ нашей жизни ничто не подвержено такой быстрой и внезапной перемѣнѣ, какъ наши чувствованія. Предоставленныя самимъ себѣ, чувствованія не-

рѣдко изъ едва замѣтнаго душевнаго движенія превращаются въ силу, увлекающую всего человѣка. Это усиленіе чувствованій происходитъ то быстро, то медленно, но въ послѣднемъ случаѣ достигаетъ тѣмъ большаго напряженія. Достигши самой большой высоты, они удерживаются на ней недолго: за бурнымъ взрывомъ чувства обыкновенно слѣдуетъ такъ же скоро успокоеніе; за постепеннымъ усиленіемъ чувствованія слѣдуетъ болѣе или менѣе продолжительное напряженіе, которое ослабѣваетъ только постепенно, но за то доходитъ иногда до совершеннаго отупѣнія и какъ бы оцѣпененія сердца. Вообще степень напряженности чувствованій находится въ обратномъ отношеніи съ ихъ продолжительностью.

Взаимное отношеніе между чувствованіями и умственнымъ и нравственнымъ образованіемъ человѣка.—Мышленіе и чувствованія существенно различны между собою по способу и условіямъ ихъ дѣятельности. Мышленіе доходитъ до высшей степени ясности и энергіи только при усиленномъ напряженіи воли: напротивъ чувствованія, овладѣвая нами, порабощаютъ нашу волю; если же мы стараемся подчинить ихъ нашему вліянію, то они ослабѣваютъ или вовсе прекращаются. Мы можемъ по произволу продолжать, возвышать и ослаблять силу и напряженность мышленія: чувствованія, напротивъ, развиваются и возрастаютъ, или ослабѣваютъ и упадаютъ, сами собою. Отъ нашей власти зависитъ удержать тѣ или другія понятія, образовать тѣ или другія убѣжденія: напротивъ, чувствовать что нибудь не зависитъ отъ нашей рѣшимости. По такому различному вліянію воли на наши чувствованія и на наше умственное образованіе, произведенія послѣдняго—представленія и понятія—обыкновенно считаются такими предметами, которые имѣютъ для всѣхъ одинаковую обязательность. Хотя нѣкоторые выводы мышленія бываютъ предметомъ споровъ, однакожъ послѣ точнаго изслѣдованія становятся общимъ и, по мѣрѣ напряженія мышленія, доступнымъ для каждаго владѣніемъ. Совершенно противоположное представляетъ, повидимому, внутренняя жизнь сердца. Чувствованія совершенно не подлежатъ оспариванію—потому что нѣтъ основаній ни за, ни противъ того или другого чувствованія. И это справедливо по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что чувствованій нельзя ни успокоить, ни

прекратить даже и тогда, когда все говоритъ противъ нихъ. Чувствованія обыкновенно считаются до такой степени непроизвольными, что ихъ не вмѣняютъ человѣку ни въ вину, ни въ заслугу, а смотрятъ на нихъ просто какъ на необходимыя душевныя явленія, которыя возникаютъ въ насъ помимо воли и въ своемъ внутреннемъ движеніи не подлежатъ отвѣтственности.

Но, съ другой стороны, говорятъ о достоинствѣ чувствованій, о вѣрномъ или испорченномъ вкусѣ, даже о чувствованіяхъ, которыя не только должны быть сдерживаемы, но вовсе не должны быть допускаемы въ душѣ. Многимъ чувствованіямъ приписываютъ высокое достоинство и вообще судятъ о достоинствѣ человѣка по его сердцу. Изъ этого очевидно, что хотя чувствованія въ своихъ проявленіяхъ и стѣсняются дѣятельностью мышленія и участіемъ воли, но, по своему происхожденію и направленію, находятся въ естественной и необходимой зависимости отъ нашего умственнаго и нравственнаго образованія. Если мы сравнимъ между собою нѣсколько человѣкъ, стоящихъ на различной степени образованія, то увидимъ, что различіе ихъ по сердцу вообще нисколько не меньше, нежели по образованію; разумѣется при этомъ объ умственномъ развитіи человѣка надо судить не по односторонней дѣятельности его ума въ какой-нибудь одной области, но по общему взгляду его на всѣ стороны природы и человѣческой жизни, по большей или меньшей степени ясности и послѣдовательности, до какой доведенъ у него весь взглядъ на жизнь. Правда, иногда встрѣчается небрежность объ образованіи сердца даже при высокихъ успѣхахъ ума: но тѣмъ не менѣе умственное развитіе необходимо преобразовываетъ и возвышаетъ жизнь сердца. При перемѣнѣ образа мыслей человѣкъ обыкновенно испытываетъ значительную перемѣну также въ своихъ чувствованіяхъ: одни изъ нихъ, при новомъ направленіи мыслей, постепенно ослабѣваютъ, между тѣмъ какъ другія болѣе и болѣе усиливаются, и многія даже вновь появляются. Что съ продолженіемъ умственнаго развитія, и большею частію въ зависимости отъ него, интересы измѣняются, что одни чувствованія и желанія ослабѣваютъ и отчасти дѣлаются даже невозможными, между тѣмъ какъ другія въ то же время возникаютъ

вновь — это такъ ясно обнаруживается въ каждомъ человѣкѣ, что нѣтъ надобности долго останавливаться на такихъ явленіяхъ. Чувствованія ребенка обыкновенно бываютъ весьма слабы; сердечныя состоянія мѣняются у него весьма замѣтно и быстро. Одно отсутствіе постояннаго выраженія въ его лицѣ показываетъ, что ни одно чувствованіе и желаніе не занимаетъ его долго. Только въ зрѣломъ возрастѣ интересы человѣка становятся постояннѣе и лицо его принимаетъ одно опредѣленное выраженіе.—Подобно различнымъ возрастамъ различныя состоянія также производятъ значительное различіе въ жизни сердца. Различныя отношенія жизни, въ которыхъ мы стоимъ и которыхъ внезапное или постепенное измѣненіе часто совершенно измѣняетъ взглядъ человѣка на жизнь,—эти отношенія, выражаясь въ правильно повторяющихся дѣйствіяхъ, производятъ соотвѣтственныя привычки, которыя влекутъ за собою свои особыя чувствованія и возбуждаютъ особыя желанія. Равнымъ образомъ постоянное повтореніе ихъ производитъ въ насъ извѣстное расположеніе духа, которое сообщаетъ нашей сердечной жизни болѣе или менѣе постоянный характеръ.—Наконецъ состояніе окружающей природы и общества, къ которому мы принадлежимъ, дѣйствуетъ на наши расположенія, а черезъ нихъ и на нашъ характеръ. Мы или свободно подчиняемся вліянію природы и людей, гражданскимъ отношеніямъ всякаго рода, міровымъ событіямъ, господствующимъ взглядамъ и современнымъ интересамъ, или съ большею или меньшею силою противоборствуемъ имъ. Въ обоихъ случаяхъ наше душевное состояніе существенно измѣняется, потому что всѣ эти вліянія или благодѣтельны для насъ, или вредны въ разныхъ отношеніяхъ; а потому наши прежніе взгляды и интересы или укрѣпляются ими и утверждаются, и наша дѣятельность получаетъ отъ нихъ помощь, или принуждена бываетъ вступить съ ними въ борьбу.—Отсюда ясно, въ нѣкоторой степени, то сплетеніе разнообразныхъ условій, отъ которыхъ зависитъ образованіе извѣстнаго внутренняго состоянія или расположенія, особенно если вспомнимъ, что всѣ прежнія состоянія дѣйствуютъ на всѣ послѣдующія. Вмѣстѣ съ тѣмъ становится яснымъ, въ какой многоразличной зависимости находится внутренняя жизнь отъ умственной дѣятельности, потому что во всѣхъ указанныхъ случаяхъ

перемѣна въ чувствованіяхъ происходитъ отъ образа воззрѣнія человѣка на міръ и на все, въ немъ происходящее.

Зависимость чувствованій отъ органической жизни тѣла.— Чувствованія, такъ же какъ и желанія, подвержены самому различному вліянію со стороны органической жизни нашего тѣла. Это вліяніе частію зависитъ отъ темперамента, частію происходитъ отъ различныхъ физіологическихъ состояній. При здоровомъ состояніи тѣла всѣ отдѣльно взятые органы его дѣйствуютъ равномѣрно, всѣ отдѣльные механизмы нервной системы находятся въ состояніи полнаго нормальнаго равновѣсія, такъ что не бываетъ ни несоразмѣрнаго ослабленія какихъ-либо органовъ, ни преобладанія одного надъ другимъ. Такое состояніе тѣла сопровождается, съ одной стороны, правильнымъ и равномѣрнымъ питаніемъ всего тѣла, существенно необходимымъ для поддержанія этого равновѣсія, съ другой — ровнымъ и спокойнымъ душерасположеніемъ. Но какъ скоро здоровье тѣла нарушается, то вмѣстѣ съ тѣмъ неминуемо нарушается равновѣсіе питанія и дѣятельности разныхъ органовъ его; вслѣдствіе чего необходимо возникаетъ преобладаніе (усиленіе дѣятельности) въ одномъ мѣстѣ и ослабленіе въ другомъ. Вмѣстѣ съ этимъ въ наиболѣе ослабленномъ органѣ развивается чрезмѣрная воспріимчивость и болѣзненно-безсильная раздражительность, доводящая его до истощенія и временнаго или окончательнаго бездѣйствія. Можно замѣтить при этомъ, что идеально-полнаго равновѣсія между всѣми системами человѣческаго организма никогда не существуетъ и идеально-полнаго здоровья мы не умѣемъ и представить; потому что кромѣ случайныхъ разстройствъ (болѣзней) существуютъ еще врожденныя (племенныя, наслѣдственныя и т. п.) уклоненія отъ идеальной нормы въ образованіи различныхъ системъ организма, какъ по ихъ анатомическому устройству, такъ и по физіологическимъ отправленіямъ, которыя выражаются соотвѣтственными разностями въ физическихъ и душевныхъ расположеніяхъ. Отъ совокупности этихъ-то органическихъ условій, т. е. частныхъ особенностей тѣлеснаго расположенія или темпераментовъ, и общаго здоровья тѣла, зависитъ вообще характеръ чувствованій и желаній, особенно большая или меньшая степень быстроты, съ какою они возникаютъ, развиваются и осла-

бѣваютъ. Чтобы увѣриться въ этомъ, вспомнимъ, какъ сильная болѣзнь измѣняетъ все расположеніе духа, какъ разныя болѣзни преобразовываютъ даже взглядъ человѣка на жизнь, такъ что безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что люди, имѣющіе различныя природныя тѣлесныя настроенія, по необходимости образуютъ совершенно различные характеры въ теченіи жизни, хотя бы вліянія воспитанія и собственнаго опыта были у нихъ совершенно одинаковы. То, что называютъ обыкновенно врожденными сердечными расположеніями, зависитъ главнымъ образомъ отъ тѣлесныхъ расположеній, которыя то затрудняютъ и даже дѣлаютъ невозможными многія сердечныя явленія, то благопріятствуютъ имъ. Достаточно самого малаго вниманія при самонаблюденіи, чтобы замѣтить, напримѣръ, что безъ всякаго замѣтнаго повода со стороны душевныхъ явленій, чувствованія, возбуждаемыя въ насъ одними и тѣми же предметами или событіями, совершенно неодинаковы при неодинаковыхъ органическихъ расположеніяхъ. Безъ сомнѣнія уже на основаніи этихъ однихъ фактовъ можно позволить себѣ заключеніе, что такъ называемыя врожденныя сердечныя расположенія скорѣе надо считать за выраженія или проявленія темпераментовъ, нежели за природныя расположенія души.

Различіе между чувствованіями и ощущеніями.—Строгое разграниченіе вліянія, какое органическія расположенія имѣютъ на сердечныя состоянія, отъ того, какое имѣютъ чисто психическіе дѣятели, почти невозможно; но это не даетъ намъ права смѣшивать между собою эти два различныя состоянія. Такъ, напримѣръ, голодъ и благодарность часто безразлично называютъ чувствованіями; но голодъ есть ни что иное, какъ раздраженіе нервовъ, или физіологическое ощущеніе, которое, по чисто-органическимъ законамъ, влечетъ за собою извѣстное движеніе членовъ, направленное къ тому, чтобы удалить это ощущеніе и возобновить обыкновенное, спокойное теченіе жизненныхъ отправленій; напротивъ благодарность происходитъ вовсе не отъ какого-нибудь раздраженія нервовъ и не пробуждаетъ необходимаго движенія въ членахъ, но есть чисто душевное состояніе, основанное на представленіи, и потому мы называемъ его чувствованіемъ. Равнымъ образомъ всякая тѣлесная (напримѣръ головная)

боль есть физіологическое явленіе нервной системы, съ которымъ не имѣетъ никакого сходства душевное состояніе неудовольствія, возбуждаемаго этою болью. Головную боль мы ощущаемъ, а непріятное состояніе, какое она производитъ въ насъ препятствуя нашей дѣятельности, мы чувствуемъ, и чувствуемъ именно тогда, когда сознаемъ это препятствіе, представляемъ его себѣ, размышляемъ о немъ. Только неправильное словоупотребленіе часто подаетъ поводъ къ смѣшенію этихъ разныхъ явленій.

Раздѣленіе чувствованій.—По различію основаній, изъ которыхъ возникаютъ чувствованія, они могутъ быть раздѣлены на два вида: 1) если основаніемъ служитъ самое теченіе представленій, независимо отъ ихъ содержанія: то возникаютъ чувствованія формальныя, зависящія только отъ извѣстнаго соотношенія представленій и желаній; 2) если же основаніемъ служатъ представленія и желанія, обращенныя къ опредѣленному предмету, какъ заключительному звѣну представленій цѣлаго ряда и цѣли желаній: то возникаютъ чувствованія предметныя.

II. Формальныя чувствованія.

Чувствованія этого класса возникаютъ изъ взаимнаго соотношенія представленій въ нашемъ сознаніи, независимо отъ ихъ содержанія. Эти чувствованія имѣютъ чисто личный, субъективный характеръ, такъ какъ появленіе ихъ совершенно зависитъ отъ того, какъ представленія соприкасаются между собой въ нашей душѣ при тѣхъ особливыхъ и случайныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ это происходитъ у человѣка.

Чувствованія спокойнаго или возмущаемаго теченія представленій.—Опытъ показываетъ, что при всякомъ особенно-сильномъ стремленіи представленій, то являющихся, то исчезающихъ, происходитъ быстрая смѣна чувствованій: при этомъ не самое содержаніе представленій возбуждаетъ въ насъ чувствованія, но образъ ихъ движенія, ровное теченіе или безпокойная поспѣшность ихъ, быстрое стѣсненіе однихъ другими, постоянное возвращеніе основнаго представленія и движеніе соединенныхъ съ нимъ побочныхъ мыслей и проч. Чувствованія, развивающіяся въ душѣ въ этомъ случаѣ, бы-

ваютъ то пріятными чувствованіями *ровнаго и спокойнаго теченія мыслей*, то непріятными чувствованіями *душевнаго стѣсненія, напряженія и борьбы.*

Чувство ожиданія и его различные виды.—*Ожиданіе* есть такое душевное состояніе, въ которомъ представленіе будущаго успѣха или соотвѣтственнаго удовлетворенія желаніямъ ограничивается противоположными представленіями, ослабляющими увѣренность въ этомъ успѣхѣ или полученіи удовлетворенія желаніямъ. Поэтому ожиданіе соединено съ непріятнымъ чувствованіемъ, которое бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе увѣренности въ успѣхѣ, то есть чѣмъ менѣе, съ одной стороны, вспомогательныхъ представленій, обѣщающихъ успѣхъ, и чѣмъ болѣе, съ другой стороны, представленій, ослабляющихъ увѣренность. Оно постоянно колеблется между надеждою и неувѣренностію.

Ожиданіе бываетъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ чаще оно подтверждалось или сбывалось, и тѣмъ слабѣе, чѣмъ болѣе мы испытывали неудачъ. Исполнившееся ожиданіе возбуждаетъ въ душѣ пріятное чувствованіе *удовлетворенія.* Если же дѣйствительность не соотвѣтствуетъ желанію и ожиданію, то она возбуждаетъ въ душѣ чувствованіе *неудовлетворенности*, недостатка. Сила каждаго удовлетвореннаго или обманутаго ожиданія бываетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ важнѣе интересъ, соединенный съ ожиданіемъ. Въ случаѣ несбывшагося ожиданія, или напряженіе души разрѣшается болѣе или менѣе спокойно, или же, при встрѣчѣ съ противодѣйствіемъ, душа приходитъ въ движеніе, которое можетъ быть болѣе или менѣе значительно и можетъ распространяться болѣе или менѣе далеко. Если оно глубоко проникаетъ въ сердце и сильно потрясаетъ его, то нужно продолжительное время для того, чтобы душа опять возвратилась въ состояніе относительнаго спокойствія. Такимъ образомъ спокойное разувѣреніе съ одной стороны и совершенное пораженіе, которое выводитъ человѣка изъ себя—съ другой, составляютъ крайности или предѣлы, между которыми находится много среднихъ степеней *разочарованія* въ ожиданіи, или различныхъ видоизмѣненій этого чувства.

Сомнѣніе (практическое). Сомнѣваться можно только въ томъ, что не зависитъ непосредственно отъ нашей воли. Эта независимость

и условливаетъ возможность сомнѣнія, такъ какъ она дѣлаетъ возможнымъ столкновеніе между внутреннимъ ходомъ нашихъ мыслей и внѣшнею связью естественныхъ явленій или поступковъ другихъ людей. Кто ни однажды не испыталъ обмана, разочарованія, тотъ не можетъ сомнѣваться. Только опытъ, что ожиданія наши не всегда исполняются, возбуждаетъ сомнѣніе. Оно возникаетъ въ томъ случаѣ, когда ожидаемое дѣйствіе или явленіе имѣетъ одинаковыя вѣроятности какъ за себя, такъ и противъ себя; или когда изъ нѣсколькихъ возможныхъ случаевъ долженъ осуществиться только одинъ. Противоположныя представленія, служащія основаніемъ для каждой изъ вѣроятностей, дѣйствуютъ какъ противоположныя силы и, исключая себя взаимно, возбуждаютъ въ душѣ то чувство колебанія, которое называется сомнѣніемъ.

Безпокойство и *нетерпѣніе*. Отъ множества неудавшихся ожиданій возникаетъ цѣлая сумма разочарованій, изъ которыхъ всякое предшествующее условливаетъ собою послѣдующее. Вмѣстѣ съ этимъ возможность новыхъ попытокъ становится все меньше и меньше, потому что исчерпываются и истощаются мысли (о средствахъ), которыя ведутъ къ желанному окончанію этихъ попытокъ. Такъ появляется и постоянно усиливается чувство *безпокойства*, какъ предчувствіе безуспѣшности. Если съ безпокойствомъ въ душевномъ состояніи соединяется тѣлесное разстройство, неправильное или несвободное кровообращеніе, стѣсненное дыханіе, нервное ослабленіе: то оно производитъ *нетерпѣливость* и упадокъ духа, которые дѣлаютъ человѣка неспособнымъ къ новымъ стремленіямъ по причинѣ безпорядка и запутанности, постепенно овладѣвающихъ всѣмъ теченіемъ его мыслей. Напротивъ безпрепятственное теченіе мыслей и дѣйствій, приводящее къ желанной цѣли, сопровождается чувствованіемъ *удачной* дѣятельности, которое вообще тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше было напряженія въ стремленіи.

Чувствованія перемѣны, новости, удивленія, странности.— Наблюденіе показываетъ, что всякая мысль и всякій рядъ мыслей, которыя вступаютъ въ душу, находятъ въ ней, такъ сказать, особый пріемъ. Если въ душѣ уже есть мысли сродныя, къ которымъ эта мысль можетъ легко примкнуть, которыми можетъ быть воспри-

нята, въ такомъ случаѣ она принимается спокойно и легко и не производитъ замѣтнаго движенія между прежними представленіями. Если же новое представленіе не находитъ въ нашей душѣ никакой опоры, или разрушаетъ связь между прежними представленіями, тогда дѣйствіе бываетъ противоположное. Новое не тотчасъ приходитъ въ равновѣсіе съ старымъ, но производитъ въ немъ разстройство, которое приводитъ въ движеніе и другія представленія. Это *замѣшательство* распространяется отъ однихъ представленій на другія до тѣхъ поръ, пока не встрѣтится такого противодѣйствія, которое останавливаетъ его дальнѣйшее движеніе, или пока прежнія, уже упрочившіяся въ душѣ, представленія не приладятся въ новому. Понятно, что это замѣшательство бываетъ тѣмъ слабѣе, чѣмъ значительнѣе образованіе представленій вообще и тѣхъ мыслей въ особенности, которыя при этомъ затрогиваются, какъ это и видимъ у взрослыхъ и развитыхъ людей. Дитя, напротивъ, пока у него нѣтъ еще прочныхъ и сколько нибудь упорядоченныхъ представленій, не можетъ долго и удерживать ихъ. Такъ какъ у него еще слишкомъ не много того, что могло бы придти въ безпокойное движеніе, то и чувствованія его не имѣютъ глубины и подвержены самымъ разнообразнымъ колебаніямъ.

Чувствованія, возбуждаемыя въ насъ новыми предметами и представленіями, суть чувствованія *новаго*, *изумленія*, *страннаго* и проч. При одинаковой образовательной формѣ, каждое изъ нихъ, однакожъ, отличается своею особою характеристическою чертою. Чувствованіе *новаго* и *перемѣны* возникаетъ въ насъ вообще въ томъ случаѣ, когда болѣе или менѣе постоянное теченіе событій и соотвѣтственно съ нимъ развивающаяся связь представленій прерываются или видоизмѣняются новымъ событіемъ, выходящимъ изъ свободныхъ человѣческихъ расположеній. Если новое является совершенно неожиданно и при томъ съ такимъ характеромъ, который разрушаетъ связи многихъ уже образовавшихся представленій, то оно возбуждаетъ въ насъ *чувство неожиданности и изумленія*. Если оно представляетъ какое-либо несоотвѣтствіе съ установившимися понятіями объ извѣстномъ лицѣ, характерѣ или связи событій, то возбуждаетъ *чувство страннаго*.

Чувство скуки.—Существенный характеръ скуки, какъ душевнаго состоянія, составляютъ упадокъ воспріимчивости, утомленіе, невнимательность и отсутствіе желаній, за исключеніемъ одного отрицательнаго — освободиться отъ бремени, тяготящаго душу. Чувство скуки можетъ возникнуть вслѣдствіе болѣе или менѣе сильнаго и продолжительнаго душевнаго напряженія, возбуждаемаго постоянно новымъ притокомъ или быстрою смѣною впечатлѣній, которыя не оставляютъ душѣ довольно времени для переработки ихъ. Если это повторяется нѣсколько разъ въ теченіи непродолжительнаго времени, то, вслѣдствіе такихъ неоднократныхъ, но безуспѣшныхъ попытокъ уравновѣсить новое со старымъ, возникаетъ чувство *душевной усталости.*

Впрочемъ чувство скуки можетъ возникнуть *другимъ* путемъ, вслѣдствіе недостатка въ матеріалѣ для нашего мышленія, или при слишкомъ малой цѣнѣ (тривіальности) этого матеріала. Каждый знаетъ, какъ легко соскучиться за книгою или въ обществѣ, когда, ожидая найти въ нихъ много интереснаго, на самомъ дѣлѣ его не находимъ. Скука овладѣваетъ нами, когда мы должны много разъ выслушивать какой-нибудь извѣстный уже намъ разсказъ, не заключающій въ себѣ ничего особенно-замѣчательнаго. Наше мышленіе принуждено бываетъ тогда останавливаться на частностяхъ гораздо дольше, нежели требуетъ этого самое содержаніе. Въ этомъ случаѣ выслушиваніе подробностей производитъ задержку въ общемъ теченіи нашихъ мыслей, отчего происходитъ упадокъ воспріимчивости или утомленіе.

III. Предметныя чувствованія.

Къ предметнымъ чувствованіямъ относятся чувствованія—умственныя, нравственныя, эстетическія, религіозныя и направленныя какъ на наше собственное, такъ и на чужое лицо.

Чувствованія этого класса отличаются отъ формальныхъ тѣмъ, что зависятъ отъ свойствъ представляемаго предмета, между тѣмъ какъ послѣднія возникаютъ только отъ соотношенія и взаимнодѣйствія представленій. Предметныя чувствованія всегда могутъ быть разлагаемы и превращаемы въ опредѣленныя мысли, при чемъ пред-

метъ или содержаніе ихъ нисколько не измѣняется. Правда, чувствованія въ такомъ случаѣ прекращаются, но основа ихъ—предметъ чувствованій — остается неприкосновенною. Предметныя чувствованія ослабляются и стѣсняются мышленіемъ только на время; но самые предметы, къ которымъ они относятся, не теряютъ отъ этого своего значенія для нашего чувства. Всякая узнанная истина, равно какъ и всякаго рода нравственная или чувственная красота, которую мы анализировали разсудочно, съ такою же силою возбуждаютъ въ насъ чувствованія, какъ скоро нашъ анализъ оконченъ или какъ скоро мы оставили его въ сторонѣ. Такъ мышленіемъ всякій разъ ослабляются въ насъ, но потомъ снова возникаютъ, нравственныя чувствованія при совершеніи извѣстныхъ поступковъ или при обсужденіи дѣйствій другихъ людей; эстетическія—когда мы съ полнымъ вниманіемъ обращаемся къ произведеніямъ искусствъ; умственныя—когда разсматриваемъ извѣстное научное построеніе, дѣлая подробный его анализъ.

Умственныя чувствованія.—*Элементарныя умственныя чувствованія* вообще суть тѣ, которыя сопровождаютъ образованіе сужденій или соединеніе одного—судящаго понятія (сказуемаго) съ другимъ—подлежащимъ оцѣнкѣ (субъектомъ). Но это соединеніе происходитъ иначе, нежели въ познаніи. Именно, въ познаніи оба сравниваемыя понятія совершенно ясны, такъ что мы различаемъ въ нихъ самые *признака* или *части*; а въ чувствѣ не бываетъ этой ясности, такъ что мы колеблемся въ нашемъ приговорѣ, и произнося его скорѣе какъ бы угадываемъ истину или не истину по ея *общему* впечатлѣнію на насъ, а не видимъ ее съ достовѣрностью. Чувствованія, возбуждаемыя при этомъ, суть чувства *истины*, или *сомнѣнія* и *неувѣренности*.

Болѣе сложныя умственныя чувствованія основываются на согласіи или несогласіи вновь образуемыхъ понятій и сужденій съ цѣлымъ кругомъ пріобрѣтенныхъ нами познаній и выработанныхъ убѣжденій относительно извѣстныхъ предметовъ, подлежащихъ въ данномъ случаѣ обсужденію. Сложныя чувствованія, также какъ элементарныя, развиваются изъ *неяснаго* представленія истины, которую трудно разложить на логическія понятія. Такъ, напримѣръ,

грамматическія различія и оттѣнки понятій гораздо чаще чувствуются нами, нежели разсудочно познаются. Есть много случаевъ, когда тѣ или другія выраженія представляютъ только неопредѣленный общій образъ предмета, такъ что хотя нельзя смѣшать его съ другими, однакожъ трудно разложить его на ясные признаки.— При сравненіи сходныхъ предметовъ мы узнаемъ различія большею частію чувствованіемъ.—Невѣрность какого нибудь сложнаго умозаключенія или какихъ-нибудь запутанныхъ доказательствъ гораздо чаще и легче чувствуется нами, нежели усматривается разсудкомъ.

Умственныя чувствованія могутъ соединяться съ чувствомъ удовольствія, когда сравниваемыя представленія или предметы легко могутъ быть приведены въ согласіе между собою, или съ чувствомъ безпокойства, если этого достигнуть не легко. Таково, напримѣръ, пріятное состояніе при открытіи какой-нибудь истины; таково безпокойное состояніе, когда одни понятія борятся съ противоположными мыслями, или извѣстное убѣжденіе съ новою, вошедшею въ сознаніе, мыслью. Истина, какъ гармоническое теченіе правильно развитыхъ представленій, вообще производитъ въ насъ пріятное чувство, поддерживаетъ и расширяетъ жизнь души; напротивъ ложь производитъ непріятное чувство, потому что разрушаетъ гармоническое теченіе нашихъ мыслей въ ихъ естественномъ или нравственномъ развитіи.

Но какъ чувство истины отличается отъ познанія истины, такъ пріятныя и непріятныя состоянія, сопровождающія чувство истины, совершенно различны отъ увѣренности въ истинѣ, которой мы достигаемъ дѣятельностью разсудка. Если мы разложили чувство истины на ясныя разсудочныя понятія, то уже знаемъ отчетливо, почему что нибудь истинно или ложно. Чувство истины возможно только тогда, когда мы не знаемъ со всею ясностью началъ и основаній— почему что нибудь признаемъ истиннымъ или ложнымъ. Поэтому чувство истины не можетъ быть мѣрою истины, и въ познаніи истины нужно руководствоваться не чувствомъ, а умомъ.

Эстетическія чувствованія.—Эстетическія чувствованія возбуждаются созерцаніемъ прекрасныхъ предметовъ природы и искусства.

Наслажденіе прекраснымъ принадлежитъ къ видовымъ отличіямъ человѣка отъ животныхъ точно также, какъ различеніе между исти-

ною и заблужденіемъ, добромъ и зломъ, какъ возбужденіе религіозныхъ чувствованій, коротко—какъ все, что имѣетъ своимъ основаніемъ въ жизни человѣческаго духа идею безконечнаго. Животное не дѣлаетъ различія между красивымъ и уродливымъ и равнодушно относится ко всему, что мы называемъ красотой. Оно не старается придать себѣ красивый видъ или окружить себя прекрасными предметами. Но нѣтъ человѣка, даже на самой низкой степени образованія, который бы не обнаруживалъ проявленій эстетическаго чувства. Пѣсни, танцы, музыка, цвѣтные наряды, украшеніе оружія, убранство жилищъ, искусственное расположеніе садовъ, обряды, сопровождающіе важнѣйшія событія въ жизни—рожденіе, свадьбу, смерть—суть обыкновенныя выраженія чувства красоты у отдѣльныхъ лицъ и народовъ даже на низкой степени образованія.

Прекрасное отличается отъ истиннаго своею чувственною стороною и легкостью, съ которою каждый наблюдатель въ состояніи воспринять идею или, по крайней мѣрѣ, стройность и гармонію формы въ прекрасномъ предметѣ. Напримѣръ отношеніе между тремя сторонами прямоугольнаго треугольника, которое выражаетъ Пиѳагорова теорема, показываетъ удивительную гармоническую связь между ними: но при взглядѣ на прямоугольный треугольникъ мы не замѣчаемъ этого отношенія непосредственно, а доходимъ до познанія его только чрезъ продолжительное вычисленіе, и доставляемое имъ удовольствіе составляетъ какъ бы награду для напряженнаго мышленія и вычисленія. Напротивъ красота въ предметахъ природы и произведеніяхъ искусства непосредственно доступна чувству и во всякомъ человѣкѣ возбуждаетъ удовольствіе.

Въ области эстетическаго чувства нужно строго различать психическое чувствованіе отъ пріятнаго или непріятнаго чувственнаго ощущенія. Первое существенно отличается отъ пріятнаго ощущенія тѣмъ, что условливается не матеріей и не содержаніемъ единичныхъ ощущеній, но художественнымъ соединеніемъ идеи съ формою. Эстетически пріятное возникаетъ только отъ сочетанія и гармоніи цвѣтовъ или тоновъ, равно какъ отъ стройнаго и симметрическаго расположенія камней въ зданіи, устроенномъ по плану.

Впрочемъ въ эстетическихъ чувствованіяхъ во многихъ случаяхъ

чрезвычайно трудно отдѣлить то, что принадлежитъ сторонѣ физіологической, отъ психологическихъ условій. Опыты надъ слѣпорожденными, получившими послѣ счастливой операціи зрѣніе, показываютъ, что имъ всего болѣе нравилась сѣрая краска; красная, оранжевая и желтая также нравились, хотя отчасти причиняли боль; фіолетовая-же, особенно темнокофейная, были для нихъ чрезвычайно непріятны. Одинъ оперированный мальчикъ постоянно предпочиталъ всѣмъ прочимъ желтые цвѣта, а его въ тоже время оперированная сестра—красные; оба они долгое время свѣтлосѣрое смѣшивали съ бѣлымъ, а темносѣрое и черное съ синимъ *). Безъ сомнѣнія подобное же было бы съ глухимъ, получившимъ слухъ, въ осношеніи къ различной нѣжности тоновъ, а можетъ быть даже и къ высотѣ и глубинѣ ихъ. Между тѣмъ пріятное или непріятное ощущеніе, при воспріятіи извѣстнаго отдѣльнаго тона или краски, не есть предметъ психологіи, а лежитъ въ раздраженіи нервовъ, въ матеріалѣ ощущенія, недоступномъ для психологическаго изслѣдованія, хотя эти дѣйствія частныхъ тоновъ и красокъ, чрезъ вліяніе ихъ на эстетическія чувствованія и сужденія, должны измѣнять и психологическія вліянія, съ которыми они стоятъ въ связи. Тоже должно сказать и о благовоніяхъ, о музыкальныхъ тонахъ, объ ощущеніи тихаго сіянія и извѣстной смѣны красокъ: все это нравится намъ, но принадлежитъ не психологіи, а физіологіи.—Напротивъ, безъ всякаго сомнѣнія, нужно психологическое объясненіе на то, почему однѣ фигуры нравятся намъ болѣе, чѣмъ другія, хотя величина, цвѣтъ и освѣщеніе ихъ одинаковы; почему тоны одного и того же свойства болѣе нравятся намъ, когда въ ихъ послѣдовательности есть извѣстный ритмъ, нежели когда его нѣтъ. Очевидно, что они производятъ на насъ чувствованія удовольствія своею формою, или особеннымъ образомъ связи частей, изъ которыхъ они состоятъ.

Эстетическія чувствованія возбуждаются исключительно впечатлѣніями зрѣнія и слуха; остальныя же чувства или вовсе не принимаютъ въ нихъ участія, или принимаютъ очень малое.

Виды эстетическихъ чувствованій, равно какъ возникновеніе того или другаго изъ нихъ въ данномъ случаѣ, опредѣляются частію са-

*) *Lehrbuch der Psychologie, als Naturwissenschaft*, von. Dr. Th. Waitz. Braunschweig, 1849, § 341.

мыми прекрасными произведеніями природы и искусства, частію субъективными расположеніями человѣка. Въ первомъ отношеніи можно различать чувствованія *пріятнаго* и *высокаго*, *грандіознаго*, *стройнаго*, *миловиднаго*, *граціознаго*, *наивнаго*, и множество другихъ оттѣнковъ. Въ послѣднемъ отношеніи—т. е. у всѣхъ ли людей пробуждается одинаковое чувствованіе при взглядѣ на одинъ и тотъ же предметъ — весьма многое зависитъ отъ степени развитости и особенностей личнаго настроенія человѣка. Для чувствованія возвышеннаго, напримѣръ, нужна болѣе высокая степень душевнаго развитія, нежели для чувствованія прекраснаго.

Къ разряду эстетическихъ чувствованій можетъ быть отнесено *чувство смѣшнаго*, хотя по своей образовательной формѣ оно принадлежитъ также къ разряду формальныхъ чувствованій. Оно возникаетъ въ томъ случаѣ, когда связываются между собою два представленія, несоединимыя и несовпадающія одно съ другимъ по своей противоположности (остроумныя сближенія, анекдоты и проч.). Жанъ-Поль-Рихтеръ справедливо замѣтилъ, что краткость — душа остроумія. Это вполнѣ примѣнимо и къ смѣшному. Оно только тогда производитъ полный эффектъ, когда человѣкъ, видя или слыша смѣшное, не успѣетъ осмотрѣться и какъ бы пораженъ бываетъ сближеніемъ несоединимыхъ вещей. Размышленіе ослабляетъ силу этого чувства: кто задумался надъ смѣшнымъ, тотъ не засмѣется. Предметы только тогда возбуждаютъ въ насъ чувство смѣшнаго, когда они не связаны съ нашими высшими интересами: мы не раздѣляемъ смѣха надъ тѣмъ, что или кого мы любимъ и уважаемъ.— Въ частности чувство *комически-смѣшнаго* возбуждается въ томъ случаѣ, когда человѣкъ, противно своему высокому назначенію, способностямъ ума и характера, и своему положенію, опутывается ничтожными замыслами, предпріятіями, и является въ неловкомъ положеніи или представляется въ борьбѣ съ мелкими обстоятельствами жизни.—Чувство *сатирически-смѣшнаго* въ томъ случаѣ, когда недостойные человѣка, по степени его образованія и положенія въ обществѣ, поступки возбуждаютъ въ насъ негодованіе. Какъ въ комедіи смѣхъ соединяется съ грустью, такъ въ сатирѣ—съ гнѣвомъ и негодованіемъ.

Эстетическое чувство, которое не только чувствуетъ красоту, но и даетъ себѣ отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ, называется *эстетическимъ вкусомъ*. Поэтому эстетическій вкусъ можно опредѣлить, какъ способность эстетическихъ сужденій. Хотя вкусъ опирается на чувствѣ и возбуждается чувствомъ, но есть дѣйствіе ума, который разлагаетъ чувствованія на представленія, образуетъ понятія и сужденія, и опредѣляетъ эстетическое достоинство предметовъ.

Все то, что даетъ одностороннее или ложное направленіе понятіямъ, отражается и на приговорахъ эстетическаго вкуса. Одностороннее практическое направленіе духа времени обыкновенно унижаетъ достоинство художественныхъ произведеній. Упадокъ нравственныхъ началъ въ обществѣ сопровождается упадкомъ вкуса къ истинной красотѣ и порождаетъ грубое и безобразное.

«О вкусахъ не спорятъ» — de gustibus non est disputandum — говоритъ старинная пословица: но она требуетъ объясненія. Есть предметы, которые могутъ возбуждать въ каждомъ человѣкѣ чувство прекраснаго и высокаго, если предположить, что чувствующія силы ихъ достаточно развиты для того, чтобы въ совершенствѣ воспринять эти предметы. Есть страны, которыхъ одинъ видъ равно сильно и живо поражаетъ душу каждаго человѣка, даже тогда, когда онъ привыкъ къ такимъ впечатлѣніямъ. Равнымъ образомъ поэма или произведеніе зодчества могутъ быть таковы, что люди, находящіеся на высокой степени образованія, всякій разъ однакожъ приходятъ отъ нихъ въ восторгъ. Такимъ предметамъ можно приписать предметную или объективную красоту и возвышенность, и въ отношеніи къ нимъ можетъ быть только одинъ приговоръ. Но тѣмъ не меньше всякая красота и все высокое по сущности своей остаются подлежательными.

Такъ какъ представленія о прекрасномъ у различныхъ людей различны и у одного и того же человѣка съ развитіемъ образованія могутъ измѣняться, то понятно, что и сужденія вкуса могутъ измѣняться. Внѣшнія впечатлѣнія и производимыя ими возбужденія сами по себѣ, въ этихъ случаяхъ, одинаковы, но различны по отношенію къ силѣ и степени душевнаго образованія различныхъ лицъ. Чѣмъ многостороннѣе образованъ человѣкъ, тѣмъ сильнѣе должно быть

впечатлѣніе, чтобы возбудить въ немъ въ соотвѣтственной степени чувство эстетическаго наслажденія.

Нравственныя чувствованія.—Источникъ нравственныхъ чувствованій составляетъ согласіе или несогласіе воли съ требованіями долга. Удовольствіе выражается здѣсь одобреніемъ дѣятельности воли, исполнившей то, что она должна была исполнить; неудовольствіе—порицаніемъ дѣйствій, противорѣчащихъ нравственной идеѣ.—Чрезъ нравственное чувство открываются намъ вѣчныя и непреложныя требованія нравственнаго долга.

Пріятное состояніе духа, которое мы ощущаемъ при увѣренности, что не сдѣлали ничего худаго, называется *спокойствіемъ совѣсти.* Оно составляетъ естественную награду для добродѣтельныхъ, служа, вмѣстѣ съ тѣмъ, побужденіемъ дѣлать добро. Оно тверже и прочнѣе всѣхъ переворотовъ счастія и выше людской несправедливости. Противоположное ему состояніе называется безпокойствомъ, *смущеніемъ совѣсти.* Оно преслѣдуетъ порочнаго человѣка и отравляетъ жизнь его, хотя бы онъ имѣлъ полную возможность удовлетворять своимъ эгоистическимъ желаніямъ. Поэтому оно часто бываетъ причиною обращенія порочныхъ людей къ честной жизни.

Воспріимчивость души къ нравственнымъ чувствованіямъ поддерживается и укрѣпляется воспитаніемъ, образованіемъ и благородными примѣрами нравственныхъ характеровъ, которые осуществляютъ и какъ бы олицетворяютъ собою нравственныя идеи и увлекаютъ нашъ духъ къ подражанію. Напротивъ подъ вліяніемъ нравственной грубости, разслабляющихъ примѣровъ, и отъ безпрерывно повторяющихся худыхъ дѣйствій, совѣсть иногда до того ослабѣваетъ, что не чувствуетъ ни спокойствія отъ добрыхъ дѣйствій, ни безпокойства отъ худыхъ: въ такомъ состояніи она является какъ бы дремлющею или усыпленною. Но она пробуждается, какъ скоро порочный человѣкъ начинаетъ обращать вниманіе на свой образъ жизни и нерѣдко за этимъ пробужденіемъ слѣдуетъ перемѣна жизни къ лучшему.

Нравственное чувство есть естественный охранитель нравственной жизни человѣка. Оно произноситъ рѣшительный приговоръ о томъ, что въ его дѣйствіяхъ хорошо и что худо, указываетъ на добро, какъ на предметъ, имѣющій самобытное достоинство, независимо отъ

его пользы и доставляемаго имъ удовольствія, а на зло, какъ на предметъ недостойный, разрушительно дѣйствующій на душу. Впрочемъ въ непробужденномъ или испорченномъ состояніи оно можетъ заблуждаться и представлять многое въ превратномъ видѣ. Поэтому оно само требуетъ руководства разума, т. е. просвѣщеннаго воспитаніемъ, образованіемъ и религіею нравственнаго сознанія.

Когда содержаніе нравственнаго чувства составляютъ дѣйствія, которыя внутренній или положительный законъ предписываетъ соблюдать въ отношеніи къ ближнимъ, то оно называется *чувствомъ справедливости и несправедливости, законности и незаконности*. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ чувство законности обнимаетъ собою тѣ дѣйствія, которыя опредѣляются, ближайшимъ образомъ, положительнымъ закономъ или дѣйствующимъ правомъ.

Для нравственныхъ дѣйствій и характеровъ есть только одинъ образецъ—нравственный законъ; и строго говоря, никакое стремленіе, никакое дѣйствіе, никакой характеръ не могутъ быть выше этой нормы. Человѣкъ обязанъ дѣлать добро и быть справедливымъ, и никогда не въ состояніи сдѣлать болѣе того, чего требуетъ отъ него нравственный законъ. Но такъ какъ въ обыкновенной жизни подлѣ высшаго безусловнаго образца нравственности существуетъ еще относительная мѣра ея, опредѣляемая, такъ сказать, среднею высотою нравственныхъ понятій и дѣйствій, то и нравственныя дѣйствія и характеры сравниваются какъ съ тѣмъ, такъ и съ другою; вслѣдствіе чего видоизмѣняются и возбуждаемыя ими въ насъ чувствованія. Жизнь, строго вѣрная своему идеальному образцу, всецѣло осуществляющая въ себѣ требованія долга, неуклонно направленная къ высшимъ цѣлямъ и интересамъ, которые большей части людей представляются не ясно,—каковы цѣли и интересы религіи, науки, искусства, патріотизма,—особенно когда она встрѣчаетъ и отражаетъ различныя противодѣйствія, — такая жизнь является въ нашихъ глазахъ *нравственно-высокою*, и возбуждаемое ею чувствованіе походитъ на то эстетическое чувствованіе высокаго, которое въ насъ возбуждается созерцаніемъ величественныхъ явленій природы и произведеній искусства. Равнымъ образомъ, при видѣ нравственныхъ дѣйствій, совершенныхъ по высшимъ побужденіямъ и вытекающихъ

изъ благороднѣйшихъ стремленій человѣческой души, когда притомъ мы видимъ, что совершившій ихъ обладаетъ живою и нѣжною воспріимчивостью, въ насъ пробуждается чувствованіе *нравственно-прекраснаго*, похожее на то, какое мы испытываемъ при видѣ прекрасныхъ предметовъ.

Религіозныя чувствованія.—Основаніемъ религіозныхъ чувствованій служитъ представленіе о Богѣ, въ отношеніи къ которому мы разсматриваемъ какъ вообще нашу жизнь, такъ и ея различныя состоянія.

Родовое чувство, изъ котораго проистекаютъ всѣ прочія религіозныя чувствованія, есть благоговѣніе къ Богу. Оно основывается на представленіи совершенствъ безконечнаго существа и дѣйствій божественнаго міроправленія.

Представленія различныхъ свойствъ въ существѣ Божіемъ служатъ основаніемъ разныхъ видовъ религіозныхъ чувствованій. При мысли о вездѣприсутствіи, всевѣдѣніи, святости и правосудіи Божества, религіозное чувство обнаруживается *страхомъ* или опасеніемъ, чтобы порочными дѣйствіями не нарушить воли Божіей и не оскорбить его святости. — Вслѣдствіе яснаго представленія божественныхъ совершенствъ—премудрости, святости и величія, когда съ этимъ соединяется въ человѣкѣ сознаніе собственнаго безсилія и ничтожества, возникаетъ *чувство смиренія*. Когда это чувство сопровождается дѣятельностію воображенія, такъ что присутствіе Божества какъ бы олицетворяется въ представленіи: тогда чувство благоговѣнія обнаруживается *трепетомъ*, въ которомъ человѣкъ какъ бы уничтожается предъ безконечнымъ величіемъ Божіимъ.—Представленіе Бога, какъ отца, непрестанно пекущагося о насъ, возбуждаетъ въ насъ *чувство преданности волѣ Божіей*. Одушевленный чувствомъ этой преданности, человѣкъ не страшится никакихъ бѣдствій, имѣя увѣренность, что все, что случается съ нимъ и можетъ случиться, совершается по волѣ премудраго и всеблагаго Бога и потому направлено къ его благу.

Религіозное чувство можетъ принять множество другихъ разнообразныхъ формъ и оттѣнковъ, смотря по болѣе или менѣе возвышенной и полной идеѣ, какую человѣкъ имѣетъ о Божествѣ и его

свойствахъ, и по естественному настроенію души. Оно принимаетъ видъ экзальтаціи въ душахъ нѣжныхъ, у которыхъ чувствительность соединяется съ пламеннымъ воображеніемъ; но болѣе спокойно у людей съ развитымъ самообладаніемъ, гдѣ нравственный порядокъ жизни устанавливается убѣжденіемъ.

Само по себѣ чистое и высокое, религіозное чувство, подъ вліяніемъ односторонняго направленія ума и сердца, можетъ получить ложное и превратное направленіе. Болѣе обыкновенные виды такого направленія суть *изступленіе* и *фанатизмъ*. Изступленіе есть такое состояніе, въ которомъ человѣкъ, подъ вліяніемъ болѣзненно настроеннаго воображенія, считаетъ свои мечты видѣніями и откровеніями духовнаго міра и усвояетъ себѣ непосредственное общеніе съ Богомъ. Фанатизмъ есть крайнее увлеченіе какими либо предвзятыми убѣжденіями и ложно поставленными цѣлями, соединенное съ энергическимъ стремленіемъ къ распространенію этихъ убѣжденій и достиженію предположенныхъ цѣлей. Религіозно-настроенный фанатикъ преслѣдуетъ всѣхъ, несогласныхъ съ нимъ въ убѣжденіяхъ, какъ враговъ религіи и безбожниковъ.

Самочувствіе.—Общее названіе самочувствія обнимаетъ собою классъ чувствованій, для которыхъ основаніемъ служитъ представленіе нашего *я*, какъ лица. Это представленіе пріобрѣтаетъ въ нашемъ сознаніи чрезвычайную силу вслѣдствіе того, что сопровождаетъ всякую душевную дѣятельность, которую мы представляемъ какъ *нашу* или какъ видоизмѣненіе *нашей* духовной жизни (*я* думаю, *я* хочу, *я* чувствую, *мнѣ* нравится, и т. д.). Но, проявляясь во внѣшней дѣятельности, наше *я* встрѣчаетъ какъ въ теченіи природы, такъ въ свободной дѣятельности другихъ людей, множество ограниченій и задержекъ, изъ которыхъ одни успѣваетъ подчинить себѣ, но предъ другими, по необходимости, склоняется, не имѣя въ себѣ силы одолѣть ихъ. Въ томъ и другомъ случаѣ душевное состояніе выражается различными чувствованіями то возвышающагося, то упадающаго самочувствія.

Уже дитя обнаруживаетъ удовольствіе при такихъ упражненіяхъ, въ которыхъ обнаруживается перевѣсъ его *я* надъ ограниченіями внѣшняго міра,

или вообще внѣшней силы. Отсюда дѣтское наслажденіе — ломать вещи; отсюда удовольствіе игры, въ которой дѣти превращаютъ вещи одну въ другую, по своему произволу. У взрослыхъ, по тѣмъ же психологическимъ основаніямъ, развивается стремленіе къ искусству или созданію художественныхъ образовъ.

«Наблюдайте надъ здоровымъ ребенкомъ въ то время, когда въ немъ начинаетъ пробуждаться самосознаніе: дайте ему въ руки какой-нибудь предметъ, и вы увидите, какъ онъ сначала всматривается въ него, потомъ начинаетъ разбирать и ломать, то есть передѣлывать по своему. Когда это удается ему, смотрите—какъ у него въ глазахъ блеснетъ радость побѣды, какъ будто онъ сдѣлалъ что-то важное. Въ самомъ дѣлѣ, онъ въ первый разъ сталъ господиномъ творенія. Дитя въ этомъ періодѣ еще не можетъ дѣлать ничего умнѣе, какъ только ломать—узнавать, что такое вещь сама въ себѣ. Если старшіе возмущаются этою ломкою вещей, то отъ того, что судятъ по своему. Оно разрушаетъ для того, чтобы, подобно Марію, сѣсть на развалинахъ міра, — того, который оно разрушило и силу сопротивленія котораго испытало такъ побѣдоносно. Мы радуемся этой первой побѣдѣ и уничтожаемъ вещь, потому что она не имѣетъ никакихъ правъ противъ насъ. Но очевидно, что при уничтоженіи вещи радость только преходящая: дитя не можетъ придти къ прочному сознанію своей силы. Гораздо разумнѣе поступаютъ дѣти, когда предмету своей побѣды оставляютъ жизнь, какъ свидѣтелю ихъ силы. Когда дитя только превращаетъ одинъ предметъ въ другой, то прежній предметъ исчезаетъ, но его твореніе (работа) продолжаетъ существовать и укрѣпляетъ въ ребенкѣ чувство его могущества. Въ этомъ превращеніи вещей во все, что подскажетъ фантазія, Шиллеръ видитъ первый слѣдъ поэзіи—творческой дѣятельности. Вотъ почему игра есть важнѣйшее средство для образованія. Дитя изъ стула дѣлаетъ домъ: и оно любитъ это и чувствуетъ свою силу. По этому же старая затасканная кукла дороже новой съ ея болѣе цѣнными украшеніями.—Но что для дѣтей игра, то для человѣчества работа. Что такое работа земледѣльца и мастероваго, которая повсюду обозначаетъ начало культуры? Она превращаетъ лугъ въ поле, потому что этого хочетъ человѣкъ. Вы видите тутъ тотъ же стулъ, превращаемый дитею въ лошадку. Охотники и кочевники не развиваются; земледѣліе, напротивъ, культивируетъ, потому что человѣкъ научается смотрѣть на себя, какъ на господина земли. Такъ самосознаніе не уничтожаетъ вещей, но превращаетъ ихъ изъ объектовъ въ орудіе своего наслажденія, въ исполнителей своей воли. Играя вещами и видоизмѣняя ихъ работой, оно показываетъ имъ и самому себѣ, что они всѣ зависятъ отъ него и не имѣютъ самостоятельной силы. Такимъ образомъ оно превращаетъ вещь въ предметъ, который ему больше нравится, и на мѣстѣ дѣйствительнаго міра строитъ собственный. — Но вотъ дитя разговариваетъ: съ кѣмъ? Съ человѣкомъ, котораго оно, какъ другой Прометей, создало изъ бумаги. Не заключимъ ли мы изъ этого, что, для довершенія процесса своего образованія, духъ, не удовлетворяется вещами, но имѣетъ нужду въ другомъ самосознаніи? Теперь открывается намъ новая картина его дѣйствій. Для своего

*

полнаго образованія самосознаніе имѣетъ нужду въ другомъ самосознаніи, которое въ отношеніи къ нему составляетъ объектъ. Мы не можемъ представить, чтобы духъ могъ развиваться безъ общества.—Но испытавши свою силу надъ объектомъ—вещію, *я* стремится также проявить ее надъ объектомъ—лицомъ. Оно стремится къ подчиненію себѣ противостоящаго ему другаго *я*, такъ какъ существо самосознанія состоитъ вообще въ сознаніи достоинства и силы. Но здѣсь оно встрѣчаетъ не вещь, лишенную сопротивленія, а подобное же *я*, которое имѣетъ тѣже стремленія. При первомъ столкновеніи ихъ каждое стремится уничтожить другое, по крайней мѣрѣ сдѣлать его безсильнымъ, лишить значенія. Между ними возникаетъ борьба — настоящая война за право существованія. Посмотрите на дѣтей: какъ только встрѣтились два мальчика, такъ и наступаетъ одинъ на другаго, чтобы уничтожить соперника. Какъ смѣетъ другое существо имѣть притязаніе на такое же достоинство и на такую же силу—вотъ что раздражаетъ ребенка. Дитя чувствуетъ, что имѣетъ дѣло съ соперникомъ, который предъявляетъ права на тотъ же властительскій тронъ. Ревнивое самосознаніе не хочетъ терпѣть подлѣ себя другихъ съ тѣми же правами, хочетъ быть всевластнымъ. Но такъ какъ здѣсь не вещь, лишенная сопротивленія, а такое же *я*, которымъ можно играть только тогда, когда оно позволитъ собою играть: то или одно лицо подчиняетъ себѣ другое, самосознаніе одного дѣлается орудіемъ дуугаго, вслѣдствіе чего возникаютъ съ одной стороны сила и могущество, съ другой страхъ и повиновеніе; или же, на болѣе высокой степени развитія, одно лицо считаетъ другаго вполнѣ равнымъ себѣ: вмѣсто *я* является *мы*, возникаетъ *общее* или *общественное* сознаніе, которое соединяетъ людей, когда напротивъ единичное разъединяетъ; въ обществѣ человѣкъ сознаетъ себя членомъ цѣлаго: *мы* думаемъ—*мы* полагаемъ. Отсюда *вы*, какъ выраженіе принадлежности къ этому цѣлому. Самосознаніе усвояетъ общіе нравы, общую дисциплину и, относясь къ общественному сознанію, какъ къ своему авторитету, въ тоже время и отъ всѣхъ членовъ общества требуетъ такого же уваженія». (Erdmann, *Psychologische Briefe*, Dritte Auflage. 1863, §§ 235—247).

Самочувствіе возвышается, когда за лицомъ признаютъ то или другое достоинство, принимаютъ его мнѣніе, подчиняются его волѣ, равнымъ образомъ когда его внѣшняя дѣятельность постоянно увѣнчивается успѣхомъ: при противоположныхъ условіяхъ оно понижается и упадаетъ. Всякое преимущество силы физической и духовной, соразмѣрно съ своею энергіею, возбуждаетъ въ человѣкѣ чувство самодовольства.

Самочувствіе служитъ естественнымъ основаніемъ для самолюбія, гордости, тщеславія, честолюбія и проч.

Сочувствіе (Симпатическія чувствованія).—Между тѣмъ какъ

самочувствіе стремится уединить человѣка, сочувствіе обращаетъ его къ другимъ, подобнымъ ему, существамъ. Наблюдая душевныя состоянія другихъ людей, выражающіяся во взорѣ, тѣлодвиженіяхъ, мы не остаемся равнодушными къ нимъ, но дѣлаемъ ихъ, до нѣкоторой степени, своими собственными состояніями. Смотря по тому, выражаютъ ли они удовольствіе и радость, или неудовольствіе и печаль, и сами мы за другихъ радуемся или печалимся. Въ первомъ случаѣ сочувствіе принимаетъ видъ *сорадованія*, въ послѣднемъ *состраданія*.

Взаимное сочувствіе въ радости и горѣ составляетъ такую потребность нашей природы, что счастье бываетъ не полно, если не съ кѣмъ его раздѣлить, и горе легче переносится, если облегчаетъ его дружеское участіе.

Легкость возбужденія и сила проявленія нашего сочувствія къ другимъ людямъ зависятъ отъ многихъ условій. 1) Движенія грубыхъ страстей, проявленія зависти, злобы, ненависти, мстительности, мало возбуждаютъ участія: напротивъ мы всегда охотно отзываемся на добрыя чувства. Нѣжность сердца, великодушіе, кротость, состраданіе, любовь, вообще проявленія нравственно-добраго характера, привлекаютъ участіе даже относительно неблизкихъ людей. Самыя слабости, вытекающія изъ чрезмѣрной доброты и любви, имѣютъ въ себѣ нѣчто трогательное и легко извиняются. 2) Несчастіе скорѣе и сильнѣе возбуждаетъ сочувствіе, нежели счастіе: обыкновенно скорѣе принимаютъ участіе въ состояніи человѣка, внезапно подвергшагося несчастію и пораженнаго горемъ, нежели неожиданно превознесеннаго счастіемъ. Только въ высокой степени благородное сердце, неподдающееся мелкимъ разсчетамъ, равно способно къ участію какъ въ горѣ, такъ и въ радости другаго человѣка. 3) Сочувствіе возбуждается тѣмъ скорѣе и сильнѣе, чѣмъ легче мы можемъ представить себѣ положеніе другихъ людей. Нужна извѣстная степень живости воображенія и воспріимчивость чувства для того, чтобы болѣе или менѣе полно представить и воспринять чужое горе и чужую радость. Между тѣмъ какъ одинъ хладнокровно выслушиваетъ вѣсть о чужомъ несчастіи, другой живо представляетъ себѣ его положеніе и соразмѣрно съ тѣмъ выражаетъ свое участіе къ нему. 4) Сочувствіе воз-

буждается тѣмъ скорѣе и легче, чѣмъ болѣе близки къ намъ лица, возбуждающія сочувствіе. Родные, друзья, знакомые, возбуждаютъ въ насъ болѣе сочувствія, нежели постороннія лица, находящіяся внѣ сферы нашихъ отношеній. 5) Сочувствовать можно только живому, т. е. представляющему и чувствующему существу, хотя при этомъ все равно, есть ли въ дѣйствительности тѣ существа, къ которымъ обращается сочувствіе, или они только выдуманы нашимъ воображеніемъ. Можно сочувствовать и неодушевленнымъ предметамъ, воображая ихъ какъ бы чувствующими: домъ, въ которомъ мы жили долгое время, деревья, зелень и тѣнь которыхъ услаждали насъ продолжительное время, возбуждаютъ въ насъ чувство привязанности; разрушеніе дома, гибель деревьевъ наполняютъ нашу душу скорбью, хотя бы это не было соединено ни съ какимъ матеріальнымъ для насъ ущербомъ.

Сочувствіе служитъ естественнымъ основаніемъ для *нѣжныхъ чувствованій—благожелательности*, *великодушія*, *преданности*, *дружбы*, *любви* и всѣхъ разнообразныхъ видовъ *привязанности;* наоборотъ, недостатокъ сочувствія—для *неблагожелательности*, *зависти и ненависти*.

Благожелательность составляетъ общую родовую форму (genus) нѣжныхъ чувствованій. Кругъ ея примѣненія можетъ имѣть различныя границы, и выражаться въ различныхъ направленіяхъ. Впрочемъ для самой широко-развитой благожелательности есть свои предѣлы, за которые она не простирается.—Благожелательность переходитъ въ *любовь*, какъ скоро возникаетъ и устанавливается такая сердечная близость между людьми, при которой радость и горе, счастіе и несчастіе одного человѣка, дѣлаются собственнымъ состояніемъ другаго. Она соединяетъ взаимно-любимыя лица въ единство бытія и устанавливаетъ между ними общность желаній, интересовъ и чувствованій. Любовь можетъ имѣть различные—физическіе, эстетическіе, интеллектуальные и моральные—мотивы, сообразно съ которыми принимаетъ различныя формы и имѣетъ различное нравственное достоинство. Высшее достоинство она имѣетъ тогда, когда выходитъ изъ чистыхъ разумныхъ и нравственныхъ побужденій и превращается изъ неправильно-развивающагося чувствованія въ постоянное правило жизни и дѣятельности, направляемой къ счастію другихъ людей.

Отъ этихъ чувствованій надо отличать чувства *симпатіи* и *антипатіи*, какъ несознательнаго влеченія одного лица къ другому или несознательнаго отвращенія отъ него. Эти чувствованія основываются на *темныхъ представленіяхъ*, которыя соединяются (ассоціируются) съ представляемымъ предметомъ и возбуждаютъ въ насъ, при видѣ его, чувство удовольствія или неудовольствія.

IV. Душевныя настроенія и аффекты.

Душевныя настроенія.—Какъ одновременныя представленія приводятся душею къ единству сознанія, такъ одновременно возбуждаемыя чувствованія сливаются въ одно общее настроеніе и производятъ болѣе или менѣе продолжительное возбужденіе души—радостное или печальное (веселость, нерасположеніе, грусть, уныніе и проч.).

Душевное настроеніе составляетъ результатъ соединенія многихъ элементарныхъ чувствованій, которыя, основываясь большею частію на неясныхъ представленіяхъ, сами по себѣ, въ своей отдѣльности, довольно слабы для того, чтобы сдѣлаться примѣтными. Тонъ этихъ элементарныхъ чувствованій явственно обнаруживается только въ общемъ тонѣ душевнаго настроенія. Анализъ этихъ темныхъ, самихъ по себѣ незначительныхъ, элементарныхъ чувствованій не легко удается даже при самомъ внимательномъ самонаблюденіи: очень часто мы не въ состояніи бываемъ указать на основанія нашего веселаго или грустнаго настроенія. Въ теченіи дня нѣсколько разъ можетъ измѣниться настроеніе, и причины этихъ перемѣнъ большею частію ускользаютъ отъ наблюденія.

Проявляющееся въ душевныхъ настроеніяхъ довольство или недовольство имѣетъ безчисленное множество степеней и оттѣнковъ и принимаетъ множество разнообразныхъ формъ, начиная отъ радости и неудовольствія, близкихъ къ аффектамъ, до спокойной ясности души или же до тихой задумчивости и грусти. Въ этомъ потокѣ постоянно измѣняющихся душенастроеній болѣе или менѣе явственно выдаются только тѣ чувствованія, которыя примыкаютъ къ болѣе или менѣе яснымъ представленіямъ; между тѣмъ какъ остальныя проходятъ незамѣтно, коренясь въ представленіяхъ, не развившихся до полной ясности, и только какъ бы окрашиваютъ въ свой цвѣтъ общій потокъ жизни—смѣну различныхъ душевныхъ состояній. Даже и явственно выдѣлившіяся чувствованія принимаютъ тонъ преобладающаго настроенія. Если этотъ послѣдній имѣетъ пріятный или веселый характеръ, то отдѣльныя чувствованія съ тѣмъ же характеромъ получаютъ отъ него высшую силу, съ непріятнымъ характеромъ—теряютъ часть своей горечи; если же, напротивъ, оно имѣетъ

тонъ не веселый, грустный, то и отдѣльныя чувствованія—пріятныя теряютъ часть своей пріятности, непріятныя еще болѣе усиливаются въ томъ же направленіи. Пріятныя чувствованія, возбуждаемыя музыкою, усиливаются вслѣдствіе общаго спокойнаго настроенія души; горе и забота, напротивъ, омрачаютъ наслажденіе. Чистая совѣсть, какъ источникъ всякой радости, возвышаетъ всякое наслажденіе; напротивъ, сознаніе вины ослабляетъ всякую радость. Отъ этого каждый отдѣльный предметъ, при одной и той же наличной обстановкѣ признаковъ, каждому представляется и каждымъ воспринимается сообразно съ его постояннымъ или временнымъ душенастроеніемъ.

Душевное настроеніе измѣняется вмѣстѣ съ представленіями, лежащими въ его основаніи. Основной тонъ его, пріятный или непріятный, опредѣляется преобладающими въ немъ темными представленіями и элементарными чувствованіями. Сила и продолжительность душевнаго настроенія зависятъ отъ количественной и качественной силы этихъ представленій и возбуждаемыхъ ими чувствованій. Для настроенія много значитъ первое впечатлѣніе, которое поражаетъ насъ при входѣ въ кругъ неизвѣстныхъ лицъ, при вступленіи въ новую обстановку и проч.

Преобладаніе душевныхъ настроеній надъ яснымъ сознаніемъ называется *чувствительностію.*

На душевное настроеніе имѣютъ огромное вліяніе тѣлесныя настроенія (ипохондрія, страданія печени, нервное разстройство и проч.).

Душевныя волненія или аффекты.—Какъ душевное настроеніе есть болѣе или менѣе *продолжительное* возбужденіе души, такъ душевныя волненія или аффекты суть возбужденія *быстро-проходящія.* Существенная черта, отличающая ихъ отъ обыкновеннаго хода и развитія чувствованій, заключается въ чрезвычайной напряженности возбужденія, противоположной спокойному теченію чувства. Впрочемъ безусловно-спокойнаго состоянія чувства, если исключить состояніе сна, не бываетъ. То, что мы называемъ спокойнымъ состояніемъ, есть только обыкновенное среднее состояніе напряженности нашихъ представленій и чувствованій, въ которомъ они легко уравновѣшиваются одни другими. Возвышеніе чувствованій до извѣстнаго предѣла не нарушаетъ этого состоянія спокойствія и не производитъ

въ душѣ возмущеній. Но если чувствованіе превышаетъ эту мѣру, то переходитъ въ сердечное волненіе.

Душевное волненіе или аффектъ возникаетъ тогда, когда быстро возбуждающіяся въ душѣ представленія (вслѣдствіе физическихъ возбужденій или чрезъ воспоминаніе) поражаютъ ее чрезвычайно сильно и возмущаютъ ровный ходъ ея дѣятельности.

Сердечныя возмущенія, приводя въ напряженіе чувство, ослабляютъ дѣятельность другихъ силъ. Въ сильныхъ аффектахъ душа такъ бываетъ возмущена, что человѣкъ теряетъ способность правильной оцѣнки вещей и явленій, не можетъ правильно разсуждать, не можетъ дѣлать самыхъ легкихъ и простыхъ соображеній и припоминать того, о чемъ въ спокойномъ состояніи духа онъ легко могъ бы вспомнить.

Сердечныя движенія иногда овладѣваютъ человѣкомъ внезапно и вдругъ; но иногда, начинаясь тихими ощущеніями, усиливаются мало по мало и доходятъ до чрезвычайной высоты. Но вообще они не могутъ быть очень продолжительны.

Внезапныя душевныя потрясенія производятъ значительныя измѣненія въ состояніи нервной системы; отсюда—краска или блѣдность въ лицѣ, судорожное движеніе членовъ тѣла, ускоренное кровообращеніе, стѣсненное дыханіе, истерическій смѣхъ или слезы, разлитіе желчи и проч. Физіологическія измѣненія сначала являются какъ слѣдствія аффекта, но потомъ становятся сопровождающею его причиною.

Все множество аффектовъ можно раздѣлить на два класса: на аффекты, приводящіе душу въ напряженіе (активные, какъ гнѣвъ, экстазъ и проч.) и приводящіе душу въ стѣсненіе (пассивные, какъ страхъ, испугъ, ужасъ, остолбенѣніе).

Аффекты и страсти.—Душевныхъ волненій нельзя смѣшивать съ страстями, отъ которыхъ они отличаются какъ по своему источнику, такъ и по своимъ проявленіямъ. Страсть, какъ сильное желаніе, есть обнаруженіе силы желательной: напротивъ, сердечное движеніе есть непроизвольное дѣйствіе сердца. Хотя страсть всегда возникаетъ изъ чувства пріятнаго или непріятнаго, но развитіе, усиленіе и превращеніе чувства въ страсть зависитъ отъ воли; страсть часто

продолжается даже тогда, когда сердце не находитъ въ ней удовольствія. Страсть образуется мало по малу, возрастая по той мѣрѣ, какъ человѣкъ поддерживаетъ и питаетъ ее, уступая ея влеченію: напротивъ сердечное движеніе возникаетъ внезапно и ослабѣваетъ, а наконецъ и совсѣмъ исчезаетъ, отъ продолжительности.

Страсти имѣютъ цѣли и избираютъ нерѣдко очень сложныя средства, если нѣтъ простыхъ и близкихъ,—строятъ обширные планы и выполняютъ ихъ съ необыкновенною настойчивостію и терпѣніемъ: сердечное движеніе, напротивъ, есть порывъ духа, возмущеннаго какимъ либо внѣшнимъ явленіемъ или дѣйствіемъ окружающихъ лицъ, помимо какихъ бы то ни было цѣлей и средствъ.

Въ свойствѣ страсти заключается нѣкоторая скрытность, зависящая частію отъ ея несостоятельности предъ нравственнымъ судомъ, частію отъ эгоистическаго разсчета на расположеніе обстоятельствъ въ свою пользу, особенно когда за нею слѣдитъ чужой зоркій и часто столько же эгоистическій взглядъ: сердечныя движенія, напротивъ, обнаруживаются всею своею силою, не поддаваясь притворству и скрытности.

Сердечныя движенія, по чрезмѣрной живости своей, стѣсняютъ дѣятельность душевныхъ силъ, такъ что человѣкъ иногда самъ не знаетъ, что дѣлаетъ: напротивъ, въ страсти дѣятельность душевныхъ силъ, разсудка и воли, памяти и фантазіи, обнаруживается во всей силѣ, хотя вращается въ сферѣ больше или меньше ограниченной. Для посторонняго зрителя едва понятны тѣ сложныя умственныя комбинаціи и та настойчивость, которыя употребляетъ въ дѣло человѣкъ, страстно преслѣдующій предположенную цѣль.

[illegible]

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

I. ПРИРОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ДУШИ И СВЯЗЬ ЕЯ СЪ ТѢЛОМЪ.

I. Душа.

Душа, какъ основа явленій душевной жизни.—Такъ какъ явленія душевной жизни имѣютъ характеръ совершенно отличный отъ явленій тѣла и вообще матеріальной природы, то они должны имѣть своимъ основаніемъ начало, отличное отъ матеріальныхъ предметовъ или нематеріальное—*душу*.

Свойства души, какъ нематеріальной сущности, суть *единичность*, *простота* и *недѣлимость*. Если бы душа состояла изъ различныхъ частей, то каждое явленіе должно бы происходить въ ней столько разъ, сколько находится частей: но этому противорѣчитъ постоянно наблюдаемое нами единство сознанія и самая тѣсная связь между психологическими явленіями. Простота души не отвергается наблюденіемъ въ ней различныхъ способностей, потому что онѣ не суть самостоятельныя и первоначальныя части души, но только различныя направленія дѣятельности одной и той же души, сначала существующія какъ возможности, потомъ переходящія въ дѣйствительность при содѣйствіи извѣстныхъ условій. Производя различныя дѣйствія или явленія душа всегда остается одною и тою же, подобно тому, какъ нисколько не теряетъ своего единства какое-либо матеріальное тѣло,

являясь при различныхъ условіяхъ то темнымъ, то свѣтлымъ, то жесткимъ, то мягкимъ или текучимъ. Вообще въ своихъ проявленіяхъ душа обнаруживается не такъ разрозненно, чтобы одна сторона ея дѣйствовала, а другая оставалась въ покоѣ; напротивъ въ каждой формѣ дѣйствія проявляется цѣлая и равная самой себѣ душа. Если она проявляется въ извѣстной формѣ дѣятельности, напримѣръ въ представленіи, то это значитъ не то, будто здѣсь дѣйствуетъ одна только сторона ея, но то, что существо души проявляется въ данный моментъ въ этой формѣ, потому что на нее дѣйствуетъ одно извѣстное возбужденіе. Такимъ образомъ во всѣхъ проявленіяхъ сохраняется существенный ея характеръ—единство существа.

Но нематеріальность составляетъ только отрицательное свойство духовной сущности. Положительныя свойства ея, или ея первоначальныя качества, опредѣляются характеромъ обнаруженій собственной ея природы и открываются посредствомъ внутренняго опыта или самонаблюденія. Эти свойства суть: *самосознаніе*, *самоопредѣленіе* и *способность* возбуждаться собственными состояніями и *чувствовать* ихъ, какъ пріятныя или непріятныя. Эти свойства выводятъ ее изъ круга чувственныхъ (матеріальныхъ) предметовъ и явленій природы, и сообщаютъ ей характеръ сверхчувственнаго, духовнаго начала. — Какъ начало самосознательное она сознаетъ себя всегда *тождественною* или всегда тою же въ продолженіе всей жизни. Душа постоянно отдѣляетъ себя отъ множества своихъ дѣйствій и силъ, какъ ихъ начало, сознаетъ, что все это принадлежитъ ей одной, и среди всего разнообразія дѣйствій понимаетъ себя, свое я, какъ единое и общее ихъ средоточіе. Кругъ представленій, составляющихъ содержаніе нашего сознанія, постоянно измѣняется; различныя состоянія души наступаютъ и проходятъ, уступая мѣсто одно другому, но общее средоточіе ихъ—сознаніе—остается неизмѣннымъ въ продолженіе всей жизни. Нѣтъ ни одной минуты, въ которую бы душа совершенно потерялась, въ которую бы наше подлежащее (*я*), такъ сказать, совращено было съ своего мѣста. Мы сознаемъ себя одними и тѣми же съ начала и до конца сознательной жизни, не смотря на непрестанную смѣну душевныхъ состояній, не смотря на разность познаній зрѣлыхъ и незрѣлыхъ, не смотря на различіе и даже про-

тивоположность измѣняющихся нравственныхъ расположеній человѣка. Проходятъ цѣлые возрасты, цѣлые періоды жизни и наступаютъ новые: но мы не измѣняемся по существу, и не исчезаемъ вмѣстѣ съ ними въ безднѣ прошедшаго, но остаемся тѣми же, что были и прежде. Наши прежнія дѣйствія также принадлежатъ намъ, какъ настоящія. Мы не можемъ сказать, что прежніе наши поступки, если они были худы, принадлежатъ не намъ, а другому лицу, не можемъ изгладить ни одной страницы, ни одной черты изъ лѣтописи нашей жизни, какъ бы иногда не желалось этого. Такимъ образомъ самосознаніе, какъ единство душевной жизни, дѣлаетъ человѣка *лицомъ*, въ понятіе о которомъ входятъ какъ формальное тождество самосознанія, такъ и все реальное его содержаніе, изъ котораго слагается жизнь духа, хотя оно въ данный моментъ, въ большей части своей, остается для насъ несознаваемымъ.—Какъ существо *свободное* душа въ самой себѣ заключаетъ внутреннюю основу всѣхъ своихъ дѣйствій, и есть существо *самостоятельное* и *самодѣятельное*. Будучи окружена со всѣхъ сторонъ постояннымъ приливомъ и отливомъ впечатлѣній, она не подчиняется ихъ механическому вліянію, но подчиняетъ ихъ себѣ, по произволу останавливая ихъ, или давая имъ направленіе, которое соотвѣтствуетъ ея цѣлямъ. Получая отвсюду разныя впечатлѣнія, душа передѣлываетъ этотъ разнообразный матеріалъ по своему. Какъ тѣло принимаетъ множество разнородной пищи, но управляющая имъ жизненная сила уравниваетъ всѣ эти вещества въ одну форму человѣческаго тѣла: такъ и душа, принимая разнообразный запасъ впечатлѣній, постоянно перерабатываетъ его по законамъ своей природы. Одни и тѣ же впечатлѣнія дѣйствуютъ на животныхъ, какъ и на человѣка: но иное бываетъ съ впечатлѣніями у животныхъ, иное у человѣка. Причиною этого можетъ быть только врожденный особливый законъ бытія, отличающій человѣка отъ прочихъ животныхъ. Такимъ образомъ человѣкъ не есть только страдательное существо, принимающее впечатлѣнія отъ внѣшняго міра, но самостоятельное начало, преобразующее ихъ по законамъ своей духовной природы въ свои собственныя состоянія.

Понятіе о духѣ.—Древніе считали *духъ* особою сущностью въ человѣкѣ подлѣ души и усвояли ему всѣ тѣ особенности, которыя отличаютъ человѣка отъ животныхъ, именно способности познанія истины, нравственной дѣятельности, эстетическаго наслажденія природой и религіознаго отношенія къ Богу. Вмѣстѣ съ этимъ они считали душу человѣка чувственнымъ началомъ, которое и разрушается вмѣстѣ съ тѣломъ; а духъ—сверхчувственнымъ, божественнымъ началомъ въ человѣкѣ, которое не подлежитъ естественному закону разрушенія и способно къ безсмертію. Но это допущеніе двухъ началъ душевной жизни въ человѣкѣ соединено со многими затрудненіями, которыя научнымъ путемъ разрѣшить очень трудно. Важнѣйшее затрудненіе заключается въ единствѣ сознанія, которое, какъ фактъ, не подлежитъ сомнѣнію, а между тѣмъ было бы необъяснимо при допущеніи двухъ равно сознательныхъ сущностей въ одномъ бытіи человѣка. Равнымъ образомъ трудно провесть межевую черту между духомъ и душею и распредѣлить ихъ дѣйствія и отправленія такимъ образомъ, чтобы одни несомнѣнно и не безцѣльно принадлежали душѣ, а другія—духу. Если усвоить душѣ всѣ тѣ дѣйствія, въ которыхъ она соприкасается съ внѣшними, чувственными возбужденіями: то нужно бы представлять ее только съ одною способностью чувственнаго ощущенія, потому что уже память и воображеніе, а тѣмъ болѣе мышленіе, не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ чувственнымъ возбужденіямъ. Но въ этомъ видѣ душа перестала бы быть душею и стала бы только жизненною силою тѣла, а духъ потерялъ бы характеръ высшаго начала, принявши на себя почти всѣ отправленія души. Если же сдѣлать другой раздѣлъ и усвоить душѣ способности мышленія, цѣлесообразной дѣятельности и чувствованій удовольствія и неудовольствія, а духу оставить только направленіе душевной дѣятельности по идеямъ разума: то нужно разобщить духъ со всѣмъ разнообразіемъ предметовъ міра и со всѣмъ содержаніемъ душевной жизни и замкнуть его въ органической области принциповъ, въ которую не проникаютъ ни представленія, ни желанія, ни чувствованія души, и въ которой слѣдовательно господствовали бы только фантазія и произволъ. Если же душа и открывала бы свои состоянія духу, затѣмъ, чтобы принять его высшія

указанія относительно ихъ достоинства и руководственныя повелѣнія относительно ихъ употребленія: то въ этомъ служебномъ отношеніи къ безучастному властелину своей жизни, своихъ радостей и страданій, нераздѣльныхъ съ состояніями тяжело-носимаго ею тѣла, она находила бы только постоянный источникъ безвыходныхъ и неустранимыхъ тягостей. Наконецъ, когда настанетъ время расторженія этихъ двухъ дѣятелей, духъ останется при тѣхъ пріобрѣтеніяхъ, которыхъ самъ не собиралъ, а душа, ввѣрившая ему свои запасы и опыты жизни, обратится, какъ ни къ чему болѣе не нужная, вмѣстѣ съ болѣе сочувственнымъ ей спутникомъ—тѣломъ, въ стихійное бытіе,—чего нельзя не признать несообразнымъ. Такимъ образомъ, предположеніе о бытіи двухъ сознательныхъ началъ въ человѣкѣ—души и духа—оказывается не состоятельнымъ.

Можно догадываться, что поводомъ къ этому предположенію послужило нѣкоторое сходство въ однихъ и несходство въ другихъ явленіяхъ души человѣка и животныхъ: почему и полагали, что сходныя явленія принадлежатъ одинаковымъ началамъ, несходныя или высшія явленія въ человѣческой жизни — другому, высшему началу. Но не трудно усмотрѣть ошибку въ самыхъ основаніяхъ, изъ которыхъ сдѣланъ помянутый выводъ. Въ самомъ дѣлѣ, что могло уполномочить насъ къ признанію близкаго сходства въ явленіяхъ жизни человѣка и животныхъ, тогда какъ они суть существа, совершенно различныя по природѣ, не прогрессивно или количественно (прибавкою новыхъ элементовъ или новыхъ способностей) возвышающіяся одно надъ другимъ, но различныя въ самомъ корнѣ и въ самомъ истокѣ ихъ жизнедѣятельности? Первобытно-своеобразная, возвышенная природа человѣческой души просвѣчиваетъ въ самыхъ низшихъ сферахъ ея дѣятельности—въ чувственныхъ наблюденіяхъ, въ воображеніи, памяти, воспоминаніи и сердечныхъ движеніяхъ. Если же всѣ явленія душевной жизни сплошь принадлежатъ одному началу и могутъ быть изъяснены изъ одного начала, то нѣтъ необходимости затруднять изъясненіе ничѣмъ не вынуждаемыми предположеніями. И такъ названіе и понятіе духа не обозначаетъ собою особливаго начала высшей природы подлѣ души, но составляетъ только опредѣленную сту-

пень въ жизни души. Человѣческая душа, которая сознаетъ себя въ своей дѣятельности, какъ дѣятельное начало, самоустрояющее и оцѣнивающее свою жизнь по идеямъ истиннаго, добраго и прекраснаго, и называется *духомъ*.

Душа и тѣло.

Противоположность души и тѣла.—Душа и тѣло суть двѣ противоположныя природы, соединенныя въ человѣкѣ въ одно бытіе. Эта противоположность обнаруживается: 1) въ свойствахъ явленій души и тѣла и 2) во всей ихъ жизни.

Существенный характеръ тѣлесныхъ или физіологическихъ явленій (дыханія, кровообращенія, пищеваренія, образованія плотныхъ частей и жидкостей) состоитъ въ томъ, что они развиваются въ пространствѣ. Въ дыханіи, напримѣръ, мы различаемъ воздухъ, которымъ дышемъ и который есть матеріальное вещество,—органы дыханія (дыхательное горло и легкія) и самый процессъ дыханія, въ которомъ однѣ части вдыхаемаго воздуха усвояются организмомъ, другія выдѣляются изъ организма. Кровообращеніе представляетъ круговое движеніе массы крови по артеріямъ, венамъ и волоснымъ сосудамъ. Пищевареніе совершается въ извѣстныхъ, назначенныхъ для того природою, органахъ, которые, принимая пищу, посредствомъ разныхъ механическихъ и химическихъ процессовъ разлагаютъ ее на составныя вещества, и питательныя части усвояютъ организму, а непитательныя выдѣляютъ изъ организма. Напротивъ явленія душевной жизни развиваются только въ условіяхъ времени, внѣ всякихъ пространственныхъ отношеній. Мы можемъ наблюдать, какъ мысли, желанія и чувствованія слѣдуютъ одни за другими, возбуждаютъ, или подавляютъ одни другія; но не можемъ усвоить имъ никакого пространственнаго очертанія и положенія, не можемъ сказать, что та или другая изъ нихъ имѣетъ такую или другую фигуру, такое или другое измѣреніе, привязана къ тому или другому мѣсту въ организмѣ.

2) Такая же противоположность между душею и тѣломъ обнаруживается во всей жизни ихъ, такъ какъ они живутъ и развиваются каждое по законамъ своей особливой природы — душа по законамъ

духовной, тѣло—по законамъ органической природы. Тѣло растетъ, какъ всякій живой организмъ, достигаетъ зрѣлости, потомъ склоняется постепенно къ старости и наконецъ умираетъ. Въ первый періодъ жизни силы его постепенно увеличиваются до тѣхъ поръ, пока не достигнутъ высшей степени развитія или полной зрѣлости; затѣмъ во второй—постепенно упадаютъ до тѣхъ поръ, пока не истощится весь ихъ запасъ и не наступитъ смерть, разрѣшающая тѣло на его составныя части. Это—общій законъ органической жизни, изъ подъ котораго не можетъ освободиться ни одинъ живой организмъ. Но въ этомъ общемъ теченіи жизни, распадающейся на двѣ половины, тѣло подчинено, опять вмѣстѣ со всею природою, законамъ періодическаго обновленія. Силы его, ослабѣвая днемъ, возстановляются ночью дѣйствіемъ благотворнаго сна. Весна и лѣто, оживляя всю природу послѣ продолжительнаго зимняго оцѣпенѣнія, благодѣтельно дѣйствуютъ и на человѣка, возбуждая, освѣжая и укрѣпляя его силы. Въ прочія времена года тѣло, хотя не такъ всецѣло, какъ низшіе организмы, подчиняется вліянію природы, однакожъ испытываетъ на себѣ и ощущаетъ ея подавляющее вліяніе. Наконецъ извѣстно изъ физіологіи, что тѣло постоянно измѣняется, такъ что въ продолженіе опредѣленныхъ періодовъ времени всѣ его составныя части замѣняются новыми: и въ этомъ случаѣ оно подчинено одному закону со всею органическою природою, потому что всѣ организмы точно также въ извѣстные періоды времени обновляются по своимъ составнымъ частямъ.

Какъ относятся эти періодическія перемѣны въ жизни тѣла къ ходу душевной жизни? Во-первыхъ, что касается до суточныхъ и годовыхъ перемѣнъ тѣла, то хотя душа и испытываетъ на себѣ ихъ вліяніе, но не сама по себѣ или по своей природѣ, а по своей зависимости отъ тѣла. Къ вечеру мы становимся вялы, слабы и нуждаемся въ отдыхѣ; утромъ встаемъ съ свѣжими силами, бодрыми и веселыми; потому что въ первомъ случаѣ упадаютъ и ослабѣваютъ, а въ послѣднемъ снова укрѣпляются тѣлесныя системы, которыя служатъ посредниками душевной дѣятельности. Весна и лѣто, благотворно дѣйствуя на тѣло и возбуждая къ усиленной дѣятельности физіологическія системы, въ тоже время обогащаютъ насъ запасомъ

силъ для умственныхъ занятій и всякой другой напряженной душевной дѣятельности въ остальное время года. Періодическія обновленія организма и отдѣльныхъ его клѣточекъ не имѣютъ никакого непосредственнаго вліянія на душу. Клѣточки въ теченіи извѣстныхъ періодовъ времени мѣняются совершенно, такъ что не остается ни одной прежней ихъ части, и напримѣръ у семидесятилѣтняго старика онѣ перемѣнились нѣсколько разъ: но душа остается та же, съ тѣми же понятіями, желаніями и страстями, съ тѣми же воспоминаніями дѣтства, молодости и всей прежней жизни.—Наконецъ, намъ остается сказать о параллели тѣлесныхъ возрастовъ съ ходомъ душевной жизни. На первый взглядъ между ними находится полное согласіе. Душа ребенка такъ же молода и свѣжа, какъ его тѣло. Душа юноши уже богаче силами, знаніемъ и опытомъ. Свѣжія силы его ищутъ простора, ловятъ налету встрѣчныя впечатлѣнія, легко подвижны и не скоро утомляются, а утомившись легко опять возстановляются. Душевная зрѣлость, повидимому, совпадаетъ съ зрѣлостью физическою, когда тѣло уже не растетъ и не развивается больше, а только пріобрѣтаетъ силу и крѣпость, и когда утрата и обновленіе находятся почти въ равновѣсіи. Къ старости равновѣсіе между утратою и обновленіемъ нарушается, а вмѣстѣ съ тѣмъ и душевныя силы ослабѣваютъ: въ физическомъ отношеніи всѣ части тѣла теряютъ свою эластичность и подвижность, ткани оплотнѣваютъ, мышцы дѣлаются волокнистыми, хрящи костенѣютъ; кости изъ губчатыхъ дѣлаются сплошными твердыми массами, между тѣмъ какъ ихъ кровяные сосуды уменьшаются въ объемѣ или вовсе исчезаютъ; стѣнки артерій твердѣютъ и утрачиваютъ свою сократительность, между тѣмъ какъ вены становятся шире и растягиваются; испарина почти прекращается, кожа дѣлается жесткою, сухою и морщинистою; мышечная система ослабляется до того, что становится почти безполезной: человѣкъ, прежде сильный, сгорбливается; спина, особенно на ходу, сильно гнется и помощь палки становится необходимою, чтобы удерживать тѣло въ равновѣсіи; вмѣстѣ съ этимъ у стариковъ ослабѣваютъ память и воображеніе; желанія дѣлаются мало-по-малу ограниченнѣе и наконецъ совершенно притупляются; дѣйствительность теряетъ для нихъ свою привлекательность; ихъ

мысль и любовь обращаются къ старому, прожитому, какъ къ лучшему времени жизни; однимъ словомъ, старость ихъ по душѣ, повидимому, также очевидна, какъ и по тѣлу.—Однакожъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, эта параллель въ ходѣ тѣлесной и душевной жизни оказывается далеко не полною. Нужно строго отличать то, что свойственно душѣ по ея природѣ, отъ того, что она представляетъ въ ходѣ своей жизни по своей зависимости отъ тѣла. Жизнь души также распадается на двѣ половины: но онѣ имѣютъ свой особый характеръ, отличный отъ хода жизни физической. Первая половина занята, такъ сказать, собираніемъ матеріаловъ для душевнаго образованія и отдана болѣе внѣшней дѣятельности. Вторая, напротивъ, при несравненно меньшей воспріимчивости къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, посвящена болѣе внутренней ихъ переработкѣ. Первая половина жизни запечатлѣна характеромъ неясныхъ и неопредѣленныхъ надеждъ, обширныхъ предначертаній и плановъ, которые мы надѣемся легко исполнить, желаній, которыя мы думаемъ осуществить; вторая, напротивъ, обозначается характеромъ болѣе отчетливыхъ понятій и установившихся правилъ; опредѣленная дѣйствительность заступаетъ мѣсто надеждъ; желанія становятся умѣреннѣе, требованія неприхотливѣе; человѣкъ становится сосредоточеннѣе, внимательнѣе къ самому къ себѣ, болѣе углубляется въ себя, нежели открывается для внѣшнихъ впечатлѣній; радужные цвѣта, покрывавшіе предстоящую жизнь, разрѣшаются въ одинъ простой бѣлый цвѣтъ спокойнаго размышленія и обдуманной дѣятельности. Въ этомъ равновѣсіи мысли съ дѣйствительностью проходятъ значительное время. Къ старости человѣкъ еще болѣе погружается въ себя, становится замкнутѣе и какъ бы ограниченнѣе. Его не занимаютъ въ такой мѣрѣ, какъ прежде, никакія радости, даже самыя чистыя, не поражаютъ сильно никакія событія, даже самыя неожиданныя; случается, что въ старости человѣкъ впадаетъ какъ-бы въ нѣкоторую слабость, обнаруживающуюся малою подвижностью мысли, ограниченностью сознанія и упадкомъ воли: все это, въ разной степени, составляетъ постепенное видоизмѣненіе второй половины жизни.

Когда оканчивается первый періодъ и начинается другой—нельзя опредѣлить съ точностью, потому что эта перемѣна не связана

съ лѣтами, а зависитъ отъ условій личной жизни каждаго человѣка. Для однихъ этотъ переходъ совершается раньше, для другихъ позже, точно такъ какъ и физическая зрѣлость наступаетъ не въ одинаковое для всѣхъ время. Есть люди, которые всю жизнь остаются, такъ сказать, въ первой ея половинѣ, смотрятъ на вещи чужими глазами, живутъ по чужимъ правиламъ, вообще руководствуются болѣе внѣшними впечатлѣніями и внушеніями другихъ людей, нежели собственною мыслью. Другіе созрѣваютъ очень рано. Но, оставляя въ сторонѣ эти разности личнаго образованія, мы обращаемся къ важному для насъ вопросу: какого рода этотъ второй періодъ жизни? Есть ли онъ періодъ возрастанія или на оборотъ, упадка духовной жизни? Если это періодъ слабости, то за нею должно послѣдовать разрушеніе, потому что всякое ослабленіе оканчивается разложеніемъ, смертію. Если же это періодъ возрастанія силы: то какъ объяснить видимое противорѣчіе явленій съ тѣмъ, что представляютъ намъ невеселыя картины старческаго безсилія и одряхленія? Точное наблюденіе надъ душевною жизнью даетъ ключъ къ разрѣшенію этого противорѣчія. Чѣмъ больше расширяется и усложняется душевное образованіе, тѣмъ больше притупляется впечатлительность къ внѣшнему міру и стремленіе къ новымъ пріобрѣтеніямъ. Мысль, легко обнимавшая и усвоявшая тысячи разнообразныхъ предметовъ, мало-по-малу теряетъ свою быстроту, но за то становится полнѣе, глубже и отчетливѣе. Воображеніе и память слабѣютъ, но разсудокъ крѣпнетъ; чувство становится глубже и сосредоточеннѣе; воля пріобрѣтаетъ болѣе устойчивости. Въ этой-то сосредоточенности человѣка заключается причина тѣхъ явленій, которыя на поверхностный взглядъ кажутся какъ бы упадкомъ душевныхъ силъ. Въ эту пору жизни всякая мысль сопоставляется въ душѣ со множествомъ другихъ мыслей, со всѣмъ порядкомъ и строемъ душевнаго образованія человѣка; всякій поступокъ и всякое дѣйствіе обсуживаются со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ—со стороны побужденій и со стороны слѣдствій, какія изъ нихъ могутъ произойдти; чувство умѣряется самообладаніемъ и охлаждается опытностію жизни. Все это, упрочивая и возвышая духовное богатство человѣка, въ то же время ослабляетъ въ душѣ впечатлительность къ внѣшнему міру, къ явленіямъ окружающей

дѣйствительности, и мало-по-малу закрываетъ для нея одинъ изъ источниковъ душевнаго образованія—внѣшній міръ съ его богатымъ разнообразіемъ.—Но тоже наблюденіе показываетъ намъ, что душевныя пріобрѣтенія человѣка—его мысли, понятія, правила, весь опытъ его жизни, какъ бы ни были прекрасны сами по себѣ, обнаруживаются и открываются только тогда, когда ихъ вызываетъ въ сознаніе и какъ бы пробуждаетъ что-нибудь извнѣ. Можетъ быть тысячи прекрасныхъ вещей лежатъ въ глубинѣ души: но человѣкъ какъ бы забываетъ о существованіи ихъ до тѣхъ поръ, пока что-нибудь не вызоветъ ихъ къ живой дѣятельности. Поэтому, когда притокъ внѣшнихъ впечатлѣній, служащихъ возбудителями представленій къ сознанію, умаляется для человѣка, когда онъ сосредоточивается въ себѣ и замыкается отъ внѣшняго міра, то сознаніе его постепенно гаснетъ и наконецъ почти совсѣмъ погасаетъ. Но, вмѣстѣ съ этимъ, душа не лишается своихъ пріобрѣтеній. Все, что она пріобрѣла опытомъ долгой жизни, составляетъ ея неотъемлемую собственность, которая останется при ней на всю вѣчность. Когда душа вступитъ въ новый міръ, чего мы надѣемся и что составляетъ предметъ нашихъ пламенныхъ желаній и религіозной вѣры, и когда для сокрытаго въ ней духовнаго содержанія откроется новый источникъ возбужденія въ новыхъ впечатлѣніяхъ: то, вмѣстѣ съ тѣмъ, начнется для нея новая жизнь и ея богатства засіяютъ новымъ блескомъ.

Взаимнодѣйствіе между душею и тѣломъ.—Несмотря на противоположность между явленіями душевной и тѣлесной жизни, душа и тѣло находятся въ постоянномъ взаимнодѣйствіи и, какъ соединенныя въ одно существо человѣка, согласно выполняютъ задачу жизни.

а) Тѣло есть органъ души, посредствомъ котораго она пріобрѣтаетъ представленія о внѣшнихъ предметахъ, выполняетъ свои желанія и вообще проявляетъ себя въ дѣятельности. Ежедневный опытъ показываетъ намъ, какъ много душа зависитъ отъ тѣла. Когда тѣло здорово—и душа бодра и легка; когда же тѣло страдаетъ—и душа болѣе или менѣе терпитъ отъ тѣлеснаго разстройства.

Малѣйшее поврежденіе въ тѣлѣ, несоразмѣрный приливъ крови къ какому либо органу, приводитъ въ безпорядокъ теченіе нашихъ мыслей. Тощій желудокъ дѣлаетъ душу раздражительною, переполненный—слабою. Свѣжій воздухъ, возвышая дѣятельность тѣлесныхъ системъ, дѣлаетъ и душу бодрою и возбуждаетъ въ ней пріятное настроеніе.

б) Зависимость тѣла отъ души обнаруживается также во множествѣ ежедневно повторяющихся въ нашей жизни или предъ нашими глазами фактовъ. Почти всѣ движенія тѣла (исключая только процессы — дыханія, кровеобращенія и пищеваренія) суть слѣдствія душевныхъ состояній. Пріятныя и непріятныя расположенія и аффективныя состоянія души отражаются во взглядѣ, голосѣ, движеніяхъ и въ ходѣ физіологическихъ процессовъ. Стоитъ сравнить голосъ и взоръ веселаго человѣка съ выраженіями души печальной, спокойнаго съ раздраженнымъ и проч. Въ особенности голосу душа даетъ безконечное множество разнообразныхъ оттѣнковъ для выраженія своихъ тончайшихъ движеній: то сильный и звучный, то мягкій и тихій, то ровный и плавный, то порывистый и быстрый, то нѣжный, то суровый—голосъ выражаетъ всѣ разнообразнѣйшіе оттѣнки душевныхъ состояній человѣка. Чувство живой радости возвышаетъ и ускоряетъ всѣ физіологическіе процессы: кровь начинаетъ обращаться быстрѣе, дыханіе становится свободнѣе; и на оборотъ печаль изнуряетъ тѣло.

в) Въ болѣзненныхъ (патологическихъ) состояніяхъ души и тѣла эта зависимость ихъ другъ отъ друга еще очевиднѣе. Разстройство грудныхъ органовъ, болѣзни печени и почекъ, упадокъ или болѣзненное возбужденіе нервовъ, иногда незамѣтно для насъ самихъ, непріятнымъ образомъ дѣйствуютъ на душу, пробуждаютъ мрачныя мысли, дѣлаютъ человѣка мнительнымъ, раздражительнымъ. Впрочемъ нѣкоторый навыкъ легко можетъ научить насъ распознавать значеніе подобныхъ душевныхъ состояній. Болѣзни души также почти всегда суть слѣдствія значительныхъ разстройствъ въ организмѣ. Однимъ словомъ, душа и тѣло находятся въ постоянномъ взаимнодѣйствіи между собою, не прерывающемся ни въ одно мгновеніе нашей жизни.

Нельзя отрицать, что соединеніе двухъ противоположныхъ природъ въ одно существо, въ одну жизнь, составляетъ задачу неразрѣшимую или, по крайней мѣрѣ, трудноразрѣшимую для человѣческой мысли. И потому принимая его какъ фактъ, данный въ опытѣ, и не вдаваясь въ разрѣшеніе вопроса о томъ, какимъ образомъ возможно это соединеніе души и тѣла въ одно существо и какъ вообще душа дѣйствуетъ на тѣло и тѣло на душу, мы опредѣлимъ только условія и формы ихъ взаимнодѣйствія и совокупной жизни, и *формальныя границы* между ними или предѣлы, гдѣ оканчиваются возбужденія тѣла на душу и начинается собственно душевная жизнь, больше или меньше независимая отъ чувственныхъ возбужденій, и гдѣ оканчиваются душевныя возбужденія на тѣло и начинаются физіологическіе процессы, независимые отъ строя и степени развитія душевной жизни.

Тѣло образуется и развивается подъ вліяніемъ общихъ законовъ жизни природы: но въ тоже время *приспособлено* къ жизни души и непрестанно осѣняются ею, такъ что душа постоянно направляетъ жизнь тѣла къ выполненію своихъ идеальныхъ цѣлей, но при этомъ не сознаетъ и не понимаетъ способа своего дѣйствія на тѣло. Тѣло относится къ душѣ, какъ органъ ея дѣятельности или какъ орудіе душевныхъ отправленій: этимъ и ограничивается его значеніе для души и вліяніе на душу. Но всѣ состоянія ея раждаются или развиваются изъ нѣдръ ея собственной природы, хотя при содѣйствіи внѣшняго возбужденія чувствующей нервной системы. Если бы собственная природа души не способна была изъ самой себя и въ самой себѣ развить собственныя формы внутреннихъ состояній, то внѣшнія впечатлѣнія ничего не внесли бы въ душу. Такимъ образомъ многосложныя и разнообразныя отправленія тѣла, какъ орудныя и понудительныя силы души, составляютъ условіе развитія духовной нашей жизни; но тѣмъ не менѣе ни сознаніе, ни какое-либо единичное ощущеніе или преставленіе не есть произведеніе тѣлесныхъ отправленій. Внѣшнія пространственныя и количественныя возбужденія тѣла, дѣйствующія на душу, въ сферѣ ея переходятъ въ чисто качественныя состоянія. Прибавимъ къ этому еще и то, что, по устройству

нервной системы, возбужденія эти доходятъ до души въ опредѣленномъ направленіи и въ опредѣленныхъ группахъ и возбуждаютъ въ ней различныя внутреннія состоянія въ соотвѣтственномъ направленіи, безъ всякой, съ ея стороны, предварительно, и сознательно-обдуманной къ тому подготовки. Но и на оборотъ, всѣ различныя движенія, которыя возникаютъ въ тѣлѣ по вызову души, хотя возбуждаются душевными состояніями, однакожъ, совершаются собственными силами тѣла по свойственнымъ ему законамъ жизни. Душа ничего не знаетъ непосредственно ни о положеніи и соединеніи тѣхъ органовъ, при содѣйствіи которыхъ она выполняетъ свои движенія, ни о процессахъ, которые совершаются въ той или другой тѣлесной системѣ вслѣдствіе душевнаго возбужденія. Душа узнаетъ строеніе нервовъ и мышцъ своего тѣла только посредственно, при помощи науки, и то не совершенно. Притомъ многія движенія возникаютъ въ тѣлѣ независимо отъ нашей воли, и даже наперекоръ ей, какъ, напримѣръ, различныя выраженія страстныхъ состояній. Поэтому было бы ошибочно представлять душу полновластною и неограниченною госпожею надъ тѣломъ. Мы воображаемъ, что въ каждомъ произвольномъ движеніи нашихъ членовъ выражается могущественное вліяніе нашей воли, между тѣмъ какъ дѣйствіе нашей воли состоитъ въ одномъ хотѣніи: а движеніе нашихъ членовъ есть не болѣе какъ возбуждаемое душою, но непонятное для нея самой, обнаруженіе присущей имъ физической силы. Вся власть воли надъ тѣломъ заключается въ томъ, что она можетъ безконечно разнообразить и осложнять первоначальныя простыя (элементарныя) движенія, которыхъ, однакожъ, сама собою произвесть не можетъ. Она пользуется ими, какъ уже *готовыми*, для своихъ цѣлей и соединяетъ ихъ въ безконечно-разнообразныя сочетанія, которыя, впрочемъ, по способу какъ возникновенія, такъ и совершенія, остаются для нея непосредственно непонятными.

Тѣсная связь и постоянное взаимодѣйствіе между душею и тѣломъ дали поводъ нѣкоторымъ наблюдателямъ человѣческой жизни слить двѣ эти природы въ одну и предполагать одну общую причину для явленій тѣлесныхъ и душевныхъ.

По этому представленію существуетъ одно общее начало жизни въ человѣкѣ, которое развиваетъ свою дѣятельность въ двухъ направленіяхъ—духовномъ и чувственномъ, такъ что всякое явленіе человѣческой жизни непремѣнно имѣетъ двѣ стороны: внутреннюю—духовную и внѣшнюю—тѣлесную. Такимъ образомъ душа и тѣло суть одна и таже сущность, въ которой мы различаемъ различныя способности или силы и ихъ дѣятельность или обнаруженія. Первыя составляютъ духовную, послѣднія—чувственную сторону этой сущности. Вмѣстѣ съ этимъ всякое явленіе человѣческой жизни имѣетъ двѣ стороны—внѣшнюю и внутреннюю. Внутреннюю составляетъ непространственное или духовное содержаніе явленія, внѣшнюю — его пространственная или тѣлесная сторона. Въ зрѣніи, напримѣръ, способность зрѣнія составляетъ его внутреннюю сторону, органъ зрѣнія и процессъ зрѣнія—его внѣшнюю сторону; въ слушаніи способность слуха—внутреннюю сторону, слуховой органъ (ухо)—внѣшнюю; равнымъ образомъ и всѣ прочія низшія и высшія отправленія духа — воспроизведеніе представленій, мышленіе—имѣютъ каждое собственный чувственный органъ, въ которомъ совершаются физіологическіе процессы, сопровождающіе и условливающіе собою психическую дѣятельность. Это ученіе о единствѣ душевной и тѣлесной природы человѣка имѣетъ два направленія смотря по тому, что считаютъ первымъ или начальнымъ въ человѣческой жизни — душу или тѣло. Въ первомъ случаѣ оно получаетъ видъ спиритуализма, во второмъ—матеріализма.

Спиритуализмъ.—Спиритуализмъ считаетъ душу строительницею тѣла, а тѣло произведеніемъ духа.—Душа въ своей несознательной дѣятельности образуетъ и какъ бы развиваетъ изъ себя тѣло и даетъ ему типъ и выраженіе, соотвѣтствующіе ея собственному настроенію. Этою перемѣнною дѣятельностью души въ сознательномъ и несознательномъ состояніи объясняются факты взаимной зависимости между душею и тѣломъ. Гдѣ преобладаетъ мышленіе или сознательная дѣятельность, тамъ соразмѣрно ослабѣваетъ дѣятельность несознательная, и эта слабость отзывается на слабости нервовъ и мышцъ; наоборотъ, усиленная несознательная дѣятельность ослабляетъ энергію сознанія и отзывается на слабости мышленія и неясности представленій.

Что душа принимаетъ участіе въ образованіи тѣла, и при томъ какъ въ періодѣ полнаго сознанія, такъ и до наступленія его, это едвали можно оспаривать. Если въ предѣлахъ нашего наблюденія возбужденіе воли заставляетъ сокращаться мышечныя волокна, такъ что за перемѣной въ состояніи души слѣдуетъ перемѣна и въ относительномъ положеніи мельчайшихъ частицъ тѣла, то нельзя сомнѣваться въ возможности, чтобы въ болѣе раннюю пору образованія, когда элементы тѣла не приняли еще того прочнаго склада и положенія, какое они имѣютъ у взрослаго, внутреннія движенія души не могли оказывать значительнаго вліянія и на первоначальную группировку частицъ и на выработку всего облика. Равнымъ образомъ и въ періодъ болѣе или менѣе полнаго развитія не можетъ быть отвергаемо участіе души въ развитіи тѣла. Если оно больше или меньше ограниченно относительно пластическаго образованія тѣла, принявшаго уже устойчивыя и мало измѣняющіяся формы, за то оно измѣняетъ, сообразно съ общимъ душенастроеніемъ, общее выраженіе тѣла, облагороживаетъ его или сообщаетъ ему свою распущенность.

Но изъ этого, однако-жъ, нельзя ничего вывести въ пользу спиритуалистической теоріи. Мы не видимъ непосредственно, не имѣемъ сознанія о томъ, какъ душа выводитъ изъ себя организмъ, какъ и вообще не знаемъ и слѣд. не можемъ судить съ достовѣрностью о несознательной душевной дѣятельности. Предѣлы знанія суть предѣлы сознанія. Куда не проникаетъ сознаніе, о томъ не можетъ быть знанія. Съ другой стороны, душевное и тѣлесное начала нашей природы представляются такими несоизмѣримыми въ своихъ отдѣльныхъ проявленіяхъ, и въ общемъ настроеніи часто до того несогласными, что производить ихъ одно изъ другаго было бы крайне непослѣдовательно.

Матеріализмъ.—Матеріализмъ считаетъ первоначальнымъ въ человѣческой жизни тѣло и изъ него производитъ всѣ явленія душевной жизни. По изъясненію его, психологическія явленія суть произведенія дѣятельности организма и принадлежатъ къ одному роду и порядку съ явленіями физіологическими. Вся умственная дѣятельность человѣка по формѣ и содержанію — чувственныя ощущенія, воспроизводительная, разсудочная и идеальная дѣятельность духа — есть измѣненіе въ расположеніи атомовъ кислорода, азота, фосфора и прочихъ составныхъ частей мозга. Процессъ умственной дѣятельности человѣка можно представить себѣ какъ колебаніе звучащей струны, или какъ выжиманіе воды изъ губки, или какъ выдѣляющую дѣятельность железы, напр. печени или почекъ.

Но точное наблюденіе вынуждаетъ насъ признать, что реальная основа явленій душевной жизни должна быть инаго рода — sui generis, нежели основа явленій, составляющихъ тѣлесную жизнь.

Средоточіе нашей душевной жизни, объединяющій центръ всѣхъ разнообразныхъ ея явленій, составляетъ *сознаніе*. Мы не только отличаемъ себя отъ всѣхъ внѣшнихъ предметовъ, но даже отдѣляемъ себя отъ собственныхъ нашихъ ощущеній, расположеній и состояній. Матеріалисты объясняютъ это тѣмъ, что всякое сознательное ощущеніе мозга противопоставляетъ себя другимъ ощущеніямъ и каждое изъ нихъ въ отношеніи къ другимъ есть подлежащее, а они всѣ въ отношеніи къ нему суть какъ бы внѣшніе предметы. Но при этомъ объясненіи вопросъ о единствѣ сознанія не разрѣшается, потому что въ такомъ случаѣ средоточными пунктами могутъ быть разные нервные центры, и черезъ это сознаніе раздробится и разсѣется по многимъ частямъ и потеряется единство жизни. Между тѣмъ мы сознаемъ себя одними и тѣми же съ начала до конца сознательной жизни. Мозгъ постоянно измѣняется въ своихъ составныхъ частяхъ: но сознаніе въ продолженіе всей жизни остается тоже.

Отъ основной формы душевной жизни—сознанія обратимся къ ея отправленіямъ. *Ощущеніе*, въ которомъ ближайшимъ и непосредственнымъ образомъ соприкасаются тѣлесная и духовная стороны, заключаетъ элементы той и другой, однако-жъ такъ, что одинъ не можетъ перейти въ другой, потому что они различной природы. Элементъ тѣлесной природы есть чувственное раздраженіе, напримѣръ раздраженіе органа зрѣнія свѣтовымъ предметомъ: но элементъ духовной природы есть психическое состояніе (воспріятіе, воззрѣніе), развивающееся въ душѣ по поводу чувственнаго раздраженія. Чувственное возбужденіе

всегда количественно и можетъ быть количественно измѣряемо: ощущеніе только качественно и никогда не можетъ быть измѣряемо количественно. Въ воспріятіяхъ зрѣнія, слуха и прочихъ чувствъ, нѣтъ ничего, что могло бы быть измѣряемо, какъ величина, тяжесть, фигура и проч.

Мышленіе—важнѣйшій актъ душевной жизни—не можетъ быть ни понято, ни объяснено безъ мыслящаго духа. Существенное въ мышленіи — разумныя воззрѣнія—категоріи и идеи—никакъ не могутъ быть изъяснены ни изъ колебаній мозга, ни изъ чувственныхъ впечатлѣній и ощущеній. Принимая чувственныя впечатлѣнія душа освѣщаетъ ихъ разумными воззрѣніями, подводитъ подъ категоріи бытія и отношеній, разсматриваетъ ихъ какъ сущность и явленія, причину и дѣйствіе, силу и образъ ея дѣйствія, цѣль и средства, цѣлое и части, устанавливаетъ связь между явленіями, образуетъ понятіе закона, различаетъ истинное отъ ложнаго, субъективное отъ объективнаго, правильное отъ неправильнаго. Устраните изъ познанія эти разумныя воззрѣнія, и вы уничтожите всякое познаніе. Но эти воззрѣнія даются и постигаются не чувствами. Кто и когда видѣлъ силу, вещество, причину, законъ, цѣль и идею? Однако-жъ они присущи каждому нашему познанію. Чувственныя возбужденія составляютъ только поводъ къ разумной дѣятельности духа. Разумъ даетъ имъ цѣну, опредѣляетъ ихъ внутреннее достоинство. Животныя не осмысливаютъ впечатлѣній, потому что имъ недостаетъ руководящаго начала—разума. Одинъ и тотъ же стебелекъ травы производитъ совершенно различное впечатлѣніе на мозгъ животнаго и научно образованнаго ботаника. Въ обоихъ зрителяхъ возбужденіе зрительнаго нерва существенно одинаково: но ученый изслѣдователь смотритъ на вещь еще и духовнымъ окомъ, котораго у животнаго вовсе нѣтъ, внутреннее чувство его направляется на самую сущность вещи и явленія, на дѣйствующій въ нихъ законъ природы и на разумную ихъ причину. Вотъ отчего происходитъ эта громадная разница въ способѣ воззрѣнія.

Наконецъ, *нравственныя, эстетическія и религіозныя идеи,* посредствомъ которыхъ мы отличаемъ доброе отъ дурнаго, прекрасное отъ безобразнаго и развиваемъ въ душѣ религіозныя представленія, даются намъ также не чувствами. Какъ внѣшнія вещи сами по себѣ безразличны въ отношеніи къ красотѣ, такъ и наши дѣйствія сами по себѣ суть физическія явленія, безразличныя въ отношеніи ихъ внутренняго достоинства. Но въ нашемъ сознаніи первыя являются прекрасными и отвратительными, послѣднія добрыми или худыми: слѣдовательно въ душѣ есть нормы, по сравненію съ которыми онѣ получаютъ тотъ или другой характеръ. Точно также внѣшнія впечатлѣнія не могутъ быть источникомъ религіозныхъ представленій. Матеріалисты объясняютъ ихъ слѣдствіемъ воспитанія и политическихъ разсчетовъ законодательства, но не задаютъ себѣ вопроса: откуда получилъ ихъ первый воспитатель и откуда взялось самое законодательство. Воспитаніе только развиваетъ и направляетъ прирожденное чувство; равно какъ законодательство только внѣшнимъ образомъ выражаетъ и формулируетъ прирожденную идею правды.

Человѣкъ и животныя.—Различія человѣка отъ животныхъ суть

частію физическія, частію психическія, или проистекающія вмѣстѣ изъ того и другаго начала.

Физическія разности, отличающія человѣка отъ животныхъ высшихъ породъ, суть слѣдующія: 1) нагота и гладкость кожи; 2) отвѣстное (вертикальное) положеніе стана и прямая походка, существенно отличающія его отъ всѣхъ млекопитающихъ: животныя принимаютъ это положеніе только на время или вынужденныя дрессировкой, но не какъ положеніе свойственное имъ по природѣ; 3) особенное образованіе кисти (рукъ) и стопы (ногъ). У животныхъ всѣ четыре конечности образованы одинаково, либо въ видѣ стопъ, либо въ видѣ кистей: но у человѣка переднія и нижнія конечности образованы совершенно различно, первыя въ видѣ кисти, послѣднія въ видѣ стопы. Кромѣ того есть отличія въ самомъ ихъ устройствѣ. Кисти обезьяны снабжены узкими длинными пальцами, длинною, узкою и плоскою ладонью: напротивъ, кисть человѣка представляется широкою и приспособлена къ тончайшимъ ощущеніямъ осязанія. Противоположеніе большаго пальца остальнымъ и свободное, независимое, положеніе рукъ дѣлаетъ ихъ способными къ самой разнообразной дѣятельности: между тѣмъ какъ у обезьянъ на переднихъ конечностяхъ вовсе нѣтъ большаго пальца и у всѣхъ млекопитающихъ переднія конечности служатъ только опорою при движеніяхъ. Стопа также занимаетъ важное мѣсто между признаками, отличающими строеніе человѣка. Толщина и длина большаго ножнаго пальца, малость и несовершенство остальныхъ пальцевъ, которые двигаются обыкновенно только вмѣстѣ, а не порознь, выдающееся переднее мясистое возвышеніе, образуемое особенно головками плюсневыхъ костей, сводообразное соединеніе костей плюсневыхъ и пяточныхъ, при чемъ вѣсъ всего тѣла распредѣляется на все протяженіе свода, узкая, но высокая пятка, немного выдающаяся назадъ,—составляютъ отличіе человѣческой стопы отъ обезьянъ; 4) совершеннѣйшее развитіе его мозга и нервной системы сравнительно съ нервною системою высшихъ животныхъ. Мѣрою развитія служитъ какъ вѣсъ мозга, такъ и число извивовъ на его поверхности, потому что умноженіе ихъ увеличиваетъ вообще поверхность сѣраго вещества полушарій. Впрочемъ эти

сравнительно анатомическія основы стоятъ не твердо, потому что до сихъ поръ не извѣстно значеніе у разныхъ животныхъ различныхъ частей головнаго мозга; 5) высшая организація его голосовыхъ органовъ, приспособленныхъ къ образованію членораздѣльныхъ звуковъ, чего не достаетъ животнымъ; 6) необыкновенная способность освоиваться съ новыми климатами (акклиматизація) или способность переносить значительныя разности температуры, которая соединяется съ чрезвычайной приспособительностью его дыхательныхъ и пищеварительныхъ органовъ къ потребленію и усвоенію пищи всякаго рода, животной и растительной. Его родъ снабженъ зубными формами плотоядныхъ и тровоядныхъ вмѣстѣ; сочлененіе челюстей принаровлено такъ, что равно допускаетъ ихъ и энергично смыкаться сверху внизъ и тереться другъ о друга въ горизонтальномъ направленіи; длина и устройство кишечнаго канала столько же способны къ медленному усвоенію растительной пищи, какъ и къ быстрой переваркѣ мяса.

Психическія разности. Душа человѣка и животныхъ представляютъ совершенно различные типы, такъ что только отдаленная аналогія можетъ находить между ними какое нибудь сходство. Говорятъ, что ощущеніе принадлежитъ одинаково человѣку и животнымъ. Если понимать ощущеніе, какъ реакцію живаго органическаго существа противъ впечатлѣній внѣшнихъ предметовъ, то, конечно, нельзя отказать животнымъ въ способности ощущенія. Но образъ проявленія этой способности у животныхъ, качества испытываемыхъ ими ощущеній и предѣлы различенія отдѣльныхъ ощущеній намъ совершенно неизвѣстны. Чувствуетъ ли животное запахъ благовонныхъ веществъ? Ощущаетъ ли разности тоновъ и цвѣтовъ? Нѣтъ основанія думать, чтобы впечатлѣніе извѣстнаго рода производило въ душѣ животнаго иное физическое ощущеніе, нежели въ нашей. Конечно, они видятъ свѣтъ, какъ свѣтъ, и слышатъ звукъ, какъ звукъ. Но вообще можно предположить, что у животныхъ способность къ различенію однородныхъ ощущеній, съ нѣкоторыми впрочемъ исключеніями, гораздо слабѣе, нежели у человѣка. Если мы, по свойству своей нервной системы, въ состояніи слышать только нѣсколько октавъ тоновъ и видѣть одну октаву цвѣтовъ, то для животныхъ границы

для чувствъ въ этомъ случаѣ еще тѣснѣе. Съ другой стороны ощущенія животныхъ, какъ направленныя къ исключительной цѣли—самосохраненія, не заключаютъ въ себѣ никакихъ элементовъ объективнаго отношенія къ предметамъ и наслажденія ими. Поэтому у нихъ особенно развита общая чувствительность, напримѣръ чуткость къ малѣйшимъ измѣненіямъ температуры, къ электрическому состоянію атмосферы; тоже исключительное направленіе чувствительности замѣтно и въ ощущеніяхъ органовъ чувствъ: между тѣмъ какъ у человѣка даже въ низшихъ сферахъ ощущенія повсюду видно вниманіе къ объективному достоинству впечатлѣній. Животное прямо удовлетворяетъ свой голодъ добычей; человѣкъ, напротивъ, приводитъ ощущенія вкуса въ нѣкоторую гармонію, располагая ихъ по внутреннему сродству и взаимному отношенію и устанавливая между ними нѣкоторую послѣдовательность. Далѣе, человѣкъ питаетъ особенное расположеніе къ благовоніямъ, какъ будто въ природѣ ихъ есть что-то сродное ему; даже на самыхъ низкихъ ступеняхъ образованія окружаетъ себя благовоніями въ религіозныхъ обрядахъ и въ обыденной жизни. При ощущеніяхъ звуковъ и цвѣтовъ мы вполнѣ предаемся созерцанію объективной красоты предметовъ: украшаемъ наши жилища цвѣтами и наслаждаемся мелодическимъ переливомъ тоновъ въ звукахъ человѣческаго голоса и въ пѣніи птицъ. Тоны составляютъ для насъ рядъ членовъ въ правильной гаммѣ, мы понимаемъ ихъ взаимное разстояніе другъ отъ друга, ихъ сродства и противоположности, и почитаемъ всѣ эти отношенія тоновъ собственною, внутреннею законностью міра звуковъ; подобная же законность, хотя менѣе ясно, открывается нами въ октавѣ цвѣтовъ. Царство животныхъ лишено этого чувства объективнаго достоинства и значенія ощущеній.

Но существенное отличіе человѣка отъ животныхъ составляетъ присутствіе въ его душѣ разума и свободы, которыхъ не достаетъ животнымъ. Никто еще не представилъ основательнаго доказательства въ пользу того, чтобы животныя могли различать доброе и злое, справедливое и несправедливое, чтобы они имѣли чувство прекраснаго, возвышеннаго, благороднаго и проч. Никто не ставитъ имъ въ нрав-

ственную заслугу или въ вину ихъ дѣйствій. Конечно и дитя сначала также не обнаруживаетъ разумной и свободной дѣятельности; однакожъ оно послѣ проявляетъ ее: значитъ возможность ея обнаруженія заключается въ природѣ его души. Напротивъ животное, какого бы оно ни было возраста и какъ бы ни было многоразлично постороннее вліяніе на него, при всемъ томъ не обнаруживаетъ никакого слѣда разумной и свободной дѣятельности, и потому нѣтъ причины предполагать въ его душѣ способности къ этой дѣятельности. Слѣдовательно человѣческая душа совершенно и существенно отлична отъ души животныхъ. Характеристическія особенности ея замѣтны уже на низшихъ ступеняхъ дѣятельности человѣческаго духа, хотя полное значеніе и отличіе послѣдняго отъ животной души выступаетъ на высшихъ ступеняхъ его развитія—въ мышленіи, нравственной дѣятельности, религіозныхъ чувствованіяхъ, въ эстетическомъ наслажденіи природою и въ художественномъ творчествѣ.

Смышленность и тѣ художественныя способности, какія животныя обнаруживаютъ, не суть результаты разсудительности мысли, но дѣйствіе естественныхъ побужденій и привычки къ извѣстной и опредѣленной дѣятельности, и происходятъ по внутренней, безсознательной необходимости. У недѣлимыхъ этого рода въ продолженіи тысячелѣтій незамѣтно никакихъ успѣховъ въ ихъ мнимыхъ способностяхъ къ искусству, никакого разнообразія въ ихъ произведеніяхъ. Ткань паука можетъ быть тоньше, нежели какую можетъ сдѣлать рука человѣка: но то, что дѣлаетъ послѣдняя, есть результатъ мысли и непрестанно усовершается посредствомъ наблюденія и изобрѣтательности.

Животное страдательно или инстинктивно подчиняется дѣйствію естественныхъ силъ: но человѣкъ, живя жизнію духа, развивается до самосознанія и свободы, и естественныя силы и способы жизни направляетъ къ высшимъ идеальнымъ и нравственнымъ цѣлямъ.

По нѣкоторымъ сторонамъ своей тѣлесной природы человѣкъ уступаетъ многимъ животнымъ. Большая часть животныхъ превосходитъ его тонкостью чувствъ, силою мускуловъ и вѣрностью инстинктивнаго побужденія. Но за всѣ эти превосходства человѣкъ возна-

гражденъ разумнымъ духомъ. Онъ усиливаетъ свою руку помощію рычага, ворота, блоковъ, клина; посредствомъ упругости паровъ, чрезъ взрывы пороха и ударной хлопчатой бумаги онъ передвигаетъ огромнѣйшія тягости, взрываетъ скалы, перемѣщаетъ горы. Пила, топоръ и огонь, при содѣйствіи человѣка, уничтожаютъ первобытные лѣса и превращаютъ ихъ въ плодоносныя поля. Буравъ проникаетъ въ самое твердое дерево, въ желѣзо, даже въ каменистые слои до весьма значительной глубины. Глазъ человѣка не можетъ распознавать неосвѣщенныхъ предметовъ, если они находятся далѣе 3436 діаметровъ ихъ величины: но человѣкъ устраиваетъ телескопъ и микроскопъ, и при помощи перваго наблюдаетъ чудеса неподвижныхъ звѣздъ, а посредствомъ другаго разсматриваетъ организмы инфузорій, которыхъ поперечникъ въ 100 разъ меньше толщины человѣческаго волоса. Изобрѣтательный духъ человѣка не только преодолѣваетъ враждебныя ему силы природы, но обращаетъ ихъ въ свою пользу, для питанія, охраненія, украшенія и облагороженія своего существованія. Не только могучій конь, волъ, слонъ дѣлаются ему послушны, но онъ заставляетъ движеніе вѣтровъ, теченіе воды, силу огня, пара, дѣйствіе химическаго сродства, свѣта и проч. помогать ему въ его работахъ и способствовать его цѣлямъ. Такая побѣда ума и воли надъ чувственною природою составляетъ историческій фактъ, подтверждающій неопровержимое существованіе и творческую силу духа, какъ начала возвышающагося надъ природою. Каждое новое изобрѣтеніе человѣка свидѣтельствуетъ о мыслящемъ, творящемъ духѣ.

Наконецъ, можно указать еще на одну отличительную особенность человѣка. Такъ какъ душа развивается у каждаго по особливымъ словіямъ его личной жизни, то это различіе обнаруживается и во внѣшнихъ выраженіяхъ его тѣла. Отсюда происходитъ, что у каждаго человѣка его тѣло, вообще способное къ выраженію тончайшихъ движеній души, въ тоже время выражаетъ ихъ особливымъ у каждаго образомъ. Въ его физіономіи, особенно въ игрѣ глазъ, въ звукахъ голоса, въ разнообразныхъ тѣлесныхъ движеніяхъ, какъ бы отражается вся его душа. Но кромѣ того, какъ нѣтъ двухъ человѣкъ совершенно сходныхъ между собою по лицу, такъ нѣтъ двухъ человѣкъ съ одинаковымъ выраженіемъ

лица: у всякаго своя улыбка, свой голосъ, своя походка, своя мимика. Животныя не имѣютъ ни слезъ, ни улыбки, и голосъ всѣхъ животныхъ одного класса или одной породы одинаковъ, движенія — также.

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

II. СОСТОЯНІЯ И ВИДОИЗМѢНЕНІЯ ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ, ЗАВИСЯЩІЯ ОТЪ СВЯЗИ ДУШИ СЪ ТѢЛОМЪ.

I. Сонъ и бодрствованіе.

Бодрствованіе есть состояніе, въ которомъ мы сознательно принимаемъ или отстраняемъ впечатлѣнія и совершаемъ произвольныя движенія. Бодрствованіе періодически смѣняется *сномъ*, занимая въ среднемъ возрастѣ жизни человѣка около двухъ третей (14—16 часовъ) суточнаго времени.

Сущность, равно какъ и причина сна, еще не объяснены наукой. Впрочемъ можно принять за достовѣрное, что сонъ есть такое же нормальное состояніе, какъ и бодрствованіе; потому что всѣ существенныя отправленія жизни во время сна совершаются также, какъ и во время бодрствованія. Поэтому сонъ есть такое же положительное или дѣятельное состояніе въ человѣческой жизни, какъ и бодрствованіе.

Народное представленіе, основываясь на очень отдаленной и ошибочной аналогіи, сближаетъ между собою явленія сна и смерти: но между ними нѣтъ ничего общаго. Сонъ есть одна изъ существенныхъ формъ духовно-чувственной жизни, а смерть есть прекращеніе ея въ условіяхъ земнаго существованія.

Нѣкоторые психологи видятъ въ состояніи сна возстановленіе правильнаго хода душевной жизни, нарушаемаго и стѣсняемаго въ

бодрственномъ состояніи нуждами тѣла и разсѣевающими душу впечатлѣніями внѣшняго міра. Порабощенная въ бодрственномъ состояніи тѣломъ, душевная жизнь становится во время сна господствующею, а чувственная какъ бы подавляется, уступая полный просторъ духу. Но нужно имѣть очень смутное понятіе о явленіяхъ бодрственной и сонной жизни, чтобы принять это мнѣніе. Свобода и сила духа заключается въ ясномъ и свѣтломъ сознаніи, которое человѣкъ имѣетъ или можетъ имѣть только въ бодрственномъ состояніи; во время же сна духовная жизнь бываетъ ограничена и какъ бы связана вслѣдствіе упадка воли и самосознанія. Наконецъ и то мнѣніе, что душа во время сна отрѣшается отъ всего матеріальнаго, входитъ въ общеніе съ духовными существами высшаго порядка и получаетъ отъ нихъ откровенія, не оправдывается ни общими законами отношеній человѣка къ сверхчувственному міру, ни, въ частности, природою и явленіями сна.

Характеристика сна съ физіологической и психологической стороны.—Сонъ обнимаетъ собою какъ тѣлесную, такъ и душевную жизнь; поэтому можно разсматривать его въ отношеніяхъ физіологическомъ и психологическомъ. 1) Въ физіологическомъ отношеніи различіе между бодрствованіемъ и сномъ заключается въ томъ, что въ нихъ неодинаково дѣйствуютъ различныя системы тѣла. Чувства, сохраняющія полную раздражительность въ бодромъ состояніи, во снѣ теряютъ ее—или совершенно или въ очень значительной степени. Мышцы произвольнаго движенія, находящіяся въ связи съ волей, также не дѣйствуютъ во снѣ (за исключеніемъ движеній рефлективныхъ, вполнѣ сохраняющихся), потому что не дѣйствуетъ ихъ начало—воля. Физіологическіе процессы совершаются хотя медленнѣе и слабѣе, но также непрерывно, какъ и во время бодрствованія. Наконецъ, собственно питаніе, т. е. усвоеніе и уподобленіе, происходитъ одинаково и безпрерывно какъ во снѣ, такъ и въ бодрственномъ состояніи. Ткани разрушаются частица за частицею и возобновляются также постоянно, а не періодически. Воображать противное—значило бы допустить, что организмъ, какъ машина, изнашивается при дѣйствіи и исправляется во время покоя, или что продолжительное дѣятельное бодрствованіе превращаетъ ткани въ состояніе подоб-

ное тому, въ какомъ находится платье, изъѣденное молью—чему прямо противорѣчитъ опытъ. По свидѣтельству его, уподобленіе есть процессъ непрерывный: новый матеріалъ образуется безпрестанно, точно также какъ разрушается старый, хотя и съ измѣнчивою быстротою. Примѣромъ можетъ служить разрушеніе и возобновленіе кожицы. Новыя клѣточки зарождаются и развиваются безпрестанно, занимая мѣсто клѣточекъ наружнаго слоя по мѣрѣ того какъ эти послѣднія отпадаютъ отживши. Вообще ткани растутъ, умираютъ и возобновляются частица за частицей. Но допуская, что физіологическіе процессы совершаются непрерывно какъ во время сна, такъ и во время бодрствованія, мы должны однакожъ принять по требованію ежедневнаго опыта, что сонъ заключаетъ въ себѣ существенныя условія для возстановленія силъ, ослабѣвающихъ отъ напряженнаго труда бодрственной жизни и для вознагражденія потерь, которыя сопровождаютъ всякую дѣятельность въ бодромъ состояніи. Мы просыпаемся утромъ съ свѣжими и бодрыми силами; къ полудню начинается упадокъ ихъ и къ концу дня достигаетъ значительной степени. Въ чемъ заключаются эти условія или эта благотворная дѣятельность сна, еще не опредѣлено наукою, если не считать вполнѣ удовлетворительнымъ того объясненія, что сонъ менѣе препятствуетъ спокойному развитію непроизвольныхъ физіологическихъ процессовъ, нежели бодрствованіе. Всѣ эти процессы совершаются и въ бодрственномъ состояніи, но мы до нѣкоторой степени стѣсняемъ ихъ умственными и вообще сознательными цѣлями нашихъ дѣйствій; между тѣмъ во время сна жизнедѣятельность тѣлесныхъ органовъ развивается съ большею свободою и энергіею.— Сонъ производится усталостью, состоящею въ ослабленіи нервной и мышечной системъ вслѣдствіе продолжительной дѣятельности. По наблюденіямъ нѣкоторыхъ физіологовъ съ этимъ ослабленіемъ соединяется легкій приливъ крови къ сосудамъ мозга, органамъ чувствъ и мышцамъ произвольнаго движенія: это-то ненормальное размѣщеніе крови, которое сказывается для чувства какъ усталость, вѣроятно и служитъ причиною сна.

2) Съ психической стороны характеристику сна составляетъ ослабленіе сознанія, ослабленіе и нерѣдко прекращеніе самосознанія и воли. Сознаніе есть процессъ сложный, требующій для своего возни-

кновенія и для своего продолженія постоянно новыхъ внѣшнихъ впечатлѣній. Какъ скоро притокъ новыхъ впечатлѣній прекращается, то прекращается и сознаніе, потому что ничто не возбуждаетъ представленій къ дѣятельности. Но такъ какъ впечатлѣнія отъ внѣшняго міра принимаются чувствами, то, какъ скоро чувства ослабѣютъ до того, что не могутъ принимать впечатлѣній, сознаніе становится слабымъ или вовсе прекращается, душа переходитъ изъ сознательнаго состоянія въ полусознательное и, наконецъ, въ несознательное. Вмѣстѣ съ этимъ ослабѣваетъ, а иногда совершенно прекращается самосознаніе: такъ во снѣ мы иногда видимъ себя другимъ лицомъ, черты котораго заимствованы изъ нашего прошлаго или изъ желаемаго будущаго состоянія. Равнымъ образомъ ослабѣваетъ власть человѣка надъ собою и надъ своими движеніями. Рука, крѣпко державшая книгу, мало по малу опускается и книга выпадаетъ изъ нея. Отъ этой потери воли зависитъ и то, что во снѣ мы не можемъ по произволу останавливать вниманія ни на одномъ предметѣ. Передъ нашими глазами совершаются разнообразныя событія, развертываются одна за другой новыя картины съ чрезвычайною быстротою — и мы не можемъ удержать или остановить ни одной картины на мгновеніе, не можемъ обсмотрѣть критически ни одного представленія, и даже не удивляемся этой быстрой и неожиданной смѣнѣ разнообразныхъ лицъ и событій. Отъ этого же зависитъ, что страшный сонъ, какъ грозная туча, налегаетъ на насъ всею своею тяжестію, не пропуская въ душу ни одного луча свѣта. Непріятное событіе, которое можетъ случиться съ нами въ дѣйствительности, совсѣмъ не такъ обезпокоило бы насъ въ бодромъ состояніи, какъ во снѣ; потому что во снѣ мы не можемъ ни обсудить своего состоянія, ни возбудить тѣхъ представленій, которыя ослабили бы тягостное впечатлѣніе непріятнаго событія.

Сонъ есть какъ бы хаотическое, неупорядоченное состояніе духа, въ которомъ различные образы возникаютъ и смѣняются одни другими безъ участія упорядочивающей ихъ воли. Сновидѣнія набѣгаютъ и убѣгаютъ какъ волны—и мы не можемъ ни возбудить ихъ, ни направить, ни остановить. Мы относимся къ нимъ совершенно страдательно и не можемъ укладывать ихъ въ тѣ формы пространственныхъ и временныхъ отношеній, въ которыхъ сознаніе представ-

ляетъ предметы матеріальнаго и духовнаго міра въ бодромъ состояніи. Мѣстности мѣняются для насъ непрерывно: мы безъ труда переносимся съ мѣста на мѣсто. Точно также моменты времени давно прошедшаго, недавняго и настоящаго, сливаются въ одинъ настоящій моментъ; событія, давно совершившіяся, являются предъ нашими глазами какъ текущія событія; давно умершія лица являются живыми и дѣйствующими людьми настоящаго времени. Границы, отдѣляющія физически и нравственно естественное отъ неестественнаго и сверхъестественнаго и дѣйствительное отъ возможнаго, сглаживаются. Будущее возможное представляется какъ совершающаяся дѣйствительность. Характеры возвышенные и серьезные являются иногда въ положеніяхъ, несоотвѣтствующихъ ихъ нравственной чистотѣ. Впрочемъ мы должны помнить, что во время сна прекращается только сознаніе, но душевная жизнь не прекращается и не измѣняется.

Наступленіе сна обусловливается состояніемъ нашего организма. Его нельзя произвесть однимъ усиліемъ воли. Всякій знаетъ, какъ томительна безсонная ночь. Съ другой стороны никакимъ усиліемъ воли нельзя предотвратить сна при извѣстныхъ состояніяхъ общаго истощенія. Солдаты засыпаютъ иногда не смотря на пушечные выстрѣлы надъ самымъ ухомъ. Осужденные спятъ глубокимъ сномъ наканунѣ казни.

Впрочемъ есть нѣкоторыя обстоятельства, частію находящіяся въ нашей власти, которыми мы можемъ ускорять или отдалять усыпленіе.

Наступленію сна благопріятствуетъ все то, что ослабляетъ духовную дѣятельность; напротивъ препятствуетъ ему все, что производитъ обратное дѣйствіе, т. е. возвышая духовную жизнь ослабляетъ физіологическіе процессы. Въ частности къ условіямъ, благопріятнымъ наступленію сна въ здоровомъ состояніи человѣка, относятся: напряженная умственная или мышечная дѣятельность въ бодрственномъ состояніи, усиленное возбужденіе чувствъ, уменьшеніе внѣшнихъ впечатлѣній, печаль, скорбныя движенія души, и проч. Очень извѣстны нѣкоторые переливы звуковъ, которые располагаютъ ко сну: однообразный стукъ часовъ, жужжаніе пчелъ, журчаніе ручья, шелестъ листьевъ. Равномѣрное сотрясеніе экипажа, въ которомъ мы ѣдемъ, чтеніе книги, лишенной интереса, имѣютъ общеизвѣстную способность производить это дѣйствіе. Если подвести эти явленія подъ одинъ законъ, то окажется, что всѣ эти причины такого рода, что развлекаютъ

наше вниманіе и между тѣмъ сами не имѣютъ столько интереса, чтобы занять его. Можно пріобрѣсть привычку засыпать и просыпаться въ извѣстное время: люди, занятые механическими работами, моряки, солдаты, мастеровые легко пріобрѣтаютъ такую привычку. Равнымъ образомъ замѣчаютъ, что дѣти и взрослые, мало работающіе умомъ, засыпаютъ скоро и спятъ крѣпко. Для нихъ вся жизнь заключается въ чувственныхъ ощущеніяхъ: съ прекращеніемъ ихъ настаетъ полная недѣятельность души. Къ условіямъ препятствующимъ наступленію сна или прекращающимъ сонъ относятся: сосредоточенность вниманія на одномъ предметѣ, напряженная дѣятельность воображенія, сильныя заботы, страсти, сильныя тѣлесныя боли, холодъ не въ высокой степени, разнообразіе звуковъ и предметовъ и т. п.

Сонъ наступаетъ не вдругъ; органы засыпаютъ послѣдовательно, и нѣкоторые еще бодрствуютъ, когда другіе уже впали въ усыпленіе. Прежде всего ослабѣваютъ и поддаются вліянію сна мышцы конечностей. Изъ чувствъ прежде другихъ засыпаетъ зрѣніе; утомленный глазъ тускнетъ, теряетъ свой блескъ и неподвижно устремляется на предметы, которыхъ уже не видитъ. Впрочемъ сѣтчатая оболочка можетъ и во снѣ ощущать впечатлѣнія свѣта, чѣмъ объясняется пробужденіе подъ вліяніемъ внезапнаго яркаго свѣта. Но свѣтъ можетъ дѣйствовать на глазъ, не возбуждая ощущенія: если перенесть спящаго изъ темноты на свѣтъ, то зрачки его съузятся, хотя бы онъ и не проснулся. Вкусъ и обоняніе переходятъ въ состояніе сна безъ всякихъ замѣтныхъ явленій. Дѣятельность осязанія прекращается при первомъ появленіи сна; за то это чувство никогда не спитъ крѣпко: достаточно одного легкаго прикосновенія, чтобы разбудить уснувшаго. Слухъ засыпаетъ послѣ другихъ чувствъ и заканчиваетъ явленія, предшествовавшія наступленію сна.

Большею частію усыпляющія вліянія дѣйствуютъ чрезъ органъ слуха, такъ что при его посредствѣ засыпаютъ другія чувства, когда онъ еще бодрствуетъ. Засыпая послѣ всѣхъ другихъ чувствъ слухъ пробуждается прежде всѣхъ и будитъ другія чувства, точно также какъ прежде способствовалъ ихъ усыпленію. При глубокомъ усыпленіи мы пробуждаемся, если произнесутъ наше имя тихимъ голосомъ; впрочемъ это явленіе не есть только результатъ ощущеній, но зависитъ отъ особыхъ психологическихъ условій. Напротивъ того и сильнѣйшій шумъ не мѣшаетъ спать, ежели къ нему привыкли.

Сновидѣнія. Сонъ и бодрствованіе нисколько не противоположны между собою. Въ одно состояніе входятъ элементы другаго, въ сонъ—бодрствованіе, въ бодрственное состояніе—сонъ. Самымъ обыкновеннымъ родомъ этого смѣшенія служатъ сновидѣнія. Сновидѣніе есть дѣятельность души во снѣ, бодрствованіе во время сна.

Причина сновидѣній. Возбужденіе сознанія во время сна, хотя не такое полное, кавъ въ бодрственномъ состояніи, можетъ происходить отъ всего, что въ обыкновенномъ порядкѣ жизни можетъ возбуждать сознаніе. Поэтому причинами сновидѣній могутъ быть: раздраженія внѣшнихъ чувствъ, сохраняющихъ нѣкоторую степень воспріимчивости во время сна; возбужденія идущія отъ общаго чувства и отъ процессовъ кровообращенія, пищеваренія, дыханія, отдѣленія желчи и прочихъ. Когда впечатлѣніе сдѣлано или возбужденіе дано, то направленіе его опредѣляется общими законами репродукціи т. е. каждое впечатлѣніе пробуждаетъ въ душѣ тѣ представленія, съ которыми оно имѣетъ какое нибудь сходство или которыя ближе къ сознанію. Такимъ образомъ сновидѣнія зависятъ 1) отъ свойства впечатлѣній, дѣйствующихъ на наши внѣшнія чувства, когда мы спимъ. Впечатлѣнія эти производятъ сновидѣнія тогда, когда бываютъ недовольно сильны для того, чтобы произвесть полное ощущеніе въ соотвѣтствующемъ чувствѣ. Съ этихъ впечатлѣній начинается и около нихъ обращается длинный рядъ сновъ: одинъ какой-нибудь звукъ пробуждаетъ въ насъ множество разныхъ воспоминаній и развертываетъ передъ нами разнообразныя картины лицъ и событій. Такъ какъ не всѣ чувственные органы находятся въ одинаковомъ состояніи во время сна, то одни скорѣе принимаютъ впечатлѣнія, нежели другіе. 2) Отъ свойства впечатлѣній, дѣйствующихъ на общее чувство. Если на руку или на ногу во время сна подуетъ холодный вѣтеръ изъ отвореннаго окна, то намъ снится цѣлая зимняя поѣздка съ самыми разнообразными приключеніями. Приливы крови къ головѣ и нервное раздраженіе также бываютъ причинами сновъ, соотвѣтствующихъ этимъ состояніямъ. 3) Какъ постоянный характеръ человѣка и родъ его занятій, такъ и особыя состоянія, въ которыхъ онъ находится, имѣютъ

вліяніе на сны. Поэтому сновидѣнія у людей бываютъ различныя, какъ различны ихъ характеры и обстоятельства, въ которыхъ они находятся. Натуралистъ видитъ во снѣ новыя формы растеній и виды животныхъ; математикъ рѣшаетъ задачи и дѣлаетъ вычисленія; поэтъ подбираетъ образы для выраженія своихъ мыслей, вычисляетъ метръ, подбираетъ рифмы; ораторъ сочиняетъ или говоритъ рѣчи. Счастливому человѣку снятся радостные сны, несчастному—печальные и тревожные. 4) На характеръ сновидѣній имѣютъ вліяніе различные періоды сна. Сновидѣнія съ болѣе духовнымъ характеромъ бываютъ непосредственно послѣ наступленія сна или передъ пробужденіемъ; напротивъ въ срединѣ ночи, во время глубокаго сна, когда почти исключительно дѣйствуютъ физіологическіе процессы, сновидѣнія запечатлѣваются болѣе чувственнымъ характеромъ.

Сновидѣнія вращаются преимущественно въ области зрѣнія и слуха и рѣдко въ области обонянія и вкуса. Во снѣ иногда мы сидимъ за роскошнымъ столомъ, обѣдаемъ или гуляемъ въ саду и однакожъ наши чувства вкуса и обонянія не испытываютъ никакого ощущенія. Причина та, что представленія этихъ двухъ чувствъ отличаются меньшею степенью крѣпости и потому не могутъ быть воспроизведены во снѣ.

Если во снѣ репродукція идетъ свободно, то мы можемъ дѣлать очень сложныя сочетанія или сближенія представленій; въ умственномъ отношеніи можемъ составлять импровизаціи, давать и рѣшать задачи, говорить цѣлыя рѣчи; въ художественномъ—рисовать картины, которыя иногда оставляютъ по себѣ пріятное воспоминаніе; въ практическомъ — составлять планы и придумывать разнообразныя средства къ исполненію ихъ. Мысли наши получаютъ тѣмъ болѣе широкіе размѣры, что ни одинъ посторонній образъ не оспориваетъ у нихъ поля сознанія. Но собственно такъ называемое логическое или философское мышленіе не можетъ быть содержаніемъ сновъ, потому что во снѣ всѣ представленія облекаются въ чувственныя формы, а философское мышленіе имѣетъ дѣло съ понятіями, а не съ образами.

Во снѣ мы считаемъ сновидѣнія за дѣйствительныя ощущенія и наблюденія, потому что не въ состояніи бываемъ повѣрить ихъ съ

дѣйствительностію. Въ этомъ отношеніи субъективныя (возбуждаемыя внутреннимъ образомъ, безъ внѣшней причины) ощущенія нашего бодраго состоянія имѣютъ сходство со снами. Такъ, напримѣръ, человѣкъ иногда видитъ предметы не существующіе; любуется картинами, которыя создало его воображеніе; слышитъ разные звуки, для которыхъ нѣтъ внѣшней причины; чувствуетъ боль въ отрѣзанныхъ членахъ. Все это—субъективныя ощущенія, которыхъ нельзя отличить отъ ощущеній, возбуждаемыхъ внѣшними предметами. Но въ обыкновенной жизни мы повѣряемъ ощущенія одного чувства другимъ и тогда удостовѣряемся, что того или другаго видимаго нами предмета на самомъ дѣлѣ нѣтъ, и что впечатлѣніе слышимаго нами звука происходитъ не отъ звучащаго тѣла, а отъ давленія крови на слуховой нервъ. Между тѣмъ могутъ быть такія состоянія, въ которыхъ эта повѣрка невозможна. Если слѣпой, чувствуя боль въ головѣ, вообразитъ, что на него что-то давитъ сверху, то онъ легко можетъ разувѣриться въ присутствіи внѣшней тяжести ощупавши голову рукою. Отнимите у него это средство—для него повѣрка сдѣлается невозможною и онъ будетъ думать, что боль въ его головѣ происходитъ отъ давленія внѣшняго предмета. Подобное этому мы испытываемъ во снѣ, когда спящія чувства отнимаютъ у насъ возможность повѣрки нашихъ ощущеній съ дѣйствительными предметами. Если мы въ бодромъ состояніи слышимъ горѣлый запахъ, то оглядываемся — не горитъ ли что; но чувствуя этотъ запахъ во время сна мы не можемъ сравнить нашего ощущенія съ дѣйствительностію, и намъ пригрезится пожаръ, кузница или что нибудь подобное.

Въ продолженіе сна на насъ дѣйствуетъ вообще немного впечатлѣній, и тѣ большею частію бываютъ слишкомъ слабы, чтобы пробудить рядъ представленій, стоящихъ въ связи съ ними и между собою. Какое-нибудь впечатлѣніе, приведши въ движеніе небольшое количество представленій, прекращается, а вмѣстѣ съ тѣмъ прерывается сновидѣніе. Черезъ нѣсколько времени слѣдуетъ новое возбужденіе, не имѣющее отношенія къ предыдущему, и начинается новая греза безъ всякой связи съ первою. Отъ этого происходитъ *безсвязность* большей части нашихъ *сновидѣній*.

Многихъ сновъ мы не помнимъ. Воспоминаніе совершается по

извѣстнымъ законамъ ассоціаціи или связи представленій: но большая часть сновъ и сами по себѣ безсвязны и имѣютъ только случайное отношеніе къ нашей дѣятельности въ бодрственномъ состояніи, такъ что не по чему бываетъ вспомнить ихъ. Поэтому мы почти никогда не помнимъ сновъ, бывшихъ во время глубокаго сна, когда почти всецѣло прекращается связь между внѣшнимъ міромъ и психическою жизнію, но легче припоминаемъ сонъ, видѣнный при засыпаніи и особенно предъ пробужденіемъ. Въ первомъ случаѣ сонъ бываетъ, большею частію, продолженіемъ дневной сознательной дѣятельности, а во второмъ непосредственно смѣняется ею. Въ томъ и другомъ случаѣ сохраняется связь сновъ съ дѣйствительными ощущеніями и слѣдовательно есть звено, которое можетъ привесть на память нашъ сонъ.—Съ иными сновидѣніями бываетъ то же, что съ нѣкоторыми мыслями. Иногда мы какъ будто теряемъ мысль и даже цѣлый рядъ мыслей, и только по прошествіи нѣкотораго времени снова вспоминаемъ ихъ вдругъ или почленно. Такъ и съ снами: иногда мы совершенно забываемъ что видѣли во снѣ, но какая нибудь случайная связь представленій приводитъ намъ сонъ на память.

Символика сновидѣній. Такъ какъ сновидѣнія часто имѣютъ свое основаніе въ органическихъ расположеніяхъ и въ ходѣ физіологическихъ процессовъ, то не удивительно, что сновидѣніе иногда даетъ намъ знать о какомъ либо органическомъ разстройствѣ или предвѣщаетъ скорую болѣзнь. Что касается до другихъ сновидѣній будто бы предсказывающихъ будущее, то большая часть ихъ есть дѣло фантазіи, и если они иногда сбываются, то совершенно случайно, по сообразности съ нашимъ характеромъ и съ нашими обстоятельствами. Между тѣмъ очень многіе люди вѣрятъ снамъ. Не умѣя объяснить ихъ изъ прошлаго, изъ репродукціи, и не видя связи ихъ съ настоящимъ, ищутъ разгадки для нихъ въ будущемъ. Случайность, оправдавшая нѣсколько сновидѣній, располагаетъ къ вѣрѣ во всѣ сновидѣнія, какъ въ откровенія изъ другаго міра; а естественное желаніе у человѣка усмотрѣть хоть что нибудь въ будущемъ, приподнять хоть край таинственной завѣсы, покрывающей нашу даль-

нѣйшую судьбу, даетъ опору суевѣрному довѣрію снамъ. Въ особенности это суевѣрное довѣріе развивается, какъ многія другія суевѣрія, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, въ которыя бываетъ поставленъ человѣкъ. Молодые, здоровые и счастливые люди рѣдко вѣрятъ снамъ; но пожилые, съ ослабленною нервною системою, несчастные съ боязнію взирающіе на наступающій день, и больные, легко поддаются вообще суевѣріямъ и въ частности—довѣрію къ снамъ. Въ древнихъ религіяхъ сновидѣнія представлялись однимъ изъ способовъ, посредствомъ которыхъ божество открываетъ людямъ свою волю. Сны происходятъ отъ Бога, говорили древніе греки. Многіе люди и въ наше время думаютъ также. На это довольно замѣтить, что такъ какъ во снѣ дѣйствуютъ всѣ тѣ же душевныя силы, какъ и въ бодрственномъ состояніи, то безъ сомнѣнія и религіозныя понятія и интересы могутъ составлять содержаніе сновъ. Религіозно-настроенный человѣкъ можетъ видѣть во снѣ существа сверхъестественныя въ чувственныхъ образахъ, можетъ обращаться къ нимъ съ своими желаніями и надеждами и получать отъ нихъ наставленія, утѣшеніе и ободреніе. Но относительно толкованія подобныхъ сновъ слѣдуетъ поступать также, какъ относительно всѣхъ прочихъ сновъ, т. е. повѣрять ихъ мыслію свѣтлаго, руководимаго христіанскимъ ученіемъ, сознанія. Въ системѣ христіанскаго вѣроученія нѣтъ ни одного понятія, которое бы сообщено было людямъ во снѣ. Основатель христіанской вѣры Іисусъ Христосъ нигдѣ не обращаетъ мысли своихъ учениковъ къ снамъ, какъ къ откровенію божественной воли, но вездѣ обращаетъ ихъ къ познанію истины посредствомъ сознательнаго изслѣдованія ея. Всѣ христіанскія вѣроопредѣленія раскрывались также путемъ напряженнаго мышленія и самодѣятельной работы духа въ связи съ ходомъ историческихъ событій.

II. Природное расположеніе.

Общее и болѣе или менѣе постоянное состояніе всего тѣла, имѣющее весьма большое вліяніе на душевное расположеніе человѣка, есть *природное* его *расположеніе*.

Къ природному расположенію относятся: крѣпкое или слабое тѣлосложеніе, здоровье или болѣзненность организма, сила кровеобращенія и пищеваренія, чистота или испорченность соковъ и пр.

Все, что непосредственно или посредственно дѣйствуетъ на тѣлосложеніе и здоровье человѣка, — физическій характеръ націи, къ которой онъ принадлежитъ, родъ занятій, жизнь сельская или городская, осѣдлая или кочевая, — все это имѣетъ вліяніе также и на душевное его расположеніе и образованіе. Но преимущественно сюда относится вліяніе климата и пищи.

Подъ именемъ *климата* въ обширномъ смыслѣ разумѣется средняя температура воздуха, степень влажности его и сила давленія, неодинаковое распредѣленіе свѣта и теплоты, различное обращеніе вѣтровъ, составъ почвы и питающихъ ее водъ, прозрачность и ясность небесной тверди, коротко — все то, что производитъ на землѣ измѣненіе и разнообразіе формъ растительной и животной жизни.

Въ физическомъ отношеніи отъ вліянія климата зависятъ, хотя не безусловно, разности тѣлосложенія, быстраго или медленнаго развитія тѣла, ускореннаго или медленнаго половаго развитія, цвѣтъ кожи и частію темпераментъ народа. Въ психическомъ отношеніи климатъ дѣйствуетъ на человѣка или возбуждающимъ или подавляющимъ образомъ, съ различными степенями силы и постоянства. Въ характерѣ обитателя теплыхъ странъ преобладаютъ воображеніе, живость мысли, мечтательность, страсти, развивающіяся до большихъ размѣровъ, стремительныя движенія и порывы всякаго рода, переходящіе часто въ дикое изступленіе. Холодному климату болѣе свойственны перевѣсъ разсудка надъ воображеніемъ, высшее развитіе науки, чувство не столь живое, но глубокое и продолжительное, слабое развитіе чувственныхъ страстей и порывовъ, хладнокровіе и разсчитанность. Въ жаркихъ странахъ дѣти созрѣвая преждевременно рано испытываютъ волненія чувственности, и это производитъ видоизмѣненіе во всемъ ихъ нравственномъ существованіи. Послѣдствіемъ рановременной зрѣлости бываетъ вялость, апатія, преждевременное ослабленіе и ранній отцвѣтъ. Въ странахъ умѣренныхъ физическія силы развиваются медленнѣе, но равномѣрнѣе; жизнь, постоянно

возбуждаемая къ труду и реактивнымъ движеніямъ, оставляетъ не много времени для воображенія и мечтательности; забота о существованіи, при скудной сравнительно производительности природы, развиваетъ изобрѣтательность; душевныя движенія развиваются медленнѣе, но ровнѣе; разсудокъ беретъ перевѣсъ надъ чувствомъ; нравственный порядокъ жизни—надъ порывами и увлеченіями страстей. Ясное голубое небо, пріятный ароматическій воздухъ производятъ благодѣтельное вліяніе на человѣка, возбуждая его къ физической и духовной бодрости; напротивъ холодъ атмосферы, голыя степи, безплодныя пустыни, сѣрое, закрытое облаками небо, раждаютъ въ человѣкѣ мрачное настроеніе, располагаютъ къ угрюмости, дѣлаютъ суровымъ.

Вліяніе *пищи* на организмъ и чрезъ него на душевныя расположенія тѣмъ значительнѣе, чѣмъ оно постояннѣе и непрерывнѣе. Чтобы судить объ этомъ вліяніи, нужно разсматривать пищу какъ питательное вещество, способствующее постоянному возобновленію организма, и какъ источникъ животной теплоты, возбуждающей и поддерживающей органическія отправленія. Извѣстно, что кислородъ воздуха, проникая въ наши легкія и распространяясь по организму, соединяется съ углеродомъ, который мы принимаемъ въ пищѣ. Это соединеніе происходитъ только въ извѣстныхъ опредѣленныхъ пропорціяхъ и сопровождается развитіемъ теплоты, необходимой для тѣла. Поэтому въ холодномъ климатѣ, вслѣдствіе большей густоты воздуха, люди вбираютъ въ себя съ каждымъ дыханіемъ большій объемъ кислорода, нежели въ жаркомъ, гдѣ воздухъ разрѣжается отъ теплоты; но вмѣстѣ съ этимъ требуется и большее потребленіе углерода; и потому пища, употребляемая жителями холодныхъ странъ, должна содержать его больше, нежели пища употребляемая въ странахъ жаркихъ. Вотъ почему жители полярныхъ странъ потребляютъ въ большихъ количествахъ китовый жиръ и сало, между тѣмъ какъ между тропиками отъ подобной пищи вскорѣ послѣдовала бы смерть, и потому тамъ обыкновенная пища состоитъ почти исключительно изъ плодовъ, риса и другихъ растительныхъ веществъ. Дознано, что масла содержатъ въ шестеро больше углерода, чѣмъ плоды, а крахмалъ, самая важная составная часть раститель-

ныхъ веществъ, употребляемыхъ въ пищу, состоитъ почти на половину изъ кислорода. Для возобновленія тканей и вознагражденія убылей организма служатъ преимущественно азотистыя вещества, имѣющія наименьшее сродство съ кислородомъ. Поэтому въ жаркихъ странахъ, гдѣ тѣло меньше подвергается напряженіямъ и убыль тканей происходитъ медленнѣе, люди менѣе требуютъ азотистой пищи, нежели въ странахъ холодныхъ.

Что касается до отношенія между родомъ потребляемой пищи и энергіею психической живости, то нѣкоторые физіологи усвояютъ мясной пищѣ способность предпочтительно возбуждать подвижность, смышленость и силу характера, между тѣмъ какъ растительную обвиняютъ въ слабости человѣческихъ племенъ, исключительно ее потребляющихъ. Говорятъ, что, при одинаковости всѣхъ другихъ условій, народы, питающіеся мясомъ, всегда были выше народовъ, питающихся зернами, въ отношеніи искусствъ, требующихъ энергіи и труда: потому что мясная пища болѣе возвышаетъ мышечную силу, ускоряетъ обмѣнъ веществъ и совершеннѣе поддерживаетъ организмъ, нежели растительная. Тотъ же самый ирландецъ, у котораго въ его отечествѣ, при картофельной діэтѣ, руки были негодны для труда, въ Америкѣ, при питательной пищѣ, при мясѣ и рыбѣ, нерѣдко особенно цѣнится какъ рабочій. Въ странахъ, гдѣ бѣдные классы питаются исключительно каштанами, сарацинскимъ пшеномъ или другими грубыми питательными веществами, замѣчается, будто бы, безусловная почти тупость этихъ классовъ и необыкновенная вялость въ ихъ желаніяхъ. Индѣйцы вообще, и въ особенности ихъ брамы, слабаго сложенія, не имѣютъ ни силы, ни энергіи, ни дѣятельности европейцевъ. Причина этого заключается, будто бы, въ тѣхъ лишеніяхъ, на которыя они осуждены природой, или сами себя осудили: они питаются только зернами и другими малопитательными растительными веществами.—Но всѣ эти выводы основываются на сравненіи англичанъ съ ирландцами, вообще европейцевъ съ индусами, янанцами и китайцами; между тѣмъ «дѣло представляется иначе, если сдѣлать болѣе обширныя сравненія. Готентоты и кафры, которые съ такимъ же пристрастіемъ, какъ и народы холодныхъ климатовъ, поѣдаютъ въ огромныхъ количествахъ сало и жиръ, сильно отличаются другъ отъ друга въ отношеніи умственной живости и характера. Буряты и многіе другіе сибирскіе народы имѣютъ малый ростъ и слабое сложеніе, хотя питаются исключительно животною пищею. Напротивъ большая часть островитянъ Южнаго океана хотя и ѣдятъ очень много, но почти исключительно растенія и рыбу: между тѣмъ въ умственномъ отношеніи они чрезвычайно живы и обладаютъ превосходными способностями; многіе изъ нихъ въ высшей степени воинственны. Самые дикіе изъ нихъ, и въ тоже время наиболѣе способные, жители острововъ Фиджи питаются почти исключительно растительной пищей». (Вайцъ, *Антропологія первобытныхъ народовъ*, т. 1, стр. 58—59. Спб. 1867 г.).

Способность питаться съ пользою для организма сподручными, находящи-

мися въ достаточномъ количествѣ веществами, кромѣ климатическихъ условій, зависитъ отъ наслѣдственно передаваемой привычки организма, пришедшаго въ полное равновѣсіе съ условіями природы, при которыхъ онъ образовался, отъ постояннаго упражненія силъ и дѣятельной жизни. Умственная же энергія и сила характера зависятъ отъ иныхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, условій.

Какъ велико вліяніе климата и вообще внѣшней природы на развитіе духовной жизни отдѣльнаго человѣка и народовъ—этотъ вопросъ рѣшаютъ различно. Одни совершенно подчиняютъ внѣшней природѣ развитіе души: Монтескье и Бокль довели эту мысль до такой крайности, что принесли ей въ жертву самостоятельную дѣятельность духа. Другіе, напротивъ, считаютъ это вліяніе слишкомъ маловажнымъ. Но оба эти мнѣнія суть крайности и потому не могутъ быть приняты за совершенно вѣрныя. Справедливая средина заключается въ томъ, что хотя внѣшняя природа имѣетъ большое вліяніе на развитіе духовной жизни человѣка, на образованіе народныхъ характеровъ, на возбужденіе умственной жизни и цивилизаціи, но это вліяніе не такъ безусловно, чтобы исключительно отъ него зависѣли душевныя настроенія, историческая судьба, характеръ и степень цивилизаціи народа.

Вліяніе окружающей природы извѣстной страны на душевное настроеніе и характеръ обитающаго въ ней племени значительно ограничивается степенью воспріимчивости его къ физическимъ и эстетическимъ впечатлѣніямъ, дѣятельностью собственныхъ силъ человѣческаго духа и наконецъ многими побочными вліяніями. Самая богатая производительность края не въ состояніи пробудить дремлющаго духа народа къ дѣятельности и изобрѣтательности, если въ немъ не пробудилась изнутри его самаго жизненная духовная энергія; ни самая бѣдная не въ состояніи подавить пробудившейся энергіи знанія и изобрѣтательнаго труда. На прекрасной почвѣ Эллады греки развили глубокую мыслительность, необыкновенную тонкость эстетическаго чувства, художественную производительность, свободную религію и свободныя государства; между тѣмъ какъ турки, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ обладанія прекрасной страною, настойчиво поддерживаютъ деспотизмъ въ искусствѣ, религіи и общественной жизни.

Народъ, какъ и отдѣльный человѣкъ, въ первый періодъ своего

бытія, когда духовная жизнь находится на низшей степени развитія, бываетъ болѣе или менѣе подчиненъ природѣ и внѣшнимъ опредѣленіямъ; но по мѣрѣ того, какъ развиваются его внутреннія силы, какъ онъ получаетъ образованіе,—онъ пріобрѣтаетъ мало по малу стойкость, твердость, самостоятельность, самъ начинаетъ дѣйствовать на окружающую природу и, наконецъ, до нѣкоторой степени подчиняетъ ее себѣ. Всѣмъ извѣстно, что италіянецъ—вездѣ италіянецъ, и на средней широтѣ и на суровыхъ высотахъ Аппениновъ. Англичанинъ остается англичаниномъ и въ Индіи, и въ Новой Голландіи и на вершинахъ Гималая. Весьма часто нѣсколько различныхъ націй живутъ подъ одною широтою (напр. въ пограничныхъ городахъ): и однако характеры ихъ остаются различными. Евреи, разсѣянные по всему земному шару, подвергаясь дѣйствію всѣхъ климатовъ, сохранили однако-жъ въ теченіе тысячелѣтій свой типъ, за исключеніемъ мелкихъ оттѣнковъ, во всей чистотѣ. Первые шаги на пути цивилизаціи въ Азіи и въ Африкѣ неоспоримо принадлежатъ самымъ плодороднымъ странамъ: но не смотря на то, что цивилизація этихъ странъ достигала высокой степени развитія, она не была прочною, потому что существенное условіе прогресса заключается не въ благости природы, а въ энергіи человѣка. Силы природы ограниченны и неподвижны; силы же человѣка постоянно дѣятельны и способны къ величайшему развитію. У насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для назначенія даже гадательнаго предѣла, на которомъ человѣческій умъ долженъ былъ бы по необходимости остановиться.

III. Темпераментъ.

Темпераментъ есть естественное настроеніе индивидуума, выражающееся въ особенностяхъ какъ его тѣлесной, такъ и душевной природы. Въ физическомъ отношеніи къ понятію темперамента относятся разности физическаго сложенія организма, зависящія отъ неопредѣленнаго еще наукою различнаго отношенія составныхъ его частей и наблюдаемыя только въ своихъ проявленіяхъ и обнаруженіяхъ при сравненіи ихъ между собою. Въ психологическомъ отно-

шеніи къ явленіямъ темперамента относятся: количество представленій, одновременно проходящихъ чрезъ сознаніе; скорость или быстрота ихъ смѣны; живость, съ какою они сливаются въ одно общее представленіе или неопредѣленное чувство; точность, съ какою прошлыя впечатлѣнія неизмѣнно сохраняются душею; живость и вѣрность, съ какою они воспроизводятся въ сознаніи; постоянство, съ которымъ одна идея, возбудившая сочувствіе, сохраняется при всѣхъ многоразличныхъ измѣненіяхъ душевныхъ состояній, или легкость, съ какою воспріимчивость перебѣгаетъ отъ главныхъ представленій къ смежнымъ; продолжительность и постоянство или измѣнчивость чувствованій; наконецъ, различная напряженность стремленія выражать внутреннія состоянія въ словахъ, тѣлодвиженіяхъ и дѣйствіяхъ.

Древніе различали четыре темперамента и объясняли разницу ихъ преобладаніемъ одной какой-либо изъ влажныхъ составныхъ частей тѣла: но, вслѣдствіе недостаточныхъ антропологическихъ познаній, они производили явленія изъ несоотвѣтственныхъ причинъ. Однако-жъ не смотря на успѣхи, которыхъ въ настоящее время достигли естественныя науки сравнительно съ древностью, вопросъ о сущности темпераментовъ и объ органической основѣ ихъ различія не много подвинулся впередъ, такъ что еще и до сихъ поръ держится это древнее дѣленіе, по которому различаютъ четыре главные темперамента: сангвиническій, меланхолическій, холерическій и флегматическій.

Сангвиническій и меланхолическій темпераменты суть по преимуществу темпераменты чувства или чувствительности, холерическій—энергической дѣятельности, флегматическій—слабой воспріимчивости и вялаго противодѣйствія.

Сдѣланное *Иппократомъ* и *Галеномъ* дѣленіе темпераментовъ на четыре вида тѣсно связано съ теоріею древнихъ о четырехъ элементахъ (земля, вода, воздухъ и огонь) и ихъ основныхъ свойствахъ (теплота и холодъ, сухость и влажность), которымъ соотвѣтствуетъ пропорціональное смѣшеніе четырехъ соковъ въ живомъ тѣлѣ (крови, слизи, желтой и черной желчи), имѣющихъ опредѣленное вліяніе на особенный родъ ощущеній, мышленія и дѣятельности. Именно преобладаніе въ тѣлѣ крови (sanguis) имѣетъ послѣдствіемъ теплую влажность и образуетъ веселый, сангвиническій темпераментъ; преобладанію слизи (phlegma) соотвѣтствуетъ холодная влажность въ тѣлѣ, а ей—вялый флегматическій темпераментъ; перевѣсъ желтой желчи (cholera) производитъ

теплую сухость, съ энергическимъ холерическимъ темпераментомъ; — черной желчи (μέλαινα χολή), при холодной сухости въ тѣлѣ,—задумчивый меланхолическій темпераментъ.

При *сангвиническомъ*, легкокровномъ темпераментѣ, который обладаетъ высшею степенью воспріимчивости ко всѣмъ внѣшнимъ возбужденіямъ и всестороннею взаимною раздражимостію душевныхъ состояній, преобладаетъ система артерій и легкихъ; отсюда преобладающее кровеобращеніе и кровеобновленіе. У сангвиника тѣло тонкое, кожа нѣжная и бѣлая, мышцы сильныя, но худощавыя; глаза голубые или темные; грудь узкая, движенія быстрыя, но не постоянныя; голосъ живой, нѣсколько женственный; рѣчь быстрая; во всемъ существѣ его обнаруживается особенная легкость, проворство, вспыльчивость, горячность и живая потребность въ движеніи на свѣжемъ воздухѣ. Съ способностями къ тѣлесной ловкости у него недостаетъ выносливости въ напряженіи и въ трудѣ. Вслѣдствіе большой впечатлительности къ жару и холоду онъ расположенъ главнымъ образомъ къ болѣзнямъ груди и легкихъ. Отъ преобладанія воспріимчивости у сангвиника зависитъ разнообразіе и живость ощущеній, многосторонность представленій и свѣжесть чувствованій, при сравнительно слабомъ образованіи точныхъ понятій, настойчивыхъ желаній и глубокихъ чувствованій. Сангвиникъ легко переходитъ изъ одного душевнаго настроенія въ другое—отъ радости къ печали и, наоборотъ, отъ слезъ къ смѣху; легко воспламеняется, но также скоро и охладѣваетъ. Темныя стороны этого темперамента—безпечность и игривость—легко увлекаютъ его къ чрезмѣрности въ удовольствіяхъ, къ легкомыслію и къ нравственной распущенности. Свѣтлую сторону его составляетъ то, что мы называемъ добрымъ сердцемъ—свойство, которое обнаруживается довѣрчивостью и живымъ сочувствіемъ. Со вкусомъ къ прекрасному и съ сильною наклонностью къ изящнымъ искусствамъ въ немъ соединяется подвижная и живая фантазія. Но при этомъ обнаруживается въ немъ недостатокъ глубины, основательности, прочнаго образованія ума и отвлеченнаго мышленія; отъ недостатка обдуманности, при мгновенномъ возбужденіи встрѣчными впечатлѣніями, происходитъ поспѣшность и опрометчивость. Онъ берется за все и ни на чемъ не оста-

навливается долго. Всего пріятнѣе для него наслажденіе легкими и доступными удовольствіями, и если онъ увлекается какою-либо склонностью—рѣдко производитъ что-нибудь значительное. Хотя онъ легко входитъ въ положенія другихъ лицъ, но не внушаетъ довѣрія къ прочности своего участія. Сангвиникъ, не исправившій естественныхъ недостатковъ и не развившій лучшихъ сторонъ своего темперамента, производитъ впечатлѣніе состарѣвшагося ребенка. Задача духовнаго развитія для сангвиника состоитъ въ томъ, чтобы съ живою воспріимчивостью къ возбужденіямъ соединять строгую ихъ оцѣнку въ виду высшихъ интересовъ жизни и соразмѣрную степень своего воздѣйствія на нихъ.

Меланхолическій, въ себѣ самомъ замкнутый, темпераментъ отличается преобладающимъ развитіемъ чувствительности въ отношеніи къ собственнымъ внутреннимъ состояніямъ. Въ немъ преобладаетъ система венъ и медленное движеніе въ нихъ крови: отсюда медленное образованіе и недостаточное возобновленіе крови (наклонность къ геморрою, къ застоямъ крови). Сухая, сѣрая, блѣдная кожа, слабыя мышцы, худощавость и мутный цвѣтъ лица, длинная шея, узкія плечи, плоская грудь, тяжелое дыханіе, слабый беззвучный голосъ и медленность во всѣхъ движеніяхъ—суть отличительныя черты меланхолика. Чувство его, равнодушное къ внѣшнему міру, сосредоточено въ себѣ самомъ и представляетъ преобладающую наклонность къ печальнымъ настроеніямъ — наклонность искать ихъ и воспроизводить съ большею живостью и въ гораздо большемъ объемѣ, нежели это оправдывается наличными поводами. Меланхоликъ любитъ уединеніе, отвращается отъ шумныхъ удовольствій и веселаго общества, склоненъ къ подозрительности, которая можетъ развиться до мизантропіи. Въ умственномъ отношеніи онъ показываетъ наклонность къ вдумчивому и сосредоточенному мышленію, но легко впадаетъ въ односторонность. Въ области искусства онъ предпочитаетъ фантастическое, мрачное, страшное. Въ практическомъ отношеніи этотъ темпераментъ представляетъ мало благопріятныхъ условій для правильной оцѣнки существующаго строя вещей и для справедливаго уваженія къ убѣжденіямъ другихъ людей, несогласнымъ съ его образомъ мыслей.

Всякое несогласіе съ нимъ производитъ въ немъ болѣзненное раздраженіе.

Свойства *холерическаго* темперамента — напряженная, продолжительная самодѣятельность, при относительно малой воспріимчивости къ случайнымъ раздраженіямъ, лежащимъ внѣ обычнаго хода его мыслей — требуютъ тонко-организованной нервной и сильной мышечной системы, энергическаго образованія и обновленія крови, силы и подвижной дѣятельности органовъ дыханія и пищеваренія. Поэтому мы находимъ у холерика сильное, сжатое, но легкое тѣлесное сложеніе, большую расторопность и твердость въ движеніяхъ, способность къ тонкимъ ощущеніямъ, острый и огненный взоръ, пульсъ полный и скорый, сильное дыханіе, звучный голосъ, живую рѣчь и быструю походку. Тотъ же отпечатокъ носятъ и внѣшнія проявленія его духовнаго настроенія. Чувствительность его не увлекается быстро всѣми, идущими на встрѣчу впечатлѣніями, отдаваясь преимущественно главному потоку направляющихъ душу мыслей. Холерикъ не увлекается ни мгновенно возбуждаемыми и мгновенно затихающими движеніями чувства, ни полусознательными стремленіями, ни фантазіею. Опредѣленныя, ясно сознаваемыя цѣли даютъ направленіе его мыслямъ и дѣйствіямъ. Онъ любитъ свободу, но сильное чувство дѣлаетъ его властолюбивымъ; онъ способенъ равно къ веселости и къ важности, но не къ игривости и грусти. Его умъ также остръ и проницателенъ, какъ его глазъ. Онъ способенъ къ легкимъ и разнообразнымъ воспріятіямъ, быстро упорядочиваетъ свои представленія и понятія, владѣетъ живой фантазіей, судить мѣтко и отчетливо. Если онъ художникъ, то производитъ совершеннѣйшія творенія; какъ ученый онъ обрабатываетъ преимущественно практическія науки, непосредственно примѣнимыя къ жизни; какъ государственный человѣкъ онъ непрерывно дѣятеленъ въ созданіи новыхъ проектовъ улучшеній и въ ихъ выполненіи. Вообще холерикъ есть человѣкъ трудолюбія и работы — практическій. Его воля быстра, сильна, настойчива и легко увлекаетъ его къ выходящимъ изъ ряда дѣламъ; его сильное чувство презираетъ нравственные недостатки, происходящіе отъ слабости; онъ гнушается притворства, лжи и злословія, но легко дѣлается дерзкимъ, самолюбивымъ и деспотичнымъ. Невыгодную сто

рону его составляетъ смежность съ упрямствомъ, которая можетъ замкнуть его въ кругу ограниченныхъ интересовъ, цѣлей и средствъ, и подавить воспріимчивость къ впечатлѣніямъ, лежащимъ внѣ круга его болѣе или менѣе постоянныхъ мыслей и желаній.

Флегматическій, хладнокровный, темпераментъ, отличается тугою возбудительностію и малымъ противодѣйствіемъ. Въ физіологическомъ отношеніи характеристику его составляетъ преобладаніе процесса питанія надъ произвольною дѣятельностію; отсюда — рыхлое тѣло и расположеніе къ дородности, мягкая кожа, блѣдный цвѣтъ и равнодушный взглядъ. Всѣ отправленія и дѣйствія его медленны. Онъ любитъ хорошій столъ, долгій сонъ, вообще тѣлесное спокойствіе и недѣятельность, хотя легко переноситъ напряженія и перемѣны погоды. Чувству флегматика свойственно равнодушіе. Онъ не увлекается впечатлѣніями, не торопливъ въ сужденіяхъ и приговорахъ, не скоръ въ дѣйствіяхъ, не способенъ къ порывистымъ аффектамъ и страстнымъ увлеченіямъ. Мнѣнія его отличаются своеобразностью; взглядъ его на предметы независимъ отъ взглядовъ другихъ людей; во всѣхъ его поступкахъ замѣтна холодность; въ жизни—ровность, доходящая до монотонности; въ механическихъ занятіяхъ—онъ выносливый работникъ и многаго достигаетъ медлительностью и выжиданіемъ; вообще его свойства—терпѣніе и осмотрительность, наклонность къ порядку и аккуратности. Если въ немъ разъ пробуждено нравственное чувство, то совѣстливость и прямота дѣлаются его второю природою. При недостаткѣ воспитанія естественное равнодушіе темперамента можетъ превратиться въ безчувственность, и тогда флегматикъ дѣлается хладнокровно-жестокимъ. Кантъ считаетъ умѣренно-флегматическій темпераментъ самымъ счастливымъ по его обдуманности, осмотрительности и выносливости. Болѣе нежели всякій другой темпераментъ, онъ предохраняетъ отъ одностороннихъ направленій мысли и чувства, отъ излишней жестокости и суровости съ одной, и излишней мягкости и распущенности съ другой стороны, открываетъ свободу для безпристрастной оцѣнки дѣйствій и характеровъ другихъ людей и не увлекаетъ къ безцѣльнымъ выраженіямъ чувства и вообще внутреннихъ настроеній.

Съ флегматическимъ темпераментомъ, какъ природнымъ настрое-

ніемъ, нельзя смѣшивать того постоянно ровнаго и невозмутимо-спокойнаго состоянія духа, которое пріобрѣтается человѣкомъ въ зрѣлую пору жизни и является какъ плодъ его опытности или какъ слѣдствіе тяжелой, продолжительной и напряженной, работы надъ своими естественными склонностями. Спокойный и свѣтлый взглядъ на жизнь, составляющій принадлежность этого состоянія, обезпеченъ, можетъ быть, болѣе свойствами этого, нежели прочихъ темпераментовъ: но, какъ слѣдствіе самовоспитанія и самообразованія, онъ можетъ быть достигнутъ и при всякомъ другомъ темпераментѣ.

Хотя темпераментъ не связанъ ни съ опредѣленнымъ поломъ, ни съ опредѣленнымъ возрастомъ, однакожъ тотъ или другой полъ и каждый изъ возрастовъ жизни болѣе склоняются къ одному, нежели къ другому темпераменту. — Сангвиническій темпераментъ свойственъ болѣе юному возрасту, холерическій и меланхолическій — зрѣлому, флегматическій—преклонному возрасту жизни. Женскому полу преимущественно свойственны темпераменты сангвиническій и флегматическій, мужскому—холерическій и меланхолическій. — Общія особенности темперамента распространяются также на цѣлыя націи, какъ на отдѣльныхъ людей.

При сравненіи темпераментовъ открывается какъ сродство, такъ и различіе ихъ между собою. Къ взаимнымъ отношеніямъ людей съ разными темпераментами примѣняется общій законъ: однородное отталкивается, разнородное сближается. Всего скорѣе сходятся лица, которыя всего болѣе различны по свойствамъ темперамента. Всего менѣе сходятся флегматикъ съ холерикомъ и сангвиникъ съ меланхоликомъ. Для флегматика холерикъ имѣетъ видъ вѣчнаго безпокойства, которое все обращаетъ въ вопросъ, все хочетъ передѣлать и пересоздать; наоборотъ, холерику флегматикъ кажется безчувственно-равнодушнымъ, который, съ непонятнымъ безчувствіемъ къ положенію вещей и ходу событій, все оставляетъ, какъ есть. Равнымъ образомъ сангвиникъ представляется меланхолику чрезмѣрно-страстнымъ къ удовольствіямъ; меланхоликъ сангвинику—мечтателемъ, который не знаетъ, чего хочетъ. Всего легче сходятся флематикъ съ сангвиникомъ, холерикъ съ меланхоликомъ.

При всемъ различіи въ типическихъ чертахъ темпераментовъ,

нельзя однако утверждать съ основательностью, чтобы одинъ какой-нибудь темпераментъ имѣлъ безусловное преимущество предъ всѣми другими. Всякій изъ нихъ имѣетъ свои свѣтлыя и темныя стороны, то дѣлая подспорье, то поставляя препятствія въ развитіи ума и нравственнаго характера; но ни одинъ не предопредѣляетъ собою ни извѣстной высоты, ни извѣстнаго направленія образованія, и не уничтожаетъ и не подавляетъ нравственной свободы человѣка. Къ высшимъ жизненнымъ интересамъ человѣкъ равно способенъ при всякомъ темпераментѣ. Для свободнаго духа темпераментъ, при всей его энергіи, есть только матерія, которую онъ можетъ и долженъ образовать. Поэтому темперамента никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ характеромъ. Первый есть дѣло природы, послѣдній — свободы человѣка.

IV. Полъ.

Разность половъ составляетъ естественную характеристику человѣка, потому что никто не поставленъ внѣ этой разности. Но ее надо понимать не только какъ различіе, но какъ взаимно себя дополняющую противоположность половъ между собою. Поэтому не можетъ быть и рѣчи о превосходствѣ одного пола передъ другимъ. Въ древности вообще было понятіе о рангѣ половъ и даже Аристотель не могъ освободиться отъ мысли, что женщина есть неполный, недозрѣвшій мужчина. Но наука уравниваетъ оба пола, какъ естественныя опредѣленія человѣческой природы, проявляющейся въ разностяхъ половъ мужскаго и женскаго.

Если смотрѣть на особенности физическаго строенія мужскаго и женскаго организма, то женскій организмъ безсильнѣе мужскаго. Это безсиліе зависитъ отъ взаимнаго отношенія скелета и мышцъ. У женщинъ ни плечи, ни грудь не развиты благопріятно для подъема, носки, преодолѣнія большихъ массъ и значительныхъ препятствій; бедра и голени устроены не для скораго бѣга и не для твердаго шага подъ увѣсистой тяжестью. Мышцы ихъ менѣе способны къ сильнымъ напряженіямъ, хотя очень выносливы при чередованіи труда и отдыха. Эти обстоятельства такъ или иначе отзываются на об-

щемъ чувствѣ жизни, въ которомъ ощущеніе удобства или неудобства нашего внѣшняго положенія всегда играетъ значительную роль. Но между тѣмъ какъ у женщинъ наиболѣе развиты бедра и вообще нижняя часть тѣла, у мужчинъ болѣе развиты плечи и вообще верхняя часть тѣла. Въ этихъ повидимому безразличныхъ вещахъ заключается основаніе того, что мужчина способнѣе женщины къ всестороннему движенію и дѣятельности, вѣдствіе чего кругъ занятій мужчины гораздо шире, чѣмъ женщины. Но этотъ недостатокъ женщинъ вознаграждается особенною способностью ихъ принаравливаться къ разнообразнѣйшимъ обстоятельствамъ. Тѣлесныя потребности ихъ гораздо незначительнѣе, чѣмъ мужчинъ. Всѣ трудности, или по крайней мѣрѣ тѣ, которыя возрастаютъ постепенно, лишенія всякаго рода, онѣ переносятъ въ извѣстной мѣрѣ легче, чѣмъ мужчины, по крайней мѣрѣ удачнѣе, чѣмъ слѣдовало бы ожидать, взявъ въ разсчетъ ихъ тѣлесную слабость. Онѣ легче переносятъ потерю крови и терпѣливѣе продолжительную боль. — Та же примѣнительность къ обстоятельствамъ видна у женщинъ и въ различныхъ житейскихъ положеніяхъ. Съ давнихъ поръ замѣчено, что женщины легче мужчинъ примѣняются къ новому быту или внезапно измѣнившейся экономической обстановкѣ. Точно также и пріобрѣтенные навыки держатся въ мужчинѣ гораздо крѣпче, а перерывъ однажды заведеннаго порядка и какая нибудь перемѣна въ житейскомъ положеніи причиняютъ общему его расположенію гораздо болѣе разстройства, нежели женщинѣ. Въ отношеніи внѣшности тотъ и другой полъ имѣютъ свою красоту, свою особенность: женщина въ нѣжныхъ и граціозныхъ очертаніяхъ, мужчина въ рѣзкихъ формахъ и въ энергическомъ проявленіи силы.

Какъ въ физическомъ отношенія два пола дополняютъ другъ друга, такъ во всей духовной организаціи двухъ половъ проявляется своеобразное, взаимно дополняющее различіе. Мышленіе мужчинъ направляется къ тому, чтобы отчетливо изслѣдовать явленія и отыскать дѣйствующіе въ нихъ законы: напротивъ женщина легко съ перваго взгляда схватываетъ приблизительное значеніе вещи, угадываетъ связь явленій, не отдавая себѣ въ томъ строгаго отчета. Мужчина вѣритъ только доказательству; въ женщинѣ доказательства

часто возбуждаютъ недовѣріе. Первый вѣритъ иногда и софизму; его умъ, при всей своей ясности, можетъ легко поддаться обману: женщина большею частію вѣрно руководится своимъ инстинктомъ, который, однако, становится совершенно слѣпъ тамъ, гдѣ заинтересовано ея чувство. Такимъ образомъ въ жизни мужчина часто бываетъ обманутъ въ отношеніи своего ума, а женщина относительно своихъ чувствъ. У обоихъ самая сильная сторона есть вмѣстѣ и самая слабая (Вундтъ, лек. L.)—Сфера женщины ограничена личными отношеніями, въ которыя она вноситъ всю свою душу, между тѣмъ какъ сфера мужчины простирается вровень съ общими отношеніями и интересами человѣка, народа и человѣчества. Женщина представляетъ собою начало устойчивости, охраненія, замкнутости: мужчина—движенія, открытости, пріобрѣтенія. Мужчина всегда направляется къ *общему*. Всѣ стремленія мужчинъ основываются на этомъ уваженіи ихъ къ общему. Гордость и самолюбіе ихъ не удовлетворяются пустою угодливостью, но обнаруживаются въ притязаніи на признаніе въ нихъ тѣхъ или другихъ преимуществъ и въ желаніи соединить различныя преимущества въ своемъ лицѣ. Изъ уваженія къ общему мужчина охотно присоединяется къ обществу единомышленныхъ людей и теряется въ немъ. Женщина же ищетъ и любитъ законченное *цѣлое*, какъ прекрасное, за особенности его индивидуальнаго существа самаго въ себѣ. Мужчина не соскучится такимъ изслѣдованіемъ предмета, которому повидимому нѣтъ конца, лишь бы въ немъ видѣнъ былъ одинъ общій принципъ: женщинамъ же нуженъ непремѣнно внѣшній законченный видъ. Этимъ направленіемъ къ цѣлому объясняется между прочимъ ихъ бережливость или, точнѣе, ихъ домовитость. Онѣ считаютъ неприкосновеннымъ то, что ими пріобрѣтено и составляетъ ихъ собственность или принадлежность дома. Это не есть скупость, но результатъ уваженія ихъ къ внутренней связи вещей. Это уваженіе одинаково высказывается какъ въ отношеніи къ тому, что пріобрѣтаемо было ими въ продолженіе цѣлой жизни, такъ и въ одной только цѣлой или полной дюжинѣ вещей. Это стремленіе къ цѣлому часто избавляетъ женщину отъ односторонности, въ которую впадаетъ мужчина, разсматривая предметъ съ различныхъ сторонъ. Женскій тактъ часто угадываетъ то, что ускользаетъ отъ

самаго напряженнаго мышленія, потому что послѣднее, по самой сосредоточенности на частностяхъ, упускаетъ изъ виду многія стороны предмета или дѣла, которыя очевидны женщинѣ. Такъ, руководясь основаніями какого-нибудь дѣла, онъ не видитъ всѣхъ его практическихъ слѣдствій, или, остановившись на одной сторонѣ, не видитъ другихъ, что не ускользаетъ отъ взора женщинъ. Поэтому справедливо говорятъ, что у женщинъ своя логика (конкретныхъ представленій): и она имѣетъ свои достоинства.

Такая же дополнительная противоположность существуетъ и въ нравственномъ отношеніи. У женщины болѣе тонкаго нравственнаго чувства, нежели точности и строгой законности. Женщина часто считаетъ за малость то, что порицается мужчиной, и на оборотъ, придаетъ значеніе тому, что имѣетъ только условно обязательную силу, какъ принятая форма приличія.

Въ отношеніи эстетическаго образованія—всѣ изящныя искусства могутъ быть достояніемъ женщины, но не какъ изобрѣтеніе или творчество, а какъ упражненіе. Въ живописи, скульптурѣ, музыкѣ и поэзіи нѣтъ ни одного великаго женскаго созданія. Истинная стихія женщины есть семья. Благоустроеніе дома и воспитаніе дѣтей—вотъ ея настоящее призваніе.

Изъ соединенія этихъ особенныхъ свойствъ мужщины и женщины возникаетъ прекрасное цѣлое, въ которомъ они взаимно восполняютъ свои недостатки и соединяютъ свои достоинства въ общее владѣніе. «Глубокое чувство, тонкій тактъ, инстинктивное чувство истины и справедливости, свойственное женщинѣ, какъ нельзя лучше дополняютъ ясный разсудокъ, отчетливое мышленіе и энергическую волю мужчины». (Вундтъ, *тамъ же*).—Вслѣдствіе своихъ особенностей, мужъ способнѣе учить жену, жена воспитывать мужа. Тотъ дѣйствуетъ на умъ и развиваетъ характеръ, а она дѣйствуетъ на чувство и развиваетъ тактъ. Въ домашнемъ быту мужу принадлежитъ естественнымъ образомъ постоянно внѣшняя, женѣ—внутренняя забота. Обратное отношеніе не можетъ быть никогда общимъ правиломъ, хотя оно и можетъ быть хорошо и справедливо въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ. Если бы когда нибудь это обратное отношеніе могло получить общее значеніе, даже вообще если бы эманси-

пація женщины была проведена вполнѣ, то это могло бы совершиться не иначе, какъ въ ущербъ семьѣ. Этого впрочемъ не отрицалъ ни одинъ изъ послѣдовательныхъ мыслителей, разсматривавшихъ эту задачу. Эмансипація женщины, разложеніе семьи, огульное воспитаніе дѣтей въ самой ранней ихъ молодости, все это находится въ тѣсной связи между собою. По какому-то странному случаю подобныя идеи выдавались за послѣдовательное проведеніе начала свободы. Но мы не должны забывать, что насколько женщина выиграетъ чрезъ это не въ свободѣ, а скорѣе въ произволѣ, настолько потеряетъ дитя. Все ручательство за индивидуальное развитіе, на которомъ покоится полное чувство личной самостоятельности и отвѣтственности, и которое служитъ залогомъ независимости, порядка и свободы, стушевалось бы при огульномъ воспитаніи дѣтей. Вся будущность человѣческаго рода была бы поставлена на карту для того, чтобы осуществить произвольно выдуманную и все-таки только кажущуюся свободу женщины *).

V. Возрасты.

Жизнь человѣческая въ послѣдовательномъ ходѣ своего развитія представляетъ постепенность какъ тѣлеснаго, такъ и душевнаго образованія. Различные характеристическіе отдѣлы его называются *возрастами*.

Различіе возрастовъ опредѣляется, ближайшимъ образомъ, органическимъ развитіемъ: но съ нимъ соединяются соотвѣтственныя разности психическаго развитія.

1) Младенчество.—Дѣтскій возрастъ простирается отъ рожденія до перемѣны зубовъ на седьмомъ году жизни. Въ продолженіи этого возраста можно различать двѣ неравныя половины: *первое дѣтство* или *младенчество*, съ рожденія до конца груднаго періода, и *второе дѣтство*—съ окончанія груднаго кормленія до выпаденія молочныхъ зубовъ.

У здороваго ребенка при первомъ соприкосновеніи его съ окружающимъ воздухомъ грудь приходитъ въ движеніе; губы и кожа

*) Р. Вирховъ. *О воспитаніи женщины согласно ея призванію.* Пер. Чуйко, стр. 17. Спб. 1865.

окрашиваются краснымъ цвѣтомъ; вдыхаемый воздухъ расширяетъ грудь и легкія и пробуждаетъ жизненную энергію; дитя приподнимаетъ вѣки и раскрываетъ глаза, громко кричитъ и движетъ своими крошечными членами безъ порядка и правильности. Но въ этой первой борьбѣ съ внѣшними раздраженіями оно скоро утомляется; движенія становятся медленнѣе. Утомленіе, послѣ непродолжительнаго бодрствованія, приводитъ сонъ. Дитя уютно предается покою и спитъ до тѣхъ поръ, пока его не пробудятъ непріятное положеніе или ощущеніе сырости, холода или голода. Въ этихъ первыхъ обнаруженіяхъ жизни проявляется *самосохраненіе*, какъ сопротивленіе всестороннему натиску внѣшнихъ раздраженій.

Удовлетвореніе голода возбуждаетъ въ немъ *чувство удовольствія*. Если мать, безъ задержанія, даетъ ему грудь въ опредѣленное время, то онъ вживается въ состояніе доставляемаго ему удовольствія и пріобрѣтаетъ *силу привычки* къ этому наслажденію.

Привычка къ наслажденіямъ покоя и питанія уступаетъ скоро мѣсто стремленію къ *движенію* и перемѣнѣ. Пріятное ощущеніе движенія также скоро переходитъ въ привычку, которая съ развитіемъ энергіи жизни становится сильнѣе и разнообразнѣе. Усиленіе разнообразныхъ движеній совпадаетъ съ тою порою дѣтства, когда физическая жизнь, достигши значительнаго развитія, обращается ко внѣ. Дитя долгое время остается безъ сна и, не требуя пищи, лежитъ спокойно, движетъ и играетъ руками и ногами. Движеніе, вызванное борьбою съ внѣшнимъ міромъ, превращается въ наслажденіе.

Вмѣстѣ съ этимъ начинаетъ проявляться жизнь *чувствъ*. Внѣшній міръ, который первоначально вызывалъ только на борьбу, вступаетъ теперь въ свое образовательное право, начинаетъ живо затрогивать дитя и доставлять ему удовольствіе. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ чувственные органы дитяти дѣйствуютъ и начинаютъ свои спеціальныя отправленія съ первой минуты послѣ рожденія; но первыя чувственныя впечатлѣнія ребенка очень слабы и темны, они сливаются съ общимъ чувствомъ жизни. Только по той мѣрѣ, какъ укрѣпляются чувственные органы, отправленія ихъ получаютъ мало-по-малу ясность и опредѣленность.

Чувства развиваются въ слѣдующей постепенности: зрѣніе, слухъ, осязаніе, вкусъ, обоняніе.

Ощущенія *зрѣнія* по причинѣ своего разнообразія и частаго повторенія становятся взаимно различимыми прежде, нежели ощущенія слуха. Новорожденное дитя уже смотритъ, но его зрѣніе еще не выражаетъ духовной жизни. Что дитя въ это время еще не видитъ отдѣльныхъ предметовъ, можно судить потому, что можно поднесть къ его глазамъ палецъ или другой предметъ, и оно не обнаружитъ никакой реакціи. Слабая воспріимчивость зрительнаго нерва обнаруживается въ томъ, что дитя можетъ долго лежать съ открытыми глазами не чувствуя усталости. Но уже по прошествіи нѣсколькихъ дней чувство зрѣнія пробуждается къ опредѣленной дѣятельности. На 5—6 недѣлѣ младенецъ уже внимательно направляетъ глаза на отдѣльные предметы, что мы можемъ наблюдать весьма ясно, если будемъ двигать послѣдніе медленно туда и сюда. На 5-мъ мѣсяцѣ, часто раньше, онъ начинаетъ различать цвѣта. Если показывать ему разноцвѣтные предметы, то можно примѣтить, что онъ направляетъ глаза свои преимущественно на свѣтлые цвѣта—красный, желтый, голубой. Наблюденіе цвѣтовъ скоро ведетъ дитя дальше: оно наблюдаетъ границы свѣтоваго поля и доходитъ до различенія *формъ*. Такимъ образомъ въ развитіи чувства зрѣнія мы находимъ первый слѣдъ собственно духовной дѣятельности. На этой степени развитія преобладаетъ стремленіе повѣрять впечатлѣнія зрѣнія впечатлѣніями осязанія. Дитя стремится схватить всякій предметъ, даже тогда, когда этотъ послѣдній находится отъ него въ такомъ разстояніи, что не можетъ быть схваченъ. Въ ощущеніяхъ зрѣнія открывается для дитяти новый родъ удовольствій духовнаго свойства, возвышающійся надъ чувственными удовольствіями. Первыя проявленія этого чувства сопровождаются порывистой радостью ребенка при видѣ блестящихъ и цвѣтныхъ предметовъ, при видѣ близкихъ лицъ—матери, отца, сестеръ.

Ощущенія *слуха* позже выдѣляются изъ общаго чувства, нежели ощущенія зрѣнія; но около какого времени происходитъ это выдѣленіе—нельзя рѣшить съ достовѣрностью. Впрочемъ можно уже на 2 недѣлѣ наблюдать неопредѣленныя ощущенія слуха. Случается, на-

примѣръ, что гдѣ много дѣтей одного возраста, стоитъ закричать одному, чтобъ одинъ за другимъ заплакали всѣ. На 2—3 мѣсяцѣ есть уже ясныя ощущенія слуха, такъ что они могутъ быть точно отличаемы одно отъ другаго. Въ это время дитя слушаетъ съ пріятнымъ чувствомъ, если ему слегка что-нибудь напѣваютъ или убаюкиваютъ его. Но при сильномъ звукѣ, рѣзкомъ шумѣ и рѣзкихъ тонахъ, дитя непріятно поражается и начинаетъ плакать. Мать и кормилица, въ своемъ уходѣ за дитятей, слѣдуютъ этому естественному ходу развитія: ихъ колыбельныя пѣсни однообразны, мелодичны и просты.—Къ концу перваго года жизни дитя научается различать, вмѣстѣ съ силою звука, и его направленіе.

Чувство *вкуса* проявляется уже въ первые дни жизни: но ощущенія его состоятъ въ одномъ общемъ возбужденіи нервовъ вкуса. Въ первомъ мѣсяцѣ дитя принимаетъ горькія лѣкарства, не обнаруживая отвращенія; но потомъ скоро привыкаетъ къ опредѣленнымъ ощущеніямъ и отказывается отъ пищи при малой перемѣнѣ вкуса. Къ концу груднаго періода чувство вкуса становится опредѣленнѣе: дитя постепенно, но вѣрно, начинаетъ различать горькое и сладкое, пріятное и непріятное.

Чувство *обонянія* дѣйствуетъ уже въ самую первую пору жизни. Говорятъ, что слѣпорожденныя дѣти ощущаютъ запахъ подносимаго имъ молока. Но въ періодѣ груднаго кормленія ощущенія этого чувства еще неопредѣленны и только къ концу его въ немъ появляются опредѣленныя разности. — Чувство *осязанія* для духовнаго развитія дитяти получаетъ значеніе съ того времени, когда дитя начинаетъ свободно двигаться, и вслѣдствіе постепеннаго развитія высшихъ чувствъ дѣлается способнымъ къ разнообразнымъ воспріятіямъ.

Дѣятельность сердца или *чувствованій* начинаетъ обнаруживаться уже въ этомъ первомъ возрастѣ. Нравственныя и религіозныя чувства еще дремлютъ: тѣмъ не менѣе, однакожъ, развитіе чувствованій въ этомъ возрастѣ и педагогическое направленіе ихъ имѣютъ неоспоримое вліяніе на дальнѣйшую жизнь и на все послѣдующее духовное развитіе человѣка.

Уже въ первыя минуты жизни ребенка мы замѣчаемъ проблески пробуждающагося чувства. Первое духовное чувство, кото-

рое въ немъ пробуждается, есть любовь къ матери. Когда младенецъ смотритъ на свою мать и при видѣ ея становится спокоенъ; когда онъ съ радостію примѣчаетъ, какъ мать приготовляется дать ему грудь; когда онъ слушаетъ ея простое пѣніе или ея ласковыя рѣчи; когда онъ ощущаетъ ея ласкающую руку или нѣжное прикосновеніе ея губъ — онъ начинаетъ улыбаться и во всемъ существѣ его просвѣчиваетъ радость. Кто хочетъ развить въ дитяти чистое, любящее сердце, тотъ долженъ заботливо охранять эти первыя проявленія дѣтскаго чувства. Чувство привязанности, зараждающееся въ любви къ матери, скоро распространяется на прочихъ членовъ семьи — на отца, братьевъ и сестеръ. Дитя воспринимаетъ образы ихъ въ свою душу, отличаетъ своихъ отъ чужихъ и охотно идетъ къ нимъ, когда они ласкаютъ его, берутъ на руки. Оно радостно присоединяетъ свой голосъ къ веселому хору братьевъ и сестеръ, но становится тихо и невесело, когда вокругъ него уныло и печально. Съ чувствомъ привязанности къ своимъ соединяется боязливое отношеніе къ чужимъ, незнакомымъ лицамъ. Дитя съ неудовольствіемъ отворачивается отъ нихъ и ищетъ защиты у матери. Если незнакомое лицо возьметъ его на руки, оно выражаетъ свое неудовольствіе крикомъ, не склоняясь ни на какую ласку и ни на какое участіе. Такимъ образомъ отъ чувственнаго удовольствія и неудовольствія дитя мало по малу возвышается до духовныхъ чувствованій радости и печали. У нѣкоторыхъ дѣтей уже въ этомъ возрастѣ проявляются первые признаки зависти, которые могутъ быть устранены только заботливымъ воспитаніемъ. Если въ обращеніи съ ребенкомъ часто обижаютъ его или не даютъ ему чего-нибудь, чего онъ настойчиво желаетъ и проситъ, то движеніе его чувства можетъ дойдти до обнаруженій гнѣва. Впрочемъ естественное свойство этого возраста таково, что хотя ощущенія легко и быстро возбуждаются, но также легко и быстро вытѣсняются другими.

Желательная жизнь младенца обнаруживается стремленіемъ вообще къ самосохраненію и въ частности къ питанію. Новый шагъ впередъ въ области стремленія происходитъ вслѣдствіе развитія дѣятельности чувствъ. Какъ скоро дитя становится способно наблюдать предметы внѣшняго міра, то стремленіе переходитъ въ желаніе.

Сначала дитя образуетъ только неясныя представленія о предметахъ желанія, и его желанія обнаруживаются стремленіемъ къ тому, что нравится; оно беретъ одно послѣ другаго и такъ же скоро отбрасываетъ прочь, и наконецъ начинаетъ плакать, если ему ни что больше не нравится. Но къ концу этого періода въ душѣ здороваго ребенка образуются уже опредѣленныя представленія о многихъ предметахъ, такъ что онъ, даже не видя предмета, ищетъ его и не успокоивается до тѣхъ поръ, пока не найдетъ. Его желаніе тѣмъ настойчивѣе и продолжительнѣе, чѣмъ онъ яснѣе можетъ представить себѣ желаемый предметъ. Отъ опредѣленнаго представленія не легко отвести его словами, потому что онъ не владѣетъ ни способностью размышленія, ни силою воли въ такой мѣрѣ, чтобы вытѣснить одно представленіе другимъ. На этой степени очень естественно является упрямство: но оно должно быть судимо и руководимо иначе, нежели въ послѣдующемъ возрастѣ.

2) **Дѣтство и отрочество**.—Дѣтство—*возрастъ молочныхъ зубовъ*—продолжается до осьмаго года. Возрастъ съ осьмаго до четырнадцатаго и шестнадцатаго года составляетъ *отрочество*. Въ этомъ возрастѣ дѣятельность чувствъ становится шире и ощущенія ихъ опредѣленнѣе; воля получаетъ направленіе, чувствованія развиваются всесторонне.

Успѣхъ въ свободномъ движеніи, именно въ ходьбѣ, требуетъ постояннаго упражненія *зрѣнія*. Дитя смотритъ во всѣ стороны вокругъ себя, переходитъ отъ одного предмета къ другому, беретъ ихъ и, разнообразя свои движенія и упражняя свои органы, пріучается къ разностороннему воспріятію предметовъ. Подъ вліяніемъ ощущеній зрѣнія мало-по-малу пробуждается *эстетическое* чувство. Трехлѣтнія дѣти нерѣдко спорятъ о красотѣ вещи. Главные радужные цвѣта доставляютъ имъ наибольшее удовольствіе.

Сравнивая различные предметы дитя начинаетъ судить о величинѣ вещей, хотя не всегда съ точностью, и пріучается къ распознаванію отдаленности и взаимнаго разстоянія предметовъ. У двухлѣтняго ребенка чувство зрѣнія уже такъ развито; что онъ также хорошо видитъ малыя крапинки вблизи, какъ большіе предметы вдали. Но вниманіе его еще обращено на отдѣльное, выдающееся; онъ еще не въ состояніи воспринимать общаго и цѣлаго. Разстилающійся

ландшафтъ, прекрасный видъ вдаль, еще не имѣютъ для этого возраста никакого достоинства.

Дѣятельность *слуха* также становится свободнѣе и совершеннѣе. Трехлѣтнее дитя вѣрно различаетъ уже роды звука, близость его и отдаленность. Съ пріятнымъ чувствомъ и напряженнымъ вниманіемъ оно прислушивается къ музыкальнымъ тонамъ, и въ три года можетъ уже воспринимать и воспроизводить несложныя мелодіи. Дитя вообще рѣдко прислушивается; однакожъ дѣти слышатъ больше, нежели какъ обыкновенно полагаютъ. Они играютъ и видимо не принимаютъ участія въ разговорѣ, но незамѣтно запавшія въ ихъ душу впечатлѣнія тотчасъ же примѣняются ими къ дѣлу.

Ощущенія *вкуса и обонянія* становится опредѣленнѣе. Владѣя зубами дитя въ состояніи питаться разнородною пищею, что существенно соединено съ развитіемъ чувства вкуса. Къ концу періода дѣтства ребенокъ уже воспринимаетъ разности въ запахѣ цвѣтовъ.

Съ постепеннымъ образованіемъ языка представленія укладываются въ опредѣленные формы, освобождаются отъ своихъ фантастическихъ случайныхъ связей и получаютъ опредѣленный порядокъ и ясность. Вмѣстѣ съ этимъ дѣятельность *ума* проявляется въ сравненіи вещей и обобщеніи представленій. Всего лучше можно примѣтить это наблюдая за развитіемъ дѣтской рѣчи. Пріобрѣтши значительный запасъ представленій дитя стремится съ возрастающей силой выразить эти представленія въ словѣ. Оно легко и скоро научается обозначать отдѣльныя представленія словами. Но выражаемыя имъ имена не суть названія отдѣльныхъ вещей, а родовыя названія. Если у него не достаетъ ихъ по бѣдности его языка, то оно даетъ единичному названію общее значеніе. Такимъ образомъ, сравнивая и различая, дитя восходитъ на путь понятій. Овладѣвши орудіемъ словъ, оно, соразмѣрно съ богатствомъ пріобрѣтенныхъ представленій, дѣлаетъ быстрые успѣхи въ языкѣ и пріобрѣтаетъ запасъ названій— лицъ, животныхъ и вещей. Дитя долгое время говоритъ отдѣльными отрывочными словами, хотя выражаетъ въ нихъ не отдѣльныя представленія, но цѣлыя мысли.

Продолжительные вопросы и отвѣты, вообще продолжительный разговоръ, утомляютъ дѣтей. Дѣти говорятъ только тогда, когда ихъ

вызываетъ нужда или когда это служитъ для нихъ игрою; въ этомъ случаѣ они употребляютъ нерѣдко механически слова и выраженія, которыхъ не понимаютъ; особенную роль играютъ при этомъ слова хорошо или пріятно звучащія. Если ребенку не достаетъ слова для обозначенія какого-нибудь предмета, то онъ нерѣдко самъ изобрѣтаетъ слова, заимствуя ихъ отъ сродныхъ представленій и словъ. На третьемъ году жизни дитя уже можетъ довольно легко выражать свои представленія, понятія и мысли. Оно уже въ совершенствѣ владѣетъ языкомъ матери и понимаетъ его тончайшіе оттѣнки. Потребность въ языкѣ и наслажденіе имъ мало-по-малу усиливаются, такъ что ребенокъ лепечетъ цѣлый день и говоритъ все, что придетъ на умъ. Мышленіе и его словесное выраженіе у него совершенно сливаются между собою.

Необходимымъ слѣдствіемъ всесторонняго развитія духовной силы служитъ появляющееся различеніе собственнаго существа отъ обстановки—пробужденіе *самосознанія*. Дитя долго говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ, какъ объ индивидуумѣ, который опредѣленно отличаетъ отъ всего остальнаго: но потомъ научается противопоставлять себя всему остальному, и начинаетъ говорить о себѣ—я.

Между тѣмъ какъ пространственныя различія понимаются довольно рано, самыя простыя временныя отношенія едва выступаютъ и то неясно, на 3—4 году. Дитя очень долго смѣшиваетъ выраженія—вчера, сегодня, завтра. Равнымъ образомъ и числовыя отношенія воспринимаетъ очень туго и долгое время не выходитъ за первыя единицы: трехлѣтнее дитя доходитъ до 3-хъ и только на 5-мъ году до десяти.

Съ увеличеніемъ дѣятельности чувствъ и съ успѣхами языка развивается *память* и въ продолженіи всего періода дѣтства, изъ всѣхъ душевныхъ способностей, стоитъ на первомъ планѣ. Дитя легко запоминаетъ имена лицъ и вещей и пріобрѣтаетъ запасъ словъ. По свѣжести всѣхъ представленій дитя легко находитъ для всякаго душевнаго образа соотвѣтственное названіе, и услышавъ названіе легко и быстро воспроизводитъ соотвѣтственный духовный образъ. Оно не только легко переходитъ отъ представленій къ именамъ и обратно, но, по вызову одного имени, припоминаетъ цѣлый запасъ

словъ и этимъ обнаруживаетъ возрастающую силу механической памяти. Дитя легко заучиваетъ наизустъ отдѣльныя изреченія и небольшія стихотворенія. При чтеніи послѣднихъ оно наслаждается звуками и ритмомъ языка. Но оно столь же легко запоминаетъ непонятныя слова и выраженія, даетъ имъ произвольное значеніе и пользуется ими очень своеобразно.

Вмѣстѣ съ памятью и умомъ развивается *воображеніе*, и притомъ съ такою силою, что уже на третьемъ году выходитъ за кругъ простой репродукціи представленій и становится продуктивнымъ (творческимъ) воображеніемъ. Начало этой дѣятельности мы замѣчаемъ тогда, когда дитя начинаетъ фантастически видоизмѣнять вещи въ своемъ воображеніи. Въ этомъ превращеніи вещей, въ этой дѣтской игрѣ, заключается счастіе дѣтства. Но для этого счастія не нужно ни многихъ, ни цѣнныхъ предметовъ. Немногихъ и недорогихъ вещей довольно ребенку, чтобы развить неисчерпаемое разнообразіе игры. Отцовская палка служитъ ему и верховой лошадкой и флейтой. Удовольствіе дитяти вовсе не зависитъ отъ сходства предмета съ воображаемымъ его положеніемъ. Дѣти бѣдныхъ родителей также счастливы, и иногда еще счастливѣе, малымъ выборомъ игрушекъ, нежели богатые—множествомъ ихъ. Чѣмъ живѣе воображеніе, тѣмъ больше радости. Поэтому дѣтямъ всего дороже тѣ вещи, которыя могутъ быть всѣмъ. Сила воображенія не только оживляетъ всѣ предметы, но представляетъ любимыя вещи даже тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ: кучера съ возжами, сладостное питье изъ пустой чашки; при этомъ дѣти сердятся, когда въ игру ихъ вмѣшиваются взрослые и распугиваютъ воображаемыхъ птицъ.

Такъ какъ дитя легко олицетворяетъ всякую неодушевленную вещь въ кругу своей обстановки, то это часто подаетъ поводъ къ аффективнымъ движеніямъ радости, печали, страха. Съ иллюзіей часто связывается глубокое чувство: любовь къ куклѣ, горесть при ея поврежденіи. Дитя съ участіемъ разговариваетъ съ своей куклой и выражаетъ страхъ предъ игрушкой, представляющей собаку. Той же возрастающей силѣ воображенія надо приписать удовольствіе, которое доставляютъ дѣтямъ простые разсказы: удовольствіе это тѣмъ выше, чѣмъ живѣе и понятнѣе для нихъ представленія.

Дѣти воспринимаютъ только отдѣльные факты, а не общіе законы: поэтому имъ все кажется возможнымъ. Но такъ какъ все возможное повсюду и во всякое время можетъ случиться, то ихъ легко настращать и напугать. Однакожъ ничего нѣтъ безразсуднѣе, какъ злоупотребленіе дѣтскимъ легковѣріемъ и пугливостью, когда имъ непредусмотрительно разсказываютъ глупыя и пустыя бредни: вредъ отъ такого злоупотребленія можетъ простираться на цѣлую жизнь.

Дѣтское воображеніе обнаруживается не только въ разнообразныхъ превращеніяхъ вещей, въ изобрѣтательности, въ игрѣ, въ олицетвореніи предметовъ и образовъ, но также въ усвоеніи и разнообразныхъ сочетаніяхъ понятій, мыслей и идей, о которыхъ говорятъ имъ взрослые. Сверхчувственные предметы вводятся ими въ кругъ ихъ мышленія и получаютъ свою форму отъ заключающихся въ нихъ элементовъ. Кто не помнитъ своихъ дѣтскихъ представленій о Богѣ, о небѣ, о небесномъ жилищѣ умершихъ и прочемъ? Воспитатель долженъ обращаться къ собственнымъ воспоминаніямъ дѣтства, если хочетъ самъ понимать дѣтей и заставить ихъ понимать себя.

Для развитія и направленія *воли* въ этомъ періодѣ весьма важное значеніе имѣетъ стремленіе къ подражанію. При недостаткѣ собственнаго разсужденія и силы воли, дитя перенимаетъ жизнь и привычки взрослыхъ и подчиняется имъ, какъ своему авторитету. Вся обстановка имѣетъ вліяніе на ребенка, но въ особенности порядокъ, чистота, равно какъ показываемыя родителями и вообще старшими уваженіе къ собственности, искренность, благожелательность и услужливость. Подлѣ чувства независимости можно наблюдать въ дитяти естественную послушность. Между тѣмъ какъ тó обнаруживается стремленіемъ къ самостоятельной дѣятельности, неуваженіемъ желаній и приказаній другихъ людей, эта составляетъ прямую противоположность и состоитъ въ готовности дѣйствовать по ихъ желаніямъ и распоряженіямъ. То, какъ стимулъ самостоятельности, коренится въ силѣ воли, предназначенной къ свободѣ: эта происходитъ изъ чувства зависимости отъ родителей, изъ привязанности къ нимъ. Такъ какъ то и другое составляютъ естественное проявленіе возраста, то изъ этого слѣдуетъ, что правильное развитіе воли нарушается

какъ въ томъ случаѣ, когда совершенно предоставляютъ дитя его собственной волѣ, какъ и въ томъ, когда ему не оставляютъ никакой воли. По этому не слѣдуетъ постоянно обременять дитя приказаніями и запрещеніями.

Весьма важное вліяніе на развитіе воли дитяти имѣетъ упражненіе, которое, съ развитіемъ физическихъ и умственныхъ силъ, въ особенности когда пробудилась фантазія, становится разнообразнѣе и значительнѣе. Вообще этотъ возрастъ обозначается чрезвычайнымъ стремленіемъ къ дѣятельности, которая всесторонне и постоянно упражняетъ силы и чрезъ это обезпечиваетъ ихъ постоянное развитіе и укрѣпленіе. Самое естественное упражненіе для ребенка составляетъ игра, въ которой онъ выражаетъ свой внутренній міръ. Онъ играетъ съ вещами, которыя посредствомъ продуктивнаго воображенія измѣняетъ и превращаетъ въ орудія своего духа. Куклы, палки, песокъ, камни составляютъ матеріалъ, изъ котораго онъ создаетъ свой міръ. Всякое отдѣльное орудіе игры составляетъ для него міръ, полный жизни, изъ котораго онъ создаетъ новые міры, наполняющіе всю силу его духа, точно также какъ у взрослыхъ осуществленіе ихъ плановъ и идей. Въ этомъ обнаруженіи и напряженіи его силы заключается его удовольствіе и наслажденіе жизнью. Но гораздо важнѣе игра дѣтей съ дѣтьми. Всѣ послѣдующія отношенія жизни и установившіяся формы общественности доставляютъ матеріалъ для этой игры. Въ игрѣ дѣти берутъ на себя разныя роли, въ исполненіи которыхъ стремленія ихъ естественнымъ образомъ ограничиваются, зарождаются склонности, а самолюбіе и своенравіе обуздываются. Игра развиваетъ въ нихъ, въ одно и тоже время, чувства свободы и зависимости, самолюбія и сдержанности, борьбы и услужливости. Въ обращеніи съ другими дѣтьми дитя научается повелѣвать и быть свободнымъ, точно также какъ подчиняться и служить.

Чувствованія дитяти раскрываются подъ вліяніемъ его ежедневной обстановки; если она груба и нечиста, то и чувство дитяти становится грубо и нечисто; но если окружающая его духовная атмосфера здорова, то въ его дѣтскомъ сердцѣ скоро распускаются цвѣтки благородныхъ человѣческихъ чувствъ и не допускаютъ въ него ничего грубаго, низкаго, недостойнаго. Особенно многое зависитъ

отъ материнскаго вліянія—отъ чистоты и силы ея собственныхъ убѣжденій и могущества ея примѣра.

Особенную важность въ этомъ возрастѣ имѣетъ развитіе эстетическихъ, нравственныхъ и религіозныхъ чувствъ.

Эстетическое чувство развивается подъ вліяніемъ прекрасныхъ предметовъ, которые дѣйствуютъ на дитя извнѣ и чрезъ зрѣніе и слухъ, какъ бы чрезъ двери духа, проникаютъ въ его душу. Первыя проявленія чувства красоты можно примѣтить уже въ раннемъ дѣтствѣ; но теперь оно развивается всестороннѣе и сильнѣе. Глазъ наблюдаетъ прекрасное въ формахъ и цвѣтахъ внѣшнихъ предметовъ, слухъ—въ звукахъ музыки и въ языкѣ. Прекрасные предметы или изображенія растеній, животныхъ и людей,—легкія, но прекрасныя мелодіи, производимыя человѣческимъ голосомъ или инструментами,—кроткая, мягкая, плавнозвучащая рѣчь—вотъ тѣ внѣшнія средства, которыми пробуждается, оживляется и укрѣпляется эстетическое чувство дѣтей. Созерцаніе прекраснаго возбуждаетъ наслажденіе имъ и, вслѣдствіе того, стремленіе перенесть воспринятую идею красоты въ собственную жизнь. Наоборотъ, правильный ходъ эстетическаго развитія нарушается всѣмъ тѣмъ, что есть въ обстановкѣ дѣтей не прекраснаго—нечистотою вещей и людей, рѣзкими тонами и цвѣтами, всякимъ пустымъ и пошлымъ разговоромъ и словомъ. Это—ядовитыя растенія, которыя убиваютъ и отравляютъ сердце дитяти, простирая свое пагубное дѣйствіе на цѣлую жизнь.

Нравственныя основанія дитя почерпаетъ, конечно, изъ собственнаго духа, но при воздѣйствіи окружающихъ его лицъ и главнымъ образомъ—своихъ родителей. Подъ вліяніемъ внушающей любви и нравственной чистоты родителей дитя сперва чувствуетъ, а потомъ навыкаетъ понимать, что справедливо и несправедливо, что хорошо и худо. Въ минуту слабости и увлеченія оно вспоминаетъ объ отцѣ и матери и чувствуетъ себя въ согласіи или противорѣчіи съ тѣмъ, что они представляли ему, какъ требованіе долга. Дитя краснѣетъ предъ своими родителями и стыдится допущенныхъ недостатковъ. Оно готово перенесть всякое наказаніе, чтобы только не лишиться родительской любви.

Любовь къ родителямъ въ сердцѣ дитяти служитъ основою для

развитія въ немъ сочувствія—этого важнѣйшаго условія нравственности. Любовь и сочувствіе ослабляютъ дѣтскій эгоизмъ, переводя дитя съ самолюбивой точки зрѣнія на высшую, гдѣ личное благо и удовольствіе уступаетъ общему. Въ кругу добрыхъ семействъ можно часто уже у маленькихъ дѣтей наблюдать трогательную заботливость и самопожертвованіе. Даже вещи пріобрѣтаютъ въ глазахъ дѣтей особенную цѣну, когда онѣ принадлежатъ любимымъ лицамъ: они не рѣшаются портить такихъ предметовъ и со всею заботливостію стараются возвысить удовольствіе другихъ. Пріятныя или непріятныя впечатлѣнія лицъ и вещей производятъ на сочувствіе дѣтей величайшее вліяніе. Ненравящіяся или смѣшныя стороны предмета легко уничтожаютъ дѣтское сочувствіе, между тѣмъ какъ нравящееся легко привлекаетъ его. Возбужденное въ нихъ уваженіе къ лицамъ и предметамъ, имѣющимъ безусловное достоинство, удерживаетъ ихъ отъ легкомысленнаго отношенія къ этимъ предметамъ. Но вліяніе нравственнаго чувства дитяти на его поступки затрудняется недостаткомъ рефлексіи. Не въ свойствѣ этого возраста озираться назадъ и прозрѣвать впередъ; оттого нравственное чувство дѣтей иногда остается спокойнымъ какъ въ отношеніи уже допущенныхъ недостатковъ, такъ и въ отношеніи болѣе или менѣе отдаленныхъ ихъ послѣдствій.

Чувство Божества, лежащее въ существѣ человѣческаго духа, пробуждается вмѣстѣ съ самосознаніемъ: но оно не есть еще знаніе о Богѣ, не есть еще предметъ разумнаго пониманія; оно находится въ дитяти, какъ *религіозное чувство*, проникающее его существо и обнаруживающееся, ближайшимъ образомъ, какъ чувствованіе Его вездѣприсутствія и благоговѣніе предъ Нимъ.

Юность.—Юношескій возрастъ обнимаетъ время отъ начала физической зрѣлости до прекращенія тѣлеснаго роста, слѣдовательно въ мужскомъ полѣ отъ 16 до 24 или 25, въ женскомъ отъ 14 до 21 года. Характеръ этого возраста составляетъ постепенно увеличивающаяся тѣлесная и духовная зрѣлость. Юноша обладаетъ еще свѣжею и легкою подвижностью отрока, но не имѣетъ его неопытности и нерѣшительности. Вся его постановка носитъ уже отпечатокъ начинающейся зрѣлости, но еще не имѣетъ установившейся крѣпости и сдержанности зрѣлаго возраста. Духъ его устремляется въ даль и

ищетъ свободы въ мышленіи и въ дѣйствіяхъ. Сила ума дѣлаетъ его способнымъ къ воспринятію идей, которыя превращаются творческою фантазіею въ живые идеалы и производятъ сильнѣйшее вліяніе на его волю. Развитіе ума и воли не остается безъ вліянія на жизнь чувства. Эстетическое, нравственное и религіозное чувства достигаютъ высокой силы и даютъ направленіе умственной и нравственной жизни юноши.

Въ теоретическомъ отношеніи умъ и сила воображенія кладутъ особый отпечатокъ на образованіе юноши. Юноша воспринимаетъ не такъ пассивно, какъ отрокъ; что онъ наблюдаетъ, то подъ вліяніемъ мысли и творческой фантазіи измѣняетъ или поэтически пересоздаетъ; онъ дѣятельно реагируетъ на такія внѣшнія раздраженія, которыхъ дитя еще не чувствуетъ и которыя взрослый переноситъ иногда болѣзненно. Дитя живетъ впечатлѣніями, отрокъ представленіями, юноша идеями, которыя онъ превращаетъ въ рядъ идеаловъ, возвышающихся надъ дѣйствительностію и стоящихъ часто въ противорѣчіи съ нею.

Эта идеальность согрѣваетъ юношу, укрѣпляетъ и возвышаетъ его волю. Желанія, стремленія и склонности юноши проявляются съ величайшей энергіей — подъ вліяніемъ возвышенной естественной жизни; если онъ иногда увлекается страстію, то въ своихъ идеяхъ и идеалахъ всегда имѣетъ сильную опору противъ всего грубаго, пошлаго и безнравственнаго. На дѣйствительное онъ переноситъ высшій масштабъ своихъ взглядовъ: отъ этого сухая, часто грубая дѣйствительность не удовлетворяетъ его. Онъ стремится къ высшему и лучшему; онъ хотѣлъ бы пересоздать цѣлый міръ по своему идеалу. Нѣтъ ничего ни высокаго, ни отдаленнаго, на что бы онъ не направлялъ своего полета. Только такой юноша, котораго духъ исполненъ благородства, можетъ сдѣлаться сильнымъ характеромъ. Предначертывая цѣли, юноша вступаетъ наконецъ, какъ самостоятельный членъ, въ дѣйствительную жизнь, гдѣ ему государство, какъ живой организмъ общественной и нравственной, и церковь какъ живой организмъ религіозной жизни, указываютъ законное мѣсто для посѣва и жатвы.

Зрѣлый возрастъ.—Зрѣлый возрастъ продолжается отъ прекра-

щенія тѣлеснаго роста до прекращенія производительной силы и обнимаетъ промежутокъ между юностью и страстью.

Это—періодъ зрѣлости, устойчивости тѣлесныхъ и духовныхъ силъ. Жизнь становится ровною и какъ бы останавливается, потому что продолжается безъ замѣтно-выдающейся перемѣны. Эта устойчивость въ тѣлесномъ и духовномъ отношеніяхъ основывается на равновѣсіи всѣхъ силъ, такъ что дѣйствуютъ всѣ силы, но каждая сдерживается прочими въ своихъ границахъ.

Въ физическомъ отношеніи характеръ устойчивости обнаруживается въ силѣ сопротивленія разнообразнымъ внѣшнимъ вліяніямъ, которая достигаетъ теперь своей высокой степени, и въ способности къ лишеніямъ и напряженіямъ. Въ отношеніи къ духовному развитію зрѣлый возрастъ есть періодъ, въ которомъ юношескіе идеалы могутъ и должны осуществиться. Здѣсь должно оказаться—были-ль идеальные образы только блестящимъ призракомъ фантазіи, возбужденной внѣшними и случайными вліяніями, или они глубоко укоренились въ душѣ, какъ живыя и дѣятельныя силы. Если человѣкъ имѣетъ въ душѣ прочныя убѣжденія и пріобрѣлъ силу воли, то его устойчивость обнаруживается неразрушимою вѣрностью—вопреки обыкновеннымъ жизненнымъ взглядамъ—своему избранному служенію или призванію, и въ прохожденіи его—требованіямъ долга и совѣсти. Для него прошло время безплодныхъ мечтаній, иногда увлекающихъ юность. Онъ научается познавать и справедливо оцѣнивать жизнь, но не падаетъ подъ ея ударами, находя для себя поддержку во внушеніяхъ нравственнаго и религіознаго чувства и въ развитыхъ, согласно съ ними, убѣжденіяхъ.

Старость. — Старческій возрастъ начинается съ упадка и постепеннаго погасанія производительной силы. Какъ зрѣлый возрастъ часто дѣлится на двѣ половины, на время начинающейся и полной зрѣлости, такъ въ старческомъ возрастѣ различаются періоды старости и дряхлости. Для женщинъ этотъ возрастъ наступаетъ раньше, нежели для мужчинъ.

Общій характеръ этого возраста заключается въ перемѣнѣ отношеній периферической жизни къ центральной. Между тѣмъ юность отличается чрезвычайною подвижностью, зрѣлый возрастъ

равновѣсіемъ всѣхъ силъ, старческій возрастъ отличается сильнѣйшимъ развитіемъ центральной жизни противъ периферической. Этотъ общій характеръ ясно выражается въ тѣлесной жизни. Органы воспринятія внѣшняго міра становятся слабѣе; зубы крошатся и выпадаютъ; мышцы становятся тоньше и слабѣе; терпѣніе и выносливость въ напряженіи уменьшаются; тѣлесныя движенія скоро утомляютъ; потребность въ снѣ становится настойчивѣе и чаще; является потребность въ удобствахъ и уютности; сила сопротивленія внѣшнимъ впечатлѣніямъ уменьшается; вліянія погоды дѣлаются въ высшей степени сильны; нажитыя привычки становятся неотразимою потребностью; тѣлесная ловкость и проворство мало по малу исчезаютъ, уступая мѣсто нѣкоторой медлительности и вялости.

Этимъ перемѣнамъ соотвѣтствуетъ внутренняя жизнь. Связи, соединяющія человѣка съ внѣшнимъ міромъ, одна за другою разрушаются; кругъ наслажденій становится ограниченнѣе и воспріимчивость къ нимъ слабѣе; дѣти образуютъ собственное домашнее хозяйство и отдѣляются отъ родителей; волненія жизни уже не возмущаютъ старика, какъ прежде, потому что онъ испыталъ ихъ давно и много разъ. Неожиданныя событія, которыя приводятъ юношу въ страхъ или обольщаютъ несбыточной надеждой, онъ встрѣчаетъ съ яснымъ и спокойнымъ взглядомъ, потому что вѣритъ крѣпко въ правильность теченія какъ собственной, такъ и общей жизни міра: законы ея представляются ему нерушимою истиною. Но вмѣстѣ съ этимъ у старика ко многому наступаетъ равнодушіе; память вещей и явленій поздней жизни становится слабѣе; порывы фантазіи и аффекты—рѣже и умѣреннѣе; сознанія спокойнѣе, дѣйствія медлительнѣе и осторожнѣе. При этомъ, однако, духовная сила не ослабѣваетъ, но направляется болѣе на общее нежели на особенное; воспринимаетъ міръ и жизнь съ высшей точки зрѣнія. Усвоенныя правила и привычки выступаютъ яснѣе и въ зрѣ, знаніе переходитъ въ мудрость; прожитое и испытанное освѣщается розовымъ и спокойнымъ свѣтомъ яснаго сознанія. Честно прожившій жизнь старецъ съ благодарною преданностью волѣ Божіей смотритъ на приближающуюся смерти и ожидаетъ ее съ вѣрою въ безсмертіе и на нѣтъ.

Duke University Libraries
D03899445%
QP
360
.C457
1889
LSC